

ВСЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ

И.Г. Ермолов

ПОД ЗНАМЕНАМИ ГИТЛЕРА

Советские граждане в союзе с нацистами на оккупированных территориях РСФСР в 1941—1944 гг.

ПОД ЗНАМЕНАМИ ГИТЛЕРА

И.Г. ЕРМОЛОВ

ПОД ЗНАМЕНАМИ ГИТЛЕРА

Советские граждане в союзе с нацистами на оккупированных территориях РСФСР в 1941—1944 гг.

Москва
«Вече»

УДК 93
ББК 63.3(2)622
Е74

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Д.В. Аронов, доктор исторических наук, профессор

А.В. Посадский, доктор исторических наук, профессор

Ермолов, И.Г.

Е74 Под знаменами Гитлера. Советские граждане в союзе с нацистами на оккупированных территориях РСФСР в 1941—1944 гг. / И.Г. Ермолов. — М.: Вече, 2013. — 464 с. : ил. — (Вся правда о войне).

ISBN 978-5-4444-1195-7

Знак информационной продукции **16+**

Тема коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны является одной из самых острых и злободневных. Сотрудничество с врагом считается самым тяжким преступлением во всем мире. Потому так важен точный ответ на вопрос о численности предателей, ведь и по сей день не утихают споры о количестве советских граждан, сотрудничавших с врагом в годы войны.

Каковы были мотивы этих людей, были ли они предателями и есть ли им оправдание? Новая книга И.Г. Ермолова даст мотивированный ответ на эти вопросы и расскажет о судьбах российских коллаборационистов.

УДК 93
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-4444-1195-7

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время все больший интерес вызывает тема сотрудничества советских граждан с германским агрессором в годы Великой Отечественной войны. Долгое время этот раздел военной истории не просто игнорировался отечественной наукой, но и был запретным. Равно как и жизнь советского населения на оккупированных германской армией территориях до сих пор не изучена должным образом. Между тем в ходе Великой Отечественной войны оккупации подверглись, если не брать Прибалтику, территории пяти союзных республик. Только в РСФСР были полностью или частично оккупированы 12 краев и областей. Причем за линией фронта оказалось около 40 % населения Советского Союза. Общее количество населения СССР, вынужденного прожить под гитлеровской оккупацией два, а то и три года, составило не менее 80 миллионов чел., из них населения РСФСР — около 30 миллионов чел.

В ходе оккупации среди части населения РСФСР возникло такое весьма болезненное для истории нашей страны явление, как коллаборационизм (от франц. collaboration — сотрудничество, совместные действия). Под коллаборационизмом следует понимать любую форму добровольного сотрудничества с врагом в ущерб интересам своего государства, проявившуюся в период военных действий.

В данной работе к коллаборационистам отнесены следующие категории советских граждан:

1. Сотрудники органов местного самоуправления, созданных на оккупированных территориях СССР и способствовавших проведению «восточной» политики гитлеровской Германии.

2. Руководители, технический персонал и работники промышленных и торговых предприятий, работа которых была направлена на удовлетворение потребностей германской армии.

3. Сотрудники органов полиции, судов и учреждений юстиции, созданных с целью поддержания так называемого нового порядка.

4. Работники сферы обслуживания, здравоохранения, образования и социального обеспечения, деятельность которых в той или иной мере способствовала осуществлению интересов Германии в занятых областях Советского Союза.

5. Служители религиозных культов, способствовавшие осуществлению оккупационной политики.

6. Журналисты оккупационных средств массовой информации, руководители и участники партий и движений антисоветского толка, работники сферы искусства.

7. Бойцы и командиры воинских формирований, действовавших в составе, а также в союзе с германскими вооруженными силами.

Исходя из этого, значительное место в данной работе отведено гражданскому коллаборационизму.

В последнее время интерес историков к данной теме заметно возрос, что явилось закономерной реакцией на политику длительного замалчивания фактов сотрудничества советских граждан с врагом. Как, впрочем, и вся Вторая мировая война до сих пор остается малоизученным событием отечественной истории. Будучи написанной под идеологическим прессом тоталитарного режима, история Второй мировой представляет ряд ее событий в преломленном свете, такими, какими их хотелось бы видеть существовавшему в СССР строю.

Так, отечественная историческая наука освещала, в основном, два аспекта оккупации: жестокости нацистов по отношению к населению и факты сопротивления оккупантам. Что касается советских граждан, оставшихся за линией фронта, за ними признавалось лишь два права:

1. Уйти в леса и вести партизанскую войну против немцев.

2. Умирать с голоду под гнетом оккупантов либо быть ими расстрелянными, замученными.

Все, что не вписывалось в рамки принятых в советское время норм, было принято считать сотрудничеством с врагом. Так, после

освобождения оккупированных территорий войсками Красной армии уголовному преследованию подвергались не только бойцы и командиры антисоветских воинских формирований, но и служащие органов полиции, обеспечивавшие правопорядок в населенных пунктах, работники органов местного самоуправления. Деятельность руководителей низовых структур (сельских старост, волостных старшин), а также работников школ, больниц, культурных учреждений, промышленных предприятий, хотя в большинстве случаев и не подпадала под уголовное преследование, тем не менее считалась коллаборацией с врагом и подвергалась моральному осуждению.

По указанным причинам всякая попытка объективно исследовать коллаборационистские процессы на оккупированных территориях СССР немедленно пресекалась, так как вопрос о жизни наших соотечественников за линией фронта принято было считать раз и навсегда решенным. Интересно, что попытки направить представление о жизни наших сограждан в период оккупации в нужное политическое русло проводились еще в период войны, непосредственно после освобождения оккупированных территорий от немцев. Так, секретный приказ по 11-й армии героя Советского Союза генерал-лейтенанта Майкова гласит: «При размещении частей и подразделений в населенных пунктах обращать особое внимание на недопустимость общения красноармейцев с освобожденным от фашистского ярма местным населением. Именно этим путем личный состав частей и подразделений получает совершенно неправильную и идущую вразрез с общими политическими установками Верховного командования информацию, об условиях жизни населения под игом фашистских захватчиков»[1].

Несмотря на значительные изменения в политике нашего государства, а также последовавший за этим пересмотр официального отношения к ряду событий советского периода, историческая оценка некоторых моментов военных лет в целом осталась такой, какой она была в сталинские времена. Все, что не вписывается в «прокрустово ложе» официальных догм, часто принято считать «очернительством истории».

---

[1] Цит. по: *Козлов.* Русский народ и Красная армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: сб. статей, документов, воспоминаний / под общ. ред. А.В. Окорокова. М., 1999. Вып. 4. С. 217.

По названным причинам коллаборационизм, явившийся довольно болезненным событием истории военных лет, в течение всего советского периода отечественными историками не подвергался детальному изучению. Между тем можно согласиться с мнением немецкого историка К.Г. Пфеффера, что «немецкие фронтовые войска и служба тыла на Востоке были бы не в состоянии продолжать борьбу в течение долгого времени, если бы значительная часть населения не работала на немцев и не помогала немецким войскам». Таким образом, замалчивание столь важной проблемы военной истории, как коллаборационизм, сделало ряд страниц истории Второй мировой войны труднодоступными для понимания и правильного научного осмысления. Это касается практически всех сторон жизни советского населения в период оккупации, в том числе экономики, инфраструктуры, религиозной жизни, судебной и правоохранительной, а также особенностей оккупационного режима и самоуправления, созданного на временно захваченных территориях. Немало вопросов порождает и партизанское движение, его особенности.

Боязнь поколебать миф о морально-политическом единстве советского народа в Великой Отечественной войне[1] приводила к тому, что в фундаментальных трудах и справочных изданиях по

---

[1] Газета «Правда» 29 июля 1941 г. в передовой статье «Великая дружба народов СССР» писала: «...когда наша страна вступила в смертельную схватку с разбойничьими ордами Гитлера, весь наш народ един в своей ненависти к германскому фашизму, в своей готовности бороться против него». «Пролетарская правда» 19 июля 1941 г. писала: «При помощи угроз, шантажа и “пятой колонны”, при помощи продажных холопов, готовых за тридцать сребреников предать свою нацию, Гитлер смог осуществить свои гнусные намерения в Болгарии, Хорватии, Словакии... Даже в Польше, в Югославии и Греции... внутренние противоречия между нациями и классами и многочисленные измены как на фронте, так и в тылу ослабили силу сопротивления оккупантам. Но грабительские козни Гитлера неминуемо будут разбиты вправ теперь, когда он вероломно напал на СССР, могучую страну, вооруженную... несокрушимой дружбой народов, непоколебимым морально-политическим единством народа И. Эренбург 4 ноября 1941 г. писал: «Эта война — не гражданская война. Это отечественная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского

истории Второй мировой войны, изданных в доперестроечный период, отсутствовали отдельные статьи, главы, посвященные коллаборационизму[1]. Кроме того, до недавнего времени отечественные авторы освещали, в основном, одну, наиболее яркую сторону коллаборационизма — его проявление в военной сфере, лишь в некоторой степени упоминая о других его формах[2].

В трудах советских авторов сотрудничество наших сограждан с врагом представлено как удел отдельных личностей, одиночек. То есть коллаборационизм в лучшем случае упоминался не как на явление, а как недоразумение, крайне не свойственное советскому народу[3]. Так, некоторые авторы указали, что в период оккупации с гитлеровцами хотя и сотрудничали русские, никакого отношения к советскому народу они не имели, так как являлись эмигрантами, носителями белой идеи. Так, Л.В. Котов указал, что «на руководящие посты в этом аппарате (в органах местного самоуправления. — *И.Е.*) назначались прибывшие в обозе гитлеровской армии белоэмигранты, в том числе члены белогвардейской организации «Национально-трудовой союз» (НТС), находившейся на службе у

против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев». *Эренбург И.* Нет тыла // Война. М., 2004. С. 131.

[1] См., напр.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 / под ред. П.Н. Поспелова. М., 1961—1965. Т. 1—6; История Второй мировой войны, 1939—1945 гг. / под ред. А.А. Гречко. М., 1973—1982. Т. 1—12; Великая Отечественная война 1941—1945: энциклопедия / под ред. А.А. Козлова. М., 1985. Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985.

[2] *Колесник А.Н.* Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. Харьков, 1991; *Бахвалов А.* Генерал Власов. Предатель или патриот? СПб., 1994; *Раманичев Н.М.* Власов и другие // Вторая мировая война: актуальные проблемы / под ред О.А. Ржешевского. М., 1995; *Дробязко С.И.* Русская Освободительная Армия. М.: ООО «Фирма "Издательство АСТ"», 1998; *Коняев Н.М.* Власов. Два лица генерала. М., 2003; *Александров К.М.* Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. СПб., 2003; *Он же.* Армия генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. Материалы к истории Вооруженных сил КОНР. СПб., 2004.

[3] История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. С. 346.

фашистов... Они всячески помогали германской армии... Но советские люди не мыслили свободы своей Родины без ее верных сынов-коммунистов»[1]. В другом фундаментальном труде по истории войны приводится следующее разъяснение: «Верными лакеями фашистов в проведении всех мероприятий по порабощению народа и уничтожению советских патриотов были буржуазные националисты... в том числе националистическое отребье, прибывшее в обозе гитлеровской армии»[2].

Некоторое исключение составляла лишь литература, описывавшая работу советских органов госбезопасности во время войны[3].

Лишь в течение двух постсоветских десятилетий вышел ряд работ отечественных исследователей, в той или иной мере затрагивающих тематику гражданского коллаборационизма. К таковым можно отнести труды В.А. Шулякова, Н. Мюллера, М.И. Семиряги, Ю.Н. Арзамаскина, А.Ф. и Л.Н. Жуковых, С.И. Дробязко, Б.В. Соколова, А.С. Гогуна, К.Л. Таратухина, И.В. Грибкова, Т.С. Джолли, Р.И. Матвеевой-Рацевич, Р.В. Полчанинова, А. Перелыгина, Д.И Чернякова, М.В. Шкаровского, Д.В. Поспеловского, П.М. Поляна, Ю.С. Цурганова, А. Попова, Б.Н. Ковалева, Л.М. Млечина, И.В. Грибкова, Д.А. Жукова, И.И. Ковтуна[4].

---

[1] *Котов Л.В.* В тылу группы армий «Центр» // Герои подполья: сб. статей. М., 1970. С. 6.

[2] История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. С. 346.

[3] Чекисты: сб. статей / сост. А.В. Сапаров. Л., 1967. С. 191—201; Армейские чекисты. Воспоминания военных контрразведчиков Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов / сост. А.А. Богданов, И.Я. Леонов. Л., 1985. С. 57—64, 74, 79—80, 114—117, 145—146, 149—150; Чекисты: сб. статей. М., 1970. С. 260—279; За линией фронта: сб. статей. Тула, 1968.

[4] *Шуляков В.А.* Деятельность местных органов советской власти на освобожденной от немецко-фашистской оккупации территории в годы Великой Отечественной войны (1942—1945 гг.): дис. канд. ист. наук. Смоленск, 1978; *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. М., 1974; 4 *Семиряга М.И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991; *Он же.* Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов // Другая война: 1939—1945 / под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 313—339; *Он же.* Судьбы советских

Отрывочные сведения о гражданских коллаборационистских процессах сообщаются также в периодической печати[1], в религи-

---

военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19—33; *Он же.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000; *Арзамаскин Ю.* Заложники Второй мировой. М., 2001; *Жуков А.Ф., Жукова Л.Н.* К вопросу о коллаборационистах в Великой Отечественной войне // Клио. 1997. № 2. С. 173—181; *Дробязко С.И.* Русская Освободительная Армия. М., 1998; *Он же.* Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения / под ред. А.В. Окорокова. М., 1998. Вып. 2. С. 168—216; *Он же.* Под знаменами врага. М., 2004; *Соколов Б.В.* Тайны Второй мировой. М., 2000; Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-Пресс-Книга, 2002; Под оккупацией: сб. статей и воспоминаний \ под ред. Б.С. Пушкарева. М., 2004; *Перелыгин А.* Орловская епархия в 1941—1945 гг. \\ Истории русской провинции: сб. статей \ под ред. Н. Макарова. СПб., 2006; *Он же.* Русская православная церковь в Орловском крае (1917—1953 гг.). Орел: Типография «Труд», 2008; *Черняков Д.И.* Состояние школьного образования в оккупированном Брянске (октябрь 1941 — сентябрь 1943 г.) // Наш край в судьбе Отечества: Материалы научно-практической конференции / Сост.: Управление по делам архивов Брянской области. — Брянск, 2008. С. 71—86; *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная церковь. М., 2002; *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. М., 1996; *Цурганов Ю.С.* Неудавшийся реванш. М., 2001; *Попов А.Ю.* НКВД и партизанское движение. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003; *Он же.* Диверсанты Сталина. М., 2004; *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941—1944 гг. М., 2004; *Млечин Л.М.* Адольф Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006; *Грибков И.В.* Хозяин брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. М.: Московский писатель, 2008; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М.: Вече, 2009; *Ковтун И.И.* Партизаны Брянщины: мифы и правда // Эхо войны. Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. 2007. № 1. С. 17—25.

[1] *Лукашев А., Головачев П.* Волки охотятся ночью // Брянский рабочий. 1993. 16 апреля. № 73, 21 апреля. № 76, 22 апреля. № 77, 27 апреля. № 80, 7 мая. № 85; «Казаки» со свастикой // Родина. 1993. № 2. С. 15—21;

озной литературе[1]. Однако ввиду отсутствия справочного аппарата, ссылок на первоисточники их научная приемлемость сомнительна.

Заслуживает внимания вышедший под редакцией А.В. Окорокова четырехтомник избранных статей, документов и материалов, посвященных теме советского коллаборационизма[2]. Интересны исследования относительно участия русской эмиграции во Второй мировой войне[3], авторы которых отмечают низкое влияние эмигрантских идей на население СССР. Тем самым как бы подчеркивается самобытность советского коллаборационизма, наличие чисто внутренних причин его возникновения и развития.

Однако отечественные авторы по-прежнему уделяют минимум внимания сотрудничеству советских граждан с оккупантами в гражданской сфере. Однако недооценивать гражданскую сферу коллаборационизма нельзя. Достаточно упомянуть, что если в военных коллаборационистских процессах приняли участие, по различным оценкам, от 1 до 1,5 миллиона советских граждан, то в гражданской сфере с оккупантами сотрудничали около 22 миллионов граждан СССР[4].

Зарубежная историография коллаборационизма в ряде случаев имела те же черты, что и отечественная. Разница состояла лишь

Мангазеев И.А. Трудовая жизнь в оккупации // Тверские губернские известия. 1998. 15—21 июля. *Он же.* Тверской коллаборационизм // Вечерняя Тверь. 2001. 2—8 ноября. *Он же.* Коллаборационисты // Вечерняя Тверь. 2005. 18 февраля.

[1] *Амиргулова В.И.* Блаженны изгнанные правды ради. Орловский Христа ради юродивый Афанасий Андреевич Сайко. Орел: Православное молодежное братство во имя Великомученика и Победоносца Георгия, 2007—2008.

[2] Материалы по истории Русского Освободительного Движения / под ред. А.В. Окорокова. М., 1997. Вып. 1; М., 1998. Вып. II; М., 1998. Вып. III; М., 1999. Вып. IV.

[3] *Волков С.В.* Вторая мировая война и русская эмиграция // Материалы по истории Русского Освободительного Движения. Вып. 2. С. 11—27; *Захаров В.В., Колунтаев С.А.* Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-е—1945 гг.) // Там же. С. 28—134; *Андреев В.А.* Русское зарубежье и Вторая мировая война // Там же. С. 135—167.

[4] *Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А.* Указ. соч. С. 214.

в том, что зарубежные авторы уклонились в противоположную крайность, зачастую представляя любую форму сотрудничества советских граждан с врагом как осознанную борьбу против большевизма.

Из зарубежных авторов следует отметить А.С. Казанцева, д-ра Й. Хоффмана, Г. Фишера, И.А. Дугаса, Ф.Я. Черона, Ю. Торвальда, А.Д. Даллина, А.Д. Муноза, Р. Михаэлиса, М. Купера, Т. Шульте, А. Верта, С. Стеенберга, А. Пронина, Н.П. Вакра, А. Редклиффа, Д. Армстронга[1].

---

[1] *Казанцев А.С.* Третья сила. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. М.: Посев, 1994; *Хоффман Й.* История власовской армии. Париж, 1990 (название оригинала: *Hoffmann J.* Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg, 1986); *Он же.* Die Ostlegionen 1941—1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinner im deutschen Heer. Freiburg, 1982; *Он же.* Kaukasier 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvolker der Sowietunion. Freiburg, 1991; *Fischer G.* Soviet Opposition to Stalin. A Case Studi in World War II. Cambridge, 1952; *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти. Париж, 1994; *Томашевский М.В.* Очерки истории Освободительного движения народов России. (пер. на русс. яз. монографии: *Thowald J.* Wenn sie verderben wollen. Stuttgart, 1952); *Он же.* Иллюзия: советские солдаты в гитлеровской армии. Нью-Йорк, 1974; *Он же.* The Illusion: Sowiet Soldiers in Hitlers Armies. Б. м., 1975; *Dallin A.D.* The German rule in Russia 1941—1945: A studi in occupation Policies London, 1957, 1981. *Его же.* The Kaminski Brigade: A Case-Studi in Soviet disaffection // In Revolution and Politics in Russia. Indiana, 1972; *Munoz A.J.* Hitlers Easter Legions. N. Y.: Vol. I., 1996. Vol. II. The Osttruppen. 1997; *Он же.* Проигрыш во Второй мировой войне: нацистская расовая политика и вербовка добровольцев на Востоке // Комманд. 1995. ноябрь. № 35; *Michaelis R.* Die russische Volksbefreiungsarmee «RONA» 1941—1944. Russen im Kampf gegen Stalin. Erlangen, 1992; *Cooper M.* Nazi war against sowiet partisans. N. Y., 1979; *Schulte T.* The German Armi and Nazi Policies in occupied Russia. — Oxford N. Y. Muenich, 1980; *Стеенберг С.* Андрей Андреевич Власов. Мельбурн, 1974; *Он же.* Vlasov. New York, 1970; *Пронин А.* Партизанская война на оккупированных немцами советских территориях 1941—1945 гг. Джорджтаун, 1965; *Вакр Н.П.* Белоруссия: формирование нации. Исследование. Кембридж, 1956; *Редклифф А.* Уроки, извлеченные из партизанской войны в России. МО № PO55C, Управление военной истории. Б. м., б. д.;

Таким образом, обзор современной отечественной и зарубежной историографии дает основания назвать проблему коллаборационизма на оккупированных территориях РСФСР крайне недостаточно изученной. В частности, за рамками исследований до сих пор остаются структура органов местного самоуправления, их полномочия и работа, экономика, инфраструктура, религиозная жизнь в период оккупации. Практически не изучены судебная и правоохранительная системы, действовавшие в тыловых районах германских армий.

В данной книге автор сделал попытку с научно-объективистских позиций исследовать многие сферы сотрудничества советских граждан с нацистами, до сих пор игнорировавшиеся как отечественными, так и зарубежными авторами. С этой целью использован широкий круг как не опубликованных, так и опубликованных источников, включающих документальные сборники[1], документальные издания[2], справочно-документальные сборники[3], документальные публикации краеведов[4]. Значительно расширили источниковую базу мемуары О.В. Вишлева, A. Munoz[5], В.К. Штрик-Штрикфельдта, Р.Н. Редлиха, А.С. Казанцева, В.М. Байдалакова, эмигранта К. Кромиади, В.В. Шульгина, А. Гитлера, В. Шеллен-

---

Армстронг Д. Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941—1944. М.: Центрполиграф, 2007.

[1] Партизаны Брянщины: сб. материалов и документов БПА. Брянск, 1959. Т. 1; Партизаны Брянщины. Сборник материалов и документов БПА. Брянск, 1962. Т. 2; От ЧК до ФСБ. Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края 1918—1998. Тверь, 1998;

[2] *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973.

[3] *Городков В.* По старинным аллеям. Тула, 1983. С. 88—95; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. М., 1996; *Горелов М.И.* Станислав Юлианович Жуковский: жизнь и творчество. 1874—1944. М., 1982.

[4] *Осипов Б.* Великокняжеская вотчина // Брянские известия. 1998. 29 мая; *Шпачков В.* Тайны темных аллей // Российские вести. 1995. 25 мая.

[5] *Вишлев О.В.* Генерал Власов в планах гитлеровских спецслужб // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 131—140; *Munoz A.* Бригада Каминского: история. Нью-Йорк, 1995.

берга, Ф. Гальдера[1]. Ценными источниками являются мемуары советских партизан, подпольщиков, сотрудников органов госбезопасности[2], советских военачальников[3].

Исследование реконструирует малоизвестную историю возникновения и развития гражданского и военного коллаборационизма, протекавшего на оккупированных территориях РСФСР, анализирует причины этого явления, позволяет составить более полное представление о структуре, функциях, кадровом составе оккупационных учреждений, а также воинских формирований.

---

[1] *Штрик-Штрикфельд В.К.* Против Сталина и Гитлера. М., 1993; *Редлих Р.Н.* В бригаде Каминского // Материалы по истории Русского Освободительного Движения. Т. 2; *Казанцев А.С.* Указ. соч.; *Байдалаков В.М.* Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена... М., 2002; *Кромиади К.* За землю, за волю... Сан-Франциско, 1980; *Шульгин В.В.* Письма к русским эмигрантам. М., 1961; *Гитлер А.* Моя борьба. М., 2000; *Шелленберг В.* Мемуары. М., 1991; *Он же.* Лабиринт. М., 1991; *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1973.

[2] *Анищенко Е.Н.* Партизанская республика. Тула: Приокское книжное издательство, 1992; *Богатырь З.А.* В тылу врага. М., 1963; *Калинин П.З.* Партизанская республика. М., 1964; *Он же.* Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии // ВИЖ. 1962. № 10; *Лобанок В.Е.* В боях за Родину. Минск, 1964; *Он же.* Партизаны принимают бой. М., 1972; *Репин Г.* Будни особого отдела // Чекисты: сб. статей / сост. А.В. Сапаров. Л., 1967; *Кравченко И.С., Крючок Р.Р.* Подполье в западных областях Белоруссии // Герои подполья: сб. статей / сост. В.Е. Быстров. М., 1970; *Абрамович И.Е.* Шумел сурово брянский лес// За линией фронта: сб. мемуаров / под ред. З.Я. Сидельниковой. Тула, 1968; *Фирсанов К.Ф.* Как ковалась победа // За линией фронта; *Котов Л.В.* В тылу группы армий «Центр» // Герои подполья: сб. статей / сост. В.Е. Быстров. М., 1970; *Григоров М.С.* Грозовые дни // Незримого фронта солдаты: сб. статей / сост. В.Ф. Борисов. Тула, 1971; *Морозов В.К.* Врагу от нас не уйти // Незримого фронта солдаты; *Кошелев Н.Н., Лебин Б.Д.* За поединком поединок // Военные контрразведчики: сб. статей / сост. Ю.В. Селиванов. М., 1978; *Слободской Л.* Бои с карателями // Псковщина партизанская: сб. статей / сост. В.А. Акатов. Л., 1979.

[3] *Попель Н.К.* Танки повернули на запад. М., 1960; *Чуйков В.И.* Гвардейцы Сталинграда идут на запад. М., 1972.

Материалы монографии могут использоваться для подготовки учебных курсов, написания специальных и общих работ по истории Второй мировой войны, при подготовке и чтении лекций по отечественной истории. Кроме историков, отдельные моменты монографии могут использоваться юристами и государственными служащими, занимающимися вопросами реабилитации жертв политических репрессий, так как для них, согласно ст. 4 Федерального закона «О реабилитации жертв политических репрессий» № 1761—1 от 18 октября 1991 г., при решении вопроса о реабилитации лиц, осужденных за сотрудничество с оккупантами, подлежат установлению факты участия той или иной категории коллаборантов в «боевых действиях против Красной Армии, партизан, армий стран антигитлеровской коалиции и мирного населения», исключающие реабилитацию, а также факты последующего участия этих категорий лиц «в боевых действиях против немецко-фашистских войск в составе Красной Армии, партизанских отрядов или в движении Сопротивления», дающие право на реабилитацию. Кроме того, исследование данной темы, по мнению А.Л. Рогачевского, важно потому, что после войны по соображениям целесообразности была признана сила актов гражданского состояния, зарегистрированных органами оккупационной администрации, а вот «структура этих органов до сих пор не изучена в должной мере, что может порождать ряд практических проблем»[1]. В целом материалы монографии могут быть использованы для дальнейшей научной разработки проблем истории Второй мировой войны, в том числе для дальнейшего исследования некоторых аспектов истории советского коллаборационизма, которые остались за рамками данного исследования, например, развития коллаборационистских процессов в 1944—1945 гг., практики создания и использования воинских коллаборационистских формирований на европейских театрах военных действий, репрессивной деятельности советских карательных органов в послевоенное время, а также вопросов истории третьей волны эмиграции.

[1] *Рогачевский А.Л.* Рецензия на книгу Chiari B. Alltag hinter der Front. Dusseldorf, 1998 // Правоведение, 2000. № 4. С. 255—259.

Глава I

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР

§ 1. «Восточная» политика Германии и практика ее воплощения на оккупированных территориях СССР

Проблему коллаборационизма следует рассматривать в совокупности с постулатами гитлеровской «восточной» политики, то есть комплексом основополагающих установок национал-социализма по отношению к СССР и его населению. Еще в середине 1920-х гг. А. Гитлер так сформулировал основной стержень этой политики:

«Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке... Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены... Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец

еврейского господства в России будет также концом России как государства...»[1]

Здесь же будущий фюрер указал на историческую роль Германии в установлении государственности «внутри более низкой расы», то есть славян, а также на якобы имевшую место ассимиляцию евреев в российское общество, что, по его мнению, привело к истреблению германского правящего ядра и занятию евреями места, исторически предназначенного германцам[2]. То есть Гитлер напрочь отказывал русским в способности самим осуществлять государственное руководство, считая, что государственные функции среди русского народа поочередно выполняли то немцы, то евреи, но никак не сами русские.

Следует отметить, что Гитлер был далеко не первым из германских политиков, кто отводил русским роль людей второго сорта. Впервые мысль о русских как о «недочеловеках» была высказана основоположником коммунизма Карлом Марксом[3]. Он же назвал славянские народы «этническим дерьмом»[4], подлежащим полному уничтожению в ходе всемирной революционной войны[5].

Более гуманный по отношению к славянам Гитлер планировал лишь порабощение славян и их частичное уничтожение. В 1940—1941 гг. во время подготовки плана «Барбаросса» гитлеровские постулаты нашли свое практическое применение.

Первоначальный проект «восточного вопроса» предусматривал создание «буфера» между Германской империей и азиатской частью СССР. С этой целью на территории европейской части Советского Союза планировалось формирование нескольких национальных государств с собственными правительствами (Украина, Белоруссия, Литва, Латвия), которые отделяли бы Германию от России, расколовшейся на ряд «крестьянских республик». Замена коммунистической России националистическим государством не предусматривалась, так как оно впоследствии могло бы стать врагом Германии[6].

---

[1] *Гитлер А.* Указ. соч. С. 556.

[2] Там же.

[3] *Wurmbrand R.* Der unbekannte Karl Marx. Seewis, 1983. S. 42.

[4] New York Times. 1863. 25 Juni.

[5] *Wolfe B.* Marxismus. New York, 1965.

[6] *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М.,1973. Т. 2. С. 22.

Но с началом Второй мировой войны Гитлер внес коррективы в первоначальные планы, отказавшись от идеи буферных государств. Теперь, по мнению фюрера, необходимо было препятствовать возрождению любых национальных стремлений, могущих представлять опасность для Германии. В случае захвата СССР предусматривались передача власти на оккупированных территориях германской администрации, разделение Советского Союза на отдельные области в целях наилучшего хозяйственного освоения. В частности, планировалось разделить СССР на четыре имперских комиссариата: «Остланд», включавший Прибалтику и Западную Белоруссию, «Украину», «Московию», то есть Центральную Россию, и «Кавказ».

Данная концепция была выражена в так называемом генеральном плане «Ост», явившемся, по сути, долговременной программой колонизации Восточной Европы. В соответствии с ним СССР как государство подлежал ликвидации, а населявшие его народы навечно лишались самостоятельного государственного существования. Так называемая восточная политика предусматривала постепенную замену славянских народов немецкими переселенцами-колонизаторами. Планировалось в течение 30 лет истребить и выселить около 31 млн славян, а их земли предоставить для расселения немцам. Снизить численность русских предполагалось путем проведения целого комплекса мероприятий, в частности, снижения рождаемости. На бывшей советской территории допускалось оставить не более 14—15 млн коренных жителей, подлежащих постепенному онемечиванию[1]. Несколько меньше пострадать от этого плана могли лишь народы прибалтийских республик. Так, если из Западной Украины предполагалось выселить 65 % населения, а из Белоруссии — 75 %, то с территории Литвы, Латвии и Эстонии подлежали выселению лишь 50 % коренных жителей[2].

Зондерфюрер В.К. Штрик-Штрикфельдт описал беседу, прошедшую летом 1941 г. между фельдмаршалом Ф. фон Боком, Розенбергом и его особоуполномоченным, где Розенберг лично

[1] *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М.,1973. Т. 2. С. 30—31.

[2] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. Berlin, 1982. S. 118.

изложил фельдмаршалу планы Германии относительно русских. Так, министр утверждал, что «русских на сорок миллионов больше, чем нужно, и они должны исчезнуть.

— Каким образом?

— Голодной смертью. Голод уже стоит у дверей.

— А если удастся решить проблему голода?

— Все равно, сорок миллионов населения — лишние.

— А по ту сторону новой границы, на востоке?

— Там будут влачить "степное существование" уцелевшие русские, евреи и другие унтерменши[1]. И эта "степь" не будет больше никогда опасной для Германии и Европы»[2].

Уже в ходе войны возглавляемое бывшим российским подданным Альфредом Розенбергом Министерство по делам оккупированных восточных территорий предложило увеличить число подлежащих выселению славян до 45—51 млн человек. Что касается отношения к русскому народу как к таковому, в одном из документов говорилось: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается,

---

[1] От нем. «der Untermensch» — недочеловек. Следует отметить, что равным образом и советская сторона пропагандировала национальную неполноценность немцев, порой отказывая представителям немецкой нации в праве считаться людьми. Писатель и журналист И.Г. Эренбург в своих статьях, возведенных в догму, называл немцев «дикими животными», «животными в очках», «учеными животными», «дикими зверями», «двуногими скотами», «арийскими скотами», «подсвинками», «бешеными волками», «олухами с рыбьими глазами», «серо-зелеными гадами» и т. д., настойчиво внушая читателю, что «немцы не люди». Причем распространял эти характеристики не только на национал-социалистов, но и на немецкую нацию в целом. См.: *Эренбург И.Г.* Война: сб. статей. М., 2005; Красная звезда. 1942. 4 июня, 13 августа. Даже активный представитель советской военной пропаганды Гроссман упрекнул Эренбурга в том, что тот не видит разницы между немцами и, с другой стороны, фашистами и гитлеровцами. А шведская газета «Дагпостен» вынуждена была заметить, что «Эренбург держит все рекорды в интеллектуальном садизме». См.: *Гофман И.* Указ. соч. С. 168.

[2] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 41.

скорей всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Оно не доставит много забот для германского руководства»[1]. Административные районы, на которые предполагалось разделить исконно русские территории, должны управляться немецкими генеральными комиссарами. Причем последние обязаны были всеми силами проводить политику национального разобщения русской нации, обеспечив в каждом районе «обособленное национальное развитие». Планировался также подрыв культурного и научного потенциала народов СССР, что обеспечивалось путем уничтожения интеллигенции. Подобной точки зрения придерживался и министр земледелия Германии Дарре, считавший, что «на всем восточном пространстве только немцы имеют право быть владельцами крупных поместий. Страна, населенная чужой расой, должна стать страной рабов, сельских слуг и промышленных рабочих»[2].

30 марта 1941 г. Гитлер назвал запланированную войну против СССР «войной мировоззрений», отметив, что сама жестокость в ней есть благо для будущего[3]. На основе этих установок были разработаны некоторые документы, например, распоряжение о ведении военного судопроизводства. Оно, по сути, снимало с германских военнослужащих ответственность «за действия против вражеских гражданских лиц». А «приказ о комиссарах» и ряд других приказов санкционировали уничтожение партийных и советских работников, комиссаров, евреев, интеллигенции, на которых накладывалось клеймо «неприемлемых с политической точки зрения»[4].

Однако планы гитлеровского руководства в отношении СССР и его населения предполагалось тщательно скрывать. Специаль-

---

[1] *Дашичев В.И.* Указ. соч. С. 36—38.

[2] Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1945 гг.). Сборник докладов и сообщений советских историков на 3-й Международной конференции по истории движения Сопротивления. М., 1965. С. 25—28.

[3] *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 430—431.

[4] Война Германии против Советского Союза. Берлин, 1992. С. 41, 44—46; *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 34.

ная директива по вопросам пропаганды предписывала разъяснять населению СССР, что противником Германии являются не народы Советского Союза, а евреи, созданное ими большевистское советское правительство, коммунистическая партия. При этом предписывалось пропагандировать, что германская армия лишь стремится избавить людей от гнета большевиков. За счет подобной пропаганды предполагалось осуществить разделение СССР на ообособленные административные образования, завуалировать намерения гитлеровского руководства относительно будущего Советского Союза[1]. На тот период времени пропаганда не ставила своей целью привлечение советского населения к вооруженной борьбе на стороне Германии, так как германскому руководству представлялось, что война будет скоротечной, а вот сотрудничество населения СССР с оккупантами в гражданской сфере виделось необходимым, для чего было целесообразно заинтересовать жителей Советского Союза отдельными аспектами «нового порядка». Кроме того, это было необходимо для минимизации сопротивления оккупантам, недопущения массового партизанского движения.

С этой целью после 22 июня 1941 г. немецкая пропаганда провозгласила войну против Советского Союза «крестовым походом Европы против большевизма» и «всеевропейской освободительной войной»[2].

Если верить мемуарам офицеров вермахта, большинство из них, не говоря уже о солдатах, не имели понятия о действительных целях нацистской верхушки в отношении СССР и его народов. Так, фельдмаршал фон Бок летом 1941 г. принял в Главном штабе группы армий «Центр» в Борисове министра по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга и его особоуполномоченного, выслушав их концепцию о будущем СССР. Присутствовавший при этом зондерфюрер В.К. Штрик-Штрикфельдт отметил реакцию фельдмаршала на услышанное: «То, что эти высокие гости наговорили Боку за обедом, настолько потрясло его, что он усомнился в психическом состоянии их и их начальства. Он сказал им это совершенно открыто… Такова

---

[1] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 34.

[2] Там же. С. 35.

была, значит, программа освободителя! Бок отказывался верить услышанному»[1].

Однако «восточная политика» на протяжении всего военного периода не оставалась неизменной. При сохранении своей сущности она на различных этапах «восточной кампании» претерпевала эволюцию, что напрямую было связано с положением на фронтах. Некоторые же изменения «восточной политики» были продиктованы поражениями германской армии, в результате которых ряды коллаборантов таяли, и нацистам приходилось изыскивать средства, чтобы минимизировать переход изменников в ряды партизан.

Несмотря на провал «блицкрига», 1941—1942 гг. были отмечены рядом побед германской армии и ее продвижением на восток, в глубь советской территории. В этой обстановке немецкие командиры были поставлены перед необходимостью настраиваться на долговременное сотрудничество с населением Советского Союза. Тем более что занятая германскими войсками территория РСФСР относилась к зоне военного управления. Выразительный вывод сделал в своем докладе от 6 сентября 1942 г. генерал фон Рок. Выступая перед своими подчиненными в г. Пскове, он заявил: «Без доброй воли русских людей целей достичь невозможно»[2].

В конце 1942 г. положение германской армии ухудшилось — продвижение вермахта было остановлено под Сталинградом. 23 ноября завершилась четырехдневная операция по окружению группировки Паулюса, провалились попытки ее деблокирования. Крушение мифа о непобедимости германской армии отразилось на настроениях гражданского населения, пребывавшего на оккупированных территориях СССР. Случаи переходов коллаборационистов к партизанам участились, приняли массовый характер[3]. Одновременно стало усиливаться партизанское движение, получая пополнение не только за счет местного населения, но и переходящих к партизанам коллаборантов.

В этой обстановке ряд офицеров вермахта поставили перед Восточным министерством вопрос о пересмотре «восточной полити-

---

[1] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 40.

[2] Цит. по: *Хасс Г.* Германская оккупационная политика в Ленинградской области // http://vivoco.rsl.ru.

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 13.

ки» с целью завоевать симпатии населения, изыскав дополнительные ресурсы для борьбы с партизанами в условиях затяжной войны. Обобщив поступавшие из оккупированных областей СССР сведения, шеф политического отдела Восточного министерства д-р О. Бройтигам адресовал Розенбергу свои заметки. В них он указывал, что, поскольку войну в короткий срок выиграть невозможно, необходимо использовать людские ресурсы оккупированных областей СССР, использовав идею гражданской войны. В этой связи требовалось, чтобы «авторитетные германские круги дали славянским народам успокаивающие обещания относительно их судьбы»[1]. Тут же Бройтигам указывал: «Если мы не изменим в последние минуты курса нашей политики, то можно с уверенностью сказать, что сила сопротивления Красной Армии и всего русского народа еще больше возрастет... Если же мы сумеем переменить курс политики, то... этим самым нам удастся разложить Красную Армию. Сопротивление красноармейцев будет сломлено именно в тот момент, когда они поверят, что Германия принесет им лучшую жизнь, чем советы»[2].

18 декабря 1942 г. в Берлине прошла созванная Розенбергом конференция по обсуждению вопросов обращения с русским населением и дальнейшего курса «восточной политики», на которой присутствовали начальники тыловых районов Восточного фронта, военные чиновники, ответственные за проведение политики на оккупированных территориях. Военные подчеркивали необходимость использования населения СССР для борьбы с партизанами и пополнения войск. Для этого они считали необходимым принятие ряда мер как экономического, так и политического характера. В частности, предлагали восстановить для населения право частной собственности, прежде всего на землю, улучшить продовольственное обеспечение населения, минимизировать принудительный угон трудоспособных в Германию, привлечь местных жителей к ограниченному участию в решении ряда административных вопросов. В политическом плане предлагалось дать населению СССР цель, которая отвечала бы его вкусам. При этом подчеркивалось, что комплекс указанных изменений — лишь вре-

[1] Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 234.

[2] Там же. С. 238.

менная мера, которую можно пересмотреть после войны[1]. В частности, был зачитан доклад уполномоченного по вопросам Кавказа при группе армий «А» генерала Э. Кестринга, один из выводов которого гласил: «Затяжной характер восточного похода требует, чтобы мы убедили население оккупированных областей в том, что при нас его ожидает лучшая жизнь, чем при Сталине и при царе»[2]. По мнению докладчика, для этой цели необходимо привлечение к борьбе против советского строя русского (местного) населения, так как «Россия должна и может быть побеждена только с помощью русских»[3]. В заключение конференции председательствующий Розенберг пообещал обобщить предложения, высказанные ее участниками, после чего довести их до сведения фюрера[4]. Результатом явилось принятие ряда решений о лояльном отношении к русским[5].

Что касается экономической политики на оккупированных территориях СССР, ее цели довольно выразительно воспроизводит фигурировавший на Нюрнбергском процессе приказ фельдмаршала фон Манштейна, изданный в самом начале войны: «Положение с продовольствием в стране (Германии. — *И.Е.*) требует, чтобы войска кормились за счет местных ресурсов, а возможно большее количество продовольственных запасов оставлялось для рейха. Во вражеских городах значительной части населения придется голодать. Не следует, руководствуясь ложным чувством гуманности, что-либо давать военнопленным или населению, если только они не находятся на службе немецкого вермахта»[6].

Таким образом, планы нацистской Германии, в частности, Гитлера и номенклатуры НСДАП, в отношении Советского Союза и его населения в их первоначальном варианте были направлены на ликвидацию СССР как самостоятельного государства. Понятно, что они в том виде, в котором были провозглашены, никак не могли завоевать каких-либо симпатий населения Со-

---

[1] *Мюллер Н.* Указ. соч. С. 260—261.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 102.

[6] Цит. по: *Верт А.* Указ. соч. С. 511.

ветского Союза. Даже если принять за аксиому утверждение, что большая часть населения СССР, затронутая сталинскими репрессиями, вынужденная нести тяжесть коллективизации, жить в условиях тотального дефицита, вовсе не симпатизировала И.В. Сталину и курсу ВКП(б), гитлеровские планы относительно будущего нашей страны никак не могли стать для советских граждан приемлемой альтернативой.

§ 2. Причины и условия формирования коллаборационистских настроений

В отличие от военного коллаборационизма, в котором приняли участие три основные категории советских граждан — советские военнопленные, дезертиры и перебежчики из партизанских отрядов и РККА, гражданское население оккупированных областей, в гражданских коллаборационистских процессах была задействована, в основном, последняя категория граждан СССР.

Гражданское население оккупированных областей составило довольно многочисленную, основную категорию лиц, сотрудничавших с врагом в гражданской сфере. Именно местные жители стали незаменимым контингентом в формировании учреждений местного самоуправления, органов вспомогательной полиции, действовавших практически в каждом населенном пункте. Зная условия данной местности, язык, они выполняли свои обязанности по обеспечению управления оккупированными населенными пунктами и административными образованиями гораздо лучше, чем тыловые армейские структуры и чиновники Восточного министерства Германии.

Немалое число гражданского населения, ставшего на путь сотрудничества с врагом, таким образом выразило свое недовольство советской властью. Партийный диктат, всесилие бюрократии, коллективизация, неразумное решение национального и религиозного вопросов, развязанный большевиками кровавый террор и репрессии — все это вызвало у определенной части населения неудовлетворенность и ожесточенность. Антисоветские настроения, присущие определенной части населения центральных областей РСФСР, в ряде случаев стали особенно всплывать в преддверии нападения Германии на СССР. Так, осужденный Ор-

ловским областным судом 29 июля 1941 г. бригадир Д.Т. Ободов накануне войны наставлял своих подчиненных следующим образом: «Теперь заманивают в Эстонию, Латвию и Литву. Там пока жить хорошо, но скоро и там будут все голодать так же, как и у нас. Колхозы бедные, у крестьян все отобрали, и там отберут все у крестьян, и будет голодовка. Теперь куда ни пойди — все равно плохо, нас везде зажали», «Наше правительство все продукты вывозит в Германию, а нам здесь есть нечего. А Германия разобьет Европу, а потом и нас бить начнет»[1].

После вторжения германских войск в СССР часть гражданского населения была поставлена перед дилеммой: защищать ли сложившийся государственный строй с его репрессивной системой, затронувшей к тому времени значительную часть населения СССР, или же пойти на сотрудничество с Германией, объявившей «крестовый поход» против большевизма? При всей преступности нацистской политики она, особенно в первые месяцы войны, не казалась некоторой части населения СССР такой отталкивающей, какой ее преподносила советская пропаганда. Характерным примером служат опубликованные в газете Локотского самоуправления выдержки из документов захваченного немцами Дмитровского райотдела НКВД (Орловская область), показывающие настроения некоторой части населения в первые недели войны. Так, в секретном отчете райвоенкома Суркова райкому партии говорилось, что «гражданка Булатова, работавшая в Дмитровской аптеке, на возмущение гражданки Ткачевой по поводу зверств немецкой армии на оккупированной территории заявила: "А это они не над нашим братом расправляются, это они над партийными, а мы что, сейчас народ подневольный, и тогда будем работать, нам все равно"»[2].

Противоречие между властью и народом, заложенное в самой тоталитарной системе, проявилось в настроениях населения многих оккупированных областей. Арестованная органами Калининского НКВД Н.П. Евдокимова так объяснила мотивы своего

---

[1] Личный архив Ермолова И.Г. (ЛАЕ). Справка Верховного Суда РФ от 18.09.2002. № 37—9нс—5; ЛАЕ. Материалы уголовного дела Ободова Дмитрия Терентьевича. Л. д. 11—12.

[2] Жизнь на сталинской каторге и ожидание немцев — освободителей // Голос народа. 1942. 5 ноября.

сотрудничества с оккупантами: «Мое социальное происхождение (дворянское. — *И.Е.*) служило поводом к тому, что меня неоднократно увольняли с работы, и вследствие этого мне приходилось испытывать материальные трудности. Кроме того, у меня было два брата, оба офицеры царской армии. Один из них, боясь репрессий советской власти, покончил жизнь самоубийством еще в начале Октябрьской революции, а второй несколько позже, будучи репрессирован советской властью, умер в тюрьме... Все это возбудило во мне ненависть к советской власти, и с приходом немцев в город Калинин я охотно встала на путь предательской деятельности»[1].

Часть сельского населения, настроенная враждебно к советской власти в результате политики раскулачивания, длительное время скрывала свои настроения из-за страха перед репрессиями. Лишь в ходе оккупации советских территорий германскими войсками эти антисоветские настроения проявились, показывая неоднородность советского общества. Так, в августе 1941 г. жительница деревни Левашово Емельяновского района Калининской области А.М. Новоселова говорила односельчанам: «Когда придет немец, обо всех коммунистах донесем, пускай их расстреливают»[2].

Американский корреспондент Чарльз В. Тейер засвидетельствовал, как крестьяне одной из деревень к юго-западу от Москвы после известия о нападении Германии говорили: «Наконец-то! Пусть Кремль только даст нам оружие. Мы уже знаем, в кого будем стрелять. Если Гитлер появится на мосту перед нашей деревней, мы все выйдем ему навстречу с хлебом-солью»[3].

Причин формирования в сознании некоторых людей подобных убеждений, на наш взгляд, несколько. Во-первых, часть населения, в основном, затронутая репрессиями, вряд ли могли допустить, что какой-то иной режим может оказаться хуже большевистского, тем более что информацию по этому поводу ранее приходилось черпать не иначе как из советских источников, потерявших в их глазах всякое доверие. Во-вторых, «восточная политика» Германии в отношении славян как представителей низшей

[1] АУФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 23—24.

[2] ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2. Л. 73.

[3] Цит. по: *Стеенберг С.* Указ. соч. С. 39.

расы, особенно в первые месяцы войны, еще не успела во всей полноте проявить свою сущность. Впрочем, даже после того, как национал-социализм уже порядком показал свое лицо, некоторая часть населения оккупированных областей все же предпочла его большевизму. В-третьих, ряд мероприятий германских оккупационных властей действительно был направлен на поддержание гражданского населения оккупированных областей, что отчасти объясняется более трезвым мышлением военных, не успевших еще как следует пропитаться нацистскими догмами[1].

То есть в сознании людей произошла переоценка ценностей, вызванная широким спектром причин — от искренних антисоветских убеждений до соображений практической целесообразности, порожденных сложившейся обстановкой.

В этой связи было бы неправильным объяснять вступление части гражданского населения на путь коллаборации с нацистами лишь политическими причинами. Большинство коллаборационистов руководствовались в своем выборе именно соображениями целесообразности. Страх перед оккупантами — с одной стороны и давление нацистской пропаганды, внушавшей, что советская власть больше не вернется, — с другой, заставляли гражданское население изыскивать способы существования в новых условиях. Это касалось не только рядовых граждан, но и членов ВКП(б), ВЛКСМ, партийных и советских работников. Так, в каждом райцентре Калининской, Курской, Орловской, Смоленской областей добровольно проходили регистрацию в немецких комендатурах в среднем от 80 до 150 коммунистов, большинство из которых до войны работали на ответственных должностях. Около 70 % из них в период оккупации добровольно работали на немцев. В этом отношении показательны данные по Суражскому району Орловской области на 1 января 1943 г., согласно которым, всего зарегистрировались 93 члена ВКП(б), в том числе 34 чел. по г. Сураж[2]. Из них:

— председателей колхозов — 16;

— председателей сельских советов и их заместителей — 8;

— бригадиров, мастеров, начальников участков — 7;

[1] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 23—25.

[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 17. Л. 50—52 об.

— счетоводов колхозов, сельпо, бухгалтеров, статистов — 6;
— педагогов — 5;
— председателей сельпо — 2;
— секретарей сельских советов — 2;
— секретарей парторганизаций —1;
— народных судей — 1;
— начальников тюрьмы — 1;
— прочих советских специалистов — 7[1].

Из этого количества лишь 3 чел. ушли в партизаны[2], 2 чел. были арестованы немцами и отправлены в лагерь[3], 1 чел. расстрелян немцами[4].

После освобождения Воронежской области по 9 районам учтены 1445 комсомольцев, переживших оккупацию, у 980 из них не оказалось комсомольских билетов. Согласно их объяснениям, они сами уничтожили свои комсомольские билеты при приближении немцев, будучи абсолютно уверены, что те пришли навсегда. Выявлены 400 членов ВЛКСМ, прошедших регистрацию в немецких комендатурах и находившихся на легальном положении. По сообщению Воронежского обкома ВКП(б), многие из них работали полицейскими, а девушки-комсомолки сожительствовали с итальянскими и немецкими офицерами[5]. В апреле 1942 г., в период, когда райцентр Дятьков Орловской области временно был захвачен партизанами, был произведен учет коммунистов, оставшихся на оккупированной территории района. Из 394 членов районной парторганизации, включавшей 77 кандидатов и 317 членов ВКП(б), на учетный период остались всего 134 чел. Из остальных членов ВКП(б) 193 чел. уничтожили свои партбилеты, 66 чел. были исключены из партии[6].

Катализировал коллаборационистские процессы и приток на оккупированные территории советских военнопленных и дезертиров. Их количество, а также свидетельства о положении на фрон-

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 17. Л. 50—52 об.

[2] Там же. Л. 51—51 об., 52 об.

[3] Там же. Л. 52 об.

[4] Там же. Л. 51 об.

[5] Независимая газета. 2001. 22 июня. № 079 (4320).

[6] ЦНИБО. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

те давали местному населению понять то положение, в котором оказалась Красная Армия в 1941—1942 гг. Говоря о масштабах дезертирства, уместно привести цифры по нескольким районам Тульской области, которая долгое время оставалась прифронтовой зоной. Так, только в двух деревнях Ефремовского района — Пожилино и Никольское — заградительными группами РО НКВД были за несколько дней задержаны 100 дезертиров[1]. В докладной записке Тульскому управлению НКВД начальник Ефремовского РО НКВД лейтенант госбезопасности Надеждин сообщает, что во время каждой ночной проверки по г. Ефремову чекистами задерживаются по 50—60 дезертиров[2]. На большое количество дезертиров и изменников в прифронтовых районах Тульской области указывают также докладные записки руководства Воловского, Ленинского и других РО НКВД[3]. В частности, за октябрь 1941 г. по Дубенскому району задержаны 400 дезертиров, по Каменскому — 350, по Кимовскому — 200[4]. За период с 15 января 1941 г. по 15 марта 1942 г. по полностью или частично освобожденным районам Тульской области бойцами истребительных батальонов, созданных НКВД, задержаны 378 дезертиров[5]. На этом фоне интересно, что из бойцов истребительных батальонов при подходе врага разбежались 473 чел.[6] По данным Калининского управления НКВД, проблема дезертирства по Калининской области, также являвшейся прифронтовой зоной, выглядела следующим образом. С 16 декабря 1941 г. по 15 января 1942 г. УНКВД провело по г. Калинину две операции по задержанию дезертиров, в результате которых были задержаны 638 чел.[7] А в течение 1942 г. на территории Калининской области были задержаны 4323 дезертира[8]. Мотивы дезертирства из рядов РККА в первые месяцы войны не обяза-

[1] Хранить вечно. Документы 4-го отдела: сб. документов / Под ред. В.П. Лебедева. Тула: УФСБ России по Тульской области, 2008. С. 23.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 9, 12.

[4] Там же. С. 41.

[5] Там же. С. 41—42.

[6] Там же. С. 41.

[7] ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 28. Л. 156.

[8] *Ирлицин В.И.* Указ. соч. С. 132.

тельно были связаны с желанием поступить на службу к немцам. Напротив, чаще всего дезертирство объяснялось чисто бытовыми причинами, например, желанием уклониться от военной службы, остаться на оккупированной территории, где жили семьи оставлявших свои части красноармейцев, избежать кровопролитных боевых действий с целью спасти жизнь и т.д. Эту категорию дезертиров нельзя полностью отнести к коллаборационистам, поскольку они, оставляя части РККА, не преследовали конкретной цели поступить на службу к немцам. Зарубежные и отечественные исследователи указывают как на один из распространенных мотивов перехода через линию фронта страх за свои семьи, оставшиеся на оккупированной территории, боязнь, что они подвергнутся репрессиям со стороны оккупантов за службу одного из членов семьи в Красной Армии[1]. Известны случаи, когда красноармейцы из страха репрессий за какую-либо провинность переходили к противнику[2]. По утверждению В.И. Ирлицина, и эта категория дезертиров нередко поступала на службу к врагу[3]. Дезертиры из РККА становились на оккупированных территориях незаменимым материалом для формирования гражданской вспомогательной полиции, штатов промышленных предприятий, а также использовались в качестве рабочей силы в сельском хозяйстве.

Оккупационные власти и созданные ими органы местного самоуправления в очевидном расчете на то, что среди оставшихся на оккупированной территории коммунистов немало советских работников, специалистов, в ряде случаев создавали определенные условия для их привлечения на путь коллаборации. Так, бургомистр Клинцовского округа (Орловская область) Грецкий наставлял подчиненных районных бургомистров о необходимости привлечения членов ВКП(б) к участию «в строительстве новой жизни», недопущении применения к коммунистам угроз уничтожения и всего того, что могло бы обусловить их переходы к партизанам[4].

---

[1] Война Германии против Советского Союза. С. 60; *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 53.

[2] Вторая мировая война: актуальность проблемы : [сб. ст.] / отв. ред. О.А. Ржешевский. — М. : Наука, 1995. С. 308.

[3] *Ирлицин В.И.* Указ. соч. С. 131.

[4] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 44 об.

Вряд ли можно сомневаться в том, что значительное количество жителей оккупированных областей шли на сотрудничество с оккупантами не по политическим, а по чисто бытовым причинам. В точности отделить эту категорию изменников от убежденных противников советского режима сложно, так как социологического опроса никто не проводил, а лица, заявлявшие о своей готовности сотрудничать с немцами, как правило, называли именно политические мотивы — неприятие советской власти, желание бороться против большевизма. Имеющиеся в нашем распоряжении, а также в архивных фондах немецкие, коллаборационистские и партизанские документы, хотя и изобилуют различными описаниями коллаборационистского контингента, не приводят каких-либо цифр, которые могли бы в полной мере прояснить ситуацию относительно мотивов коллаборации.

В наличии большого количества коллаборационистов, движимых именно бытовыми, неполитическими причинами, нет оснований сомневаться, если рассматривать коллаборационистский контингент в контексте привилегий, предоставлявшихся оккупантами своим пособникам. Так, вступление в антипартизанские формирования, устройство на работу в органы самоуправления давали гражданским лицам ряд преимуществ: спасение от угона на работу в Германию, льготы при налогообложении, наделение землей и сельхозинвентарем, гарантированная зарплата. Так, в конце 1942 г. выходившая в г. Пскове коллаборационистская газета «За Родину» опубликовала объявление о наборе мужчин в антипартизанские отряды. В центре стояли не политические призывы, а посулы экономического характера: обещание жалованья, больших земельных наделов. Указывалось также на возможность карьерного роста — отличившимся в боях обещались посты в аппарате самоуправления[1]. Подобные стимулы для добровольцев в коллаборационистские формирования применялись повсеместно. То, что при вербовке в ряды коллаборационистов часто использовались посулы экономического характера, уже указывает на то, что среди кандидатов в коллаборационисты был высок интерес именно к этому. В то же время лишение льгот вызывало обратный процесс — отток коллаборационистов и даже в некоторых случаях их переход к партизанам.

[1] За Родину (Псков). 1942. 24 декабря.

Однако рычагов экономического давления не всегда было достаточно. Так, к концу лета 1942 г. немцы начали повсеместно практиковать принудительную мобилизацию в антипартизанские отряды[1], а осенью того же года мобилизация проводилась уже под угрозой репрессий. Уклоняющихся привлекали к суду по законам военного времени, их семьи могли выселить из дома, в некоторых случаях — взять из семьи заложника[2]. Назначение старост, волостных старшин и прочих работников самоуправления также зачастую проводилось в принудительном порядке, причем заложниками часто становились их семьи.

Что касается условий, в которых развивались коллаборационистские настроения, они в ряде случаев способствовали становлению части населения на путь сотрудничества с оккупантами, борьбы против партизан, советского подполья. К таковым условиям можно отнести деятельность двух противоборствующих структур: оккупационных властей — с одной стороны и советских партизан — с другой. Как уже отмечалось, оккупированные территории РСФСР относились к зоне военного управления, оккупационные структуры которого с целью завоевания симпатий населения, поддержания коллаборационистских настроений проводили более мягкую политику, нежели гражданская администрация. К этому относятся щадящая налоговая политика, поддержание материального уровня работающих, религиозной активности, создание видимости законности путем запретов разграбления германскими военнослужащими местного населения и многое другое. По крайней мере в аналитической записке органов ГБ УССР от 24 января 1943 г. значится: «В отличие от грабительской политики, проводимой фашистскими властями в тыловых местностях оккупированной территории, последние, чтобы завоевать симпатии населения, проживающего в непосредственной близости к линии фронта, в так называемой военной зоне, проводят более мягкий режим[3]. В этом же документе констатируется, что натуральные

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 739. Л. 16.

[2] Там же. Д. 750. Л. 105.

[3] Цит. по: *Гогун А.* Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. М.: Центрполиграф, 2008. С. 15—16.

и денежные налоги в прифронтовой полосе взимаются в значительно меньших размерах, нежели в глубоком тылу, а ряд налогов, взимаемых в тылу, в «военной зоне» вообще не налагается[1]. В качестве мер поддержки сельского населения указываются практика выдачи сельскохозяйственным труженикам «по 10—16 кг зерна в месяц, чего не делается в тыловых областях», а также разрешение в отличие от зоны «гражданского управления» праздновать религиозные праздники, на период которых крестьяне освобождаются от работ[2]. Итогом такой политики, по словам составителя аналитической записки, стало то, что «значительная часть населения так называемой военной зоны оказывает активную помощь оккупантам, затрудняя прохождение по этой зоне нашей агентуры, бежавших из плена военнослужащих Красной Армии, выходящих из окружения, помогая немцам вылавливать партизан»[3]. В то же время германские властные структуры в зоне военного управления не могли пользоваться абсолютной властью на захваченных территориях. Так, глубина фронта германской армии составляла не более 10 км, далее, в глубине оккупированной территории, кроме крупных городов, воинские части встречались редко. Охранные части располагались лишь вдоль железных и шоссейных дорог. На расстоянии 30—50 км от снабжающих фронт коммуникаций воинских частей почти не было[4]. Формально являясь властью на этих территориях, оккупанты далеко не всегда могли оспаривать эту власть у партизан. Так, тылы группы армий «Центр» на 1941 г. были перед партизанами практически бессильны. Это подтверждается следующими цифрами: зона ответственности 582-го тылового корпуса уже в 1941 г. охватывала 6900 квадратных миль с более чем 1500 населенными пунктами. Для поддержания здесь порядка тыловой корпус располагал всего 16 ротами по 85 чел.

---

[1] Цит. по: *Гогун А.* Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. М.: Центрполиграф, 2008. С. 16.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Попов А.* НКВД и партизанское движение. С. 70; *Ермолов И.Г.* Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941—1944 гг. С. 78.

в каждой, то есть 1400 солдатами, из них на борьбу с партизанами могло быть выделено не более 300 чел.[1] Генерал Роквес уже 14 сентября 1941 г. в секретном приказе № 1198/41 констатировал: «В лице русских партизан мы встречаем очень деятельного, ловкого, подвижного и решительного противника, который отлично умеет использовать местность… и, действуя в собственной стране, в большинстве случаев пользуется поддержкой населения»[2]. Ввиду этого советских партизан следует рассматривать как силу, имевшую реальную власть на тех или иных участках оккупированной территории РСФСР.

Население же вне зависимости от политических настроений большей частью оказывалось перед дилеммой, к кому именно примкнуть и кого поддерживать: оккупантов или партизан. Все зачастую зависело от того, какая из противоборствующих сил имела в той или иной местности больше силы и влияния. Довольно выразительным на этот счет является сообщение одного из районных бургомистров, рассматривающее положение дел с точки зрения оккупантов: «Когда перед крестьянином встает проблема, помогать ему партизанам или немецким войскам, мы, к сожалению, часто вынуждены наблюдать, что ему невозможно отказать в помощи партизанам. Действительно, он видит партизан почти ежедневно, а немцев очень редко. Даже если он всем сердцем хочет сражаться с партизанами, как он это должен делать? Вступать с ними в открытую борьбу, не имея оружия, — это абсурд. Вступить в отряд самообороны — значит лишить землю, которую он должен обрабатывать, единственного работника и обречь семью на уничтожение партизанами. Когда крестьянин следит за партизанами и сообщает об этом в комендатуру, об этом становится быстро известно, поскольку в деревне ничего нельзя сохранить в тайне, и расплата следует незамедлительно. К тому же уже сложилось убеждение, что их сообщения [немцам] в подавляющем большинстве случаев не ведут ни к каким действиям. Комендатура день за днем получает сообщения о партизанах из разных концов района, но может реагировать на них лишь в редких случаях, поскольку не

[1] *Попов А.* НКВД и партизанское движение. С. 171—172.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 131.

располагает силами»[1]. Несмотря на односторонность данного документа, автор которого относит частые отказы населения от сотрудничества с оккупантами на счет практической целесообразности, абсолютно игнорируя присущий ощутимой части населения советский патриотизм, следует признать, что страх перед партизанами был реальным фактором, в той или иной мере сдерживающим масштабы коллаборационизма.

Однако, с другой стороны, одним из больных вопросов исследуемой темы являются аномалии партизанского движения, ставшие немаловажным условием, способствующем формированию коллаборационистских настроений. Так, в августе 1943 г. командир корпуса охранных войск Центральной административной группы отмечал, что резкое недовольство и противостояние населения вызывает поведение партизан в контролируемых ими районах: «В районах, где господствуют партизаны, они с крестьян берут налог до 165 кг с гектара. Там, где партизанам не удается снять урожай, они стремятся воспрепятствовать уборке или уничтожают его»[2]. В июне 1943 г. представителю ЦШПД на Калининском фронте Рыжикову поступило выразительное донесение о том, что по приказу командования партизанской бригады № 10 комбрига Вараксова было сожжено три деревни — Луги, Столбово, Козлово, 70 семей остались без крова. Согласно рапорту капитана З.Л. Дороша, «люди разошлись по селам и стали рассказывать, что делают партизаны 10-й Калининской бригады, что не только сжигают немцы, а даже и партизаны». В результате 20 чел. мужчин из сожженных деревень пошли на службу в полицию в райцентр Мозули, стали участвовать в засадах на партизан[3]. Упомянутый комбриг Вараксов устроил себе некое подобие поместья в д. Мылинки, где держал в своем личном хозяйстве 25 коров, 4 лошади, владел четырьмя патефонами, веломашиной. Одну из лошадей по приказу комбрига кормили только мукой. Для ведения хозяйства партизанский комбриг держал нескольких партизан, которые специально для него делали масло, сливки, сметану, двое бойцов в звании старшин обслуживали самогонный аппарат,

---

[1] Цит. по: *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 409.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 13. Л. 4.

[3] Там же. Оп. 1. Д. 583. Л. 14 об., 19 об.—20.

гнали самогон. Некоторые партизаны по приказу комбрига делали налеты на крестьян, систематически мародерствовали[1].

При инспектировании калининских партизанских бригад по приказу начальника ШПД, члена Военного совета Калининского фронта полковника госбезопасности Бельченко в нескольких бригадах выявлены случаи грабежей партизанами мирного населения, издевательств над крестьянами, увода из деревень женщин для сожительства[2]. Заявления крестьян партизанскому командованию с просьбами вернуть награбленное и с описанием обстоятельств изъятия партизанами вещей и продуктов дают основания заключить, что отношения между населением и партизанами были весьма напряженными[3]. Так, в докладной записке секретаря Себежского райкома ВКП(б) А.С. Кулеша на имя секретаря Калининского обкома ВКП(б) Воронцова от 27 июля 1943 г. указывается, что партизаны проводят мобилизацию местного населения, после чего оказывается, что вооружить такую массу мобилизованного народа невозможно, а держать в бригаде трудно материально. В результате распущенные по домам за ненадобностью мобилизованные ставились «под верный удар врага», т.к. теперь формально считались партизанами. Тем не менее только мобилизованные 10-й Калининской партизанской бригадой 400 чел. были вынуждены разойтись по домам[4]. Один из допрошенных в 1942 г. советских агентов в этой связи показал: «В сознании населения партизаны являются бандитами и грабителями. В ряде случаев партизаны небольшими группами (от пяти до семи человек) совершали набеги на деревни. В этих случаях люди, в особенности мужчины, в панике бежали из деревень. Даже там, где появлялись ложные слухи о приходе партизан, мужчины старались скрыться»[5].

При налете партизан на населенные пункты их жертвами далеко не всегда становились германские военнослужащие и коллаборационисты, но зачастую мирные жители. Так, по Суражскому району Орловской области за вторую половину 1942 г. партиза-

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 583. Л. 19 об.—20 об.

[2] Там же. Д. 637. Л. 33 об.—35.

[3] Там же. Л. 7—7 об., 10, 21, 25.

[4] Там же. Оп. 2. Д. 15. Л. 16—17.

[5] Цит. по: *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 416.

нами были убиты 37 чел., из них работников районных и волостных управ — 8 чел., мирных жителей, не имевших никакого отношения к коллаборационизму, — 29 чел.[1] По Мглинскому району жертвами партизан за тот же период стали 80 чел., 14 чел. были уведены партизанами. Кроме того, партизанами было угнано много скота, принадлежащего крестьянам[2].

Немаловажным фактором стала репрессивная деятельность немцев по отношению к местному населению в ответ на действия партизан. Так, немцы широко практиковали взятие заложников, их последующее уничтожение в ответ на партизанские вылазки. Порча партизанами немецкой военной техники, убийства военнослужащих ставили под удар оккупантов тот населенный пункт, где это происходило. Так, во второй половине 1941 г. возле деревни Красный Колодец Брасовского района Орловской обл. 10 партизан под командованием В.А. Капралова, напав на немецкую штабную машину, убили офицера. В ответ немцы сожгли часть деревни[3]. По Дятьковскому району за декабрь—январь 1941—1942 гг. расстреляны 45 жителей с. Овсорок за появление в деревне партизан, по той же причине в дер. Липово сожжено 57 домов, также заживо сожжены местная учительница и ее дочь, за приход партизан в один из домов пос. Маково расстреляны хозяин дома и его двое сыновей, сожжены все дома поселка[4]. За убийства партизанами германских военнослужащих к мирному населению принимались более жесткие меры. В дер. Стеклянная Радица того же Дятьковского района в ответ на уничтожение партизанами двух автомашин и 10 солдат была не только сожжена деревня, но и расстреляны 150 ее жителей, кроме того, в течение нескольких дней расстреливали каждого прохожего, идущего по большаку через Стеклянную Радицу[5].

В результате, испытывая страх перед партизанами, часть гражданского населения уже в первые месяцы оккупации выражали готовность к сотрудничеству с немцами. Так, в Дмитров-

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 17. Л. 59—61.

[2] Там же. Д. 21. Л. 33.

[3] *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Указ. соч. С. 16.

[4] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 30—30 об.

[5] Там же. Л. 30 об.

ском районе Курской области осенью 1941 г. крестьяне предъявили «ультиматум» одному из партизанских отрядов, потребовав прекратить всякую боевую деятельность. В противном случае угрожали выдать немцам расположение отряда. В результате 28 октября 1941 г. отряд сложил оружие, отказавшись от дальнейшей борьбы[1].

Сокращение инфраструктуры, промышленности и, соответственно, рабочих мест также способствовало активизации коллаборационистских настроений. Так, за вторую половину 1942 г. в результате действий партизан из 32 школ Мглинского района 14 закрылось, убит 1 учитель. В том же районе партизанами было разгромлено 2 больницы[2]. За первое полугодие 1943 г. партизанами на территории Калининской области уничтожено промышленных предприятий: бригадой Вараксова — 4, бригадой Лисовского — 3, бригадой Шиповалова — 1, бригадой Буторина — 1[3]. Лишенный работы персонал чаще всего был поставлен перед необходимостью трудоустройства в полицию.

В партизанском донесении от 10 июля 1943 г. различные аномалии партизанского движения называются одним из основных факторов, способствующих возникновению и развитию коллаборационизма в крестьянской среде[4]. В частности, констатируется «исключительно тяжелая обстановка» во взаимоотношениях партизан и населения, а также, что «настроения населения значительно портят неправильные, по существу антипартизанские отношения к населению», «все это очень вредно отражается на настроении населения, вызывает законное недовольство»[5]. В другом донесении указывается: «Грабеж партизанами населения, слабая забота об этом командования приводят к полному произволу. Отсюда массовые случаи воровства, незаконных обысков и изъятия продуктов и др. личного имущества населения. Все это ухудшает и без того тяжелое положение населения, что вызывает

---

[1] *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Указ. соч. С. 13.

[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 152—152 об., 158; Оп. 1. Д. 583. Л. 56.

[4] Там же. Оп. 2. Д. 22. Л. 25—26.

[5] Там же. Л. 25.

законное недовольство последнего»[1]. Среди аномалий партизанского движения наиболее часто указываются случаи сожжения партизанами деревень, мародерство, изнасилования, увод женщин для сожительства, избиения и расстрелы мирных граждан[2]. Причем указывается не на единичные факты, а на их массовость и повсеместность. Командир оперировавшей в брянских лесах бригады им. Ворошилова № 2 И.А. Гудзенко относительно грабежей населения партизанами его бригады выразился следующим образом: «Если я запрещу партизанам то, что они хотят, так они все разбегутся и я останусь один»[3]. Если верить показаниям допрошенного в немецком плену представителя Ставки ГК капитана А. Русанова, «бригада им. Ворошилова № 2 под командованием Гудзенко — только пример. Но грабят и все остальные, за очень редким исключением». Подобная деятельность была присуща и партизанским отрядам Д.В. Емлютина: «Население Курской и Орловской областей хорошо знает партизан Емлютина. Это банда насильников, грабителей, мародеров, терроризирующих местных жителей. Сам Емлютин — садист, живущий только убийствами»[4]. Относительно реакции высшего партизанского руководства на подобные аномалии партизанского движения тот же А. Русанов показал: «Я неоднократно письменно и устно об этом докладывал. В последний раз Строкач мне сказал: “Оставьте это, все равно прекратить грабеж мы не сможем. Да и трудно сказать, принесет ли это пользу партизанскому движению”»[5]. Однако необходимо отметить и эпизодическую деятельность т. н. лжепартизан, которые под видом советских партизан терроризировали население с целью активизации коллаборационистских настроений. В частности, на территории Калининской, Ленинградской, Новгородской областей действовал лжепартизанский отряд А. Мартыновского и И. Решетникова, входивший в структуру истребительного соединения «Восток». В южной части Орловской области под видом

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 52 об.

[2] Там же. Л. 26, 52 об.; Д. 15. Л. 16—17; Оп. 1. Д. 637. Л. 33 об.—35.

[3] *Гогун А.С.* Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941—1944 гг. С. 22.

[4] Там же. С. 28—29.

[5] Там же. С. 22.

красноармейцев-окруженцев и партизан действовала группа, называвшая себя «Двадцать пять»[1].

Результатом подобной деятельности партизан и лжепартизан стало то, что гражданское население было вынуждено обращаться за помощью к той власти, которая существовала на тот момент, то есть к германским оккупационным инстанциям.

Таким образом, население оккупированных областей РСФСР, по меткому выражению Д. Армстронга, оказалось «между двух огней», «между немецким молотом и партизанской наковальней»[2]. Можно отчасти согласиться с тем же автором, считающим, что население зачастую вынуждено было поддерживать партизан, так как воспринимало их как более сильную и более предсказуемую власть[3]. Но нельзя игнорировать и тот факт, что немало людей искренне воспринимали немцев как врагов, а их поддержка партизан была не вынужденной, а добровольной. На последнее указывает то, что в крупных поселках и городах, а также деревнях, находившихся на линиях коммуникаций, население было надежно защищено от партизан дислоцировавшимися здесь германскими частями и соединениями. Потребностей в многочисленных отрядах самообороны и значительных силах вспомогательной гражданской полиции здесь не было. Имевшие же место со стороны немцев реквизиции, жестокое обращение, привлечение населения к принудительному труду вынуждало местных жителей переходить к активной оппозиции[4]. Можно согласится с Д. Армстронгом, что «успех или провал партизанского движения в плане опоры на поддержку населения во многом зависел от политики, противостоящей партизанам»[5].

Оказавшееся под оккупацией население, таким образом, разделилось: часть его поддерживали советских партизан, другая часть — немцев. По крайней мере, согласно донесениям партизанских командиров, эффективной деятельности партизан мешает большое число предателей, сотрудничающих с оккупантами. Так,

---

1 *Анищенко Е.Н.* Указ. соч. С. 226.

2 *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 410, 415.

3 Там же. С. 415.

4 Там же.

5 Там же. С. 416.

в одном из донесений от 23 ноября 1941 г. сообщается, что уже на тот период в районах Кингисеппа, Ораниенбаума, под Петергофом немцам помогают значительная часть населения, среди которого немало лиц, ранее репрессированных советской властью, а также бывших кулаков[1]. В течение полутора лет отношение населения оккупированной части Ленинградской области к немцам не изменилось. По крайней мере в ноябре 1942 г. комендант тылового района 18-й германской армии, в ведении которого находилась значительная часть Ленинградской области, отметил, что в результате ликвидации колхозов и создания из населения органов местного самоуправления «почти повсеместно стали выражаться воля и желание сотрудничать с нами»[2]. То есть как немецкие, так и советские оценки масштабов и мотивов коллаборационизма, хотя в большинстве случаев и не приводят конкретных цифр, тем не менее, в основном, совпадают.

Весь комплекс указанных причин правомерно связать с самим характером тоталитарной системы СССР. В истории всех предыдущих войн, которые довелось претерпеть нашему государству, добровольное сотрудничество с врагом или не отмечено вовсе или имело единичные проявления. Несмотря на тяжкое материальное положение некоторой части населения Российской империи в период монархии, российское общество было более монолитным. Будучи спаяно православной религией, верой в монарха как в помазанника Божия, население России было далеко от того, чтобы искать какие-либо иные идеалы. Ввиду всеобъемлющего влияния православия враждебные народы были для населения России прежде всего иноверцами. После 1917 г. в российском обществе произошел идейный раскол. Якобы имевшее место накануне Великой Отечественной войны единство советского народа рухнуло, когда после нападения гитлеровской Германии было поставлено под угрозу само существование государственной системы СССР. Невозможность найти положительный идеал у себя в стране привела к тому, что часть населения СССР идеализировали тех, кто шел войной против советского режима. Как вспоминал участник

[1] *Ломагин Н.А.* В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2000. С. 288.

[2] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 651. Л. 38.

власовского движения профессор Ф.П. Богатырчук, «большевизм вытравил из нас всякий патриотизм, превратив когда-то столь любимую родину в страну, где возвеличивают чекистов, стреляющих в затылок нашим братьям и сестрам, и где ставят памятники павликам морозовым, выдающим своего отца на расправу кремлевским палачам»[1].

Причины заинтересованности немцев в развитии коллаборационизма заключаются в практической необходимости для них этого явления. Уже в первые месяцы «восточной кампании» ряд офицеров вермахта понимали, что осуществлять управление занятыми областями России собственными силами невозможно — для этого необходимо привлечение местного населения[2].

Таким образом, можно выделить ряд причин, толкнувших часть населения СССР на путь коллаборации с гитлеровской Германией:

— пораженческие настроения части населения СССР, развившиеся на фоне первичных успехов германской армии и поражений РККА;

— антисоветские настроения, породившие намерения бороться против государственного строя СССР;

— насильственное привлечение к сотрудничеству с оккупантами;

— стремление получить определенные привилегии, причитавшиеся лицам, вставшим на путь коллаборации: избежать угона на работу в Германию, избавиться от необходимости платить налоги, получить земельный участок и т.д.

Способствующим фактором развития коллаборационизма, бесспорно, явилось то, что в первые месяцы войны германская пропаганда представляла войну против СССР как освободительный поход против коммунизма и в пропагандистских целях не выявляла своей враждебности к идее воссоздания свободной России[3].

Важно заметить, что какая-либо из названных причин не всегда выступала в чистом виде. В каждом конкретном случае могли

---

[1] *Богатырчук Ф.П.* Указ. соч. С. 156.

[2] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 51—52, 66.

[3] А.П. Русский корпус в Сербии // Часовой. 1971. Сентябрь. № 543 (9).

присутствовать две и более причин коллаборации с немцами. Так, пораженческие настроения вполне могли сочетаться с антисоветскими убеждениями, с желанием выжить в условиях оккупации, получив в результате сотрудничества с немцами средства к существованию. Однако большинство причин коллаборации имеют общий корень, порожденный самой системой тоталитарного строя СССР. Вбив клин недоверия между властью и народом, развив в сознании части населения безразличие к судьбе своей страны, вылившееся в многочисленные случаи сотрудничества с внешним врагом, советская власть сама создала себе врагов в лице коллаборационистов.

Глава II

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ

§ 1. Самоуправление на оккупированных территориях

Первым шагом в осуществлении колониальных планов в отношении населения РСФСР стало создание в занятых германской армией областях административного управления, которое на территории России имело некоторые особенности. Так, в отличие от прибалтийских республик, Белоруссии и Украины население РСФСР проживало в зоне военного управления. Это означало, что вся власть в тыловых районах германских армий находилась в руках начальников военной администрации, а власть на местах принадлежала полевым комендантам и начальникам гарнизонов. Это было вызвано спецификой той или иной местности. Так, ряд областей Центральной России, а также Белоруссии (Смоленская, Орловская, Витебская, часть Могилевской и Витебской областей) входил в зону ответственности группы армий «Центр». Ввиду этого на территории Смоленской и Орловской областей оказались сконцентрированы основные силы группы армий «Центр». Только в границах Смоленской области на весну 1943 г. дислоцировались 57 немецких дивизий, 65 различных штабов, 32 крупных воинских склада[1]. При таком положении полноправное управление

---

[1] *Виноградова О.* «Новый порядок» в Смоленске // Любимая Россия. 2006. № 2 (3).

со стороны каких бы то ни было гражданских институтов власти абсолютно исключалось.

Немецкие коменданты с первых же дней оккупации провели на вверенных им территориях ряд мероприятий, закладывая основу для последующего функционирования гражданских структур власти. Они назначали ответственных работников органов самоуправления, издавали приказы о регистрации коммунистов и гражданского населения, давали распоряжения о прикреплении неработающего населения к биржам труда и т.д.

Введенное немцами территориально-административное деление в основных чертах соответствовало принятому при советской власти, за исключением того, что в ряде мест для удобства управления в пределах областей были созданы административные округа, включавшие несколько районов. Как правило, область делилась на 5—6 округов, а количество районов в округе зависело от их размеров, объемов экономики и сельхозугодий. Районы в большинстве случаев были переименованы в уезды, а территории сельских советов — в волости[1].

Система управления указанными административными единицами, в основном, повторяла систему управления, принятую при советской власти, за исключением того, что вся местная гражданская власть курировалась немецкими комендатурами — военной и хозяйственной (Wirtschaftskommandantur — WIKO). Через комендатуры проходили все приказы и распоряжения местных властей, за исключением военных, которые были вне компетенции органов местного самоуправления[2].

Первичной административной единицей была сельская община, существовавшая в пределах одной деревни. Членами общины являлись все жители деревни, постоянно в ней проживающие. Во главе ее стоял староста, который формально избирался населением, фактически — назначался германским командованием[3], иногда — районным бургомистром[4]. Выборы старосты проходили на сельском сходе, присутствовали на котором только мужчины. Как

[1] ГАСО. Ф. 2361. Оп. 5. Д. 54. Л. 2—4.

[2] *Шуляков В.А.* Указ. соч. С. 25.

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.

[4] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.

правило, никто из избирателей не осмеливался голосовать против кандидатуры, предложенной немцами. В ряде местностей, например, в западной части Орловской области, даже формальных выборов старост не проводилось. В должностной инструкции для бургомистров и волостных старшин указывалось, что «староста назначается и увольняется старшиной»[1], который «несет ответственность за правильное назначение»[2]. Партизаны, оперирующие в Калининской области, истолковывали выборность старост нежеланием местных жителей добровольно заступать на эти должности. Согласно одному из партизанских донесений, местные жители сел Идрицкого района ввиду этого избирали старост помесячно[3].

Нередки случаи, когда старостами становились не только лица, обиженные советской властью. По крайней мере докладная записка представителя ПШ на Брянском фронте старшего майора госбезопасности Матвеева и заместителя начальника разведотдела майора Быстрова в ЦШПД от 1.12.42 констатирует, что «обычно старостами немцы ставят... предателей из числа бывших советских работников — председателей колхозов, сельсоветов, бывших членов ВКП(б)»[4]. Согласно той же докладной записке, «иногда сельские старосты избираются населением или назначаются немецкими властями из честных советских людей, пользующихся авторитетом у населения»[5]. Согласно выводам А.Ю. Попова, определенная часть работников советского аппарата управления стала активно сотрудничать с оккупантами, а на должности старост довольно часто попадали именно председатели сельских советов и колхозов[6]. Причем в некоторых случаях бывшие председатели колхозов сами предлагали немцам свои услуги, выдвигая свои кандидатуры на должности старост[7].

---

1 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

2 Там же.

3 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 13. Л. 38.

4 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151.

5 Там же.

6 *Попов А.Ю.* Указ. соч. С. 73.

7 ГАТО. Ф. Р-1925. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.

Сельский староста имел обычно в подчинении заместителя, писаря и 1—3 полицейских, являлся полным хозяином в своем селе, регулируя практически все стороны жизни населения. Так, без ведома старосты ни один житель села не имел права куда-либо выехать или пустить кого-либо переночевать. Староста и его подчиненные снабжались удостоверениями о том, что состоят на службе у немцев и имеют право передвижения на территории своей волости без пропусков[1]. Кроме того, староста имел право свободного хождения по деревне в любое время суток, тогда как для остального населения покидать жилища разрешалось лишь в светлое время суток, как правило, до 18.00 часов зимой, до 21.00 часа летом[2]. За свою службу староста и его аппарат получали зарплату, размер которой зависел от количества населения в деревне. Так, зарплата старосты колебалась от 300 до 450 рублей, заместителя — от 200 до 250 рублей, писаря — от 200 до 300 рублей, полицейского — 240 рублей плюс хлебный паек, около пуда зерна в месяц. Печати сельский староста не имел, заверяя выдаваемые им документы либо своей подписью, либо своей подписью и печатью волостного управления[3].

На сельского старосту возлагалась обязанность не только первичного учета населения, но и определения его политической благонадежности, для чего староста вел соответствующую учетную книгу. В отдельных селах старосты по своему личному произволу устанавливали тотальный контроль за всеми сторонами жизни населения, превзойдя в этом даже тоталитаризм, существовавший при советском режиме. Так, в ряде сел Хотынецкого района Орловской области (Алехино, Суханка и др.) старосты запретили девушкам выходить замуж по собственному желанию, выдавая девушек замуж по своему усмотрению[4]. Что касается произвола со стороны сельских старост, он в ряде случаев также превосходил произвол советских председателей колхозов. Так, в Стародубском районе Орловской области старосты нашли оригинальный способ уклониться от продовольственного налога, распределив причита-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151—152.

[2] ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151—152.

[4] Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 66.

ющийся с них и с полицейских налог между жителями сел[1]. При сборе продналога старосты нередко допускали злоупотребления, завышая налог, свидетельством чему служат многочисленные письменные претензии со стороны волостных старшин и районных бургомистров. Так, старосте д. Жуковка Унечского района Орловской области районный бургомистр Старовойтов писал: «Для Германской армии, по распоряжению начальника полиции, Вы должны были взять в каждом дворе по 1 гусю. Вы же у г-на Болшунова взяли 4-х гусей, поэтому Вы должны выполнить распоряжение нач. полиции и возвратить ему 3-х гусей»[2].

Однако фактически абсолютная власть старосты формально была ограничена, в частности, тем, что староста являлся лишь «исполнительным органом» волостного старшины и не имел права принимать самостоятельные решения, управляя только по указаниям и поручениям волостного старшины[3]. В деревне, где жил волостной старшина, староста не назначался — его обязанности одновременно выполнял старшина[4].

Несмотря на большую власть, староста больше, чем кто-либо иной, подвергался опасности со стороны немецких властей. Так, за сбор и сдачу немцам урожая, за спокойствие населенного пункта от партизан отвечали, часто жизнью, прежде всего староста и его семья, а потом все село[5]. Жители пос. Переторги Брянской области засвидетельствовали автору, как в одной из близлежащих деревень погибли двое немецких военнослужащих. Староста к этому был не причастен, напротив, был настроен резко антисоветски, свои обязанности исполнял с усердием. Тем не менее по приказу офицера СС немцы, собрав всех жителей, устроили показательную расправу над семьей старосты. Одну из дочерей старосты по приказу офицера публично обнажили, затем отрезали ей груди. По окончании издевательств вся семья старосты и он сам были расстреляны. В д. Мякотино Погорельского района

---

[1] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 22.

[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.

[3] Там же. Д. 21. Л. 14, 26.

[4] Там же.

[5] *Гогун А.С.* Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941—1944 гг. С. 23.

Калининской области 1 мая 1942 г. за непринятие мер к четверым жителям деревни, хранившим оружие, вместе с непосредственно виновными после издевательств повешены староста С.В. Махов и его помощник П.Ф. Безобразов[1].

Несколько населенных пунктов составляли волость, причем территория волости, как правило, соответствовала территории сельского совета. Волости возглавлялись волостными управлениями или волостными управами, руководили которыми волостные старшины. В ряде случаев в структуру волостных управ входили отделы, количество и наименования которых зависели от специфики той или иной местности. Так, каждая из пяти волостных управ Трубчевского района Орловской области включала административный, налогово-финансовый и полицейский отделы, по мере необходимости в каждой управе предусматривалось создание новых отделов[2]. Волостные управы Брянского округа, согласно инструкции Главного военного управления округа от 21 декабря 1942 г., должны были включать отделы: административный, финансовый, полицейский, просвещения, питания, строительный, здравоохранения и ветеринарный, жилищный, социального обеспечения, торгово-промышленный[3].

На практике же отделы в составе волостных управ создавались редко. Обычно аппарат волостного старшины включал заместителя, писаря, мирового судью и начальника волостной полиции. Нередко в волостных управах работали всего по два человека — волостной старшина и его помощник, он же исполнял обязанности секретаря[4]. Что касалось полиции, она часто подчинялась непосредственно немецкой полевой полиции, а волостному старшине — лишь формально, на условиях договоренности[5]. Начальнику волостной полиции подчинялся отряд полицейских, численность которого определялась местными условиями и наличием мобилизационного контингента.

---

[1] ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 9. Л. 103.

[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.

[3] Там же. Л. 16 об.

[4] ГАТО. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 3. Л. 40.

[5] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 12.

Волостной старшина являлся полным хозяином своей волости, проводя свою работу через старост и начальника полиции. Большую роль в управлении волостью играл и писарь, который нередко «через голову» старшины фактически руководил делами волости.

Что касается контингента волостных старшин, уже цитировавшаяся докладная записка Матвеева и Быстрова сообщает, что «на должность волостного старшины немцы назначают обычно людей, раньше работавших на партийно-советской работе (агрономы, землемеры, районные работники, председатели с/с, учителя) и хорошо знающих свой район... Кроме этих лиц, на должность старшины назначаются люди, репрессированные органами Советской власти, или же открытые враги Советской власти и выходцы из других партий»[1]. Так, согласно донесению политотдела 43-й армии от 30 апреля 1942 г., «на должность старшины Знаменского района Смоленской области был назначен предатель Чикачев К.Ф., бывший главный агроном райзо исполкома, член ВКП(б)»[2]. В Калининском районе на 1 апреля 1942 г. из 138 колхозов 95 находилось в оккупации, из их председателей только 18 эвакуировались и 5 находились в партизанах. Основное же количество председателей исполняло свои прежние обязанности в качестве старост и старшин. Так, старостой стал бывший председатель колхоза «Борьба» С. Харитонов, усердно выполняя все задания немецких властей. Бывший председатель Скворецкого сельсовета, член ВКП(б) Н. Лукин дезертировал из партизанского отряда, сдал оружие немцам и стал старшиной волости. Дезертировал из партизанского отряда и бывший председатель сельсовета Н. Назаров, также став волостным старшиной[3].

В обязанности старост и волостных старшин входили учет населения, земельных площадей, скота, разверстка и сбор налогов, шедших на нужды германской армии, обеспечение порядка в населенных пунктах, сбор оставленного при отступлении РККА оружия[4].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 152—153.

[2] Цит. по: *Пережогин В.А.* Вопросы коллаборационизма \\ Война и общество, 1941—1945: в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 293.

[3] *Мангазеев И.А.* Коллаборационисты.

[4] *Ирлицин В.И.* Указ. соч. С. 143.

В некоторых волостях до введения института мировых судей волостным старшинам вменялось в обязанность наложение взысканий за совершение проступков, если таковые не преследовались законами германского командования. Так, на территории Брянского и Клинцовского округов старшина имел право наложить штраф до 1000 рублей, приговорить к тюремному заключению или к принудительным работам на срок до 14 дней[1].

Следующей административной единицей был район или уезд, включавший, как правило, 5—6 волостей. Во главе района (уезда) стояла районная (уездная) управа, возглавляемая районным бургомистром, аппарат которого включал заместителя, начальника полиции и заведующих отделами. Должности районных бургомистров в различных местностях назывались по-разному: главы районов, начальники районов, старшины районов. Районному бургомистру подчинялись волостные старшины и бургомистры городов районного подчинения[2]. Структурными подразделениями районных управ были отделы, число и наименования которых в различных районных управах различалось. Так, Красногородская районная управа Калининской области включала 7 отделов: местной промышленности, земельный, транспортный, здравоохранения, народного образования, финансовый, паспортный[3]. Управа соседнего Торопецкого района включала 6 отделов: общий, финансовый, жилищный, хозяйственный, заготовок и сбыта, здравоохранения. Кроме того, в структуру районной управы входило подсобное хозяйство[4]. В зависимости от местных условий в районные управы могли входить и другие отделы, например, общий, лесной, топливный и др.

На должности районных бургомистров и структурных подразделений райуправ обычно назначались лица из местного населения, преимущественно из числа советских и партийных руководителей. Однако при отсутствии или недостатке таковых на руководящие должности в райуправах назначались бывшие рабочие,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153—155; ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 238.

[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 16 об.

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 122. Л. 8 об.

[4] Там же. Д. 1. Л. 2—3.

колхозники. Так, упомянутую Красногородскую райуправу возглавил учитель пения П.И. Горицкий, его первым заместителем стал бывший член ВКП(б) И.В. Сатунин, вторым заместителем — бывший кулак, выселенный советской властью Федотов[1]. Исключение составляли должности начальников полиции, занимали которые в большинстве случаев лица с юридическим образованием, командиры Красной Армии, попавшие в окружение[2]. В некоторых тыловых районах группы армий «Центр» практиковалось создание земств. Так, 33 волости Псковского района Ленинградской области были объединены в земство. Начальником земства был назначен некто Горчанский, земская управа находилась в Пскове, включала следующие отделы: здравоохранения, народного образования, дорожный, ветеринарный, финансовый. Численность населения на территории земства с июня 1941 г. по конец мая 1942 г. увеличилось с 48 996 до 53 196 человек, причиной чему стал приток беженцев из окрестностей Ленинграда[3].

Как и волостные старшины, районные бургомистры имели право во внесудебном порядке накладывать наказания на лиц, совершивших проступки. Так, районные бургомистры Брянского округа могли накладывать штраф до 4000 рублей или определять тюремное заключение на срок до 2 месяцев. Свои решения о наложении взысканий бургомистры районов были обязаны согласовывать с районной комендатурой, а если таковой в районе не было, подавать сведения о взысканиях в окружное управление[4].

Несколько районов (уездов) объединялись в округ, во главе которого стояла окружная управа, возглавляемая обер-бургомистром[5], ей подчинялись городские, районные и уездные управы, за исключением управ городов уездного подчинения. Обербургомистры назначались не только из числа местных жителей, но и из немцев. Управа состояла из отделов, соответствующих структуре уездной управы[6].

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 122. Л. 8—8 об.

[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 152—153.

[3] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 661. Л. 1—4.

[4] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д.-21. Л. 153—155.

[5] Там же. Л. 153.

[6] Там же. Л. 152.

В границах прежних областей создавались губернии, однако не повсеместно, а лишь в пределах тех областей, которые были оккупированы полностью[1]. В то же время сколько-либо значительных сведений о структуре и деятельности губернских управлений не сохранилось. Тем не менее есть данные о действовавших губернских управленческих структурах, которые, очевидно, рассматривались как почва для последующего создания губернских управ. Так, уже в 1941 г. в г. Орле начало работу Орловское губернское земельное управление, директором которого был назначен агроном И.Ф. Скворцов, в его подчинении были окружные и районные (уездные) земельные отделы. Работа управления курировалась Орловским губернским сельскохозяйственным штабом, возглавлял который комендант Дитмар[2]. Что касается собственно губернских управ, в Орловской, Тульской, Ленинградской областях они так и не были созданы ввиду их частичной оккупации, причем несмотря на то что оккупация части Орловской области продлилась до 1943 г., а оккупация части Ленинградской области — до 1944 г.

Во главе города стояла городская управа, возглавляемая городским головой (бургомистром города)[3], который назначался германским командованием, а в случае самовыдвижения, практиковавшемся в некоторых городах, утверждался комендатурой[4].

Бургомистр был должностным и административным начальником всех подчиненных ему чиновников, подведомственных ему организаций и учреждений[5].

Городские управы включали в себя отделы, количество и наименование которых в различных городах различалось и зависело от ряда местных условий. Так, Калининская городская управа состояла из 16 отделов, включая личную канцелярию бургомистра, штаб охраны (полицию) и отделы: административный, хозяйственный, технический, медико-санитарный, просвещения, связи, строительный, жилищный, лесопильно-топливный, автотран-

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 152.

[2] *Мартынов М.М.* Это было в Орле. М., 1985. С. 450.

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.

[4] ТФ ГАРО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

[5] ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23—24.

спортный, коннотранспортный, финансовый, промышленный, пропаганды[1]. Структура Орловской городской управы выглядела несколько иначе, включая всего 10 отделов: общий, финансовый, государственного страхования и обеспечения, здравоохранения, полиции, транспортный, заготовок и снабжения, просвещения, права и гражданства, городского хозяйства. Причем каждый отдел включал подотделы[2]. Количество отделов Брянской горуправы равнялось восьми: финансовый, образования и православия, заготовок, торговый, общественного питания, строительный, топливный, дорожно-хозяйственный[3]. Смоленская горуправа также включала десять отделов: административный, земельный, городского архитектора, природных хозяйств, торгово-промышленный, жилищный, общественного призрения, пожарный, финансовый, образования[4].

В небольших по численности населения и объему промышленности и инфраструктуры городах количество отделов горуправ было еще меньшим. Так, Торопецкая горуправа Калининской области насчитывала шесть отделов: общий, финансовый, жилищный, городского хозяйства, охраны порядка, заготовок и сбыта[5]. Причем старшина города (бургомистр) одновременно управлял районом[6]. То есть система управления как районов, так и городов не отличалась единообразием, имея в каждом крупном населенном пункте специфические особенности, зависящие от местных условий. Штаты сотрудников горуправ также различались ввиду того, что каждый бургомистр, как правило, получал полную самостоятельность в формировании своего административного аппарата. Второй пункт изданного в декабре 1941 г. «Проекта схемы по организации Таганрогского городского управления бургомистерства» гласит: «Для ведения городских дел бургомистр создает себе секретариат и управление и назначает потребное чис-

[1] ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23—24. С. 142.

[2] ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23—24; Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 1—5, 21—22.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151—157.

[4] «Новый порядок» в Смоленске // Любимая Россия. 2006. № 2 (3).

[5] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

[6] Там же.

ло заместителей»[1]. Иногда такая чрезмерная самостоятельность приводила к «раздуванию» штатов горуправ. Так, бургомистр г. Пятигорска М. Орлов сформировал штат горуправы в количестве 136 чел., не считая обслуживающего персонала[2]. Смоленская горуправа, созданная 25 июля 1941 г., вначале включала 6 служащих, а на 10 августа 1943 г. ее штат составил 250 чел.[3] Однако в большинстве случаев штаты управ были максимально сжаты. Обычным было положение, когда в каждом отделе работали 2—4 чел. Лишь в некоторых отделах ввиду их специфики количество работников было больше. Так, штат упомянутой Торопецкой городской и районной управы включал: общий отдел — 5 чел. (бургомистр, секретарь, переводчик, машинистка, уборщица), финансовый — 2 чел. (зав. отделом, кассир-счетовод), жилищный — 3 чел. (зав. отделом, бухгалтер, делопроизводитель), городского хозяйства — 4 чел. (зав. отделом, заместитель, зав. складом, рабочий), заготовок и сбыта — 12 чел. (зав. отделом, технический работник, зав. складом, помощник зав. складом, конюх, 6 продавцов, мельник), подсобное хозяйство — 6 чел. (заведующий, конюх, тракторист, механик, 2 сторожа)[4]. Включая 9 чел. персонала больницы[5], которые также формально относились к служащим управы[6], общее количество служащих управы города и района составляло 38 чел.

Городские и районные управы являлись исполнительными и распорядительными органами местного самоуправления. К исполнительным функциям относились работа полиции, финансовое и налоговое дело, помощь семьям рабочим, выехавшим на работу в Германию, запись актов гражданского состояния, а также иные области деятельности, выходившие за пределы интересов города и имевшие общеокружное значение. К распорядительным функциям горуправы относились области работы чисто местного характера, не имевшие общеокружного

[1] ТФ ГАРО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

[2] ПГА. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 7. Л. 390.

[3] «Новый порядок» в Смоленске.

[4] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—3.

[5] Там же. Л. 1.

[6] Там же. Л. 3.

значения[1]. Однако в ряде городов и районов, особенно в первые недели и месяцы оккупации, функции органов местного самоуправления были настолько ограничены, что даже мелкие хозяйственные вопросы решались немецкими комендатурами. Так, в некоторых районах Калининской области на лето-осень 1941 г. комендатуры давали разрешение на занятие частным предпринимательством, сбор воска для производства церковных свечей и т.д.[2]

Структурные подразделения районных и городских управ — отделы формально были равны, на практике же одни отделы имели приоритетное значение по сравнению с другими. Так, главным отделом, как правило, был общий (административный), который курировал работу других отделов, занимался подбором их персонала. Вторым по значимости являлся финансовый отдел, который, составляя бюджет горуправы и занимаясь распределением финансов, фактически сосредотачивал в своих руках все нити управления другими отделами.

Финансирование городских и районных управ осуществлялось за счет налогообложения населения. Причем иногда налоговый сбор, как это было в оккупированных районах Калининской области, устанавливался не органами местного самоуправления, а немецкими комендатурами, составляя 40 рублей с каждого двора в месяц[3].

В крупных городах, преимущественно областных центрах, сохранялось деление города на районы. Так, г. Брянск был разбит на районы: Брянск 1-й (Брянск Северный), Брянск 2-й (Брянск Южный), Урицкий завод, Толстовский поселок[4], г. Калинин — на 8 районов, в каждом из которых сформировались районные управы, которыми руководили старшины. Каждый район делился на участки, возглавляемые участковыми, выполнявшими полицейские функции. Участковые подчинялись одновременно старшине и начальнику штаба охраны городской управы, кроме того, име-

---

[1] ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23—24; Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 1—5, 21—22.

[2] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 51, 53.

[3] Там же. Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

[4] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153.

ли прямую связь с гестапо. Участок, в свою очередь, делился на кварталы, каждый из которых возглавлял квартальный, ему подчинялись коменданты многоквартирных домов[1].

Подобное деление городов на кварталы и введение института квартальных старост практиковались и в других местностях. Так, городской голова (бургомистр) северокавказского г. Прикумска И. Четвериков приказом от 20 ноября 1942 г. организовал 6 квартальных управлений во главе с квартальными старостами. Они подчинялись непосредственно бургомистру, получали от него конкретные приказы. Канцелярия квартального управления включала, кроме старосты, писаря, получавшего месячный оклад в 200 рублей[2]. Количество квартальных старост зависело от численности населения. Так, в г. Краснодаре 1 участковый староста назначался на 3000 чел. населения[3]. Бремя содержания каждого квартального управления ложилось на местное население. Так, горуправа Прикумска выделяла на содержание каждого квартального управления всего по 50 рублей в месяц, а с каждого жителя старше 14 лет на содержание новой категории чиновников собиралось по 1 рублю в месяц[4]. Помимо наделения квартальных старост обычными исполнительными функциями, горуправы намеревались с помощью этого нового института управленцев повысить ответственность населения за сохранность жилищного фонда, содержание дворов, водоемов и т.д. По оценке оккупационной прессы, работа квартальных старост в этом направлении давала хорошие результаты[5].

Контингент сотрудников органов местного самоуправления составляли, как правило, лица из местного населения[6], а бургомистр города, согласно докладной записке Матвеева и Быстрова, «обычно импортируется из Германии из числа белогвардейцев или назначается из числа ярых врагов Советской власти»[7]. Что

---

[1] *Ирлицин В.И.* Указ. соч. С. 142—143.

[2] Прикумский вестник. 1942. 5 декабря.

[3] Кубань. 1942. 22 апреля.

[4] Прикумский вестник. 1942. 5 декабря. Кубань. 1942. 22 апреля.

[5] Прикумский вестник. 1942. 5 декабря.

[6] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153.

[7] Там же. Л. 153—155.

касается использования в аппарате самоуправления русской эмиграции, такие факты были скорее исключением, нежели правилом. Так, еще до нападения Германии на СССР начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал-лейтенант Альфред Йодль 3 марта 1941 г. подготовил для Гитлера документ, в котором о возможной роли эмиграции говорилось: «Бывшая буржуазно-аристократическая интеллигенция, если она еще и есть, в первую очередь среди эмигрантов, также не должна допускаться к власти. Она не воспримется русским народом и, кроме того, она враждебна по отношению к немецкой нации. Мы ни в коем случае не должны допустить замены большевистского государства националистической Россией, которая, в конечном счете (о чем свидетельствует история), будет вновь противостоять Германии»[1]. Относящаяся к началу 1942 г. информационная сводка штаба партизанского отряда им. Ворошилова, оперировавшего на юге Орловской области, сообщает, что «бургомистры назначаются из немцев, живших на территории Советского Союза, и из советской интеллигенции, которая продалась немцам, изменив Родине»[2]. Так, бургомистром г. Брянска был назначен немец Карл Шифановский, а начальником топливного отдела Брянской горуправы — прибывший из Эстонии Альфонс Иванович Соц[3].

Подбор руководящих кадров осуществлялся с учетом их опыта работы в той или иной отрасли, должностей, которые они занимали в советских учреждениях. Немаловажное значение имело их отношение к советской власти, причем предпочтение отдавалось пострадавшим от политических репрессий, бывшим членам других партий и фракций (меньшевикам, эсерам и т.д.). Некоторые авторы мемуаров ввиду этого пытаются объяснить наличие в аппарате местного самоуправления русских именно политической подоплекой. Так, бывший начальник Орловского УНКВД К.Ф. Фирсанов пишет: «С первых дней оккупации в городах и районах нашей области стала всплывать на поверхность разная нечисть: троцкисты, меньшевики, правые эсеры, кулаки и бывшие купцы... Вся эта немногочисленная, но очень

---

[1] Цит. по: *Млечин Л.М.* Указ. соч. С. 387—388.

[2] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153—155.

озлобленная и грязная свора была верной опорой и лакеями фашистов»[1].

Однако нередки были случаи, когда ответственные руководящие посты в аппарате самоуправления занимали бывшие советские и даже партийные работники, лица из числа советской интеллигенции. По утверждению А.Ю. Попова, представители советской интеллигенции стали основными кадрами органов городского самоуправления. Тот же автор отмечает, что в 1941 г. кадры органов самоуправления рекрутировались даже из партизан[2]. В частности, приказ № 17 по кавалерийской бригаде СС от 31 октября 1941 г. гласил: «Пленных партизан, производящих впечатление интеллигентных людей, сразу не следует расстреливать… их следует доставить в штаб бригады»[3]. Правомерно предположить, что немцы знали о том, что сотрудники советского и партийного аппарата нередко с приходом немцев уходили в партизанские отряды. Следовательно, в ряде населенных пунктов на легальном положении оставалось гораздо меньше советских руководителей, нежели в рядах партизан, откуда их приходилось «извлекать» оккупантам с последующим использованием не только для получения соответствующих сведений в ходе допросов, но и для формирования администрации самоуправления. Так, только в Ветринской полиции (Калининская область) служили не менее двух бывших партизан: начальник 1-го отдела И. Липчик и полицейский И.Г. Урский[4]. Любопытно, что в той же Калининской области нередки случаи, когда гражданские должности в органах самоуправления занимали бывшие полицейские чины. В частности, бургомистр г. Дриссы А. Козловский ранее служил начальником полиции д. Россица, бургомистр Ветринского района Н. Конопов — начальником Полоцкой полиции, волостной старшина Н. Спасибенок — полицейским в Польше[5].

Обзор кадрового состава органов местного самоуправления подтверждает мнение о наличии в числе руководителей немалого

[1] *Фирсанов К.Ф.* Указ. соч. С. 77.

[2] *Попов А.Ю.* Указ. соч. С. 73.

[3] Там же.

[4] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 284. Л. 2 об.

[5] Там же.

количества интеллигенции, советских и партийных работников. Так, первым бургомистром г. Новгорода был ученый-археолог В. Понамарев, до войны работавший научным сотрудником музея, бургомистром г. Пскова — учитель математики Черепенкин. Бургомистром г. Смоленска был назначен профессор физики и астрономии Б. Базилевский, его сменил известный в городе адвокат Б.Г. Меньшагин. Он приобрел популярность среди горожан ввиду того, что защищал крестьян в период коллективизации, а в ходе дела о вредительстве в животноводстве дошел до генерального прокурора А.Я. Вышинского, добившись отмены ряда смертных приговоров[1]. Заместителем бургомистра г. Брянска работал И.И. Плавинский, до оккупации служивший инженером дорожно-мостового отдела Брянского горсовета, финансовый и строительный отделы Брянской горуправы возглавляли члены ВКП(б) Дудкин и Мирошниченко, соответственно. Отделом заготовок Брянской горуправы заведовал бывший заготовитель Брянторга С. Фабрикантов. Бургомистром Брянска Южного (один из районов г. Брянска) стал бывший инженер завода «Красный Профинтерн» П. Соколов, бургомистром г. Орджоникидзеград — бывший учитель Герасимов[2]. Бургомистром райцентра Погар Орловской области был назначен бывший директор МТС Шлапак, а начальником полиции в том же районе — бывший секретарь поселкового совета Синицкий[3]. Бургомистром г. Твери (оккупанты вернули г. Калинину историческое название) стал бывший инженер коммунального хозяйства, офицер армии А.В. Колчака дворянин В.А. Ясинский[4], бургомистром г. Пятигорска — главный врач курортного санатория М. Орлов[5]. Оккупированную часть г. Сталинграда возглавил бывший зав. хирургическим отделением железнодорожной больницы врач Макушин[6]. Обзор списков лиц немецких пособников и формулярных дел органов НКВД дает основания утверждать, что не менее 30 % служащих

---

[1] *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 92—93.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153—156.

[3] *Абрамович И.Е.* Указ. соч. С. 122.

[4] *Мангазеев И.А.* Коллаборационисты.

[5] ПГО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 7. Л. 390.

[6] *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 98.

аппарата самоуправления составляли советские и партийные работники. Так, из 140 «бывших немецких ставленников», взятых на учет Почепским РО НКВД Брянской области на 10 августа 1944 г., 50 чел. — бывшие советские и партийные работники, 2 — крестьяне-единоличники, 3 — рабочие, 3 — безработные, 1 — официантка, 81 — рядовые колхозники[1]. Не менее интересно, что служащие аппарата самоуправления после оккупации в большинстве своем остались на ответственных должностях. В некоторых случаях заняли более высокие, нежели до войны, должности. Так, почепский учитель М.И. Полессков в период оккупации служил начальником паспортного стола, после освобождения Почепского района стал заведующим Районным отделом народного образования. Бывшие счетоводы, писари, землемеры, служившие в оккупацию старостами, в большинстве стали председателями колхозов. А секретари сельских советов, бывшие в оккупацию волостными старшинами, в ряде случаев заняли должности председателей сельских советов[2]. Такой парадокс можно объяснить острой нехваткой руководящих кадров, в результате чего приходилось мириться с компрометирующим прошлым данной категории руководителей.

Однако следует отметить и другую сторону кадрового состояния органов самоуправления. Несмотря на немалое количество среди управленцев бывших советских и партийных работников, их было недостаточно для создания полновесных управленческих структур. Поэтому нередко на ответственные административные должности приходилось ставить простых рабочих и колхозников, ввиду чего кадровый состав органов местного самоуправления, хотя и отличается преобладанием советской интеллигенции, однако не менее чем на 2/3 копирует социальный состав той или иной местности[3].

Лица, осужденные за уголовные преступления, в аппарате органов самоуправления работали крайне редко. В этой связи часто встречающееся в советской литературе и исследованиях того периода утверждение, что якобы на ответственные должности в

---

1 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 74—75 об., 76—81.

2 Там же.

3 ТЦДНИ, Ф. 479. Оп. 1. Д. 284. Л. 2 об.

период оккупации назначались преимущественно уголовники и маргиналы[1], не выдерживает серьезной критики.

Значительное количество в аппарате самоуправления партийных и советских работников, согласно выводам А.Ю. Попова, впоследствии нередко использовалось советскими партизанами для насаждения своей агентуры[2]. Бывший начальник Орловского УНКВД К.Ф. Фирсанов в своих мемуарах указал, что в начальный период оккупации чекисты сосредотачивали свое внимание на том, чтобы парализовать деятельность низовой администрации. С этой целью старостам, старшинам и бургомистрам через партизанскую разведку передавались послания следующего содержания: «Мы не возражаем против того, что ты стал старостой, но не смей обижать советских людей, тем более семьи партизан. Кроме того, ты обязан помогать партизанам». Если верить К.Ф. Фирсанову, многие старосты после этого действительно становились на путь сотрудничества с партизанами, саботируя мероприятия оккупантов по сбору продовольствия, оружия, отправки в Германию рабочей силы. Отказавшиеся от сотрудничества управленцы уничтожались партизанами[3]. Так, бывший председатель колхоза в деревне Дольской Трубчевского района Орловской области М. Морозов по заданию чекистов стал старостой. Уничтожив по заданию НКВД заместителя трубчевского бургомистра Павлова, М. Морозов организовал партизанский отряд и стал его командиром[4]. Бургомистром Дятьковского района Орловской области с согласия партизан стал Калашников, с помощью которого партизанам удалось выявить нескольких немецких агентов[5]. В полосе действия Калининского фронта, согласно докладу о состоянии разведывательной работы в партизанских бригадах КФ, на июнь 1943 г. агенты партизан из числа бургомистров, волостных старшин составляли довольно многочисленную группу — 47 чел., что уступало лишь количеству агентуры из числа крестьян (212 чел.) и служащих германских учреждений (60 чел.)[6].

[1] *Шуляков В.А.* Указ. соч. С. 25.

[2] *Попов А. Ю* Указ. соч. С. 73.

[3] *Фирсанов К.Ф.* Указ. соч. С. 67—68.

[4] *Слюнин В.Т.* Указ. соч. С. 91.

[5] *Фирсанов К.Ф.* Указ. соч. С. 68.

[6] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11.

Что касается полномочий органов местного самоуправления, формально им была предоставлена полная самостоятельность, фактически же они стали послушным орудием в руках немецкого командования. Так, бургомистр г. Пятигорска на первый взгляд был наделен широкими полномочиями. В частности, мог во внесудебном порядке назначать виновным наказания до 3 лет тюремного заключения. Однако управлять он мог только от имени комендатуры и под ее контролем. В приказе коменданта Пятигорска от 12 августа 1942 г. говорилось: «Все распоряжения и приказы бургомистра являются обязательными для населения и будут поддерживаться авторитетом германской армии»[1]. В г. Таганроге бургомистр отдавал приказы от имени германского командования, если приказ исходил не от комендатуры, а от бургомистра, в нижней части приказа обязательно ставилась отметка «просмотрено ортскомендантом» или «просмотрено: городской комендант»[2]. Подобное положение, а также тотальный контроль со стороны немецких комендатур в течение всего периода оккупации сохранялись и на других территориях РСФСР[3]. Так, в г. Торопа Калининской области по всем вопросам, даже хозяйственным, горуправление обращалось за разрешением к коменданту города. В частности, просило разрешить осмотр помещения, где хранятся рыболовные снасти, отпустить со склада масло для столовой и городской больницы, разрешить вывоз кормов для скота, выделить помещение для пожарной охраны[4].

Повсеместно практиковалась отчетность нижестоящих руководителей перед вышестоящими. Высшие должностные лица в системе самоуправления — бургомистры городов и районов — отчитывались перед немецкими военными и хозяйственными комендатурами. Исключение могли составлять лишь бургомистры, заслужившие полное доверие немецких властей[5].

В то же время недостаток советских руководящих кадров вынуждал бургомистров ставить на ответственные должности в го-

---

[1] Пятигорское эхо. 1942. 18 августа.

[2] Кубань в годы Великой Отечественной войны... Кн. 1. С. 460.

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11—11 об.

[4] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 7. Л. 22—24, 35.

[5] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.

родских и районных управах лиц, не имеющих опыта руководящей работы. Это, особенно в первые недели оккупации того или иного района, приводило к нечеткой работе отделов, плохой дисциплине среди сотрудников. Так, по Калининской области отмечались халатность в работе руководителей отделов, плохое выполнение, а то и игнорирование распоряжений бургомистра, а также плохая организация работы отделов[1]. Зарегистрировано также полное игнорирование начальниками отделов распоряжений бургомистра, несмотря на неоднократные предупреждения[2]. О качестве работы должностных лиц органов местного самоуправления в тыловых районах группы армий «Центр» выразительно говорят итоги прошедшего 18 декабря 1942 г., проведенного хозяйственной инспекцией совещания, посвященного подведению итогов работы русских органов самоуправления за прошедший год. В частности, в докладе хозинспекции констатировалось невыполнение старостами и волостными старшинами своих обязанностей и содержались требования об устранении допущенных недостатков. Последние касались упорядочения вопросов уборки снега, сбора денежного налога, обеспечения школ топливом (дровами), обустройства беженцев, учета населения, обеспечения частей вермахта дровами[3]. Лишь в тех районах РСФСР, где оккупация приняла затяжной характер, работу органов самоуправления удалось наладить, несмотря на кадровый дефицит.

Помимо специфических должностных обязанностей, накладывавшихся на руководителей различных уровней, следует выделить и такую общую черту их деятельности, как осуществление учета населения, в первую очередь трудоспособного, контроль за его передвижением, что являлось одним из шагов осуществления «восточной политики». Так, в городах и селах оккупированных областей первым шагом оккупантов и подчиненных им органов местного самоуправления стала перерегистрация населения, которая имела целью выявление наличия рабочей силы, национального состава населения, контингента, согласного сотрудничать с оккупантами, и партийно-советского актива. Так, в

[1] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

[2] Там же. Д. 9. Л. 17.

[3] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 649. Л. 39.

Брянске и Орле перерегистрация прошла в ноябре 1941 г. С этой целью все граждане, проживающие в городах, были обязаны явиться в городские управы с советскими паспортами. Там они заносились в книгу учета, а в паспорт ставился штамп. Лица, не имевшие советских паспортов (красноармейцы-окруженцы, отпущенные из лагерей военнопленные, беженцы, дезертиры из партизанских отрядов и РККА), получали временные удостоверения личности[1].

После перерегистрации следовала перепрописка обладателей советских паспортов и временных удостоверений личности, которой занимался паспортный стол горуправы, непосредственно подчинявшийся начальнику полиции. Прописка производилась через уличного старосту, который с домовой книгой, имеющейся в каждом доме, и паспортом прописываемого являлся в паспортный стол, где в паспорт и домовую книгу ставился соответствующий штамп. С целью полноты учета населения органы местного самоуправления применяли к проживающим без прописки лицам штрафные санкции — от денежного штрафа до тюремного заключения[2]. С этой же целью в июле 1942 г. в Орле и Брянске органы местного самоуправления провели вторичную перерегистрацию населения, в ходе которой наряду с пропиской в паспорте или временном удостоверении, выдаваемом на 1 год, ставился особый штамп о политической благонадежности. Всего имелось 4 группы, причем обладатели 4-й группы считались особо неблагонадежными и были обязаны еженедельно являться в полицию для отметки.

По распоряжениям немецких комендатур органы местного самоуправления следили за национальным составом населения, при этом особое внимание уделялось учету евреев и цыган. Горуправы составляли для представления в комендатуры подробные информационные сводки о количественном, половозрастном, профессиональном составе этих групп населения[3]. Практические меры по изоляции евреев возлагались бургомистрами на начальников органов полиции, причем подобные приказы бургомистры

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 154.

[2] Там же. Л. 154.

[3] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 10, 15.

отдавали исключительно со ссылками на распоряжения немецких комендатур[1].

В сельских населенных пунктах, жители которых не имели паспортов и каких-либо иных документов, удостоверяющих личность, перерегистрация населения проводилась путем опроса каждого[2]. К этой работе привлекались сельские старосты и волостные старшины.

Работа созданных на оккупированных территориях органов самоуправления позволила оккупантам обеспечить относительно нормальное функционирование всех отраслей хозяйства, включая промышленность, сельское хозяйство, инфраструктуру. Создание же вполне дееспособных властных структур стало возможным благодаря использованию большого количества бывших советских и партийных работников, избежавших эвакуации в советский тыл, деятельность которых дала оккупантам возможность наладить управление западными областями РСФСР. Правомерен вывод, что деятельность лиц, поступивших на службу к врагу в административной сфере, привела к тому, что оккупация России приняла затяжной характер. Так, германская армия, вторгшаяся в глубь СССР, не была «вытолкнута» оттуда, а получила приемлемые условия для снабжения, что обеспечивалось нормальной работой структур самоуправления, созданных из советских граждан. Однако при этом следует различать коллаборационистов и псевдоколлаборационистов, то есть тех, кто занял должности в аппарате самоуправления по заданию партизан либо советского подполья, оказывая при этом помощь в борьбе с оккупантами. Что касается тех, кто вступил на путь коллаборации с немцами в сфере управления, работал в структурах самоуправления, их деятельность недопустимо упрощать до банального предательства на фоне низменных чувств и оценивать исключительно в контексте помощи врагу и работы на оккупантов. В этом отношении нельзя пройти мимо мнения доктора исторических наук, профессора М.И. Семиряги, считавшего необходимым «четко различать деятельность уголовных элементов, наносящих ущерб стране, от хозяйственной деятельности, полезной для общества и невозможной без сотрудничества с оккупационными

[1] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

[2] Там же. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

властями»[1]. Нельзя не признать, что, сотрудничая с оккупантами, органы местного самоуправления тем не менее, пусть на минимальном уровне, обеспечивали быт оставшегося на оккупированной территории населения. Поэтому административный коллаборационизм в сфере управления нельзя рассматривать лишь как явление, нанесшее вред интересам нашей страны. Необходимо признать, что наряду с этим коллаборационисты-управленцы, исходя из функций управленческих структур, занимались также жизнеобеспечением населения, помогая ему перенести тяготы оккупации.

§ 2. Образование в условиях оккупации

В период оккупации была сохранена система образования, которая в то же время подверглась изменениям по сравнению с довоенной. К таковым относятся сокращение численности учебных заведений, в том числе школ, уменьшение количества изучаемых дисциплин, корректировка учебных программ, введение изучения религии.

Планы гитлеровского руководства Германии не предусматривали сохранения на территории СССР довоенной сети образовательных учреждений. Напротив, генеральный план «Ост», отправные установки которого, разработанные Г. Гиммлером, были доложены Гитлеру 25 мая 1940 г., предусматривал уничтожение всякого образования на территории СССР, за исключением начального. По замыслу Гиммлера, программа русских начальных школ должна включать «простой счет, самое большее — до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным». Даже умение читать Гиммлер считал для русского населения излишним[2].

Однако практическая необходимость вынуждала оккупантов разрешить органам местного самоуправления сохранить систему образования в приемлемом для условий оккупации объеме. Выразительное объяснение этому дано в записке главного квартирмейстера группы армий «Север», подготовленной 3 мая 1943 г., в ко-

---

[1] *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. С. 633.

[2] *Полторак А.И.* Нюрнбергский эпилог. М., 1989. С. 8.

торой обобщается опыт работы с русским населением на предшествующие полтора года войны: «Поскольку трудовая повинность начинается только с 14-летнего возраста, молодые люди в городах в возрасте от 12 до 14 лет практически предоставлены самим себе, бездельничают, спекулируют или убивают время другими способами. Такое состояние является совершенно недопустимым. Оно дает возможность русским, избалованным очень дифференцированной советской школьной системой, говорить о разрушительной политике немцев в области культуры и способно создать прямую угрозу общественному порядку»[1]. Из текста записки явствует, что, сохраняя систему народного образования в своих тыловых районах, германские командиры преследовали две основные задачи: недопущение детской и подростковой преступности, бродяжничества, а также завоевание симпатий гражданского населения.

Система образования в ходе оккупации претерпела значительную эволюцию. При создании органов местного самоуправления в их структуру обязательно включался отдел просвещения или школьный отдел, в задачи которого входили обеспечение сохранности школьного имущества, учет педагогических кадров, поддержание порядка в учебных заведениях[2]. Однако ввиду того, что война с СССР не стала шестинедельным «блицкригом», оккупантам пришлось настраиваться на долговременное сотрудничество с населением Советского Союза. Для этого были необходимы демонстрация внимания к нуждам населения — с одной стороны, а также эффективный контроль за настроениями населения, в первую очередь интеллигенции и молодежи, — с другой. Это достигалось путем воспитания советских граждан, в основном, подрастающего поколения, в духе лояльности к нацистскому режиму, что осуществлялось посредством системы образования. С этой целью с весны-лета 1942 г. повсеместно началась работа по подготовке школ к учебному процессу. Данные о работе школ до этого периода практически отсутствуют.

В процессе подготовки отделами просвещения была проделана огромная работа, которая в первую очередь коснулась коррек-

---

[1] Цит. по: *Хасс Г.* Германская оккупационная политика в Ленинградской области // http//vivovoco.rsl.ru.

[2] *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 72.

тировки учебных программ. Так, в программу начального образования включалось не более семи предметов: русский язык (сюда же входили пение, рисование, чистописание), немецкий язык, арифметика, география, естествознание, рукоделие (для девочек) или труд (для мальчиков), физкультура. Почасовой объем обучения предусматривал 18 часов в неделю для учащихся 1-х классов, 21 час — для учащихся 2-х классов, 24 часа — для учащихся 3-х классов, 26 часов — для учащихся 4-х классов (Приложение 1. Таблица 2)[1]. В изданном германскими властями «Предписании для учителей» содержатся конкретные требования к знаниям по тому или иному предмету, указания по их изучению. Так, в результате 4-летнего изучения немецкого языка учащиеся должны уметь «изъясняться по-немецки в повседневной жизни», курс русского языка предусматривал овладение навыками чтения, грамматику рекомендовалось изучать «постольку, поскольку это необходимо для достижения указанной цели». В процессе обучения природоведению рекомендовалось заниматься «преимущественно теми животными, растениями и явлениями природы, с которыми детям приходится иметь дело». Курс арифметики включал: для 1-х классов — действия с числами от 1 до 10, для 2-х классов — от 10 до 100, для 3-х классов — от 100 до 1000, в 4-х классах — от 1000 до любой величины. На уроках пения позволялось «петь только русские народные и церковные песни. Пение песен политического содержания воспрещается»[2].

Наряду с корректировкой программ изымались предметы, которые отделы просвещения сочли ненужными. Так, в первой семилетней школе г. Брянска на 1942—1943 учебный год было запланировано преподавание всего семи предметов: русского и немецкого языков, Закона Божиего, математики, физики, химии, географии[3]. Впоследствии в программу школ Брянского округа решили добавить еще четыре дисциплины: географию, историю, естествознание и обществоведение[4].

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 60 об.

[2] Там же. Л. 61.

[3] *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 73.

[4] Клич. Еженедельная газета для военнопленных. 1942. 16 августа. № 32 (54).

В ряде школ вводился новый предмет — Закон Божий, к преподаванию которого привлекались наспех подготовленные для этой цели законоучителя. Однако повсеместного охвата школ этим предметом не произошло, в основном, из-за нехватки соответствующих учителей, а также из нежелания подрывать авторитет новой власти. Так, в Клинцовском округе, включавшем 10 районов, окружной бургомистр Грецкий, выступая 18 мая 1942 г. на совещании районных бургомистров, выразил недовольство по поводу широкого охвата школ преподаванием Закона Божиего. При этом пояснил: «Хотя нет возражений против преподавания этого предмета, но за отсутствием в данное время квалифицированных преподавателей предлагается по принципиальным причинам воздержаться от преподавания этой дисциплины, чтобы не создавать ложного представления об учителе, так как эти же учителя в советской школе говорили совсем другое»[1]. К концу 1942 г. удалось наладить преподавание Закона Божиего в большинстве школ. В частности, на декабрь 1942 г. из 4 школ г. Брянска Закон Божий не преподавался лишь в школе № 3 по причине отсутствия преподавателя. В других трех брянских школах этот предмет вели женщины, выделенные церковной администрацией. В школах № 1 и 2 Закон Божий не входил в перечень обязательных дисциплин, его посещали лишь дети, родители которых выразили такое желание[2]. В некоторых оккупированных областях преподавание Закона Божиего в светских школах началось с еще большим опозданием. Так, в школах г. Смоленска этот предмет был введен лишь в мае 1943 г., преподавали его священнослужители церквей города. В частности, в школе № 3 по просьбе ее директора В.Н. Гришина Закон Божий вел настоятель Гурьевской церкви Евгений Лызлов[3]. Если верить оккупационной коллаборационистской прессе, предмет воспринимался школьниками с большим интересом, а их родители поддерживали введение Закона Божиего в школьную программу[4].

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 44 об.

[2] *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 81.

[3] *Домбровская Е.В.* На уроке Закона Божиего // Новый путь (г. Смоленск). 1943. 30 мая. № 42 (164).

[4] Там же.

Особое отношение как у германских оккупационных властей (политического отдела), так и у отделов просвещения было к истории как предмету, идеологически нагруженному. Хотя ведущее место и отводилось истории России, однако учителям предписывалось делать основной акцент на положительные стороны европейской ориентации России. Например, при изучении колонизаторской деятельности самодержавия требовалось особо подчеркивать позитивные итоги переселения немецких крестьян в Россию. Необходимо было останавливаться на эпохе русского абсолютизма, истории развития крестьянства, крестьянских реформ. Обязательным разделом стало изучение истории христианства в России, его положительное влияние на все стороны политики и быта населения. Напротив, в ходе уроков, посвященных истории еврейства, от учителей требовалось не жалеть черную краску, освещая негатив, внесенный евреями в российскую историю[1].

В ходе изучения тех или иных событий от учителей истории требовалось умение дать им нужную трактовку. В частности, уметь провести параллели между «созидающей» и «разрушающей» революциями. Под первой понимался приход нацистов к власти в январе 1933 г., под второй — приход к власти большевиков в октябре 1917 г. При этом учителю вменялось в обязанность разоблачать большевизм и марксизм «как чуждые и лживые доктрины»[2].

Ввиду всего этого к историкам-предметникам предъявлялись особые требования, им необходимо было иметь «культурную зрелость и наличие знаний европейской культуры»[3]. С этой целью на различных учительских комиссиях в повестку дня включались доклады с критикой марксистских основ истории. Попутно из учебников и программ изымался весь тенденциозный материал, например, восхваляющий советский строй. Однако учителей, полностью удовлетворяющих предъявляемым требованиям, остро не хватало, поэтому в ряде школ предмет истории вообще не включался в программу[4].

---

[1] *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 79.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 80.

Обучение школьников в большинстве случаев производилось по советским учебникам, которые по указанию местных комендатур подвергались корректировке. В частности, из всех учебников, даже математических задачников, исключались неологизмы, возникшие при советской власти. Например, производилась следующая замена слов: колхоз — деревня, колхозник — крестьянин, товарищ — гражданин, господин, СССР — Россия, советский — русский и т.д.[1] К этой работе привлекались коллаборационисты из числа школьных учителей и руководящих работников отделов просвещения городских и районных управ. Так, в г. Брянске накануне нового учебного года, в августе 1942 г., при школьном отделе Брянской окружной управы приступила к работе Особая комиссия по корректированию программы и пересмотру школьных учебников, созданная из городских и сельских учителей. По сообщению прессы, «на долю этой комиссии выпала большая работа по очистке программы и учебников от всякого коммунистического хлама и подбору более ценного материала»[2]. Лишь в северных областях РСФСР для русских школ использовались изданные в г. Риге учебники. Тиражи были недостаточными, ввиду чего при распределении учебников по школам 1 учебник приходился на 3 учащихся[3]. Однако ввиду недостатка новых учебников и запрета использования советских немало школ, в частности, Калининской области, осуществляли лишь словесное обучение — без учебной литературы[4].

Значительное место уделялось воспитательной работе, которая в основных чертах копировала воспитательную работу, существовавшую при советской власти, изменения коснулись лишь ее идеологической направленности. Так, на оккупированной территории Калининской области обязательными стали регулярные беседы на темы «Германия — освободительница русской земли от большевистского ига», «Чтение биографии Адольфа Гитлера». В одном из планов воспитательной рабо-

[1] От ЧК до ФСБ. С. 273.

[2] Клич. Еженедельная газета для военнопленных. 1942. 16 августа. № 32 (54).

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61 об.

[4] Там же. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

ты 4-го класса говорилось о необходимости «прививать навыки духовной культуры: а) повседневно следить и требовать от детей вежливого отношения к учителям, к родителям, ко всем старшим, особенно к германскому командованию, германским солдатам; б) научить молиться Богу путем активного участия на общей линейке утром и после уроков на молитве в классе; в) научить детей благоговейно относиться к иконам и церкви путем бесед в четверг на каждой неделе»[1]. Однако основная ориентация делалась на положительный пример Германии. Так, в плане воспитательной работы 5-го класса на этот счет говорилось: «В ежедневной работе с классом подчеркивать разницу в зажиточной, культурной и счастливой жизни рабочих и крестьян новой Европы и закрепощение их в советской России благодаря методам марксизма. Прививать любовь к труду, особенно к труду крестьянина, указав, что в Германии работа крестьянина почетна и трудовая повинность обязательна»[2].

Соответствующей идеологической обработке подвергался и педагогический персонал, которому вменялось в добровольном или принудительном порядке следовать установкам оккупационных властей и органов местного самоуправления. В изданном германскими властями «Предписании для учителей», в частности, говорится: «Учителя обязаны во всех отношениях считаться с интересами германских военных властей, нарушение этого принципа будет считаться саботажем и караться по законам военного времени»[3]. Так, в г. Орле учителя, даже неработающие, были обязаны прослушать «Курс педагогической переподготовки»[4]. В г. Ржеве Калининской области работу школ контролировал представитель комендатуры обер-лейтенант Роланд Фрейгерт. Он надзирал за настроениями учителей, особенно преподававших идеологически нагруженные дисциплины — литературу, историю, обществоведение, географию. Проводя собрания учителей, он внушал, что «ничего коммунистического, советского не должно быть. В советской школе нет порядка. Ученики не дисциплини-

[1] От ЧК до ФСБ. С. 273.

[2] Там же.

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61.

[4] *Верт А.* Указ. соч. С. 502.

рованны, невоспитанны и безграмотны»[1]. В г. Брянске для учителей открылась специальная политическая школа, контролировал работу которой офицер гестапо, историк по образованию, Ферч. Штат сотрудников политшколы включал начальника, библиотекаря, лекторов, работников канцелярии — всего 5—6 чел. Помимо привития интеллигенции нужной идеологии, школа готовила кадры пропагандистов, для чего организовывались курсы, программа которых предусматривала усвоение десяти тем соответствующей направленности: «Биография А. Гитлера», «Новая Европа», «Расы и расовая теория» и т.д.[2] Политшкола стала в некотором роде координирующим центром, ответственным за проведение мероприятий, направленных на политическую переподготовку учителей, составление учебных планов. В дальнейшем на базе политшколы планировалось открыть курсы для учителей, где бы они получали знания о Германии и национал-социализме[3]. Кроме того, использовались иные методы идеологического воздействия на учителей. Так, 26—28 сентября 1942 г. в Брянске прошла учительская конференция. В прозвучавшем на ней докладе «О задачах новой школы» инспектор окружной управы отметил, что объем знаний остается прежним, но меняется их идеологическая направленность. В ходе работы учительских предметных секций просматривались учебные программы, из них изымался идеологически не приемлемый материал. Так, из программ начальных классов изымались все коммунистические песни, в частности, «Марш октябрят»[4]. Учителям же «рекомендовалось» больше знакомить учащихся с бытом германского рабочего[5]. 18 января 1943 г. начали работу десятидневные курсы для учителей, преподававших историю в школах Брянского округа[6].

Однако, несмотря на тотальный идеологический контроль, зарегистрированы случаи отклонений от предписанных нацистами

---

[1] ЛАЕ. Культура и просвещение в оккупацию // Неизвестный автор (рукопись).

[2] *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 82.

[3] Там же. С. 77.

[4] Там же. С. 75—76.

[5] Там же. С. 76.

[6] *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 82.

постулатов. Так, в школах г. Брянска имело место пение Интернационала[1], в школах г. Пскова были в ходу пионерские песни, а также «Тачанка»[2]. В начальной школе деревни Лубенск Локотского округа, по свидетельству местной жительницы Т.Н. Гришаевой, учащиеся, воспользовавшись отсутствием учителя А.В. Шубина, обстреляли из рогаток и продырявили висевший в классе портрет Гитлера.

Что касается контингента коллаборационистов в сфере образования, его составляли, в основном, бывшие учителя, методисты, директора школ, сотрудники РОНО, которых за линией фронта осталось достаточное количество. Так, в Ржевском районе были зарегистрированы 150 учителей, из них 40 — в г. Ржеве. Директором открывшейся в период оккупации гимназии № 1 г. Ржева стал бывший директор средней школы № 8 Е.И. Гаврилов, завучем — бывший директор средней школы № 5 А.И. Милославский[3]. В Новоржевском районе Ленинградской области, население которого составляло 100 000 чел., в период оккупации в 55 начальных школах работали 115 учителей[4]. По Почепскому району Орловской области из 2498 рабочих и служащих 216 чел. составляли учителя, т.е. педагогических работников было 8,6 % от общего количества трудящихся[5]. Подавляющее большинство оставшихся за линией фронта учителей добровольно встали на путь коллаборации, по крайней мере острого недостатка в педагогических кадрах не было. В некоторых случаях в сфере образования трудились литераторы, работники культуры. Так, Новгородский отдел народного образования возглавил писатель и поэт А. Егунов, творивший под псевдонимом Андрей Николев, автор вышедшей в 2002 г. книги «Елисейские радости»[6].

---

[1] *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 80.

[2] *Полчанинов Р.В.* Псковское содружество молодежи \\ Под оккупацией: сб. статей \ под ред. Б.С. Пушкарева. М.: Посев, 2004. С. 107.

[3] ЛАЕ. Культура и просвещение в оккупацию.

[4] Заря. 1943. 28 февраля. № 16.

[5] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 18.

[6] А. Егунов родился в дворянской семье, был связан с поэтом А. Блоком. Первое произведение — авторизированный перевод «Законов» Платона. В 1933 г. арестован за участие в работе неофициального молодежного литературного кружка «Осьминог», отбыл 3 года ссылки в Западной

В то же время немало педагогических работников за недостатком рабочих мест в системе образования были вынуждены устраиваться на ответственные должности в органы местного самоуправления или немецкие комендатуры. Так, в Красногородском районе Калининской области начальником паспортного стола районной управы служила педагог-орденоносец М.В. Виталева, заведовала женским отделом районной биржи труда педагог, комсомолка В.С. Карузина[1]. Они же являлись оплачиваемыми немецкими агентами[2]. Учитель М.И. Полесском в оккупацию заведовал паспортным столом Хомутовского района Курской области, педагог И.Е. Трощановский работал секретарем заместителя бургомистра Почепского района Орловской области[3]. Однако основную массу неработающих учителей использовали на физических работах: по строительству дорог, на лесоразработках, на разгрузке вагонов и т.д.[4] Иногда работающие, но свободные от занятий учителя, например, в дни каникул, также могли быть использованы на физических работах по распоряжению бургомистров и волостных старшин[5]. Учителя, не способные к физическому труду, нередко были вынуждены нищенствовать, побираясь по деревням[6].

Материальный уровень вставших на путь коллаборации педагогов на протяжении всего периода оккупации оставался крайне низким. В частности, зарплата учителей школ Калининской области составляла в среднем 300 рублей в месяц. Кроме того, калининские педагоги получали по 200 гр. хлеба в день[7]. Учителя школ г. Брянска — 400 рублей в месяц, а также 150—200 гр. хлеба в день плюс 100 гр. на иждивенца[8]. Иногда один раз в месяц

Сибири. После войны осужден на 10 лет лагерей за сотрудничество с оккупантами, после освобождения работал в Ленинграде в Пушкинском Доме.

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.

[2] Там же.

[3] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 74.

[4] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61 об.

[5] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 113.

[6] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61 об.

[7] Там же.

[8] *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 82.

учитель получал 100 гр. соли и 200 гр. маргарина[1]. Предусматривались и различные денежные надбавки: за проверку тетрадей — 10 рублей, за классное руководство — 30 рублей, директорам семилетних школ — 15 % от ставки, начальных — 10 %[2]. Для учителей со стажем более 25 лет предусматривалась 50-процентная надбавка. Между тем зарегистрированы случаи, когда районные бургомистры превратно истолковывали это положение, разъясняя заслуженным педагогам, что педагогический стаж, выработанный в советской школе, не в счет — 25 лет надо проработать при «новой власти»[3]. После вмешательства отделов просвещения недоразумения, как правило, устранялись. По сообщению начальника отдела просвещения Клинцовского округа Водункова, сделанному на окружном собрании бургомистров 19 октября 1942 г., нередки случаи, когда учителям, проболевшим 3—4 месяца, местные органы самоуправления отказывались выплачивать пособие[4].

Таким образом, педагоги, согласившиеся работать для «новой власти», являлись одной из самых низкооплачиваемых категорий коллаборационистов — их оклады уступали даже окладам мелких служащих и неквалифицированных рабочих.

Что касается количества школ, оно повсеместно сократилось в результате разрушения школьных зданий в ходе военных действий и их использования не по назначению. Так, по воспоминаниям бывших ржевских школьников, после оккупации г. Ржева в городе открылись 2 гимназии и 4 народные (начальные) школы, тогда как до войны по городу действовало не менее 8 школ. В ряде местностей, например, в г. Орле, в Новоржевском, Псковском районах Ленинградской области, действовали лишь начальные школы[5]. Причем их количество, равно как и количество учащихся, в ряде мест резко сократилось. В частности, согласно партизанскому докладу «Об итогах развития партизанского движения» от 1 августа 1943 г., в оккупированных районах Калининской, Ленинградской,

---

[1] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 136. Л. 11.

[2] Там же. Ф. 1762. Оп. 1. Д. 14. Л. 118.

[3] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 36.

[4] Там же.

[5] *Верт А.* Указ. соч. С. 502; *Полчанинов Р.В.* Указ. соч. С. 104; Заря. 1943. 28 февраля. № 16.

Смоленской областей до войны в пределах территории одного сельсовета имелось 5—7 начальных школ с общим числом учащихся до 500 чел. В период оккупации в пределах каждой волости действовало по одной начальной школе с количеством учащихся 20—30 чел.[1] Так, согласно тому же докладу, в г. Невеле до войны действовали педучилище, медтехникум, 4 средние школы, школа механизации и сельскохозяйственных кадров. В период оккупации в Невеле работала лишь одна начальная школа[2]. В Себежском районе Калининской области до войны действовали 5 средних, не менее 7 неполных средних и 12 начальных школ, зоотехникум, ветеринарная школа, в которых обучались около 7000 чел. В период оккупации в районе сохранились лишь две начальные школы, которые посещали 190 учащихся[3]. В Опочецком районе сохранилось 30 % довоенных школ[4].

Лишь в немногих местностях сохранность системы школьного образования выглядела относительно благополучно. В частности, на территории Понуровского района Клинцовского округа (Орловская область) на ноябрь 1942 г. действовало 49 школ, из них средних — 8, неполных средних — 13, начальных — 28. В них работали 226 учителей, школьным образованием были охвачены 6354 учащихся, постоянно посещали школы 4650 учащихся[5]. При этом население района составляло 34 743 чел., из них детей — 12 062 чел.[6] Если предположить, что около половины этого количества составляли дети дошкольного (до 7 лет) и послешкольного (старше 14 и 16 лет) возраста, то охват детей школьным обучением был практически 100-процентным. На территории восьми районов Локотского округа, население которого составляло 581 000 чел., действовало 345 школ, из них 10 средних, в которых обучались 43 422 учащихся, учебный процесс осуществляли 1338 учителей[7]. Только по Навлинскому району, включавшему 6 волостей, на но-

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61 об.

[2] Там же. Л. 60 об.

[3] Там же. Д. 22. Л. 45 об.

[4] Там же. Д. 15. Л. 222 об.

[5] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 248 об.

[6] Там же. Л. 42.

[7] Голос народа. 1942. 5 ноября. № 28.

ябрь 1942 г. действовало 22 школы, из них одна средняя[1]. В неполной средней школе № 1 г. Брянска обучались 600 учащихся, распределенных по 15 классам[2]. По Мглинскому району Орловской области на август 1942 г. на 60 000 чел. населения действовало 24 школы, вскоре их количество было доведено до 50[3]. В Стародубском районе на ноябрь 1942 г. работало 70 школ, с педагогическим персоналом проблем не было[4].

В некоторых местностях, например, в Смоленском районе, недостаток школьных зданий покрывался созданием «школ на воздухе», в которых занятия проводились под открытым небом, причем летние каникулы в связи с необходимостью использования теплого времени года отменялись[5].

Финансирование работы школ осуществлялось из бюджетов соответствующих органов местного самоуправления — городских и волостных управ. С этой целью население облагалось соответствующим налогом. Кроме того, с родителей, допускающих пропуски их детьми школьных занятий без уважительных причин, взимались штрафы. Их размер в различных местностях колебался от 100 рублей (Калининская область)[6] до 500 рублей (Локотской округ)[7]. К таким мерам местные власти подталкивали низкая посещаемость школ, срывы занятий по этой причине. Так, в начале декабря 1942 г. обер-бургомистр Локотского округа Б.В. Каминский констатировал, что бургомистры, волостные старшины и старосты не уделяют сфере образования должного внимания, в результате занятия, особенно в 5—7-х классах, срываются. В соответствии с приказом № 36 от 12 декабря 1942 г. только по Брасовской волости были оштрафованы 45 семей, на 500 рублей каж-

---

[1] Голос народа. 1942. 15 ноября. № 30.

[2] Речь. 1942. 13 июня.

[3] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 78.

[4] Там же. Д. 21. Л. 33.

[5] Клич. Еженедельная газета для военнопленных. 1942. 26 июля. № 29 (51).

[6] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

[7] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 20. Л. 24; *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 74—75.

дая. Одновременно предписывалось привлекать к уголовной ответственности родителей, которые и после уплаты штрафов будут препятствовать детям посещать школы. Такое же наказание грозило руководящим работникам и директорам школ, допустившим срыв учебных занятий[1]. В соответствии с приказом Кудеверьской районной управы (Калининская область) от 1 октября 1942 г. детей, склонных к пропускам занятий, в школы доставляла полиция в принудительном порядке[2]. Одним из источников финансирования являлось введение в ряде школ платы за обучение. Так, в школах г. Брянска за обучение одного ребенка взималось 60 рублей, за второго и последующих родители доплачивали еще 30 рублей[3]. Платное обучение сохранялось и в ряде оккупированных районов Калининской области, в частности, в Ржевском. Причем в случае закрытия школы внесенная плата не возвращалась[4].

Одной из характерных черт народного образования была его нестабильность. Так, в ряде школ занятия постоянно приостанавливались, иногда на несколько месяцев. Так, открытая в г. Ржеве гимназия № 1 проработала всего 3 дня — с 1 по 3 декабря 1941 г., одна из четырех народных (начальных) школ была через несколько дней закрыта из-за плохой посещаемости[5]. Школа № 1 г. Брянска, открытая 13 июня 1942 г., в августе того же года приостановила свою работу, школа № 2, занятия в которой начались 30 июня 1942 г., также приостановила работу в августе[6]. Подобное положение складывалось в оккупированных районах Калининской области, где занятия в школах то и дело прерывались[7].

Наряду со светским школьным образованием, находящимся в ведении органов местного самоуправления, определенное развитие получила система школьного образования, созданная Право-

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 20. Л. 24; *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 74—75.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

[3] *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 73.

[4] ЛАЕ. Культура и просвещение в оккупацию.

[5] Там же.

[6] *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 73.

[7] ТЦДНИ. Ф. 479. Д. 16. Л. 105.

славной церковью. Это касалось не только создания церковных общеобразовательных школ, но и преподавания в светских учебных заведениях религиозных дисциплин не школьными учителями, а священнослужителями. Наиболее характерны в этом отношении мероприятия, проводившиеся на территории, контролируемой Псковской православной миссией под управлением экзарха, митрополита Сергия (Воскресенского). Так, в течение 1942 г. при псковской церкви Преподобного Варлаама Хутынского действовала организованная священником Константином Шаховским общеобразовательная (вероятно, начальная) школа. В ней обучались 80 учащихся. В Пушкиногорском районе 17 начальных школ организовал священник Владимир Толстоухов, в Красногородском районе действовало 15 начальных школ, курировал которые священник-миссионер Федор Ягодкин[1]. По распоряжению Управления миссии, изданному по инициативе немецкой оккупационной администрации, настоятелям храмов вменялось в обязанность, организуя церковные школы, проводить обучение не только религиозным, но и светским дисциплинам: «Обучать сверх всего детей… правильному разумению церковных обрядов, чтению, письму и др. предметам, полезным в общежитии»[2]. Любопытно, что взимание платы за обучение в школах, находящихся под юрисдикцией церкви, строго запрещалось, что открывало для детей широкие возможности для получения школьного образования[3].

В 1942 г. Закон Божий как обязательный предмет был введен, в частности, в Псковской художественной школе, его преподавал священник-миссионер Георгий Бенигсен[4]. В этом учебном заведении насчитывалось на 1942 г. 60 учащихся в возрасте от 17 до 22 лет. В конце 1942 г. школа закрылась ввиду того, что лица старше 12 лет, включая учащихся, были обязаны нести трудовую повинность[5].

---

[1] *Неподкосов С.* Второе крещение Руси. Деятельность Православной миссии на оккупированной территории северо-запада России (1941—1944 гг.) // Эхо войны. Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. 2007. № 1. С. 36.

[2] ГАПО. Ф. 1633. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

[3] Там же.

[4] *Неподкосов С.* Указ. соч. С. 36.

[5] Там же.

Помимо школьного образования, в период оккупации предпринимались попытки создания системы профессионального образования. Оно было ориентировано, в основном, на подготовку специалистов рабочих профессий, и лишь в незначительной степени — интеллигенции. Характерной чертой деятельности профессиональных учебных заведений стали максимальное сокращение теоретического курса, большой объем практического обучения, в процессе которого учащиеся фактически использовались в качестве рабочей силы. Так, на территории Орловской области в период оккупации действовало пять средних профессиональных учебных заведений: Севское педагогическое училище, Унечское ремесленное училище, Севское ремесленное училище, Понуровская ремесленная школа[1], краткосрочные курсы по подготовке агрономов. Открывшееся в 1942 г. Унечское ремесленное училище готовило столяров, плотников, бондарей, токарей по дереву. При трехгодичном сроке обучения лишь первый курс был запланирован для изучения теоретических дисциплин, после чего учащимся присваивали разряды и направляли на деревообрабатывающие предприятия для прохождения практики[2]. Подобной направленностью отличался процесс обучения в Севском ремесленном училище, курс обучения в котором был рассчитан на 2 года. 70 учащихся, распределенных по трем слесарным группам, занимались, в основном, практической работой — изготовлением слесарных инструментов[3]. Севское педучилище готовило лишь кадры учителей для начальных школ[4].

В тыловых районах группы армий «Север» была предпринята попытка соединить среднее школьное образование с профессиональным. Один из нормативных документов германского командования — записка «Расширение школьной системы», подписанная 30 июня 1943 г. начальником Генштаба группы армий «Север» генерал-лейтенантом Э. Кинцелем, направленная командованию 16-й и 18-я армий и командующему тыловым районом, указывает на недостаточность образования в объеме четырехклассной

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 260.

[2] Там же. Д. 2. Л. 192.

[3] Севский листок. 1942. 14 октября. № 8.

[4] *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 76.

школы. Тут же обосновывается необходимость создания наряду с начальными средних школ со сроком обучения 2—3 года, с введением в программу профессиональной подготовки, рассчитанной на 1—3 года. Составитель обосновывает причины такого решения, указывая на необходимость профессионального образования «в интересах достаточной предварительной профессиональной подготовки подрастающего поколения, а также исходя из общих политических соображений»[1]. В приложенной к документу записке того же Э. Кинцеля, датированной 14 августа 1943 г., говорится о создании комиссии из восьми русских учителей, на которых возлагалась обязанность подготовки программ средних школ[2]. Однако введение в действие профессионального образования в составе среднего не осуществилось ввиду окончания периода оккупации северной территории РСФСР.

Что касается высшего профессионального образования, оно на оккупированных территориях РСФСР так и не возродилось — ни одно из высших учебных заведений не возобновило своей работы в период оккупации. В лучшем случае на базе вузов создавались курсы по подготовке специалистов, в основном, сельскохозяйственного и промышленного профиля. Так, на базе Смоленского сельскохозяйственного института открылись курсы агрономов. Лекции читали как избежавшие эвакуации профессора и доценты сельхозинститута, так и посещавшие Смоленск специалисты из Германии. Первый набор слушателей прошел 2-месячный срок обучения (с ноября 1942 г. по январь 1943 г.), затем срок обучения сократили до одной недели. В ходе обучения курсантам читали лекции о порядке землепользования, о климате и почве, о новых мероприятиях по увеличению урожайности, о задачах сельскохозяйственных управлений[3]. Подобной реорганизации подверглись и другие вузы на оккупированный территории РСФСР, поэтому применяемый по отношению к ним в коллаборационистской печати термин «институт»[4] ни в коем случае не отражал действительного состояния этих учебных заведений.

---

[1] *Хасс Г.* Указ. соч.

[2] Там же.

[3] Заря. 1943. 28 февраля. № 16.

[4] См., напр.: Дмитровская газета. 1942. 11 ноября.

Таким образом, система образования в условиях оккупации прошла эволюцию от надзора за сохранностью школьных и иных учебных помещений до активного использования образовательной сферы в интересах нацистской пропаганды. Политика оккупантов была направлена не просто на искоренение из школы коммунистической идеологии, она преследовала цель установления эффективного контроля за настроениями части населения, воспитания подрастающего поколения в соответствии с догмами национал-социализма. Необходимо отметить некоторые особенности образовательной политики. Так, наибольший охват подрастающего поколения был осуществлен начальным образованием, в наименьшей степени — основным и лишь в незначительной степени — средним. Однако нестабильность учебного процесса зачастую лишала подрастающее поколение возможности получения даже начального образования. Что касается профессионального образования, оно было направлено почти исключительно на подготовку рабочих кадров. Ввиду этого потенциал интеллигенции был лишен возможности воспроизводства, следовательно, был обречен на постепенное вымирание, что в полной мере соответствовало планам гитлеровского руководства относительно будущего народов СССР. Однако необходимо признать и тот очевидный факт, что, несмотря на различные перекосы, насыщенность нацистской идеологией и нестабильность, школьное образование в период оккупации как таковое было доступным, а школьные программы обеспечивали получение детьми необходимого минимума знаний. Поэтому коллаборационизм в области образования нельзя назвать однозначно вредным, так как меры, приведшие к деформации образовательной системы, были вынужденными и стали, по сути, необходимым условием продолжения функционирования школ и иных учебных заведений за линией фронта.

§ 3. Здравоохранение и социальное обеспечение

Здравоохранение и социальное обеспечение в условиях оккупации РСФСР стали теми отраслями инфраструктуры, налаживание и обеспечение должного функционирования которых стало следствием осознания оккупантами того, что война с СССР не

стала шестинедельным блицкригом. В условиях затяжной войны немецкое командование было поставлено перед необходимостью обеспечения жизненного уровня населения, восстановления существовавшей до оккупации сети учреждений здравоохранения и социального обеспечения.

В структуру городских и районных управ в обязательном порядке входили отделы здравоохранения, иногда в структуру отделов здравоохранения входили ветеринарные подотделы[1]. Первоначально в их функции входили сохранность больничных зданий, медицинского оборудования, учет кадров медицинских работников. С первой половины 1942 г., после перехода войны и оккупации в долговременную фазу, началось восстановление лечебно-профилактических учреждений по довоенному принципу. Эта задача была возложена на соответствующие органы местного самоуправления, в частности, входящие в их структуру отделы здравоохранения. Однако это наталкивалось на значительные затруднения по той причине, что медицинский персонал был в большинстве эвакуирован, на оккупированной территории осталось незначительное количество врачей и средних медработников, в большинстве случаев были вывезены оборудование и медикаменты. Так, из 2627 рабочих и служащих по Почепскому району Орловской области зарегистрированы 1 врач, 14 фельдшеров, 6 акушеров, 2 медсестры[2], по Понуровскому району — 5 врачей, 12 фельдшеров, а также 6 ветеринарных фельдшеров, распределенным по трем ветучасткам[3]. По Торопецкому району Калининской области на 36 624 чел. населения, зарегистрированных на начало 1942 г.[4], приходились 3 врача, 2 медсестры, 1 фельдшер[5]. Даже на территории Локотского автономного округа, отличавшегося более отлаженной инфраструктурой, работали 51 врач и 179 медсестер[6]. То есть один специалист с высшим

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 16 об.

[2] Там же. Л. 15.

[3] Там же. Д. 15. Л. 143.

[4] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

[5] Там же. Д. 1. Л. 1 об.

[6] *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 76.

медицинским образованием приходился более чем на 11 000 чел. населения округа.

Преодолеть кадровый дефицит не удалось в течение всего периода оккупации. Так, в докладе «Об итогах развития партизанского движения, борьбы партизан с немецкими оккупантами и положении в оккупированных районах Калининской области» от 1 августа 1943 г. констатировалось отсутствие должного количества врачебного персонала. В частности, в каждой больнице работали 2—3 врача[1]. По штату же на одну больницу или амбулаторию было положено не менее 4 врачей (хирург, терапевт, гинеколог, стоматолог), 8 медсестер, 1 аптекарь[2]. Подобное положение складывалось на других территориях. Так, штат считавшейся одной из образцовых, Навлинской районной больницы (Локотской округ) на март 1943 г. включал 2 врачей и 6 медсестер[3].

Интересно, что при столь ощутимой нехватке медицинских работников врачи в отличие от других гражданских коллаборационистов имели в ряде случаев неоправданно короткий рабочий день. Так, приказ № 87 от 16 июня 1943 г. Клинцовского окружного управления устанавливал для врачебного персонала следующую продолжительность рабочего дня: для врачей больниц, врачебных медучастков и лабораторий — 6 часов, для врачей поликлиник и амбулаторий — 5 часов, для врачей, оказывающих помощь на дому, — 7 часов[4]. При таком положении неудивительно, что в последние месяцы оккупации того или иного района немало беженцев пытались выдать себя за врачей, желая устроиться на работу в медицинские учреждения. Отсутствие на руках дипломов эти лица объясняли их утратой в условиях эвакуации. В связи с этим в пределах округов создавались комиссии, в задачи которых входила проверка квалификации лиц, заявлявших себя медицинскими специалистами. Комиссия могла дать разрешение заниматься врачебной или иной медицинской деятельностью[5]. Иногда медицинские работники, не соответ-

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 62.

[2] Там же. Л. 61 об.

[3] Речь. 1943. 26 марта.

[4] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 14. Л. 56.

[5] Там же. Д. 15. Л. 68.

ствующие занимаемым должностям, по всей видимости, ввиду отсутствия специального образования, допускались к работе по разрешениям горуправ, при этом исполняли свои обязанности только под контролем врачебного персонала[1].

Медицинская помощь была платной. Согласно действовавшему в тыловых районах группы армий «Центр» «Постановлению о введении платы за медицинскую помощь, оказываемую врачами», в сельской местности взималось 5 рублей за однократное посещение врача, оказание помощи фельдшером стоило 3 рубля[2]. Плата за стационарное лечение составляла 20 рублей в сутки, сюда же входило питание[3]. Однако при этом отделами здравоохранения часто констатировалось неудовлетворительное питание больных[4]. Правомерно предположить, что связано это со снабжением больниц по остаточному принципу. Любопытна в этом отношении переписка бургомистра г. Торопца и Торопецкого района Калининской области Николаева с немецкой комендатурой. Так, в одном из писем бургомистр просит коменданта отпустить для питания больных льняное масло и какие-либо продукты, так как у больницы нет ничего, кроме ржаной муки[5]. В другом обращении на имя заведующего отделом снабжения немецких воинских частей бургомистр Николаев пишет: «На снабжении Горуправления состоят больница и столовая для беженцев. Они получали ранее мясные отходы от убоя скота на бойне при военном городке. Несколько дней уже мясных отходов не получаем. Горуправление в критическом положении, будет вынуждено закрыть столовую и прекратить прием больных на излечение в больницу»[6].

В ряде тыловых районов группы армий «Север» не было единой системы оплаты. Так, в Кудеверьском районе Калининской области прием у врача стоил 3 рубля, у фельдшера — 2 рубля[7]. В иных районах плата за прием у врача достигала 10 рублей, вызов

---

[1] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

[3] Там же. Д. 21. Л. 36.

[4] Там же.

[5] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 7. Л. 35.

[6] Там же. Л. 46.

[7] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

врача на дом колебался от 20 до 30 рублей, стационарное лечение обходилось в 20 рублей за один койко-день, сюда не входила плата за медикаменты и питание — больные питались своими продуктами, пользовались своим постельным бельем, плата за комиссию составляла 15 рублей[1]. Плата за медицинскую помощь вносилась в то волостное управление, при котором служил врач или на территории которого находилось медицинское учреждение. Получив плату, волуправление выписывало крестьянину лечебный листок, который представлялся врачу или фельдшеру. Лечебный листок был действителен 3 месяца и лишь для лечения какой-либо одной болезни. Если по истечении этого срока болезнь продолжалась или пациент заболевал другой болезнью, следовало оформить новый лечебный листок. Врач или фельдшер в обязательном порядке вносили в лечебный листок, помимо сведений о больном, данные о характере и продолжительности болезни. Лечебные листки являлись документами строгой отчетности, в конце каждого месяца они собирались и возвращались в соответствующее волуправление. Оказание медицинской помощи без лечебного листка наказывалось штрафом до 100 рублей[2]. Исключение составляли случаи оказания экстренной медицинской помощи, например, при травмах. В этом случае лечебный листок выписывался и представлялся после прохождения курса лечения[3]. Медикаменты как для амбулаторных, так и для стационарных больных отпускались за дополнительную плату. Один порошок стоил 1 рубль, микстура несложная — 8 рублей, микстура сложная — 12 рублей, растирки и примочки — 12 рублей[4]. По свидетельству жительницы Брасовского района Орловской области Т.Н. Гришаевой, цены, установленные в Сусловской волостной больнице, не были обременительны для сельчан, имели, скорее, символическое значение. В то же время ряд медицинских услуг был труднодоступен для трудящихся, не имевших доходов от приусадебного хозяйства и живших только на зарплату. Интересное заявление подала на имя инспектора в отдел просвещения Брянской горуправы учительни-

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 62; Д. 22. Л. 46 об.—47.

[2] Там же. Д. 17. Л. 1.

[3] Там же.

[4] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 46 об.

ца школы № 2: «Я занимаюсь с первым классом. При обучении детей письму и чтению выделение звуков имеет очень серьезное значение. У меня же благодаря отсутствию переднего зуба звуки при выделении их получаются неправильными, что плохо отражается на деле. Прошу Вашего ходатайства перед германскими властями, чтобы мне вставили передний зуб»[1].

Полностью от платы за медицинскую помощь, в том числе за медикаменты, освобождались бойцы и командиры РОА, служащие органов местного самоуправления, работники полиции[2]. Лечебные листки выписывались бесплатно также лицам, признанным соответствующим волостным старшиной неимущими, а также находящимся на социальном обеспечении[3]. На территории Калининской области при несчастных случаях на производстве оплата лечения по ходатайству руководителя соответствующего предприятия могла быть отнесена на счет управы, в непосредственном подчинении которой находилось данное предприятие[4]. Однако данная система оплаты лечения касалась, очевидно, лишь работников муниципальных предприятий. На территории некоторых округов Центральной России по указанию начальников окружных отделов здравоохранения районные бургомистры могли освободить от оплаты лечения малоимущих[5].

Ввиду резкого сокращения числа медицинских учреждений медпомощь в период оккупации была доступна далеко не каждому. Так, в партизанском донесении в Калининский обком ВКП(б), составленном в августе 1943 г., в качестве примера приводится Себежский район, в котором до войны действовали 7 больниц, 17 фельдшерско-акушерских пунктов, 4 роддома. На протяжении оккупации работали лишь больница стационарного типа и амбулатория в г. Себеже[6]. Согласно той же докладной записке, 91 % населения района были лишены возможности получения медпомощи ввиду того, что поездка в город населения, проживающего в

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 41. Л. 313.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 62, Д. 22. Л. 46 об.

[3] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

[4] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.

[5] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 36.

[6] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 46 об.

деревнях далее 5—7 км от райцентра, влекла опасность ареста по подозрению в связях с партизанами[1]. Это же косвенно подтверждается относительно небольшим количеством больных, принимаемых ежедневно. Так, по Торопецкому району Калининской области, согласно сохранившимся данным, в течение ноября 1941 г. районной больницей принималось от 12 до 15 чел. ежедневно, врачебной амбулаторией — 19—35 чел.[2]

Подобное ограничение свободы передвижения сохранялось повсеместно. Кроме того, запрещался выход медработников за пределы райцентров[3]. Вместе с тем горуправы в некоторых случаях пытались разрешить данную проблему, подавая в комендатуры ходатайства о разрешении медработникам круглосуточного хождения по городу для оказания помощи больным[4]. Однако подобные просьбы, как правило, не удовлетворялись.

Сокращение численности лечебных учреждений также наблюдалось повсеместно. Обычным было положение, когда в пределах района работали один стационар и 1—2 фельдшерско-акушерских пункта[5]. Лишь некоторые районы составляли исключение, пополнившись за период оккупации врачебным персоналом. Так, в Торопецком районе Калининской области в течение первых трех месяцев оккупации, к концу 1941 г., помимо районной больницы, открылось 6 сельских медпунктов, причем двумя из них заведовали врачи с высшим образованием, одним — медсестра, тремя — фельдшеры[6]. Врачебный персонал района на начало оккупации (сентябрь 1941 г.) составлял 3 врача, однако в течение нескольких месяцев вырос до семи врачей, включив дополнительно санитарного врача при горуправе[7], врача-стоматолога[8] и двух врачей общего профиля, назначенных заведующими сельскими медпунктами[9].

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 47.

[2] ГАТО. Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 62.

[4] ГАТО. Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

[5] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.

[6] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

[7] Там же. Л. 10.

[8] Там же. Л. 32 об.

[9] Там же. Л. 30.

Хранить у себя какие-либо медикаменты, не выписанные врачом, равно как и оказывать медицинскую помощь лицам, не работающим по медицинским специальностям, запрещалось. К виновным принимались репрессивные меры, вплоть до расстрела[1].

Правомерно предположить, что введение лечебных листков, строгий учет медикаментов, в том числе запрет их хранения и произвольного использования, ограничение свободы передвижения медработников служили не только дополнительным средством учета трудоспособного населения, предупреждения симуляции, а также помогали борьбе с партизанским движением, исключая оказание помощи раненым и больным партизанам.

Местами система здравоохранения страдала от необдуманных действий партизан, рассматривавших работу лечебных учреждений как сотрудничество с оккупантами. Так, согласно отчету бургомистра Мглинского района Клинцовского округа Летяго на окружном совещании бургомистров 16 ноября 1942 г., из трех больниц района партизанами было разгромлено две, спасшийся медперсонал был трудоустроен в сохранившейся больнице г. Мглина[2].

Помимо сокращения численности лечебных учреждений, одной из основных проблем здравоохранения периода оккупации был недостаток медикаментов. Больницы и амбулатории получали лекарственные препараты из немецких госпиталей в ограниченном количестве. Ввиду этого больному выдавалось на руки, например, не более шести порошков[3]. В тех местностях, где влияние германских властей было ограничено, например, на территории Локотского округа, больницы и амбулатории использовали довоенные запасы медикаментов, часто с истекшим сроком годности[4]. Ввиду этого медицинские учреждения повсеместно пытались компенсировать нехватку медикаментов более широким применением отваров и настоев из лечебных трав. К их сбору привлекались школьники. В школах г. Брянска за качественный сбор

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.

[3] Там же; ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 36, Д. 637. Л. 11—11 об.

[4] *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 77.

лекарственных трав школьники, что удивительно, получали вознаграждение не только деньгами, но и водкой и табаком[1].

Подобные ограничения в смысле получения медицинской помощи и недостатки сферы здравоохранения порой приводили к большой смертности. В частности, согласно сохранившимся данным по трем оккупированным районам Калининской области, по Погорельскому району за период с 11 октября 1941 г. по 6 августа 1942 г. от болезней умерли 239 чел.[2], по Тургиновскому району в течение 2,5 мес. оккупации — 72 чел.[3], по Емельяновскому району за 68 дней оккупации — 85 чел.[4] Из инфекционных заболеваний наиболее часто проявлялся сыпной тиф как следствие антисанитарии и недостаточного питания населения. Ввиду недостатка медикаментов основным средством борьбы с тифом было установление карантина[5].

Финансирование деятельности медицинских учреждений осуществлялось за счет бюджетов волостных, районных (уездных) и городских управ. С этой целью население облагалось двумя видами налогов: денежным и натуральным (продуктовым). Последний шел на обеспечение питания больных в стационарах[6]. Интересно, что в ряде районов расходы органов местного самоуправления на здравоохранение были самыми низкими. Так, сохранившийся бюджет Торопецкого района на первый квартал 1942 г. составил 1 686 000 рублей, содержал шесть статей расходов. Из этой суммы на нужды здравоохранения выделялось всего 24 600 рублей, тогда как на другие отрасли — в десятки раз больше: лесное хозяйство — 823 000 рублей, финансовое управление — 385 500 рублей, школы и культурные заведения — 234 300 рублей, общее управление — 126 700 рублей, строительство дорог — 91 400 рублей[7].

Помимо лечебной работы, на отделы здравоохранения возлагалось проведение санитарно-профилактических мероприятий.

---

[1] *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 84.

[2] ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

[3] Там же. Ф. Р-1925. Оп. 1. Д. 18. Л. 26.

[4] Там же. Д. 10. Л. 9.

[5] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 51 об.

[6] Там же. Д. 16. Л. 57.

[7] ГАБО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 82.

К ним относились плановое обследование отдельных групп населения на предмет выявления болезней и проверки профпригодности, проведение различных инструктажей. В частности, в феврале 1943 г. было проведено медицинское обследование школ № 1, № 2, № 3 г. Брянска, врачом проведен инструктаж классных санитаров, прочитана лекция о личной гигиене[1]. В период отправки населения РСФСР на работу в Германию врачи-коллаборационисты проводили первичные обследования состояния здоровья отъезжающих. Хотя в архивных фондах отсутствуют исчерпывающие сведения об этом роде деятельности вставших на путь коллаборации медиков, она, по свидетельству лиц, переживших оккупацию, имела место.

Особое отношение у оккупантов было к такой отрасли медицины, как психиатрия. С точки зрения национал-социалистов, умалишенным не только не место среди нормальных людей, но они вообще не имели права на жизнь. В число «неполноценных элементов», подлежащих эвтаназии, помимо психически больных и умственно отсталых, входили лица, страдающие от врожденных дефектов, инвалиды и болеющие более пяти лет. Следовательно, психиатрия как отрасль медицины считалась ненужной.

Практически воплощая эту теорию в г. Орле, немцы приказали персоналу Орловской психиатрической больницы, расположенной в семи километрах от города, в селе Кишкинка, освободить больничные здания. Понимая, что это было предвестником ликвидации больничного контингента, медработники обратились к больным, способным соображать: «Если вы хотите, можете идти к своим родным, близким. Спешите, спешите, скорее»[2]. Больных, полностью лишенных здравого рассудка и не сумевших поэтому покинуть больницу, немцы заталкивали в машины, везли к деревне Некрасовка, где расстреливали, а трупы сбрасывали в свежевырытую яму. В 1943 г. после освобождения Орловской области из ямы за деревней Некрасовка извлекли 72 трупа в больничной одежде с клеймом «Орловская психбольница»[3].

Подверглись уничтожению и пациенты других психиатрических больниц. Так, к приходу оккупантов в Курской психбольнице

---

[1] *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 83.

[2] *Амиргулова В.И.* Указ. соч. С. 98.

[3] Там же. С. 99.

содержались 1500 больных. Немецкий комендант Флях и старший гарнизонный врач Керн вызвали врачей этой больницы, Краснопольского и Сухарева, приказав немедленно начать умерщвление пациентов. Оставить в живых было разрешено 200—250 больных (очевидно, сохранивших здравый рассудок), которые подлежали стерилизации. Этот же приказ был продублирован заведующим отделом здравоохранения Курской горуправы Кононовым[1].

Став директором психбольницы, Краснопольский распорядился не отапливать палаты, в результате больные, не способные себя обслуживать, замерзали, прекратился и отпуск продуктов питания. От голода и холода умерли 400 больных. 600—650 больных были отравлены ставшими на путь коллаборации врачами Сухаревым, Нестеровой, Котович. Психически больным давалась усиленная доза опия или хлоралгидрата в 70-процентной концентрации[2].

Подобным образом, не без помощи врачей-коллаборационистов осенью 1941 г. умерщвлялись пациенты психбольницы № 1 им. Литвинова в пос. Бурашево Калининской области — около 800 чел., в психбольнице им. Кащенко в г. Гатчине Ленинградской области — около 900 чел., в т.ч. около 100 женщин. В октябре 1942 г. подвергнуты эвтаназии 210 детей с физическими и психическими отклонениями в санатории г. Ейска[3].

Вывоз трудоспособного населения на работу в Германию также не обходился без участия врачей-коллаборационистов, проводивших первичное медицинское обследование кандидатов на отправку в рейх.

В период оккупации получила определенное развитие система социального обеспечения, деятельность которой также обеспечивалась коллаборационистами, ставшими на путь сотрудничества с оккупантами. Первоначально задачи по решению социальных проблем населения возлагались на должностных лиц сельской администрации — старост, волостных старшин. Так, инструкция, определявшая круг обязанностей указанных должностных лиц, предписывала обеспечивать жителей, потерявших работоспособ-

---

[1] *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. С. 150—151.

[2] Там же. С. 151.

[3] *Мангазеев И.А.* Самоуничтожение от расовой ненависти // Вече Твери. 2009. 27 января. № 9 (4366).

ность в борьбе с партизанами, помимо наград и врачебной помощи, постоянным денежным пособием из фондов сельских общин. Пособие назначалось пожизненно, а в случае смерти обеспечиваемого подлежало выплате его наследникам. Кроме того, данным категориям лиц назначалось продовольственное пособие, они обеспечивались жильем[1].

Лица, состоявшие до войны на пенсионном обеспечении, теряли право на пенсию. Однако они приравнивались к нуждающимся, в результате пенсия заменялась пособием, размер которого определялся, исходя из местных условий и материальных возможностей той или иной общины[2].

В городской местности для обеспечения нуждающихся организовывались «комитеты помощи бедным», в компетенцию которых входило обеспечение населения райцентров и городов районного (уездного) подчинения. В случае, если в том или ином уезде ранее было организовано «культурное общество», создание «комитета помощи бедным» не предусматривалось — его задачи выполняло «культурное общество»[3].

В задачи «комитетов» и «культурных обществ» входили обеспечение нуждающихся продовольствием, доставка нуждающимся топлива, сбор среди населения излишков одежды, предметов домашнего обихода и распределение их среди нуждающихся[4].

По мере формирования городских и районных управ система социального обеспечения приобретала стройную форму, предусматривающую подчинение по вертикали, отчет нижестоящих должностных лиц перед вышестоящими. В некоторых управах создавались соответствующие отделы, в частности, в структуру Орловской городской управы входил отдел государственного страхования и обеспечения[5], инструкция Главного военного управления Брянского округа от 21 декабря 1942 г. предусматривала создание в составе волостных управлений отделов социального обеспече-

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] *Ермолов И.Г.* Коллаборационизм в сфере управления на оккупированных территориях РСФСР. С. 90.

ния[1]. В тех органах местного самоуправления, где соответствующие отделы не были созданы, функции социального обеспечения распределялись между другими отделами. Так, в управе г. Торопца и Торопецкого района Калининской области учет лиц, нуждающихся в социальной помощи, проводил финансовый отдел. С помощью полиции выявлялись престарелые, инвалиды, получавшие пенсию при советской власти, после чего финотдел ставил вопрос о назначении нуждающимся пособий[2]. Претенденты на получение пособий подавали заявления, после чего для их рассмотрения по распоряжению управы создавалась комиссия. Заседания комиссии проходили нерегулярно, по мере накопления заявлений. Просьбы о назначении пособий, как правило, удовлетворялись. Так, 19 декабря 1941 г. рассмотрено 55 заявлений, из них 35 удовлетворено, 19 отклонено[3]. 7 января 1942 г. рассмотрено 85 заявлений, из которых 69 удовлетворено, 16 отклонено[4]. Размер ежемесячных пособий составлял от 50 до 100 рублей[5].

Любопытно, что в некоторых случаях функции органов социального обеспечения выполняли немецкие комендатуры. Так, одно из распоряжений Торопецкой комендатуры обязывает старост и волостных старшин обеспечить жильем и питанием безработных и стариков, утративших трудоспособность[6].

В тех районах, где не удалось открыть детские дома, забота о детях, оставшихся без попечения родителей, возлагалась на должностных лиц тех территориальных образований, где ранее проживали родители осиротевшего ребенка. Одновременно на органы местного самоуправления иногда возлагались задачи по предупреждению детской беспризорности, бродяжничества. Сохранилась интересная записка бургомистра г. Торопца и Торопецкого района Калининской области Николаева от 6 ноября 1941 г., адресованная старосте д. Селищево: «В город зашла девочка из деревни Селищево по фамилии Захарова Анна 12 лет добывать

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 16 об.

[2] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 101.

[3] Там же. Д. 14. Л. 20—22 об.

[4] Там же. Л. 23 об.—28.

[5] Там же. Л. 20—22 об., 23 об.—28.

[6] Там же. Л. 45—45а.

хлеб, как безродная. Направляем эту девочку обратно, предлагаем Вам обеспечить ее питанием и жильем. Возможно, что подобного рода дети есть еще. Зарегистрируйте их всех и приютите, не допуская отлучки их в др. местности»[1].

В ряде районов Калининской области, где содержание «бесприютных» детей было возложено на старост и волостных старшин, продовольственные товары для питания этих детей отпускались бесплатно[2]. Однако ассортимент отпускаемых продуктов был узок. Так, в пос. Старая Торопа в свободной продаже было всего 4 вида продуктов: рожь, сливочное и растительное масла, барсучье сало[3]. Из этих товаров на ребенка отпускалось лишь растительное масло (количество неизвестно) и 8 кг ржи в месяц[4], что было крайне недостаточно для нормального питания.

Таким образом, система здравоохранения в период оккупации подобно системе образования эволюционировала от надзора за сохранностью больничных зданий и оборудования до повсеместного налаживания работы медицинских учреждений. Органами местного самоуправления была проделана работа по восстановлению и обеспечению работы медицинских учреждений всех уровней — от фельдшерско-акушерских пунктов до врачебных амбулаторий и стационаров. Однако на фоне кадрового дефицита, недостатка медикаментов, ограничения свободы передвижения квалифицированная медицинская помощь была доступна лишь небольшой части населения оккупированной территории РСФСР. А ввиду отсутствия воспроизводства медицинских кадров система здравоохранения была обречена на постепенное исчезновение. Однако наличие минимальной возможности получения населением медицинской помощи не позволяет оценивать деятельность коллаборационистов в сфере здравоохранения исключительно положительно. При всей гуманности медицинской профессии медики-коллаборационисты использовались в то же время и в целях, отвечающих планам нацистов в отношении населения Советского Союза. К этому относятся мероприятия по уничтожению

[1] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 12. Л. 26.

[2] Там же. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 4. Л. 131.

[3] Там же. Л. 98.

[4] Там же. Л. 31, 187.

психически больных, помощь оккупантам в отборе трудоспособного населения для отправки на работу в Германию. А выполнение врачами предписаний по строгому учету пациентов практически исключало оказание медицинской помощи партизанам и советскому подполью. Поэтому работа в сфере здравоохранения в период оккупации пусть не полностью, но в определенной степени является одной из разновидностей коллаборационизма как добровольного сотрудничества с врагом в ущерб интересам своего государства. Что касается сферы социального обеспечения, приходится признать, что созданные на захваченных немцами территориях РСФСР учреждения по социальной поддержке населения являлись частью оккупационной инфраструктуры. Разрешая и поощряя деятельность системы социального обеспечения, оккупанты, что правомерно предположить, были заинтересованы лишь в предупреждении нищенства, бродяжничества, детской и подростковой преступности. Вместе с тем совокупные данные по функционированию учреждений социального обеспечения не позволяют признать их служащих лицами, сотрудничавшими с оккупантами в ущерб интересам СССР. Именно учреждения и меры социального обеспечения помогали снизить смертность детей, престарелых, инвалидов, дав им хоть скудное, но посильное в условиях военного времени содержание и возможность выживания.

§ 4. Обеспечение правопорядка и судебная система

Наиважнейшим органом, обеспечивавшим необходимый оккупантам правопорядок на оккупированной территории, была служба вспомогательной полиции, личный состав которой рекрутировался, в основном, из местного населения, вставшего на путь коллаборации, а также из советских военнопленных, включая командиров РККА. Несмотря на наличие в распоряжении командующих тыловыми районами германских армий кадровых германских полицейских структур, они не могли достаточно эффективно контролировать захваченную территорию. По крайней мере в секретном приказе № 42 от 18 ноября 1941 г. за подписью имперского руководителя СС Г. Гиммлера констатировалось, что правоохранительная деятельность, в том числе борьба с парти-

занами и их пособниками, «может быть осуществлена успешно только гражданскими лицами, знающими местность, характер населения и владеющими языком»[1].

Служба охраны порядка стала формироваться практически с первых же дней оккупации той или иной местности, несмотря на отсутствие указаний высшего германского руководства на этот счет. Повсеместно зарегистрированы случаи, когда еще до прихода оккупантов при отступлении Красной Армии в обстановке временного безвластия крестьяне, желая обезопасить свои семьи и имущество, создавали некое подобие службы порядка, в ряде случаев вооружали эти формирования подобранным на полях сражений оружием. Германские командиры в большинстве случаев узаконивали данные подразделения[2]. С установлением оккупационного режима полицейские назначались практически в каждом населенном пункте, начиная с деревень и сел, а их количество зависело от местных условий и размеров контролируемой территории. Теоретически же разрешение формировать вспомогательную полицию поступило от командования ОКХ 29 августа 1941 г. Согласно ему, командующие тыловыми районами германских армий могли по согласованию с высшим руководством СС и германской полиции формировать из местного гражданского населения и советских военнопленных органы охраны правопорядка[3]. 9 января 1942 г. первый квартирмейстер Генерального штаба ОКХ Ф. Паулюс издал дополнительный приказ, уполномочивший командование формировать из местного населения и военнопленных вспомогательные охранные части, так называемые сотни[4].

В результате децентрализации при создании службы порядка органы полиции не имели единой системы руководства, даже назывались в различных местностях по-разному. Так, полиция в г. Орле называлась «народной стражей», в иных областях группы армий «Центр» — «службой порядка» («Ordnungsdienst» — OD), в группе армий «Юг» — «охранными вспомогательными частями»

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 5. Л. 16.

[2] *Чуев С.Г.* Указ. соч. С. 89—90.

[3] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 651. Л. 92.

[4] *Дробязко С.И., Каращук А.В.* Русская Освободительная Армия. М.: АСТ, 1998. С. 6.

(«Hilfswachmannschaften»), в группе армий «Север» — «местными боевыми соединениями» («Einwohnerkampfverbände»)[1].

Задачи вспомогательной полиции не были однородными в течение всего периода оккупации. Так, первоначально на органы полиции возлагалась лишь охранная деятельность. Впоследствии в функции полиции вошли контроль за выполнением приказов германского командования и поддержание установленного им порядка, выявление и задержание всех вновь появившихся лиц, а также коммунистов, партизан и их пособников, выгон населения на обязательные хозяйственные работы, конфискация теплых вещей и т.д.[2]

Германское командование пыталось упорядочить систему охраны правопорядка, придать ей единообразие. С этой целью директивой Верховного командования вермахта (ОКВ) № 46 от 18 августа 1942 г. «Руководящие указания по усилению борьбы с бандитизмом на Востоке» командирам сухопутных частей и соединений предписывалось разработать положения о статусе полицейских формирований в тыловых районах[3]. Это осуществлялось посредством издания различного рода инструкций, наставлений, предписаний для местных органов самоуправления. Так, в «Предписании для службы порядка», изданном командованием группы армий «Центр», говорится, что ответственность за создание службы порядка возлагается на местные комендатуры, действующие через городского голову (бургомистра)[4]. Здесь же определялись три основные задачи службы порядка:

1. Содействие при разрешении уголовно-полицейских задач, что включало «надзор за важными хозяйственными учреждениями, устройство обходной службы для предупреждения воровства, грабежа, поджогов, саботажных и других уголовных деяний».

2. Содействие при разрешении государственно-полицейских задач, включавшее сбор агентурных сведений обо всей деятельности, направленной против интересов Германии.

---

[1] *Дробязко С.И., Каращук А.В.* Указ. соч. С. 6.

[2] *Пережогин В.А.* Указ. соч. С. 304.

[3] *Смыслов О.С.* Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М.: Вече, 2006. С. 102.

[4] Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst (O. D.) Предписание для службы порядка. Б. м. Б. д. С. 2.

3. Поддержание общественного порядка среди местного населения, в том числе «надзор за порядком уличного движения, контроль топок в жилых помещениях, контроль над очисткой общественных дорог, улиц и площадей селений, содействие при надзоре выполнения предписанных мероприятий, касающихся пропитания и снабжения населения»[1].

Однако главной задачей полиции являлась борьба с партизанами[2].

В соответствии с указанным предписанием для органов местного самоуправления разрабатывались соответствующие рекомендации. В соответствии с одной из них, предназначавшейся для бургомистров тыловых районов группы армий «Центр», на полицию возлагались следующие обязанности:

1. Уголовно-полицейские (преследование и пресечение уголовных проступков).

2. Государственно-полицейские (раскрытие и преследование преступлений, направленных против германских частей).

3. Охрана общественного порядка (надзор за дисциплиной жителей населенных пунктов, контроль за соблюдением правил дорожного движения, пожарная охрана, надзор за санитарным состоянием улиц, караульная служба).

4. Особого назначения (содействие германским частям и воинским коллаборационистским формированиям в борьбе с партизанами, воздушно-десантными отрядами РККА, сопровождение продовольственных обозов от крестьянских общин до сборных пунктов)[3].

В ряде местностей Центральной России служба порядка имела именно такую структуру, определенную задачами входивших в нее отделов. Так, в Клинцовском округе Орловской области полиция состояла из отделов уголовной, государственной полиции, охраны порядка и особого[4]. Вскоре в структуру полиции был введен 5-й отдел — тюрьмы[5].

---

[1] Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. Б. м. Б. д. С. 3—4.

[2] Речь. 1942. 25 июля. № 79 (109).

[3] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 14. Л. 190.

[4] Там же. Л. 134.

[5] Там же. Л. 136.

Соответственно, штатный состав различных отделов имел свою специфику. Так, в состав 1-го отдела входили начальник, секретарь, делопроизводитель, следователи. 2-й отдел включал штат следователей. 3-й отдел, помимо руководства, состоял из стражников, несущих постовую и караульную службу. В 4-м отделе служили городские стражники (резерв), несшие постовую и караульную службу. К этому же отделу относились становые приставы, под началом которых служили стражники станов, разбросанных по населенным пунктам, где было возможным появление партизан. 5-й отдел включал так называемый строевой состав — тюремную охрану[1].

С целью повышения эффективности работы полиции ей к концу 1942 г. были переданы функции учета и паспортизации населения, ранее выполнявшиеся городскими и районными управами[2].

О.С. Смыслов приводит иную градацию личного состава вспомогательной полиции:

1. Полицейские на службе «вне сплоченных подразделений» — в городских и сельских отделениях полиции.

2. Полицейские на службе «в сплоченных подразделениях» — в составе антипартизанских рот, батальонов и полков.

3. Охранная пожарная служба.

4. Вспомогательная охранная служба[3].

Штаты и функции органов полиции в различных местностях различались и определялись местными комендатурами, районными и городскими управлениями. В частности, согласно директиве Главного военного управления Брянского округа от 21 декабря 1942 г., в деревнях следовало держать по 3—5 полицейских, в волостях полицейская служба составляет 10—20 чел., в райцентрах «полицейский запас» насчитывает одну сотню, а в городах уездного подчинения количество полицейских определяется местными условиями и практической необходимостью[4].

Обзор состояния службы порядка дает основание утверждать, что органы местного самоуправления, в основном, придержива-

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 14. Л. 136.

[2] Там же. Д. 21. Л. 16 об.

[3] *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 102.

[4] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 16 об.

лись указанных рекомендаций. Так, Трубчевская полиция, подчиненная райуправлению, насчитывала 100 чел., кроме того, был создан «полицейский запас» в количестве одной «сотни», предназначавшийся «для борьбы с мелкими партизанскими бандами»[1]. Существовавшие при волостных управлениях отделения «полицейской стражи» имели двойную систему подчинения, подчиняясь одновременно волостной управе и районному управлению. Количество полицейских, подчиненных волуправе, составляло в среднем 20 чел. Для охраны порядка в деревнях и селах в Трубчевском районе была создана «полицейская стража» в количестве 80 чел., сотрудники которой были разбросаны по сельским населенным пунктам, по 1—3 чел. в каждом, штаты полицейских учреждений были, как правило, укомплектованы[2].

О численности вспомогательной полиции на территории России можно судить лишь приблизительно. Так, согласно немецким данным, на декабрь 1941 г. в рядах полиции числились 60 420 советских граждан[3]. Только полиция Смоленского района на начало 1943 г. достигла численности 3000 чел.[4] По подсчетам С.И. Дробязко, на февраль 1943 г. численность полиции в зонах ответственности трех групп германских армий — «Север», «Центр» и «Юг» — составляла 60—70 тысяч чел.[5], в то время как, согласно подсчетам Б.В. Соколова, для эффективного контроля над оккупированными территориями требовалось не менее 450 000 полицейских (однако неясен механизм такого подсчета)[6]. Иные данные о численности вспомогательной полиции приводит Д. Армстронг, согласно которым, в зоне действий группы армий «Центр» служили 40 000 полицейских[7].

Органы полиции наделялись исполнительными функциями, находясь в полном подчинении соответствующих органов мест-

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.

[2] Там же.

[3] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 1061.

[4] *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 103.

[5] *Дробязко С.И.* Русская Освободительная Армия. С. 6.

[6] *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. С. 31.

[7] *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 419.

ного самоуправления. Так, директива Главного военного управления Брянского округа указывала, что «организация, содержание и командование полицией — задача управлений (городских и районных)»[1]. Местные бургомистры отвечали за надлежащее использование органов полиции, контролировали неукоснительное соблюдение ими немецких предписаний. Одновременно полиция была подотчетна германским властям, в частности, военным комендатурам. Так, в ряде городов и районов начальники полиции были обязаны представлять в военные комендатуры суточные рапорта о происшествиях[2].

Как свидетельствует практика, основной задачей вспомогательной полиции была, особенно в первые недели и месяцы оккупации, охранная деятельность. Так, полицейские в большинстве своем использовались в охране военных, промышленных объектов, складов, железных и шоссейных дорог, осуществляли надзор за соблюдением «комендантского часа». В частности, полицейские были обязаны следить, чтобы никто не приближался к железнодорожному полотну на расстояние ближе 100 метров, в противном случае разрешалось открывать огонь на поражение. Пересекать пути разрешалось только в строго отведенных, охраняемых местах. Время «комендантского часа» в тех или иных населенных пунктах, даже в пределах одной области, различалось. Так, в г. Пскове гражданскому населению запрещалось покидать свои дома с 20.00 до 5.00, в г. Дне — с 18.30 до 5.30[3].

Относительно обязанностей и ограничений, накладываемых на полицейских, в «Предписании для службы порядка» говорилось, что полицейские не имеют права производить служебные действия в личных интересах или в пользу третьих лиц. Состав службы порядка не имеет права налагать наказания и штрафы[4]. Что касается арестов, служба порядка имела право арестовывать только гражданских лиц по приказанию своего начальства. Аресты по собственному усмотрению разрешались в случаях поимки

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 16 об.

[2] ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—117.

[3] ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 651. Л. 92.

[4] Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 6.

лиц на месте преступления, лица, находящегося в розыске, бегства подозрительных, невозможности установить личность. Также аресты допускались в случае нападения на полицейских, их оскорбления. Арестованных сразу же доставляли к начальнику полиции, который немедленно извещал об этом немецкие полицейские органы (полицию охраны)[1].

Конфискации и обыски разрешалось проводить только с ведома немецкой полиции охраны или командования немецкой воинской части. Лишь в исключительных, не терпящих отлагательства случаях (при возможности сокрытия следов преступления) разрешение на обыск или конфискацию мог дать бургомистр[2].

Обыск проводился в зависимости от ситуации одним или несколькими полицейскими в присутствии хотя бы одного понятого, а также владельца обыскиваемого жилища. Иногда было обязательно присутствие потерпевшего, который мог бы опознать похищенные вещи. Результаты обыска закреплялись протоколом произвольной формы, который подписывался полицейским и всеми присутствующими при обыске лицами[3]. Обыск у подозреваемого в преступлении старосты или волостного старшины проводился в общем порядке, какой-либо дополнительной санкции не требовалось[4].

Применять оружие разрешалось лишь для самообороны, при преследовании лиц, не останавливающихся на оклик, а также для защиты охраняемых материальных ценностей[5].

Что касается контингента полиции, он состоял как из убежденных противников большевизма, так и из людей, поступивших на службу в полицию с целью получения выгод экономического характера или же уклонения от отправки на работу в Германию[6]. Так, в декабре 1942 г. бургомистр г. Севска Бакшанский издал приказ об отмене льгот для полицейских, которые до этого были осво-

---

[1] Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 7.

[2] Там же. С. 8.

[3] ГАТО. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 5. Л. 1—32 об.

[4] Там же. Л. 12.

[5] Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 8.

[6] *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 103.

бождены от обязательных хлебопоставок и уплаты налогов[1]. В результате полицейские сел Степное, Антоновка, Белица отказались от несения службы, а шестеро из них ушли к партизанам[2].

На руководящие посты в полиции и на ответственные должности обычно назначались лица из местной интеллигенции, знающие местность, представители гражданского населения, а также лица, знакомые с юриспруденцией[3]. Так, начальником районной полиции г. Россоши был бывший адвокат Филиппов, начальником городской полиции — бывший бухгалтер аптечной базы Стотик[4], в полиции Калининского района работала бывший народный судья, член ВКП(б) с 1927 г. А.В. Сергеева[5]. Нередко на ответственные должности в полиции попадали члены ВКП(б) и ВЛКСМ, в прошлом ответственные советские работники. Так, только в составе Ветринской полиции (Калининская обл.) начальником 2-го отдела служил бывший член ВЛКСМ А.И. Колтунов, следователем — член ВКП(б), бывший директор хлебозавода В.Т. Коляденок, помощниками начальников 3-го, 4-го отделов — бывший председатель колхоза И.Н. Бельский и бывший бухгалтер сельпо Н.А. Равдышко, соответственно[6]. Бывших работников милиции в органах вспомогательной полиции практически не встречается. Лишь в редких случаях органы полиции возглавляли немецкие военнослужащие. Так, полицией г. Себежа Калининской области руководил немецкий фельдфебель Русс, ему в качестве помощников были приданы 5 советских граждан, состоящих, вероятно, на должностях начальников подотделов[7].

Что касается рядового состава полиции, он в профессиональном и социальном отношении, в основном, копировал структуру той или иной местности. Так, в сельской местности полицейские рекрутировались из бывших колхозников, в городах — из представителей рабочего класса. Распространенное мнение, якобы в

[1] Севский листок. 1942. Декабрь. № 11.

[2] *Чуев С.* Указ. соч. С. 104.

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 83.

[4] *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 103.

[5] *Пережогин В.А.* Вопросы коллаборационизма \\ Война и общество, 1941—1945: сб. статей. В 2 кн. М., 2004. С. 293.

[6] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 284. Л. 2 об.

[7] Там же. Д. 663. Л. 110 об.

органы полиции набирались преимущественно уголовники[1], не выдерживает серьезной критики. Так, из сохранившихся 78 анкет полицейских Клетнянской райполиции (Орловская обл.) следует, что 77 чел. — крестьяне, в основном, из бедняков, 1 — рабочий, выходцев из помещиков и кулаков нет вообще. Судимых за тяжкие преступления среди них нет, 4 чел. судимы за неуплату алиментов, 2 — за хулиганство, 1 — за невыработку трудодней, 1 — за антисоветскую агитацию, 1 — за антисоветскую песню, 1 — за пререкание с председателем сельсовета, 1 — за оскорбление местной власти[2]. Иные документы, в том числе личные дела, характеристики, протоколы допросов полицейских, в частности, по Орловской области, также не содержат данных о преобладании в рядах полиции уголовного элемента[3].

Начальники отделений полиции, подотделов и их заместители назначались на должности германскими властями — отделениями немецкой полиции безопасности и военными управлениями округов[4]. В дальнейшем назначенные руководители органов полиции работали под непосредственным началом городского или районного головы (бургомистра)[5]. Что касается рядового состава, каких-либо особых предписаний на этот счет не имеется, поэтому можно предположить, что комплектование органов полиции возлагалось на их руководство, назначенное немцами, а также на органы местного самоуправления. Каждый коллаборационист, поступающий на службу в полицию, был обязан подписать служебное обязательство установленного образца, в котором содержится некое подобие присяги, судя по стилистике, разработанное немцами: «Обязуюсь должность выполнить добросовестно и беспартийно согласно служебных предписаний, с которыми я ознакомлен. Я обязуюсь беспрекословно слушаться моего начальства»[6].

---

[1] *Попов А.Ю.* НКВД и партизанское движение. С. 73; *Фирсанов К.Ф.* Указ. соч. С. 77.

[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 35. Л. 5—83.

[3] Там же. Д. 1, 25, 41, 51, 59, 60.

[4] Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 4.

[5] Там же. С. 6.

[6] Там же. С. 6, 11.

Как начальствующий, так и рядовой состав полиции проходил обучение, которое осуществлялось под надзором немецкой полиции безопасности или военного управления соответствующего округа[1]. Обучение проходило как на местах, так и в специальных школах, создаваемых в пределах административных округов. Курс обучения длился в среднем две недели[2]. В течение этого времени курсантов обучали, как вести себя по отношению к населению и к своему начальству, правилам составления донесений, уличного движения, караульной службы, обращению с оружием[3].

В случаях нарушения дисциплины на полицейских налагались дисциплинарные взыскания. За проступки незначительной тяжести взыскание в виде сверхурочных дежурств мог наложить начальник соответствующего отделения службы порядка, о чем делалась запись в книге наказаний и немедленно доводилось до сведения бургомистра. О проступках значительной тяжести, особенно совершенных при исполнении служебных обязанностей, посредством бургомистра сообщалось в немецкую полицию безопасности или командованию немецкой воинской части, которые и определяли наказание. С целью предотвращения бегства провинившегося полицейского бургомистр имел право взять его под арест[4]. В оккупированных районах Калининской области начальники полиции, кроме того, в случаях проступков применяли наказания в виде предупреждения, выговора, перевода полицейского на службу в сельскую местность, увольнения[5]. Однако увольнение сотрудника полиции требовало согласования с немецкой полевой жандармерией или городской управой[6].

Служащие полиции получали зарплату за счет органов местного самоуправления соответствующего населенного пункта по следующим ставкам:

---

[1] Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 5.

[2] ЛАЕ. Справка П. Балакирева об окончании Клинцовской школы службы порядка (подлинник).

[3] Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 5.

[4] Там же. С. 7.

[5] ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 4. Л. 83—85, 89, 90.

[6] Там же. Л. 100—100 об.

— начальник службы порядка — 10 руб. в день;

— заместитель — 7 руб. 50 коп. в день;

— полицейский (страж) — 5 руб. в день;

— начальник службы порядка, имеющей подотделы, — 15 руб. в день;

— заместитель — 12 руб. 50 коп. в день;

— начальник подотдела — 10 руб. в день;

— полицейский (страж) — 5 руб. в день[1].

Полиция, помимо штатных сотрудников, располагала широкой сетью осведомителей, функции которых были неоднородны. Так, одним из них вменялось в обязанность лишь информировать полицию обо всем подозрительном, что ими было замечено. Другие же использовались в качестве агентов, засылаемых в различные организации для сбора соответствующей информации и передачи ее полиции. В инструкции по борьбе против партизан, изданной в группе армий «Центр» в конце 1941 г., на этот счет говорится: «В каждом населенном пункте должны быть люди, которые обязаны немедленно сообщить о появлении партизан, парашютистов, незнакомых и подозрительных людей. К этой работе нужно привлечь пастухов, лесников, объездчиков, путевых сторожей, путевых мастеров, линейных надсмотрщиков»[2]. Существовали различные формы поощрения полицейских агентов. Так, одни из них получали зарплату, другие — льготы при налогообложении, которые в ряде случаев распространялись на весь населенный пункт, где жили осведомители. Лицам, имеющим незначительную связь с партизанами, а также родственникам партизан гарантировалось полное прощение в обмен на предоставление агентурных сведений[3]. Оценивая эффективность работы полицейских агентов, Г. Глазунов отмечает, что без них немцы зачастую становились совершенно бессильными в борьбе против подполья. Так, пытаясь ликвидировать организацию «Молодая гвардия» в г. Краснодоне, гестапо проводило бесчисленные аресты, однако все меры были тщетны. Лишь деятельность агентуры помогла выйти на след ор-

---

[1] Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 10.

[2] ЛАЕ. Инструкция по борьбе против партизан (тип. экз., подлинник).

[3] Там же.

ганизации, арестовать ее руководство[1]. Функции осведомителей накладывались и на руководителей предприятий. Так, Г. Почепцов, по доносу которого была разгромлена «Молодая гвардия», показал на суде, что предпочел доносить на руководство организации не в полицию, а начальнику шахты Жукову. При этом нисколько не сомневался, что Жуков как руководитель предприятия обязательно примет необходимые меры, что полностью подтвердилось — заявление Почепцова незамедлительно было передано полиции[2]. Полицейскими функциями наделялись и большинство сотрудников органов местного самоуправления. В июне 1943 г. в Усвятском районе Смоленской области партизанским отрядом Ермолаева были расстреляны кандидат в члены ВКП(б) В.Т. Буков (бывший председатель колхоза «Красный путиловец»), А.Л. Шитиков (бывший бригадир колхоза), П.Ф. Шутров (бывший бригадир полеводческой бригады), члены ВКП(б) М.И. Миронов (бывший завуч средней школы), П.П. Прошин (бывший старший механик МТС), Р.Л. Шандаевский (бывший зав. РАЙФО Усвятского района). Все они, поступив на должности старост и волостных старшин, за исключением А.Л. Шитикова, служившего полицейским, являлись агентами полиции, принимали участие в вылавливании партизан, неоднократно водили карательные отряды в места дислокации партизан[3]. Численность полицейской агентуры в крупных городах исчислялась сотнями, а то и тысячами человек. Так, в г. Калинине насчитывалось 1500—1600 агентов, в г. Калуге — 600—700[4]. Произвести точный подсчет этой категории коллаборационистов невозможно ввиду отсутствия исчерпывающих данных. Однако уже в ноябре 1941 г. в секретном приказе № 42 имперский руководитель СС Г. Гиммлер констатирует: «Уже сейчас действующие группы располагают хорошей работающей сетью осведомителей, и прежде всего в их распоряжении находятся... заслуживающие доверие гражданские осведомители»[5].

---

[1] *Глазунов Г.* Это было в Краснодоне \\ Неотвратимое возмездие. С. 170.

[2] Там же. С. 170—171.

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 157. Л. 2, 3, 6, 7, 11, 12, 14, 15, 28, 41, 46.

[4] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 2.

[5] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 5. Л. 16.

Ввиду децентрализованности органов полиции ее личный состав не имел единой формы одежды, различия существовали даже в пределах той или иной области. Так, полицейские Всходного района Смоленской области носили немецкую форму с белой повязкой на рукаве, полицейские Знаменского района — красноармейскую форму с такой же белой повязкой. Полиция других районов Смоленщины вообще не имела форменного обмундирования, отличительным знаком была лишь та же нарукавная повязка[1]. Каждая повязка имела порядковый номер и заверялась оттиском печати местной комендатуры[2]. Однако в большинстве тыловых районов группы армий «Центр» ношение полицейскими форменного обмундирования не предусматривалось. Единственным отличительным знаком была белая нарукавная повязка с надписью на немецком языке «Ordnungsdienst», названием населенного пункта и личным номером полицейского. Номер нарукавной повязки вносился в служебное удостоверение, которое каждый сотрудник полиции был обязан иметь при себе, причем удостоверение было действительно лишь при наличии советского паспорта или удостоверения личности[3].

Что касается эффективности работы полиции в целом, выразительную оценку этому дает в своем донесении от 3 декабря 1942 г. начальник тылового района группы армий «Центр»: «Полиция повсеместно хорошо зарекомендовала себя и сегодня является существенным фактором для усмирения страны... Сегодня уже нельзя обойтись без помощи местной полиции в деле усмирения населения»[4]. Подобную оценку работе полиции дают и советские военнослужащие и партизаны. Так, вышедший из окружения лейтенант, герой Советского Союза П.Е. Брайко, ставший впоследствии командиром партизанского полка, показал: «Нужно сказать, что эта полиция была гораздо хуже немцев. Немец — это все-таки чужой человек, он не знал обычаев, способностей и хитростей местного населения, а свой

[1] *Пережогин В.А.* Указ. соч. С. 300—301.

[2] *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 103.

[3] Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 2—3.

[4] Цит. по: *Пережогин В.А.* Указ. соч. С. 304—305.

человек, своя сволочь могла разгадывать русских людей и немцев учила»[1].

Помимо своих прямых обязанностей, гражданская полиция по мере необходимости придавалась для усиления германским частям, частям РОА и другим воинским коллаборационистским формированиям на период проведения антипартизанских операций[2]. При этом полицейские несли большие потери, немногим меньшие, чем потери немцев. Так, во время боев на территории Калининской области в июле—августе 1942 г. с партизанской бригадой Короткова были убиты 21 немец и 14 русских полицейских, взяты в плен 3 немца и 4 полицейских[3]. При столкновении в тот же период с партизанским отрядом Бати погибли 2 немца и 2 полицейских[4], в боях с партизанским отрядом Сакмаркина из бригады Короткина убиты 91 немец и 10 полицейских[5]. Во время налета партизан на населенные пункты Зайцево и Грибово уничтожены 18 немцев и 5 полицейских, ранены 5 полицейских[6].

С другой стороны, эффективность работы органов полиции не была абсолютной. Полиция нередко не обеспечивала должного порядка в оккупированных городах и селах, далеко не всегда могла обезопасить их от партизан, а зачастую проявляла перед партизанами полное бессилие. Среди полицейских царила недисциплинированность. Так, по Зубцовскому району Калининской области в течение июня—июля 1942 г. начальник районной полиции Долгополов, судя по его приказам, в основном, выявлял нарушения, нежели успехи своих подчиненных. В частности, дежурные общего отдела систематически нарушали устав Службы охраны, неправильно используя дежурных[7], многие полицейские без надобности входили в камеры, вели с задержанными посторонние разговоры, пренебрегали военной выправкой, не отдавали чести служащим немецкой комендатуры, жандарме-

[1] Цит. по: *Пережогин В.А.* Указ. соч. С. 304.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 49; оп. 2. Д. 13. Л. 142.

[3] Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 116.

[4] Там же. Л. 115.

[5] Там же. Л. 114.

[6] Там же. Л. 113.

[7] ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 4. Л. 83.

рии, работникам горуправы[1]. При реквизициях у населения советского и немецкого военного обмундирования полицейские нередко допускали злоупотребления своими полномочиями[2]. Причем полицейские допускали аналогичные нарушения даже после неоднократных предупреждений и взысканий. Так, охранник Г.И. Ильинков неоднократно засыпал на посту, охранник Т.П. Гуров систематически опаздывал на работу, охранник А.А. Сараев не реагировал на замечания по поводу не отдачи чести служащим комендатуры, охранник А.Ф. Капралов халатно относился к работе, не обращая внимания на неоднократные предупреждения[3]. Подобные случаи зарегистрированы повсеместно, причем они возросли с июля 1943 г., когда положение на фронте изменилось в пользу Красной Армии, что привело к деморализации личного состава полиции. Так, отчет командира корпуса охранных войск Центральной административной группы от 31 августа 1943 г. указывает, что в период с мая по август 1943 г. эффективность охранной деятельности полицейских резко снизилась. В частности, количество удавшихся случаев минирования партизанами дорог и мостов изменялось следующим образом: май — 166, июнь — 437, июль — 463, август — 769[4]. А при инспектировании полицейских управлений и станов довольно часто отмечались недостатки, недисциплинированность полицейских. Так, военная комендатура г. Погара Орловской области 2 августа 1943 г. констатировала, что «в последнее время стали неоднократно замечаться случаи, что стрелки Службы охраны порядка, будучи в пьяном виде, с оружием в руках наносят угрозы мирному населению»[5]. Интересно, что гражданское население в этот период, согласно упомянутому отчету командира корпуса охранных войск Центральной административной группы, стало терять доверие к органам полиции, умалчивать о налетах партизан, скрывать случаи грабежа местных жителей партизанами[6].

---

[1] ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 4. Л. 83.

[2] Там же. Л. 94.

[3] Там же. Л. 84, 85, 89, 90, 93, 94, 95 об.

[4] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 13. Л. 3.

[5] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 14. Л. 236.

[6] ТЦДИН. Ф. 479. Оп. 2. Д. 13. Л. 3.

Подобно сельским старостам полицейские в селах и их семьи были заложниками нацистов. Так, при переходе полицейского к партизанам его семью репрессировали. Нередко заложниками становились сами служащие вспомогательной полиции — если их сослуживцы «предавали начальство», оставшиеся полицейские отправлялись в лагеря или расстреливались[1]. Очевидно, система заложничества давала свои результаты. Так, количество завербованной партизанами агентуры среди полицейских в полосе действия Калининского фронта на июнь 1943 г. составило самую малочисленную группу — всего 7 чел.[2] Однако процесс разложения органов гражданской полиции усилился с лета 1943 г. Так, только за август 1943 г., согласно отчету командира корпуса охранных войск Центральной административной группы, из полиции дезертировали 212 чел., а также 204 добровольца из частей и подразделений РОА. Это достигалось как участившимися налетами партизан на опорные пункты службы порядка (94 налета за август), так и изменившимся характером пропаганды, стремящейся доказать, что перешедших к партизанам полицейских ждет не расстрел, а прощение, возможность искупить свою вину. С этой целью партизаны, подбирая раненых при налетах полицейских, оказывали им помощь, накладывали повязки на раны[3]. Иногда действия германских властей провоцировали полицейских на переход к партизанам. Так, согласно итоговой сводке ЦШПД при Ставке ВГК за октябрь 1943 г., в пос. Новоселье Калининской области немцы распустили полицию. В результате часть полицейских, будучи лишены средств к существованию, ушли к партизанам[4].

Судебная система на оккупированных территориях формировалась поэтапно. До ее введения судебные функции брали на себя немецкие комендатуры, которые, в основном, накладывали один вид наказания — расстрел по закону военного времени. Обзор нормативных актов германских оккупационных властей приводит к заключению, что подобные меры применялись не только к вино-

---

[1] *Гогун А.С.* Указ. соч. С. 23.

[2] ТЦДИН. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 22 об.

[3] Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 3.

[4] Там же. Оп. 1. Д. 648. Л. 141.

вным в совершении уголовных преступлений, но и административных проступков. Так, летом-осенью 1941 г. в оккупированных районах Калининской области чрезвычайные меры «по закону военного времени» применялись, например, к уличенным в краже дров, сена у граждан. Стоимость украденного в расчет не принималась[1]. Первым органом, наделенным судебными полномочиями, стал институт мирового посредничества в общинах, введенный, в частности, в тыловых районах группы армий «Центр» с ноября 1941 г. Как в городах, так и в сельских общинах германскими властями с помощью местных коллаборационистов создавались «посредничественные мировые места»[2]. Каждое из них включало четыре человека: бургомистра города (председатель), заместителя и двух заседателей. Трех последних назначал бургомистр города из числа благонадежных, обладающих достаточным образовательным уровнем лиц старше 30 лет, проживших в данной местности не менее двух лет. Должности заместителя председателя и заседателей являлись почетными, то есть зарплаты за отправление правосудия эти лица не получали[3].

К компетенции «посредничественных мировых мест» относились лишь гражданские дела по спорам, вытекающим преимущественно из имущественных правоотношений[4].

Ввиду отсутствия какой-либо нормативной базы командующие административными округами рекомендовали рассматривать дела «под взглядом здравого народного ощущения»[5], то есть, по всей вероятности, согласно обычаям, принятым в той или иной местности.

Судебный процесс носил состязательный характер. При этом гарантировались равенство сторон, свобода представления доказательств[6]. Предусматривалась практика вынесения заочных решений — в случае неявки надлежащим образом извещенной одной из сторон. Отказ одной из сторон, явившейся в судебное

---

[1] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 56.

[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 208.

[3] Там же.

[4] Там же. Л. 208 об.

[5] Там же.

[6] Там же. Л. 209.

заседание, от дачи объяснений не препятствовал вынесению решения на основании имеющихся доказательств[1].

Относительно кассационного обжалования документ носит противоречивый и взаимоисключающий характер. Так, согласно § 15, решение носит окончательный характер, его обжалование вообще не предусматривается. Однако, согласно § 16, кассационной инстанцией являлся председатель (бургомистр), который после поступления жалобы на решение рассматривал ее единолично. После утверждения им решения дальнейшее его обжалование не предусматривалось. По гражданским делам, представлявшим особую сложность, а также при цене иска свыше 2000 рублей председатель (бургомистр) принимал исковое заявление к производству, однако вне зависимости от поступления жалобы передавал материалы дела и вынесенное решение в полевую комендатуру для утверждения[2].

Председатель «посредничественного мирового места» мог по своему усмотрению взыскать за рассмотрение дела пошлину. Ее размер определялся произвольно, с учетом материального положения истца, однако не мог превышать 50 рублей[3].

Ввиду отсутствия каких-либо упоминаний о ведении «посредничественными мировыми местами» уголовных дел, правомерно предположить, что вопросы уголовного судопроизводства находились вне компетенции коллаборационистских судебных учреждений. Судебные функции по уголовным делам либо выполняли военные комендатуры, либо к виновным применялись «чрезвычайные» меры.

До организации судебных органов в волостях судебными полномочиями наделялись волостные старшины, которые единолично разбирали мелкие уголовные дела. Наказания по тяжести совпадали с теми, полномочия накладывать которые впоследствии получили волостные суды: штраф до 1000 рублей, тюремное заключение или к принудительные работы на срок до 14 дней[4]. Однако приговоры волостных старшин вступали в силу только после

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 209.

[2] Там же. Л. 209 об.

[3] Там же. Л. 210.

[4] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153—155; ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 238.

прохождения еще двух инстанций: утверждались бургомистром района и Ортскомендатурой[1].

Собственно суды в большинстве оккупированных областей РСФСР начали функционировать с декабря 1941 г. Однако судебная система в различных местностях приобрела неоднородную структуру. Даже названия судебных органов, несмотря на общность функций, различались, помимо просто «судов», носили названия «мировые суды», «арбитражные суды», «уголовные суды»[2]. Судебная система была двухступенчатой. Низшей ступенью являлись мировые (волостные) суды, рассматривавшие уголовные, гражданские и административные дела в качестве судов первой инстанции. В качестве судов второй инстанции выступали районные или окружные суды. Их решения считались окончательными и не подлежали дальнейшему обжалованию.

Данная судебная иерархия формировалась постепенно. Так, Орловский городской суд, организованный к декабрю 1941 г., первоначально являлся единственным судебным органом в районе. Все его решения носили окончательный характер[3]. На территории Брянского округа первоначально были организованы лишь волостные арбитражные суды. К июню 1943 г. арбитражные суды действовали в 5 из 17 волостей: в Белых Берегах, Супоневе, Глинищеве, Трубчине, Б. Полпине[4]. С октября 1942 г. начал работу Брянский районный арбитражный суд, состоящий из председателя и двух членов, ставший вышестоящей инстанцией по отношению к волостным арбитражным судам. В его функции, помимо надзора за работой нижестоящих судов, входило рассмотрение в качестве суда первой инстанции дел о преступлениях против личности, имущества, злоупотреблениях служебным положением, нарушениях обязательных постановлений органов местного самоуправления и др[5]. С октября 1942 г. по май 1943 г. состоялось около 100 судебных заседаний[6].

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 238.

[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 112; Речь. 1941. 10 декабря. № 3; Речь. 1943. 2 июня. № 82 (245).

[3] Речь. 1941. 10 декабря. № 3.

[4] Там же. 1943. 2 июня. № 82 (245).

[5] Там же.

[6] Там же.

Командование германских армий, пытаясь придать судебной системе и применяемому законодательству в своих тыловых районах единообразие, выпускало различные инструкции по организации судопроизводства, обязательные для исполнения органами местного самоуправления. Одним из первых нормативных документов стало руководство для старост и волостных старшин, выпущенное командованием 2-й немецкой танковой армии приблизительно осенью 1941 г. В нем содержатся некоторые нормы семейного права. В частности, провозглашаются действительность только юридического брака, заключенного органами местного самоуправления, запрет разводов, браков между евреями и неевреями, между кровными родственниками прямой линии, полнокровными и полукровными братьями и сестрами. Здесь же устанавливается брачный возраст: 18 лет для мужчин и 16 лет для женщин[1]. Довольно выразительно «Постановление об административных наказаниях» от 23 июня 1942 г. Согласно этому документу, широко применявшемуся в тыловых районах группы армий «Север», главам районов (бургомистрам) предоставлялось право во внесудебном порядке применять три вида наказаний: наложение штрафа в размере до 3 тысяч рублей, заключение под арест на срок до 6 недель, направление на принудительные работы на тот же срок[2]. В тот же день, 23 июня 1942 г., вышел один из первых документов, регулирующих гражданские правоотношения местного населения, подписанное фон Роком «Постановление по вопросам гражданского состояния». Оно охватывало основные вопросы гражданского права, наиболее часто встречавшиеся в практике органов местного самоуправления. Постановление не было свободно от догм национал-социализма, обязательных при регулировании гражданских правоотношений. Так, § 3 п. 3 «а» запрещал регистрацию браков между евреями и представителями других наций[3]. По всей вероятности, оба документа предназначались для руководителей органов местного самоуправления — глав районов (бургомистров), что объясняется почти полным отсут-

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

[2] ЦГАИПД СПб. Ф. 0—116. Оп. 9. Д. 666. Л. 4, 19.

[3] Там же. Л. 14.

ствием в тыловых районах группы армий «Север» собственно судебных инстанций.

Довольно выразительным является изданный в конце 1942 г. командованием 2-й танковой армией документ под названием «Судопроизводство в русских органах управления», содержащий общие рекомендации по вопросам организации судов и нормы процессуального права[1]. Согласно этому документу, обязанность организации мировых судов всех уровней всецело возлагалась на органы местного самоуправления, начиная от волостных управ. Низшей ступенью являлись мировые суды общин (волостные мировые суды), которые организовывались в тех местностях, включая мелкие города, где это было оправдано местными условиями и наличием соответствующих кандидатов на должности судей[2]. В случае невозможности организации мирового суда в какой-либо общине (волости) с разрешения командующего административным округом допускалось создание одного волостного мирового суда на несколько волостей[3]. Волостной мировой суд состоял из председателя, заместителя и заседателей, причем члены суда не должны были состоять между собой в родстве или свойстве. Обязанности председателя исполнял волостной старшина, а на должности заместителей и заседателей назначались «только надежные мужчины и женщины, которые по степени своего образования и по возрасту удовлетворяют требованиям к должности и являются коренными жителями общины». Назначение производил командующий административным округом, однако районный бургомистр мог уволить члена суда, сообщив командующему административным округом причину. Должности заместителя и заседателей являлись почетными, то есть состоящие на них лица не получали зарплаты. Однако волостным управлениям разрешалось выделять заместителю и заседателям вознаграждение[4].

Волостным мировым судам были подсудны следующие категории мелких уголовных дел: простое воровство, совершенное без насилия, при котором сумма ущерба не превышает 100 руб.,

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 200—205 об.

[2] Там же. Л. 200.

[3] Там же. Л. 201 об.

[4] Там же.

оскорбление, не направленное против должностных лиц, нарушение общественного порядка, а также иные категории дел, максимальное наказание за которые не превышает налагаемого мировыми судами. Разрешалось налагать наказание в виде штрафа до 1000 руб., ареста до 11 дней, исправительных работ до 14 дней. Из гражданских дел волостным мировым судам разрешалось рассматривать имущественные споры при цене иска до 500 руб., жилищные споры, споры о распределении работ между членами семьи[1].

Следующая ступень — районные мировые суды — создавались в каждом районе и каждом городе не районного подчинения. В состав суда входили председатель, один или несколько заместителей, заседатели. Требования к кандидатам на эти должности совпадали с требованиями к кандидатам на должности членов волостных судов, с той разницей, что для председателя и заместителей председателя районного суда было желательно наличие юридического образования, заседателей рекомендовалось вводить из числа служащих городских и районных управ. Запрещалось назначать на судейские должности бывших членов коммунистической партии. Кандидаты в районные судьи выдвигались районными и городскими бургомистрами, после чего утверждались командующим административным округом. В небольших районах допускалось совмещение должностей районного бургомистра и председателя райсуда[2].

К подсудности районных мировых судов относились все уголовные и гражданские дела, за исключением преступлений, направленных против германской армии, и особо тяжких преступлений (убийство, разбой, преднамеренный поджог, растрата на сумму свыше 5000 руб.)[3]. Допускалось по усмотрению органов местного самоуправления создание двух отделений районного мирового суда: по уголовным и гражданским делам.

Районные мировые суды имели право налагать наказания в виде штрафа до 10 000 руб., тюремного заключения или принудительных работ на срок до 1 года, конфискации предметов, используемых для совершения преступления[4].

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 202.

[2] Там же. Л. 201 об.—202.

[3] Там же. Л. 202 об.

[4] Там же.

Районные суды являлись кассационными инстанциями по отношению к волостным судам, а обжалование решений и приговоров районных судов не предусматривалось. Однако их судебные решения, а также мировые соглашения («полюбовные сделки») вступали в силу только после их утверждения командующим административным округом[1].

В то же время указанный документ не содержит норм уголовного права, вероятно, ввиду их отсутствия на тот период, на что указывает предписание § 14 наказывать всех преступников, нарушающих законность, «которые, по общему мнению, заслуживают наказания»[2]. Тем не менее в ряде параграфов по казуальной системе упоминаются некоторые группы и виды преступлений с попыткой их систематизации. Так, в числе экономических преступлений значатся воровство, грабеж, разбой, преднамеренный поджог, вздутие цен, растрата, контрабанда, накопление жизненных припасов. К преступлениям против порядка управления законодатель относит злоупотребление должностной властью, нарушение приказов, изданных русскими органами управления, оскорбление должностных лиц[3]. Упоминаемая группа «проступки против личности» конкретных видов преступлений не содержит[4].

Ввиду отсутствия уголовного законодательства председателю районного мирового суда предоставлялось право при наличии сомнений в своем праве рассмотреть какое-либо преступление передать дело на рассмотрение командующему административным округом[5].

Процессуальное законодательство в общих чертах копировало положения советских уголовно-процессуального и гражданского процессуального кодексов, за исключением особенностей, продиктованных установками национал-социализма и условиями оккупации. Так, судам всех уровней запрещалось принимать к производству бракоразводные дела. Исключение составляли лишь дела о разводах с евреями, когда развод в интересах германской армии,

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 204—204 об.

[2] Там же. Л. 202 об.

[3] Там же. Л. 202—202 об.

[4] Там же. Л. 202 об.

[5] Там же.

а также желание развестись при постоянном половом бессилии одного из супругов, при наличии у одного из супругов «возбуждающей отвращение болезни»[1]. Неподсудны волостным и районным мировым судам были и дела лиц немецкого происхождения, военнослужащих РОА и других русских добровольческих частей, полицейских, служащих органов местного самоуправления, а также советских военнопленных. Дела этих категорий лиц разбирались германскими судебными органами[2]. Из гражданских дел как волостным, так и районным мировым судам были неподсудны иски о возвращении земли и недвижимого имущества, конфискованного органами советской власти. Эти категории заявителей направлялись с их требованиями к соответствующей немецкой хозяйственной инспекции или к окружному коменданту[3].

При подаче заявления в суд уплачивалась пошлина: в волостной мировой суд — 20 руб., в районный мировой суд — от 20 до 500 руб., в зависимости от суммы иска[4]. При подаче заявления об административном проступке пошлина составляла 5 руб.[5]

Уголовное законодательство также копировало ряд положений Уголовного кодекса РСФСР, с той разницей, что наказания были значительно смягчены. В частности, полностью сохранившееся «Временное положение о наказаниях, налагаемых судами Клинцовского округа» к особо тяжким преступлениям относило умышленное убийство, каравшееся тюремным заключением на срок до 3 лет (ст. 80), половые преступления, включая развращение малолетних, наказание за которые не превышало 2 лет тюремного заключения (ст. 92)[6]. К преступлениям средней тяжести относился ряд должностных преступлений, например, злоупотребление властью, что наказывалось тюремным заключением на срок до 6 мес. (ст. 62)[7]. Преступления против порядка управления относились к преступлениям небольшой тяжести. Так, неуплата налога или

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 203.
[2] Там же. Л. 205 об.
[3] Там же. Л. 203.
[4] Там же. Л. 204 об.
[5] Там же. Л. 206 об.
[6] Там же. Д. 21. Л. 118.
[7] Там же. Л. 116 об.

сбора каралась штрафом в размере тех же платежей, а при рецидиве — принудительными работами на срок до 3 месяцев (ст. 34)[1].

Интересно, что некоторые проступки, согласно указанному «Временному положению», были впервые в истории российского права отнесены к преступлениям. Так, ст. 94 предусматривала уголовную ответственность за супружескую неверность, что каралось тюремным заключением или принудительными работами на срок до 6 месяцев, согласно ст. 100, тюремным заключением от 3 до 6 месяцев наказывалось оскорбление родителей словом или действием. Денежным штрафом до 3000 руб. или тюремным заключением на срок до 6 месяцев каралось оскорбление религиозных чувств верующих[2].

Ввиду того, что создание судебных органов и их интеграция в систему административного управления — сложный процесс, в районах, оккупация которых продлилась непродолжительное время, судебная система так и не была создана. В течение нескольких месяцев судейские функции выполняли руководители органов местного самоуправления: бургомистры, волостные старшины. Юридическую базу здесь составляли те или иные инструкции и распоряжения бургомистров. Яркой иллюстрацией служит приказ бургомистра (старшины) г. Торопца и Торопецкого района Калининской области Николаева от 31 октября 1941 г., адресованный начальнику районной полиции и касающийся жителей города, самовольно ломающих на дрова городские здания: «Лиц, замеченных в этом, на первый раз штрафовать по своему усмотрению на сумму до 300 руб. При повторном случае этих же лиц заключать в тюрьму на срок до 2 недель»[3]. Причем в тех местностях, где выработка постоянно действующего законодательства затянулась или не осуществилась вообще, письменные распоряжения бургомистров касались абсолютно всех отраслей права. В иных случаях они лишь дополняли сформировавшуюся юридическую базу. Так, распоряжения того же бургомистра г. Торопца и Торопецкого района содержат ряд положений, касающихся наследственного права. Одно из них устанавливает порядок обращения с наследством

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 114 об.

[2] Там же. Л. 119 об.

[3] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

умершего в случае отсутствия завещания наследников. В частности, при отсутствии завещания наследники могли подать в финансовый отдел горуправы заявление о наследовании. К заявлению прилагались выписка из свидетельства о браке с умершим (для супруга) либо иные документы, подтверждающие родство, а также опись имущества умершего с указанием его примерной стоимости. В случае неподачи заявления о наследовании или отсутствии наследников имущество умершего переходило в собственность органов местного самоуправления[1].

В ряде оккупированных местностей полномочия русских судов были ограничены как в смысле подсудности, запрета принятия к производству дел об особо тяжких преступлениях, так по характеру налагаемых наказаний. Так, санкции статей, которыми руководствовался Орловский городской суд, предусматривали наказание до 6 месяцев тюрьмы или штраф в размере до 1000 рублей. Дела о тяжких преступлениях — убийствах, разбоях, политических преступлениях — были неподсудны горсуду и преследовались по законам военного времени[2]. Такое положение сохранялось на территории Орловского округа вплоть до конца его оккупации.

Помимо судебной системы, в период оккупации были сформированы и действовали другие правовые институты: исполнительная система, адвокатура, нотариат.

Исполнение приговоров по уголовным делам возлагалось на председателя соответствующего суда. Так, исполнение приговора о взимании денежного штрафа, о краткосрочном лишении свободы осуществлял председатель мирового суда, определившего наказание. В случае осуждения к лишению свободы на продолжительный срок копия приговора, заверенная командующим административным округом, а также исполнительный лист направлялись начальнику соответствующего исправительного учреждения[3]. Уплата денежного штрафа предусматривалась немедленно после провозглашения приговора, однако суд мог определить выплату штрафа частями. В случае неплатежеспособности осужденного

[1] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

[2] Речь. 1941. 10 декабря. № 3.

[3] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 205.

штраф заменялся тюремным заключением, срок которого определялся одновременно с вынесением приговора[1].

Исполнению судебных решений по гражданским делам в случае, если проигравшая сторона отказалась добровольно исполнить судебное решение, также в обязательном порядке предшествовала выписка исполнительного листа. Такая же процедура существовала при выполнении условий «полюбовной сделки» (мирового соглашения), если впоследствии одна из сторон отказалась от их исполнения. Непосредственное исполнение решения осуществлял председатель соответствующего суда или лица, им назначенные, — судебные исполнители. В течение трех суток со дня получения исполнительного документа судебный исполнитель посылал плательщику повестку, в которой указывались взыскиваемая сумма, основание взыскания, определялся срок для добровольной уплаты, а также разъяснялись последствия неуплаты. При отказе добровольно уплатить надлежащую сумму взыскание производилось принудительно. Общий надзор за исполнением судебных решений осуществлял бургомистр района, причем даже в тех случаях, когда он одновременно являлся председателем районного суда[2].

Для оказания юридической помощи, представительства в гражданских процессах, защиты подсудимых с января 1943 г. был узаконен институт представительства. В качестве представителей с присвоением звания «адвокат» допускались лица с юридическим образованием, «лично благонадежные», ведущие безупречный образ жизни. Кандидатов на должности адвокатов проверяло командование административным округом, а вопрос о допуске в процесс того или иного адвоката решал соответствующий суд. Препятствием к допуску могло служить лишь представление одновременно нескольких сторон, если их интересы, отстаиваемые в суде, расходятся[3].

Помощь адвоката была платной. Размер сборов за оказание юридических услуг оговаривался в каждом конкретном случае между адвокатом и представляемой им стороной. По просьбе ад-

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 103.

[2] Там же. Л. 205, 216.

[3] Там же. Л. 205.

воката или воспользовавшегося его услугами лица независимо от того, в суде какой инстанции слушается дело, размер сборов утверждался председателем районного суда. В этом случае требовалось дополнительное утверждение взимаемой адвокатом суммы со стороны командующего административным округом[1].

Для заключения всякого рода договоров, оформления сделок и составления юридически значимых документов по мере надобности открывались нотариальные конторы. Требования к кандидатам на должности нотариусов были аналогичны требованиям к кандидатам на должности адвокатов: наличие юридического образования, безупречный образ жизни. Назначение нотариусов также осуществлялось командованием административным округом, и только оно могло освободить не оправдавшего доверие нотариуса от занимаемой должности. Размер взимаемых нотариусом пошлин также проходил двойное утверждение — со стороны председателя районного суда и командующего административным округом[2]. Так, по Клинцовскому административному округу ставки оплаты нотариальных услуг колебались от 5 до 100 рублей[3].

Нотариусы были подотчетны районным судам, представляли в них ежегодные отчеты о проделанной работе, а также списки оформленных документов. Общий надзор за деятельностью адвокатов и нотариусов осуществлял председатель районного суда[4].

Интересно, что вставшим на путь коллаборации адвокатам и нотариусам разрешалось оказывать юридические услуги лицам, чьи дела были не подсудны русским судам (этническим немцам, советским военнопленным, власовцам, сотрудникам органов самоуправления, германским военнослужащим)[5].

В тех местностях, где отсутствовали нотариусы, их функции выполняли органы местного самоуправления, а также священнослужители. В частности, на территории Калининской области священник мог утвердить так называемое духовное завещание о наследовании членами семьи завещателя или иными лицами его

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 205—205 об.

[2] Там же. Л. 205 об.

[3] Там же. Л. 225.

[4] Там же. Л. 205 об.

[5] Там же.

имущества. В таких случаях при составлении и утверждении завещания, помимо священника и завещателя, присутствовали лицо, в пользу которого составлено завещание, полицейский и понятой. Все указанные лица заверяли завещание своими подписями[1].

Что касается органов прокуратуры, таковые хотя формально и существовали, однако свойственных им надзорных функций не выполняли, их деятельность сводилась к выдаче и рассылке должностным лицам копий нормативных актов, аналитической работе с юридическими документами[2], в некоторых местностях — поддержанию обвинения в суде.

Уместно сравнить оккупационные судебные структуры с судебными органами, создаваемыми на оккупированных территориях советскими партизанами. Так, судопроизводство по гражданским делам не осуществлялось вовсе. Что касается уголовного судопроизводства, имеются данные о деятельности Военно-революционного трибунала в Дедушкинском партизанском полку, осенью 1941 г. — весной 1942 г. оперировавшем в Дятьковском районе Орловской области. Трибунал был создан в октябре 1941 г. в составе трех человек, по всей вероятности, для разбора дел лиц, нелояльных к советской власти и сотрудничаеших с оккупантами[3]. Данных о выработанной и используемой в судопроизводстве нормативной базе нигде не содержится, и маловероятно, что таковая существовала. Наиболее вероятным представляется рассмотрение дел по законам военного времени с применением чрезвычайных мер. По данным Д. Армстронга, подобные судебные органы существовали и в ряде других партизанских отрядов. Они были организованы по типу «троек» НКВД, носили названия «революционных трибуналов», «военно-полевых судов», рассматривали, в основном, дела коллаборационистов, предателей из среды партизан, нарушителей дисциплины в партизанских отрядах[4].

Таким образом, в течение периода оккупации в захваченных германской армией областях РСФСР были сформированы право-

---

[1] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 14. Л. 11—12.

[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 216.

[3] Фокинский рабочий. Орган Дятьковского районного комитета ВКП(б) и районного Совета. 1942. — 25 апреля. — № 55.

[4] *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 383.

охранительные, судебные и юридические структуры, в общих чертах копировавшие те же структуры, существовавшие при советской власти. Их характерной чертой являлись отсутствие полной самостоятельности, ограниченность круга вопросов, входящих в их компетенцию. Ликвидировать различия в организации и деятельности этих структур, придать им стройность, единообразие так и не удалось, как не удалось преодолеть и кадровый дефицит, добиться назначения на соответствующие должности лишь лиц с юридическим образованием ввиду ограниченности контингента таковых на оккупированных территориях. Ввиду отсутствия принципа разделения властей судебная власть в период оккупации не обладала самостоятельностью, а являлась, скорее, неким придатком германских оккупационных властей, созданных ими органов местного самоуправления. Надзорные функции за деятельностью юридических, в том числе судебных структур почти всецело оставались за германскими оккупационными властями, ввиду чего полиция, суд, адвокатура, нотариат стали эффективным средством поддержания установленного оккупантами порядка, действуя исключительно под их контролем и в их интересах.

Глава III

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ

§ 1. Коллаборационизм в области промышленности

Одной из важнейших задач оккупационной администрации, если не считать борьбу с советским подпольем и партизанами, стало использование экономического потенциала СССР в своих интересах. Исходя из этого, оккупанты уделяли большое внимание восстановлению промышленных предприятий и пуску их в работу. Интерес к промышленному потенциалу Советского Союза объясняется нехваткой стратегического сырья, материалов, сельхозпродукции, что явилось следствием ухудшения торговых отношений с другими государствами, а также уменьшения выпуска сельхозпродукции на территории Германии ввиду мобилизации[1].

Еще до начала войны был разработан план экономического использования оккупированной территории СССР, отраженный в «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» («Зеленой папке» Геринга, утвержденной 16 июня 1941 г.), представлявший собой программу экономического обеспечения Германии за счет экономики Советского Союза. Согласно этой программе, планировалось в первую оче-

---

[1] *Загорулько М.М., Юденков А.Ф.* Крах плана «Ольденбург». 3-е изд. М., 1980. С. 38.

редь использовать оккупированные территории СССР в сфере продовольственного и нефтяного хозяйств[1].

Если германское руководство имело подробные планы послевоенной эксплуатации СССР, то на период войны столь же подробных планов не существовало — были определены лишь основные оперативные разработки к плану «Барбаросса». В частности: решение транспортных проблем, привлечение к сотрудничеству населения, захват неповрежденных электростанций, в случае повреждения — их быстрое восстановление, пуск в работу промышленных предприятий, обеспечение их сырьем[2]. Однако нацистское руководство рассчитывало оставить на захваченных территориях СССР, в основном, предприятия добывающей промышленности, первичной переработки сельхозпродукции и по производству мелкого сельхозинвентаря[3]. Ввиду того, что война против СССР не стала шестинедельным блицкригом, Германия в условиях затяжной войны не могла полностью рассчитывать на собственные ресурсы. Так, даже в мирное, довоенное время Германия обеспечивала своих жителей собственным продовольствием лишь на 80 %. Со вступлением Германии в войну выявился недостаток стратегического сырья, сельское хозяйство снизило выпуск продукции ввиду мобилизации занятого в нем мужского населения. Согласно планам Германии, в ходе войны предстояло использовать как сырьевой, так и экономический потенциал СССР. Ввиду этого германские тыловые структуры были заинтересованы в производстве продукции непосредственно на оккупированных территориях для продовольственного и вещевого снабжения своих действующих армий[4]. Доставка же всего необходимого из Германии была затруднена как из-за тяжелого состояния германской промышленности во время войны, так и из-за недостаточных пропускных способностей транспортных коммуникаций.

---

[1] Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М., 1987. С. 40.

[2] Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. С. 243.

[3] *Загорулько М.М., Юденков А.Ф.* Указ. соч. С. 52.

[4] *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 49.

Еще до нападения Германии на СССР был создан штаб под кодовым названием «Ольденбург», в задачу которого входила экономическая эксплуатация Советского Союза. В состав штаба входили инспекции и команды, каждая из которых имела свою зону ответственности, структуру. В подчинении штаба на местах состояли 23 хозкоманды и 12 филиалов, которые должны были работать в тыловом районе ОКХ[1]. В частности, территориальное деление СССР предусматривало управление его экономикой четырьмя территориальными инспекциями:

1. Ленинград («Холштейн»);
2. Москва («Заксен»);
3. Киев («Баден»);
4. Баку («Вестфален») [2].

Промышленность РСФСР, попавшая в руки оккупантов, имела некоторые особенности. Так, в России фактически не было предприятий горнодобывающей и металлургической промышленности, эти предприятия почти полностью располагались в соседней Украине — на территории Донбасса и Днепропетровской области[3]. Промышленность в областях РСФСР, подвергшихся оккупации, оказалась сильно разрушенной. В условиях отступления Красной Армии и крушения советской власти местные советские и партийные органы были обязаны строго выполнять директиву ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 29 июня 1941 г. В соответствии с ней врагу не должны были достаться ни один килограмм зерна, ни один литр горючего. Об этом же говорил И.В. Сталин в своем выступлении 3 июля 1941 г., указав также, что «все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться»[4]. При этом нужды гражданского населения, остававшегося в зоне оккупации, в расчет не принимались.

---

[1] Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1945 гг.). М., 1968. С. 29—30.

[2] Там же. С. 30.

[3] *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 50.

[4] Цит. по: *Кульков Е, Мягков М., Ржешевский О.* Война 1941—1945. Факты и документы. М., 2004. С. 351.

Покидая занимаемые немцами территории, партийные и советские руководители стали уничтожать имущество и продовольствие, взрывать и выводить из строя промышленные предприятия. Раздача не подлежащих эвакуации запасов местному населению была строго запрещена. Так, из остававшихся на территории Орловской области к концу эвакуации 30 450 тонн зерна было сожжено 25 285[1]. Сжигался и не обмолоченный хлеб в скирдах. К.Л. Таратухин приводит данные об оставлении Красной Армией г. Ливен Орловской области, согласно которым, в городе было уничтожено все ценное имущество, взорваны коммуникации, Адамова мельница, каучуковый завод, спиртзавод, водокачка, солдаты и командиры ломали имущество горожан[2]. 23 ноября последние части РККА, уходя из города, подожгли его в нескольких местах, были предприняты даже попытки поджога жилых домов[3]. Согласно отчету секретаря Трубчевского подпольного райкома ВКП(б) А.С. Бурляева, перед занятием немцами Трубчевска по указанию райкома партии были взорваны сушзавод, пенькозавод, хлебозавод, испорчены водокачка и электростанция[4]. На территории Смоленской области при отступлении Красной Армии были разрушены все МТС, угнаны трактора, приведены в негодность или розданы населению инвентарь и запчасти[5]. На территории Орловской области были выведены из строя практически все крупные и средние предприятия[6], причем даже относящиеся к пищевой промышленности, работавшие на удовлетворение потребностей местного населения. В г. Торопце Калининской области на начало войны действовало 16 предприятий, в том числе спиртзавод, утильзавод, маслозавод, льнозавод, кирпичный, черепичный, ски-

---

[1] *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 22.

[2] *Таратухин К.Л.* Ливны при немцах // Под оккупацией в 1941—1944 гг. С. 57.

[3] Там же. С. 58.

[4] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 8. Д. 2. Л. 10.

[5] Клич. 1942. 16 августа.

[6] Голос народа. 1942. 5 ноября; Речь. 1942. 25 ноября; Там же. 3 февраля; *Дробязко С.И.* Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия. С. 201—203.

пидарный заводы, промкомбинат, МТС, 6 артелей, рыбхоз[1]. Перед оставлением Красной Армией Торопецкого района из указанных предприятий были разрушены все, за исключением промкомбината, специализировавшегося на выпуске муки, крупы, досок, столярных изделий, расчесанной шерсти, выделке сукна. Кроме того, промкомбинат имел электростанцию, ток которой питал предприятия и квартиры города[2].

Линия советского руководства и лично Сталина по уничтожению и приведению в негодность предприятий перед уходом Красной Армии вполне согласовывалась с отношением советского вождя к населению СССР — с одной стороны и собственному партийному курсу — с другой. По словам Д.А. Волкогонова, люди для Сталина «никогда не имели значения. Никогда! Сотни, тысячи, миллионы мертвых сограждан давно стали для него привычными»[3]. Приказав уничтожать продовольствие, предприятия, жилые дома, Сталин отдавал приоритет своим конкретным политическим целям, совершенно не считаясь с оставляемым на оккупированных территориях населением. Как заметил А.С. Казанцев, «все, что освобождалось от контроля “любимого вождя и учителя”, должно было умереть голодной смертью. Идеалом Сталина было оставить выжженную пустыню и на ней таких же голых, голодных, обезумевших от ужаса людей. Если бы он мог, он потушил бы и солнце, чтобы доказать, что светить и греть оно может только при советской власти»[4]. «Горят склады, горят поля, горят села!» — писал 20 июля 1941 г. журналист И.Г. Эренбург.

17 ноября 1941 г. вышел приказ за подписью Сталина разрушать и сжигать все деревни и населенные пункты в немецком тылу[5]. 18 ноября 1941 г., как бы подводя итог этой политике, И.Г. Эренбург писал: «Немцы нашли у нас пустые амбары, взор-

---

[1] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

[2] Там же. Д. 6. Л. 6.

[3] Цит. по: *Гофман И.* Сталинская война на уничтожение. М.: Посев, 2006. С. 248.

[4] *Казанцев А.С.* Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. М., 1994. С. 174.

[5] *Гофман И.* Указ. соч. С. 248.

ванные верфи, сожженные корпуса заводов. Вместо домов они завоевали щебень и сугробы»[1].

Дополнительный ущерб промышленности был нанесен местными жителями, которые в условиях временного безвластия стали растаскивать все то, что не успели уничтожить отступающие части РККА и что представляло для них хоть какую-то ценность[2].

В обстановке временного безвластия, вызванного отступлением Красной Армии и поспешной эвакуацией, некоторые руководители и служащие предприятий явно саботировали приказы о вывозе и уничтожении промышленного оборудования. Так, директор Брасовского маслозавода (Орловская область) И.В. Чуйнов получил указание партийных органов в срочном порядке уничтожить все заводское оборудование, а сам производственный корпус привести в негодное состояние. Однако по приказу Чуйнова рабочими маслозавода все ценное оборудование было разобрано, упаковано и зарыто в землю с целью последующего восстановления предприятия[3]. Арестованный впоследствии и преданный суду Военного трибунала директор совхоза «Красный» Ленинского района Тульской области, член ВКП(б) Маслов добровольно передал немцам муку, керосин, мясо, бензин, принадлежащие совхозу[4].

---

[1] *Гофман И.* Указ. соч. С. 249. Согласно варианту доклада Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецких захватчиков, за время войны было разрушено 1710 городов и поселков городского типа, более 70 000 сел и деревень, взорваны и приведены в негодность 32 000 промышленных предприятий, 65 000 километров железнодорожных путей, опустошено 100 000 колхозов и совхозов, тысячи МТС. Прямой ущерб, нанесенный СССР Германией, оценен в 700 млрд рублей в довоенных ценах. В то же время за все послевоенные годы советское правительство не взяло на себя ответственность ни за одно разрушенное в соответствии с приказом Сталина здание, ни за один взорванный партизанами километр железной дороги — нанесенный стране материальный ущерб всецело приписан Германии.

[2] *Таратухин К.Л.* Указ. соч. С. 58.

[3] ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 2. Л. 7 об.; Голос народа. 1943. 15 января. № 3 (41).

[4] Хранить вечно. Документы 4-го отдела. С. 9.

Одной из первоначальных задач соответствующих отделов городских и районных управ стало инспектирование промышленных предприятий, в ходе чего проверялось состояние зданий, оборудования, выяснялись возможность и условия их пуска в работу. При этом составлялись списки недостающего оборудования[1].

Первоначально использование промышленности предполагалось почти исключительно в военных целях, для чего было необходимо восстановить обрабатывающую промышленность, уменьшить объем транспортных перевозок и использовать производственные мощности для потребностей германской армии. Однако ввиду перехода войны в затяжную форму в этот план пришлось внести коррективы, ориентируя часть предприятий на удовлетворение потребностей гражданского населения.

Промышленность в оккупированных областях делилась на два сектора: муниципальный, включавший предприятия, находившиеся в ведении городских управ, а также частный и кооперативный, в который входили, в основном, мелкие и средние предприятия, принадлежавшие отдельным лицам или их объединениям. Крупные предприятия принадлежали частным лицам и кооперативам крайне редко. Что касается муниципальных предприятий, их работу курировали городские управы посредством промышленных отделов.

По объему производства предприятия можно разделить на крупные, средние и мелкие. Так, из крупных предприятий в Курске были восстановлены и пущены в работу табачная фабрика, швейно-трикотажная фабрика, изготовлявшая фуфайки и валенки, кожевенный завод горуправы, занимавшийся обработкой кож, хлебозавод № 2, пивзавод, типография № 1, мыловаренное производство горуправы, завод фруктовых вод[2]. Всего же, судя по счетам в хозбанке, на июнь 1942 г. в Курске действовало 24 крупных и средних предприятия. Однако необходимо учесть, что довоенный термин «завод», сохранившийся в период оккупации за некоторыми предприятиями, зачастую не соответствовал их объему

[1] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.

[2] ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 106. Л. 2—7. Д. 123. Л. 8, 14; *Гришков И.Г.* Курская область в годы Великой Отечественной войны. Курск, 1993. С. 40.

производства и количеству рабочих. Обычным было положение, когда работали лишь отдельные цеха этих заводов. Так, на кожзаводе Курской горуправы работал лишь один цех по первичной обработке кожи, отправлявшейся затем в Германию, на заводе фруктовых вод на ноябрь 1942 г. работали 27 чел., из которых лишь 6 чел. были заняты в производстве[1]. Подобное положение складывалось повсеместно. Так, на Брянском молочном заводе на август 1942 г. работали всего 14 чел. из числа кадровых рабочих, трудившихся здесь до войны. Из довоенного оборудования молокозавод располагал только сепаратором, маслобойкой и котлом для стерилизации молока, что позволяло перерабатывать 3 тонны молока в сутки[2].

Средние и мелкие предприятия сферы пищевой, легкой промышленности и коммунального хозяйства выпускали мыло, клей, папиросы, кожи, крахмал, замазку, гончарные и роговые изделия. Причем промышленность обеспечивала потребности как германской армии, так и местного населения[3]. Средними предприятиями была представлена промышленность г. Орла, где ввиду разрушения при отступлении РККА заводских корпусов и эвакуации оборудования в течение всего периода оккупации не удалось пустить в работу ни одно крупное предприятие. Из средних предприятий работали мастерские: авторемонтная, две механические, литейно-механическая, машинно-тракторная, часовая, а также пивоваренный завод, тележно-санное производство, гарнизонная прачечная[4].

Ряд промышленных предприятий предназначался именно для удовлетворения потребностей германской армии, или же их продукция после первичной обработки вывозилась в Германию. Лишь крайне незначительная часть продукции использовалась для местного населения. Такие предприятия условно входили в муниципальный сектор экономики, фактически же находились на особом контроле у оккупационных властей,

---

[1] ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 123. Л. 8, 14.

[2] Клич. Еженедельная газета для военнопленных. 1942. 16 августа. № 32 (54).

[3] Курские известия. 1942. Ноябрь. № 1.

[4] *Мартынов М.М.* Это было в Орле. М., 1985. С. 261.

а промышленное оборудование нередко доставлялось из Германии. Так, в селе Волове Курской области открылась колбасная фабрика, оборудование для нее доставили из Германии. Продукция отправлялась в Германию. Хлебный и мясной заводы в селе Вышне-Долгом Должанского района Орловской области почти в полном объеме отправляли продукцию для снабжения германских воинских частей[1].

Необходимо отметить небольшой объем промышленности в период оккупации, незначительное количество рабочих мест на возобновивших работу предприятиях. Так, в оккупированных районах Калининской области сложилось следующее положение. В Идрицком районе на 1 августа 1943 г. работали кирпичный завод, две электростанции, лесопильный завод, сырзавод, хлебопекарня, паровозное депо с общим количеством рабочих и служащих 200 чел.[2] В Опоченском районе на 27 февраля 1944 г. работали: льнозавод — 60 чел., ремонтная мастерская тракторов (бывшая МТС) — 35 чел., кирпичный завод — 130 чел., консервный завод — 20 чел., маслозавод — 25—30 чел., 1-й лесопильный завод — 30 чел., 2-й лесопильный завод — 25 чел., кожевенный завод — 20 чел., электростанция — 35 чел. Всего, таким образом, работающее население района составляло 375—380 чел.[3] В Себежском районе на тот же период работали хлебозавод, лесопильный завод, маслосырзавод, мельница, электростанция, военная автомастерская с общим количеством рабочих 185 чел.[4]. По Красногородскому району на 17 февраля 1944 г. действовали льнозавод — 106 чел., кожевенный завод — 18 чел., хлебозавод — 8 чел., маслозавод — 16 чел., ремонтные мастерские — количество рабочих неизвестно. То есть общее количество рабочих по району составляло не менее 148 чел.[5] По Почепскому району Орловской области на конец 1942 г. значились 2627 рабочих и служащих. Из них в производственной сфере по действующим предприятиям работали: мастерские МТС — 43 чел., кирпичный завод — 44 чел.,

---

[1] Курская правда. 1943. 5 марта. № 27.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 59 об.

[3] Там же. Оп. 1. Д. 637. Л. 71; Д. 635. Л. 70.

[4] Там же. Д. 637. Л. 80.

[5] Там же. Д. 656. Л. 70—71.

кузнечная мастерская — 50 чел., лесопильный завод — 25 чел., пенькозавод — 32 чел., столярная мастерская — 10 чел. Всего — 204 чел.[1] По г. Торопцу Калининской области, население которого на конец 1941 г. составляло 7385 чел., из них трудоспособных — 2661 чел. (538 мужчин, 2123 женщины)[2], в производственной сфере на тот же период были заняты 40 чел. Из них: кузница — 2 чел.[3], электростанция — 8 чел.[4], промкомбинат — 30 чел.[5]

Таким образом, в среднем по оккупированному району в производственной сфере работали 220—225 чел. Если исходить из того, что по каждому району рабочих и служащих, не считая работников сельского хозяйства, было около 2500 чел., включая аппарат местного самоуправления, русских сотрудников германских учреждений, полиции, медицины, образования, кустарей, то приходится признать, что количество производственников не превышало 10 % работающих.

Как следует из приведенного обзора предприятий, наибольшее развитие в период оккупации получили обрабатывающая промышленность, а также средние и мелкие предприятия, ориентированные на удовлетворение местных потребностей.

Тем не менее уровень безработицы в центральных областях России оставался относительно невысоким. Так, население Понуровского района Орловской области на 1 августа 1943 г. составляло 19 749 чел. (6275 мужчин и 13 474 женщины). Из них нетрудоспособными были признаны 2889 чел. (1012 мужчин и 1877 женщин)[6]. Общее число рабочих и служащих составляло 1333 чел., а количество безработных — 43 чел. (15 мужчин и 28 женщин), т.е. около 0, 25 % населения[7].

В этой связи правомерно предположить, что уровень собственно безработицы удавалось сократить в результате перехода лиц, занятых до войны в промышленности, на службу в

---

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.

[2] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

[3] Там же. Д. 14. Л. 4 об.

[4] Там же.

[5] Там же. Л. 4—4 об.

[6] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 42, 53.

[7] Там же. Л. 53, 63.

полицию, в оккупационные учреждения, органы местного самоуправления и т.п. Немаловажное значение возымело также использование трудоспособных на разовых (временных) работах. Так, население пос. Старая Торопа Калининской области и окружающих сельских населенных пунктов волостного подчинения на осень 1941 г. составляло 1526 чел. Из них мужчин — 560, женщин — 966. Из общего количества населения лиц до 15 лет насчитывалось 721 чел.[1] Если предположить, что количество престарелых, инвалидов и прочих нетрудоспособных составляло около 500 чел., то количество трудоспособных мужчин (около 1/3 от общего количества трудоспособных) составляло около 100 чел. Из них количество трудоустроенных распределялось по староторопецким предприятиям и учреждениям следующим образом: слесарно-кузнечная мастерская — 6 чел.; мастерская овчин — 7 чел.; склад — до 28 чел.; управа — 2 чел.; магазин — 2 чел., полиция — 17 чел.[2] Всего, таким образом, число трудоустроенных составляло на сентябрь 1941 г. 65 чел. Однако несколько десятков человек привлекались к временным работам на лесозаготовках. С учетом этого даже для таких малопромышленных населенных пунктов с неразвитой инфраструктурой, как Старая Торопа, уровень безработицы был невелик.

Немаловажное значение в смысле повышения занятости населения возымело также индивидуальное предпринимательство. Так, по упомянутому Понуровскому району на середину 1943 г. зарегистрированы 164 кустаря[3]. Для наибольшего охвата населения работой по распоряжению городских и районных управ руководители предприятий использовали надомный труд. Так, на Торопецком промкомбинате (Калининская область) в конце 1941 г. открылось отделение по переработке на дому шерсти и льняного волокна на нитки и другие изделия. Работой по твердым расценкам обеспечивались все желающие, а продукция после приемки на промкомбинате поступала на продажу через торговую сеть горуправы[4]. Оплата труда рабочих-надомников производилась два

[1] ГАТО. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 1. Л. 198.

[2] Там же. Л. 13, 14, 15, 41—41 об. Д. 3. Л. 40, 44, 45, 46.

[3] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 362.

[4] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

раза в месяц наличными[1]. Существенно сокращало количество безработных использование принудительного труда.

На предприятиях, продукция которых предназначалась для снабжения германской армии, применялись драконовские меры поддержания дисциплины. Обычными были телесные наказания, а за серьезные проступки, трактовавшиеся как нанесение ущерба великой Германии, — смертная казнь. Так, оккупанты расстреляли рабочих сахзавода села Большие Угоны Льговского района Звягинцева и Дорохова за невыход на работу, в Иванинском районе Курской области за самовольный уход с работы были подвешены к столбу 16-летние рабочие сахзавода Г. Дичанский и М. Рыжков[2]. На муниципальных предприятиях, не имевших военного значения, наказания были мягче. В частности, на заводах и фабриках г. Твери (в период оккупации г. Калинин вернулся к историческому названию) директорам предоставлялось право в виде наказания отбирать недельный талон на право получения отходов из столовой у работника, совершившего двухсуточный прогул[3].

Что касается кадров рабочих и служащих, их основная часть была представлена довоенным персоналом тех же предприятий, по различным причинам избежавшим эвакуации. Ощущался недостаток специалистов, в связи с чем те из них, кто работал на предприятиях, получали возможности для карьерного роста. Так, обычным было положение, когда на должности директоров ставились вчерашние инженеры и начальники цехов, а инженерные должности занимали руководители среднего звена, например, мастера и бригадиры. Однако ввиду нехватки руководящих кадров на ответственные должности иногда приходилось ставить простых рабочих. Так, начальником Себежской ремонтной базы (Калининская обл.) в период оккупации работал член ВКП(б), бывший шофер Себежского райисполкома Медведев[4].

---

[1] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.

[2] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.: сб. документов и материалов. Курск, 1960. Т. 1. С. 138.

[3] От ЧК до ФСБ. С. 274.

[4] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 40 об.

Рабочие и служащие предприятий за свою работу получали как зарплату, так и продовольственные пайки. Однако они были недостаточными. Так, в г. Курске рабочие большинства муниципальных предприятий, рабочий день на которых длился 12 часов, обеспечивались питанием по второй категории, что составляло 300 граммов хлеба в день. Для сравнения уместно упомянуть, что паек гражданских коллаборационистов, не связанных с физическим трудом (полицейских, сотрудников горуправы и других оккупационных служб), составлял 500 граммов хлеба в день[1]. Те же 500 граммов хлеба в день получали и служащие на советской территории, а нормы снабжения хлебом по первой категории рабочих в советском тылу колебались от 800 до 1200 граммов в день, иждивенцы и дети получали по 400 граммов[2]. О тяжком материальном положении производственников, работавших на оккупированных территориях, и членов их семей говорят множественные прошения в городские управы относительно питания. Так, 20 рабочих Скворцовской МТС Калининской области в своем коллективном обращении к коменданту Торопецкого района просят выделить им паек из «неприкосновенных фондов» колхозов, в которых они трудились до войны, весной 1941 г. Характеризуя положение своих семей (всего 83 чел.), рабочие пишут: «В настоящее время мы остались совершенно без хлеба»[3]. А рабочий, печник В.И. Кривцов в заявлении в Торопецкую горуправу пишет: «Сейчас у меня плохое материальное положение и есть совершенно нечего, а работать нужно... Я голодаю, а купить негде»[4]. Известны лишь эпизодические случаи, когда руководство районов шло на увеличение продовольственного пайка рабочих. Так, начальник (бургомистр) Стародубского района Клинцовского округа Коваленко к ноябрю 1941 г. нашел возможность увеличить дневную норму выдачи хлеба до 700 гр. на рабочего и по 200 гр. на каждого члена семьи[5].

---

[1] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 1. С. 138.

[2] *Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А.* Указ. соч. С. 208.

[3] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—1 об.

[4] Там же. Д. 6. Л. 65.

[5] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.

Что касается зарплаты рабочих и служащих муниципальных промышленных предприятий, она в ряде областей лишь незначительно различалась, зависела от должности, квалификации, характера выполняемой работы. Так, в г. Твери работники предприятий делились на 8 разрядов:

1-й разряд (ученики всех возрастов) — 1 руб. 80 коп. в час;

2-й разряд (неквалифицированная рабсила) — 1 руб. 25 коп. в час;

3-й разряд (малоквалифицированная рабсила) — 1 руб. 50 коп. в час;

4-й разряд (квалифицированные рабочие) — 2—3 руб. в час (по выработке);

5-й разряд (мастера и старшие рабочие) — 3—4 руб. в час;

6-й разряд (служащие-канцеляристы) — до 300 руб. в месяц (по выработке);

7-й разряд (служащие: бухгалтера, кассиры и т.п.) — до 500 руб. в месяц (по выработке);

8-й разряд (руководящие работники: зав. отделением, уполномоченные, инженеры и т.п.) — до 800 руб. в месяц.

При получении работником питания из зарплаты удерживалось: 5 руб. 50 коп. — за суточное питание, 2 руб. 50 коп. — за обед, по 1 руб. 50 коп. — за завтрак и ужин[1].

Вычеты из зарплаты колебались от 6 до 10 %[2].

Население оккупированных территорий, не имевшее постоянной работы, тем не менее несло трудовую повинность, в обязательном порядке привлекаясь через биржи труда и бургомистров к неквалифицированным работам, например, к очистке от снега железных дорог, строительным работам. Трудовая повинность закреплялась рядом распоряжений германских инстанций, которые имели первичное значение, и дублирующими их распоряжениями исполнительных инстанций — органов местного самоуправления. Так, вышедшее 5 мая 1942 г. за подписью фон Рока «Постановление о планомерной организации труда» предусматривало для населения тыловых районов группы армий «Север» всеобщую трудовую повинность для населения в возрасте от 14 до 65 лет.

---

[1] От ЧК до ФСБ. С. 275.

[2] Там же.

Каждое лицо, подходящее под указанный возраст, было обязано получить на бирже труда или в соответствующем отделе городской (районной) управы трудовую книжку и трудиться[1]. Зачастую немецкие коменданты своими распоряжениями усиливали упомянутое постановление. Одним из выразительных документов является приказ коменданта г. Нарвы полковника фон Гизе от 25 июня 1942 г., вводящий под страхом лишения продуктов питания всеобщую трудовую повинность вне зависимости от возраста и пола. Автор приказа объяснил это «чрезвычайно большой потребностью в рабочей силе на строительстве» и необходимостью скорейшего окончания войны[2]. В некоторых районах Калининской области к работам привлекались «гражданские» заключенные, выпущенные из тюрем ввиду их согласия работать на оккупантов. По распоряжению комендатур таковые поступали в ведение городских или районных управ, которые использовали их по своему усмотрению[3]. Органы местного самоуправления нередко издавали распоряжения о привлечении населения к разовым и сезонным работам. Так, согласно приказу бургомистра Хотынецкого района Орловской области от 26 января 1942 г., к расчистке от снега дорог привлекалось население в возрасте от 15 до 60 лет, независимо от пола. Непосредственное руководство снегоочистительными работами осуществляли старосты и бригадиры[4]. Иногда органы местного самоуправления использовали безработных в зависимости от их прежних специальностей. Так, бургомистр г. Болхова Орловской области издал 22 декабря 1941 г. приказ, обязывающий в целях обеспечения оккупантов квартирами всех проживающих в Болхове печников и столяров явиться для регистрации и получения работы[5]. В ряде случаев приказы о привлечении нетрудоустроенного населения к разовым или сезонным работам издавались немецкими комендантами. На коллаборационистов из числа уличных старост возлагалась обязанность осу-

[1] ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 666. Л. 17.

[2] Там же. Д. 663. Л. 4.

[3] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 7. Л. 27, 30—31, 36.

[4] *Фефелов В.И.* Подвигу жить вечно. Тула: Приокское книжное издательство, 1983. С. 31.

[5] Там же.

ществлять привод трудоспособных лиц своих участков к сборным пунктам. Так, комендант г. Брянска капитан д-р Шмидт в приказе от 16 января 1942 г. объявил о привлечении к труду трудоспособного мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет. Привлечение женщин к труду происходило в случае нехватки мужских рабочих рук. Выход на работу осуществлялся ежедневно с 7 часов утра, не исключая воскресных и праздничных дней. За работу, согласно приказу, «уплачиваются обычные цены»[1]. Лишь в некоторых районах старост обязывали привлекать к принудительным работам не все мужское население, а по одному человеку с каждого двора[2].

Особенностью использования труда безработных были более строгие, нежели для кадровых рабочих и служащих, условия труда. Уклонение от работы рассматривалось как саботаж[3]. Упомянутые выше приказы хотынецкого и болховского бургомистров заканчивались предостережением, что за невыполнение этих приказов «виновные будут караться по законам военного времени», то есть расстрелом. Так, за отказ работать в Орле 15 января 1942 г. были повешены безработные А. Матвеев, И Кочергин, Д. Ключников[4]. При всем при этом безработные, привлекавшиеся к обязательным работам, получали гораздо меньший, чем кадровые рабочие, паек.

Тем не менее это помогало трудящимся и их семьям выжить в условиях оккупации. В этой связи правомерно сделать вывод, что значительная, если не подавляющая часть «промышленных коллаборационистов» встали на путь коллаборации именно по материальным соображениям, стремясь изыскать оптимальный способ прокормиться.

Немаловажное значение отводилось и восстановлению транспортной сети, прежде всего железных дорог, что было связано с необходимостью сохранения транспортного сообщения, необходимого в связи с большой удаленностью линии фронта от границ Германии. В октябре 1941 г. В. Кейтель с согласия А. Гитлера издал приказ об использовании советских военнопленных в вер-

---

[1] ГАБО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

[2] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.

[3] ГАБО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

[4] *Фефелов В.И.* Указ. соч. С. 31.

махте для обслуживания железных дорог[1]. Решение использовать коллаборационистов из граждан СССР именно на железных дорогах стало первым официальным разрешением относительно привлечения на службу в германский вермахт русского населения потому, что ввиду особого стратегического значения железных дорог СССР, отличавшихся большой протяженностью, именно здесь особенно остро обнаружилась невозможность их обслуживания соответствующими службами вермахта. В течение 1942 г. количество русских, обслуживающих железнодорожную сеть, значительно увеличилось, вытесняя немецкий персонал. На 1943 г. количество немецкого персонала, занятого на советских железных дорогах, составляло 111 899 чел., а количество местных жителей и военнопленных, работавших на тех же дорогах, составило 633 935 чел.[2]

Ремонтные работы подвижного состава шли крайне медленно. В частности, промывочный ремонт паровозов в Курском депо проводился вдвое дольше, нежели в предвоенное время. Одновременно увеличилось количество аварий и диверсий, в связи с чем, согласно докладной записке Курского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б), в первые месяцы оккупации немцы «приставили по одному конвоиру на двух рабочих», а в ряде случаев заменяли русский персонал немецким[3]. Как бы подводя итог работы железнодорожного транспорта за 1941 г., командующий 2-й танковой армией генерал Г. Гудериан писал, что, несмотря на хороший урожай 1941 г. и большое количество выращенного русскими крестьянами скота, отправить в Германию из-за плохого состояния железнодорожного транспорта удалось лишь небольшое количество продовольствия[4].

Однако к осени 1942 г. немцы путем репрессий сумели сломить саботаж, что привело к увеличению коллаборационистов. К этому же периоду оккупантам удалось расширить ремонтную базу, привлечь к работам большинство железнодорожников, оставшихся на оккупированной территории. Это вызвало увеличение объема перевозок в восточном от Курска направлении. Как

---

[1] *Munoz A.* Hitlers Easter Legions. Vol. II. The Osttruppen. P. 4—5.

[2] *Пронин А.* Указ. соч. С. 172.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 391. Л. 5.

[4] *Верт А.* Указ. соч. С. 177.

правило, эшелоны водили курские и льговские машинисты, в том числе добровольно поступившие на службу к оккупантам стахановцы М.Н. Уфимцев, В.А. Карачевцев, И.Г. Сердюков. Последний в 1938 г. был отмечен знаком «Почетный железнодорожник». Некоторые из них, например, машинист К.С. Судаков, водили к линии фронта немецкие бронепоезда, участвуя тем самым в обеспечении боевых действий против РККА[1].

Итоги работы железнодорожного транспорта за 1942 г. в тыловых районах группы армий «Север», в частности, коллаборационистов из местного населения и военнопленных, по оценкам В. Хаупта, выражаются следующими цифрами. Загружено продуктами питания 3238 эшелонов, боеприпасами — 1291 эшелон, промышленным сырьем — 563 эшелона, прочими военными материалами — 2895 эшелонов. Все это было отправлено как в Германию, так и в распоряжение различных воинских частей и соединений. Кроме того, под руководством строительных подразделений вермахта русским населением и военнопленными было перешито на немецкую колею 6000 км железнодорожных путей, восстановлено после боевых действий и диверсий партизан 6700 км ширококолейных и 500 км узкоколейных путей[2].

Что касается автомобильного транспорта, он не возымел для оккупантов серьезного значения, очевидно, по той причине, что почти все автомобили были эвакуированы. Так, на всей территории Курской области после отступления Красной Армии осталось около 200 единиц автотранспорта, из них менее половины находилось в исправном состоянии[3]. Поэтому основным видом внутреннего транспорта стал гужевой. В частности, в Курске при горуправе была создана гужтранспортная контора, главными задачами которой стали регистрация владельцев лошадей и обеспечение их работой в порядке повинности. Возчики были обязаны работать по 5 дней в неделю, выполняя наряды гужтранспортной конторы, которая выдавала каждому из них путевой лист с дневным заданием. Невыезд на работу, опоздание, преждевременное окончание работы влекли наказание

---

[1] ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3068. Л. 1—3.

[2] *Haupt W.* Heersgruppe Nord 1941—1945. Bad Neuheim, 1966. S. 272.

[3] ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 87. Л. 23.

в виде штрафа до 5000 рублей или заключения в лагерь на срок до одного месяца[1].

По оценке В. Хаупта, в течение 1942 г. шоферами из числа русских коллаборационистов в тыловых районах группы армий «Север» автотранспортом на фронт было доставлено 1,5 млн тонн грузов[2].

Неотъемлемой частью экономики стала финансовая система. Финансовую политику проводили финотделы городских и районных управ. Они составляли годовые бюджеты, которые утверждались бургомистрами[3]. Лишь в некоторых оккупированных районах получила развитие банковская система. Так, в г. Торопце Калининской области на осень 1941 г. открылось 2 банка — городской и районный[4]. Штат городского банка составлял 7 чел.[5], тогда как общее число городских рабочих и служащих на тот же период составляло 225 чел.[6] В функции банков входили финансовое планирование, хранение денежных вкладов предприятий, организаций и физических лиц, контроль за расходованием муниципальных денежных средств, недопущение беспроектного и бессметного строительства, а также выдача ссуд[7]. Причем таковые выдавались как предприятиям, так и физическим лицам. Так, согласно инструкции Торопецкого районного банка, как предприятиям, так и гражданам ссуды выдавались на срок до 1 года под залог имущества. Гражданин, желающий получить ссуду, обязан был подать заявление, в котором указывал цель ссуды, а также приложить справку из управы с описью имущества и его стоимостью[8]. В ряде вопросов функции финотделов управ и банков пересекались, что можно объяснить неразвитостью системы управления.

Уничтожение и порча промышленных и транспортных объектов являлись одной из задач советских партизан, осуществление

---

1 ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 1. Л. 49; Д. 113. Л. 8.

2 *Haupt W.* Heersgruppe Nord 1941—1945. S. 272.

3 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 82.

4 Там же. Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

5 Там же. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

6 Там же. Л. 1—7.

7 Там же. Л. 60—62 об.

8 Там же.

которой вело к сокращению численности рабочих мест. В частности, на территории Калининской области партизаны на июль 1943 г. провели следующие операции:

— 17.01.43 на станции Себеж бригадой Лисовского сожжены железнодорожная контора и общежитие;

— 5.04.43 той же бригадой на ст. Савкино разрушены маслозавод и мельница;

— 24.05.43 (по другим данным — 22.04.43) бригадой № 2 Шиповалова подожжен Идрицкий льнозавод. Сгорело машинное отделение, в результате чего завод прекратил работу;

— 8.05.43 бригадой Вараксова в с. Усове Красногородского района разгромлены сыроваренный завод и запасное оборудование[1];

— 15.07.43 отрядом Вятковского бригады Вараксова разгромлен маслозавод в с. Полетаеве Красногородского района. Уничтожены оборудование и 5 бидонов;

— в августе 1943 г. агентом бригады Буторина Даниловичем подожжено железнодорожное депо ст. Идрица[2];

— в августе 1943 г. бригадой Шиповалова сожжен кожевенный завод в Пустошкинском районе;

— в августе 1943 г. бригадой Вараксова в пригороде Красном сожжена пекарня производительностью 1200 кг в сутки[3], разгромлен молочный пункт[4].

Согласно секретной докладной записке командира корпуса охранных войск Центральной административной группы (отдел 1с, дело 3 (партизаны) № 1924/43) от 31 августа 1943 г., в истекшем месяце особенно распространились диверсии партизан на электростанциях, водокачках и водонапорных башнях, мельницах, фабриках, в том числе на молочных предприятиях[5]. В обзоре командира корпуса охранных войск ЦАГ указывается, что только за август 1943 г. партизанами проведено 154 успешных диверсионных акта на предприятиях[6]. Серьезно пострадали от

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 152, Д. 13. Л. 20.

[2] Там же. Л. 152 об.

[3] Там же. Л. 158.

[4] Там же. Оп. 1. Д. 583. Л. 56.

[5] Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 3.

[6] Там же. Л. 8.

действий партизан и деревообрабатывающие предприятия. Так, по данным Д. Армстронга, партизаны уничтожили или захватили ряд лесопильных заводов в районах Брянска и Припяти, кроме того, препятствовали сплаву леса по рекам Припять, Днепр и Сож[1]. Суммарно к лету 1943 г. благодаря усилиям партизан объем лесозаготовок уменьшился на 35 %, производство лесоматериалов — на 42 %. Это существенно повлияло на добычу необходимого оккупантам угля в соседней Украине, так как шахты Донбасса, лишившись крепежного леса, не могли работать эффективно[2].

Сокращение в результате этого рабочих мест ставило население перед необходимостью трудоустройства на другие предприятия, временные работы, в полицию или антипартизанские отряды. То есть одна форма коллаборационизма трансформировалась в другую.

Таким образом, на оккупированной территории РСФСР в течение периода оккупации были частично восстановлены промышленность, транспортная сеть. В отличие от других отраслей народного хозяйства их восстановление производилось лишь в объеме, необходимом для обеспечения нужд германской армии и эксплуатации экономического потенциала «восточного пространства». Восстановленная промышленность хотя и удовлетворяла потребности местного населения, однако по остаточному принципу, в объеме, необходимом для обеспечения его жизненного минимума. Практически все промышленные и транспортные объекты были пущены в работу на базе аналогичных довоенных, создание новых предприятий было редким исключением. Как все восстановительные работы, так и последующая эксплуатация промышленности, транспортной сети стали возможными в результате привлечения труда как рабочих тех же предприятий, так и технических специалистов. Причем принудительный труд в этом отношении не мог дать должного эффекта, поэтому есть все основания считать работу в области промышленности и на транспорте коллаборацией с противником. Однако нельзя исключить и тот факт, что данный вид коллаборационизма стал для части советского насе-

---

[1] *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 50.

[2] Там же.

ления, оставшегося за линией фронта, единственной возможностью для выживания в условиях оккупации. Ни в коем случае не ставя под сомнение заслуги советских партизан по выведению из строя промышленных объектов и транспортных коммуникаций, следует, однако, отметить, что их действия, хотя и наносили врагу урон, одновременно усугубляли положение наших сограждан, терявших в результате этого рабочие места. В целом же промышленный коллаборационизм следует рассматривать как негативное явление, нанесшее значительный ущерб интересам Советского Союза и в столь же значительной мере послужившее интересам гитлеровской Германии.

§ 2. Коллаборационизм в области бизнеса, предпринимательства, торговли и сферы обслуживания

Городские и районные управы, а также оккупационные власти приняли меры по созданию условий для развития бизнеса и частного предпринимательства. Считая, что труд работников частных предприятий будет более продуктивным, нежели труд работников муниципальных предприятий, органы местного самоуправления всячески пропагандировали частное предпринимательство и бизнес. Так, оккупационная пресса довольно часто писала об успехах частных предприятий, пропагандируя тем самым частный бизнес.

Частные и кооперативные предприятия принадлежали частным лицам и их объединениям, а создавались, как правило, на базе довоенных государственных предприятий. Однако наибольший размах приобрело индивидуальное частное предпринимательство. Условием для деятельности индивидуальных предпринимателей стал типичный для военного времени дефицит тех или иных товаров или услуг. Способствующим фактором стало освобождение индивидуальных предпринимателей от трудовой повинности — они относились к категории трудящихся, ввиду чего нелегальный бизнес терял для них всякий смысл. Так, в течение первых двух недель оккупации в Орловской горуправе было получено 115 патентов на право заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. В основном, это были ремесленники, в том числе

жестянщики, слесари, портные, сапожники и даже мастера по изготовлению детских игрушек[1].

В середине декабря 1941 г. в оккупированном Курске стали продаваться промысловые свидетельства (лицензии), срок действия которых равнялся одному году[2]. Стоимость лицензии зависела от вида предпринимательской деятельности, инвалидам предоставлялись льготы[3].

С марта 1942 г. жители Курска могли приобретать лицензии, лишь получив справки о предварительном разрешении горуправы, которые выдавал промышленный отдел. После этого желающий заняться бизнесом должен был приобрести саму лицензию в одном из налоговых участков[4], которых в Курске действовало три. О масштабах предпринимательства можно судить по количеству проданных лицензий. В частности, за три месяца, с марта по конец мая, по г. Курску приобретена 21 лицензия, причем значительная часть предпринимателей предпочитали делать бизнес в области сферы обслуживания. Так, из 21 лицензии, приобретенных за три месяца, 7 было выдано на открытие парикмахерских, которые оформлялись как промышленные предприятия I разряда, всего 2 лицензии — на открытие предприятий IV и V разрядов, ни одной — на открытие предприятий VI разряда[5].

Из частных предприятий производственной сферы в Курске действовали валяльно-войлочные производства, сапожные, слесарные, швейные, ремонтно-пошивочные, портняжные мастерские[6]. Они различались прежде всего объемом производства. Так, кооперативные предприятия, организованные в форме «товариществ», насчитывали несколько десятков рабочих, их месячный оборот достигал нескольких десятков, а то и сотен тысяч рублей.

---

[1] *Саран А.* Аграрная политика оккупационных властей на Орловщине // Краеведческие записки. Орел: Областной краеведческий музей, 1999. Вып. 3. С. 184.

[2] ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 2. Л. 87—89.

[3] Там же. Д. 1. Л. 62.

[4] Там же. Д. 106. Л. 1.

[5] Там же. Д. 2. Л. 5, 15—16.

[6] Там же. Д. 2. Л. 4.

Так, в Курске 9 февраля 1942 г. открылась портняжная мастерская В.М. Дубовского. Количество работников достигло 50 чел., месячный оборот составлял 23—30 тысяч рублей. 5 ноября 1941 г. образовалось товарищество «Комета» с 10 рабочими. Уже через две недели оно восстановило мукомольное производство, а к июню 1942 г., помимо мукомольного, работали паточный, кондитерский, крупорушечный, просорушечный, овсорушечный, мыловаренный, замазочный, свечной цеха, планировалось открытие новых. Штат сотрудников к этому времени вырос до 58 чел.[1] В декабре 1941 г. образовалось товарищество «Эпоха», специализировавшееся на выпуске жестяных изделий. К июню 1942 г. его оборот составил 50 тысяч рублей, рост объема производимой продукции достиг к этому времени 520 %. Однако к декабрю 1942 г. оборот «Эпохи» упал до 14,5 тысячи рублей[2]. Товарищество «Богатырь» образовалось в декабре 1942 г., быстро расширяя объем производства, в связи с чем горуправа уже 24 июня 1942 г. передала товариществу мыловаренный завод. На июль 1942 г. месячный оборот «Богатыря» достиг 940 тысяч рублей, штат сотрудников составлял 200 чел.[3]

В райцентрах оккупированных областей повсеместно открывались частные мастерские, ориентированные на удовлетворение местных потребностей. Во многих из них работал один лишь хозяин, иногда — несколько наемных рабочих. Так, в г. Фатеже Курской области местные предприниматели открыли производство фруктовых вод, сапожные, жестяные, веревочные, столярные мастерские[4]. В пределах г. Торопца на начало 1942 г., в соответствии с разрешениями, выданными горуправой, открылось и действовало 10 частных мелких предприятий: кузница, две парикмахерские, обозно-бондарная, столярная, жестяная, две слесарные, сапожно-валяльная, портняжная мастерские. Причем большинство из них располагалось в частных домах или надворных постройках их владельцев[5]. Во многих крупных городах и райцентрах количе-

[1] Новый путь. 1942. Июнь. № 47.

[2] ГАКО. Ф. Р-3488. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

[3] Новый путь. 1942. Август. № 61.

[4] Новый путь. 1942. Апрель. № 23; июнь. № 50.

[5] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 12, 24.

ство мелких кустарных предприятий увеличивалось на протяжении всего периода оккупации[1].

Ряд частных предприятий также работал исключительно на нужды германской армии. Ярким примером является валяльная мастерская в г. Рославле, поставлявшая валенки для военнослужащих вермахта[2].

Важной особенностью частных предприятий были гораздо лучшие по сравнению с муниципальными условия труда и обеспечение рабочих и служащих. Так, месячная зарплата мастеров портняжной мастерской В.М. Дубовского составляла 650—700 рублей, а рабочие товарищества «Комета», помимо зарплаты, получали бесплатные завтраки[3].

По свидетельству дочери бывшего депутата Государственной думы Е.А. Скрябиной, введенному в научный оборот Б.В. Соколовым, большая часть населения г. Пятигорска «приняла» оккупацию именно по той причине, что немцы предоставили полную свободу частному предпринимательству: «Процветают не только частные предприятия, но даже и отдельные коммерсанты: они пекут пирожки и продают их на рынках, предлагают свою продукцию в рестораны и кафе, работают в тех же ресторанах официантами и поварами, торгуют квасом и минеральной водой»[4].

В то же время в ряде случаев отдельные категории граждан по распоряжению городских и районных управ переводились в разряд частных предпринимателей в принудительном порядке. Так, на территории Калиниской области, вероятно, там, где имелись крупные водоемы, был запрещен лов рыбы без регистрации в качестве частного предпринимателя в горуправе. У лиц, осуществлявших лов рыбы без регистрации, органами полиции отбирались все снасти с передачей их в собственность районной или городской управы[5]. Лица, получившие соответствующие разрешения управ, могли ры-

---

[1] Клич. Еженедельная газета для военнопленных. 1942. 26 июля. № 29 (51).

[2] Там же.

[3] Там же. 1942. Июнь. № 47, 48; ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 4. Л. 7—8, 16.

[4] *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. С. 22—23.

[5] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 4. Л. 36.

бачить с использованием снастей, указанных в разрешении. Весь улов рыбы подлежал сдаче в управу за наличный расчет[1].

В таком же положении оказывались граждане, которым удалось получить лошадей после раздела колхозного имущества. Только по г. Торопцу горуправой на середину октября 1941 г. были зарегистрированы 95 частных возчиков[2]. У лиц, осуществляющих частный извоз без регистрации, лошади изымались органами полиции и поступали в собственность районной или городской управы[3]. Возчики, помимо частного извоза, могли быть задействованы как немецкими комендатурами, так и органами местного самоуправления в обязательных работах[4]. Данных об оплате этого вида работ в соответствующих документах не содержится.

В условиях оккупации повсеместно возобновилась торговля, которая делилась на три сектора: муниципальный, находящийся в ведении городских и районных управ, ведомственный, представляющий собой торговые точки, принадлежащие предприятиям, и частный, торговые точки которого находились во владении физических лиц. Что касается муниципального сектора, следует отметить его сокращение по сравнению с довоенным. Выразительным примером в этом отношении является Торопецкий район Калининской области, где до войны работали 37 постоянных торговых точек (магазинов и ларьков) и 10 сезонных ларьков с мороженым и прохладительными напитками[5]. В период оккупации, на конец 1941 г., по городу числилось 4 торговые точки, находящиеся в ведении горуправы: лавка для продажи частей к сельхозмашинам, 2 продуктовые лавки, железная лавка[6]. Еще 33 торговые точки было разбросано по территории шести волостей района — по 4—7 торговых точек на волость[7].

Ассортимент товаров был довольно скудным, отражающим как производственные мощности того периода, так и материальный

---

[1] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 13, 15, 17, 18.

[2] Там же. Д. 6. Л. 1—5.

[3] Там же. Д. 4. Л. 36.

[4] Там же. Д. 2. Л. 10.

[5] Там же. Д. 3. Л. 3 об.—4.

[6] Там же. Л. 6.

[7] Там же. Л. 7.

уровень населения. Так, в магазинах Западнодвинского района Калининской области ассортимент составлял три основных вида товаров: рожь, сливочное и растительное масла. Лишь иногда на магазинных прилавках появлялась соль, считавшаяся дефицитом[1]. Несмотря на это, спрос на товары был высоким. Так, выручка только одного магазина в Западнодвинском районе (пос. Старая Торопа) за ноябрь 1941 г. составила 5410 рублей[2].

Источником поступления товаров было местное население, сдававшее в продовольственные торговые точки продукты питания по резко заниженным ценам. Так, в упомянутом Западнодвинском районе рожь принималась от населения по цене 30 копеек за килограмм, а продавалась по 2 рубля за килограмм — русским покупателям, по 1 рублю за килограмм — немецкой комендатуре[3]. Местные жители сдавали в магазин, в основном, рожь, сливочное масло, в редких случаях — свиное сало[4].

Некоторую специфику возымела расцветшая в период оккупации рыночная (базарная) торговля. Так, обесценивание советских денег и непопулярность немецкой оккупационной марки породили натуральный товарообмен[5], который стал возможен лишь при базарной торговле. Базары в большинстве областей действовали, как правило, по воскресным дням, и не повсеместно, а в райцентрах и городах не районного подчинения, ввиду чего базарная торговля, в основном, была оптовой. В ряде районов, в частности, на территории Орловской области, торговать на базаре можно было лишь по разрешению. Для этого сельские старосты получали в районных управах пропуска и справки для поездки на базар крестьян своих населенных пунктов. В справке, кроме того, указывался перечень продуктов, вывозимых для продажи[6]. Делалось это, очевидно, с целью недопущения хищения и сбыта продукции «общинного хозяйства». Базарной торговлей пользовалось как местное население, так и германские и венгерские во-

---

[1] ГАТО. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 4. Л. 149.

[2] Там же. Л. 22.

[3] Там же. Л. 23, 25—30, 63—80, 98.

[4] Там же. Л. 12—19.

[5] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16, 20.

[6] Там же. Л. 20.

еннослужащие, которые в условиях дефицита выносили на базар товары первой необходимости, обменивая их на сельхозпродукты. Так, 1 килограмм соли стоил 1 литр сливочного масла, 1 коробка спичек — несколько яиц (точное количество в документах не указывается, очевидно, в связи с изменчивым обменным курсом)[1].

Известны случаи разгона базаров немцами и вспомогательной полицией ввиду опасности их использования агентурой партизан и советским подпольем. При разгоне базаров вынесенные для продажи продукты конфисковывались[2]. Очевидно, с целью стимуляции денежной торговли иногда горуправы брали на себя обеспечение рыночных торговцев дефицитными товарами. Так, привозивших на рынок г. Орла большое количество товаров поощряли талонами на соль, табак, мыло.

Там, где сохранялась денежная базарная торговля, происходило вздутие цен. Так, на базаре г. Брянска хлеб стоил 1000—1200 руб. пуд, сало — 1000—1200 руб. кг, масло сливочное — 1000 руб. кг, масло растительное — 800—900 руб. литр, яйца — 325 руб. десяток[3]. На территории Калининской области стоимость муки доходила до 6000 руб. за пуд, яиц — до 700 руб. за десяток[4].

Тем не менее базарная торговля для значительной части городского населения становилась единственным источником снабжения продуктами. Так, в г. Брянске, население которого составляло 27 000 чел., в период оккупации работало всего 3 комиссионных магазина, торговавших непродовольственными товарами. В иных муниципальных торговых точках продовольствия практически не было, в редких случаях оно продавалось по талончикам, выдаваемым горуправой[5]. Подобное положение складывалось и в других областях. Так, доклад представителя ЦШПД на Калининском фронте, составленный в августе 1943 г., гласил, что государственной торговли в оккупированных районах немцами не организовано. Продтоваров для гражданского населения из Германии не завозится, исключая маргарин, патоку, мыло, табачные изделия.

---

1 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 20.

2 Там же.

3 Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 63.

4 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 60.

5 Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 63.

Имеющиеся в каждом городе один-два частных магазина торгуют, в основном, галантерейными товарами — иголками, булавками, брошками, гребешками, гончарными и кустарными изделиями, а также советскими товарами, не вывезенными и не уничтоженными при отступлении Красной Армии[1]. Тот же документ указывает на острую нужду населения в товарах первой необходимости: спичках, мыле, табаке, керосине[2].

На фоне этого базарная торговля породила расцвет спекуляции, обогащение одних и тотальное обнищание других. Так, учитывая вышеприведенный уровень цен (см. также приложения), правомерно утверждать, что торгующий продовольствием крестьянин получал доход, превышающий доход самых высокооплачиваемых служащих, включая бургомистров. Упомянутый партизанский доклад, составленный в августе 1943 г., в частности, констатирует: «Широко развита спекуляция. Население голодает из-за недостатка хлеба, променивая свои последние вещи на хлеб»[3].

В то же время ассортимент и качество непродовольственных рыночных товаров оставляли желать лучшего. Эмигрант А.С. Казанцев, посетивший СССР в период оккупации, довольно выразительно описал свое впечатление от посещения рынка в Смоленске осенью 1941 г.: «До слез режет глаза убогость принесенных на рынок для продажи и обмена “товаров”. Вот пожилая женщина со скорбным иконописным лицом... На платке, разложенном у ее ног, полдюжины старых костяных пуговиц, видно, споротых с отжившего свой век пальто, покрытый зеленой плесенью подсвечник и коробка спичек немецкого происхождения. Рядом другая. У этой два заржавевших замка с ключами к ним, на веревочках, — “хорошие, еще старорежимной работы” — рекомендует продавщица, обращаясь к остановившемуся перед ней крестьянину. Пара самодельных свечей, кусок темного, как земля, мыла и тоже две коробки спичек. И так дальше, целый ряд, — ни одной новой вещи, а только такие, какие на всем земном шаре, кроме Советского Союза, можно найти на любом свалочном месте»[4].

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 60.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Казанцев А.С.* Указ. соч. С. 170—171.

Эту убогость и нищету А.С. Казанцев связывает не с оккупацией, а с самой сущностью советского строя, что отчасти верно: «Пусть жестока немецкая оккупация, но где-нибудь во Франции, Бельгии, Югославии этот "товар" не вынесли бы на базар, продолжайся она хоть двадцать лет. А здесь торгуют, и на все это находятся покупатели… Эта нищета и убогость остались от "счастливой и зажиточной жизни" при советском строе… Родина, до чего тебя довели!»[1]

Зачастую оккупационные власти пытались бороться с дефицитом путем ограничения прав населения на приобретение тех или иных товаров. Ярким примером служит открывшийся 1 июля 1942 г. в г. Орле центральный магазин для русского населения. Вход в магазин был открыт лишь для горожан, имеющих на руках талоны достоинством 5, 10, 15 и 20 рублей, выдававшиеся, соответственно, составу семьи. При покупке товара талоны сдавались в кассу магазина вместе с платой[2].

Как бы копируя установки национал-социализма Германии, сфера обслуживания на оккупированных территориях РСФСР стала почти исключительно уделом частных предпринимателей. Наиболее востребованными стали точки общепита, парикмахерские, бани, портняжные, сапожные и валяльные мастерские, открывшиеся практически в каждом крупном населенном пункте. Так, в г. Торопце Калининской области, население которого на начало оккупации составило 7008 чел.[3], открылись 2 бани, 1 купальня[4], 2 парикмахерские, 1 сапожно-валяльная мастерская[5]. Все они были зарегистрированы частными лицами. Из гостиничного хозяйства наиболее востребованными стали постоялые дворы, создававшиеся частными лицами, в основном, при крупных рынках. Так, в г. Орле при рынке действовал постоялый двор с конюшней.

Лишь в некоторых случаях предприятия сферы обслуживания находились на балансе органов местного самоуправления,

---

[1] *Казанцев А.С.* Указ. соч. С. 171.

[2] Клич. 1942. 26 июля.

[3] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

[4] Там же. Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

[5] Там же. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

в первую очередь — точки общепита. Характерным примером являются столовые в г. Брянске, отпускавшие обеды по твердым ценам: борщ без мяса — 6 руб., котлеты — 15 руб., колбаса — 300—350 руб. кг, хлеб печеный — 40 руб.[1]

С определенной натяжкой к сфере обслуживания можно отнести проституцию, проявившуюся в период оккупации преимущественно в городах. О масштабах этого явления точных цифр и сведений нигде не фигурирует, очевидно, по причине тех предписаний, выполнение которых было для проституток обязательным, но, с другой стороны, ставило на них несмываемое клеймо позора. Так, в Курске проституция была легализована 19 сентября 1942 г. изданием комендантом города генерал-майором Марселем «Предписания для упорядочения проституции в г. Курске». Согласно этому документу, проститутки подлежали регистрации в Отделе службы порядка и только после получения разрешения военного врача. После этого проститутка была обязана зарегистрировать свою квартиру, в которой намерена заниматься проституцией, в Жилищной конторе и отделе службы порядка, после чего прибить у входа в свою квартиру на видном месте соответствующую вывеску[2]. Понятно, что данное предписание не способствовало потоку желающих легально заняться проституцией, особенно в России с ее патриархальными моральными устоями. По свидетельствам лиц, переживших оккупацию, проституция в Курске, Брянске, Орле и Твери была довольно редким явлением. Интересно, что из 27 жителей этих городов, переживших оккупацию, 11 чел. о проституции не слышали вообще, остальные 16 чел. упоминали лишь о единичных ее проявлениях.

Уклонение проституток от регистрации наказывалось заключением в лагерь на срок 6 месяцев. Расстрелом наказывалось заражение германских или союзных военнослужащих венерическими болезнями женщинами, знавшими о наличии у них этих болезней и получившими запрет врача на продолжение проституции[3]. По утверждению Б.В. Соколова, нередко немецкие военнослужащие сами искали встреч именно с больными венерическими болезня-

---

[1] Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 65.

[2] *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. С. 324—325.

[3] Там же. С. 326.

ми проститутками, получая при этом возможность отбыть на несколько месяцев на лечение в тыловой госпиталь[1].

Таким образом, в период оккупации, в условиях обострения дефицита, произошло сокращение торговой инфраструктуры. Однако в этот период наблюдается развития видов трудовой деятельности, не типичных для советского времени, например, частного предпринимательства, включая частную сферу обслуживания, зачастую с использованием наемной рабочей силы, проституции. Все эти виды деятельности также правомерно отнести к коллаборационизму, поскольку деятельность указанных лиц не только осуществлялась под контролем германских оккупационных властей, но и способствовала их нормальному функционированию. Так, налоги, уплачиваемые предпринимателями, торговцами, работниками сферы обслуживания, шли на нужды германской армии, а торговые точки и частные предприятия являлись источниками снабжения немецких комендатур и воинских частей. То же можно сказать о сфере обслуживания, работавшей в интересах как местного населения, так и германских военнослужащих. Однако следует признать, что частное предпринимательство, торговля, обслуживание были в значительной степени ориентированы на удовлетворение потребностей местного населения, помогая переносить тяготы оккупации, вести сносный образ жизни, получать рабочие места для трудоспособного населения. Поэтому данные виды деятельности хотя и являлись одной из форм коллаборации с противником, однако не нанесли значительного вреда интересам СССР.

§ 3. Коллаборационизм в области сельского хозяйства

Сотрудничество с оккупантами в сельскохозяйственной сфере является, пожалуй, самой масштабной областью гражданского коллаборационизма. Достаточно указать, что из 22 миллионов советских граждан, работавших в период оккупации на немцев, 20,8 миллиона были крестьянами[2]. Это напрямую связано

[1] *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. С. 327.

[2] *Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А.* Указ. соч. С. 214.

с социально-демографической структурой советского общества. Ввиду того, что СССР являлся аграрной страной, 2/3 населения на 1941 г. проживали в сельской местности, а в соседней с РСФСР Белоруссией — 4/5 населения[1]. Специфика сельского населения состоит в том, что в его составе преобладали люди низкого образовательного уровня, так как небольшая часть сельской интеллигенции, в основном, эвакуировалась при приближении германской армии[2]. Кроме того, крестьянское население имело почти однородный национальный состав. Даже в пограничных с Украиной и Белоруссией районах РСФСР, где преобладало украинское и белорусское население, каких-либо трений в крестьянской среде на национальной почве не возникало. В центральных же областях РСФСР русское население составляло более 95 %[3]. То есть крестьяне представляли собой однородную массу в национальном, социальном и экономическом отношениях.

В отличие от интеллигенции и красноармейцев крестьян в основной массе интересовал вопрос о дальнейшем существовании колхозов и возможности получить в собственность землю. В основной своей массе крестьяне крайне враждебно относились к колхозам. После завершения коллективизации в 1933 г. внешне удалось добиться стабильности сельского хозяйства, однако германская агрессия четко показала, что крестьяне внутренне не смирились с колхозной системой. Согласно выводам А.С. Казанцева, колхозники формулировали свое отношение к оккупантам довольно упрощенно: «Хуже большевиков немец все равно не будет. Главное, чтоб землю народу дали, а там уж заживем...»[4] По мнению А.В. Посадского, «крестьяне оказались наиболее податливой на сотрудничество с оккупантами группой населения»[5]. Будучи движима подобными настроениями, ощутимая часть крестьянства, особенно в первые месяцы войны, пошла на сотрудничество с немцами. Это сотрудничество развивалось в двух основных направлениях: борьба с партизанами и выполнение продпоставок. Касательно масштабности

---

[1] *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 60.

[2] Там же.

[3] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

[4] *Казанцев А.С.* Указ. соч. С. 68.

[5] *Посадский А.В.* Указ. соч. С. 618.

коллаборационизма среди крестьян показательно свидетельство капитана РККА Гончарова, относящееся к 14 января 1942 г.: «Почти половина деревни работала вместе с немцами. Люди не только не поддерживали партизан, а доносили на них и боролись с ними»[1]. Это свидетельство, в основном, совпадает с данными органов и должностных лиц местного самоуправления, относящимися к этому периоду, согласно которым, в течение первых шести месяцев войны немалая часть сельского населения охотно шли на сотрудничество с оккупантами[2]. Интересны данные докладной записки начальника Воловского РО НКВД Тульской области, лейтенанта госбезопасности Алексеева, согласно которой, только за три дня после освобождения района, пробывшего несколько дней под оккупацией, по его деревням задержаны около 50 чел. явных изменников Родины, в том числе по одному только Никитскому с/с — 7 чел. В состав же созданного РО НКВД истребительного батальона по деревням Воловского района удалось набрать только 75 чел., однако автор докладной записки указывает на ненадежность многих из них, планируемый отсев[3].

Что касается продовольственных поставок для германской армии, охарактеризованных в исследовательской и мемуарной литературе как «разграбление населения», необходимо отметить особенности, отличавшие продпоставки в период оккупации от продпоставок в годы военного коммунизма и колхозного строя. А.С. Казанцев указывает, что в прифронтовых областях РСФСР, находившихся в управлении военных, «процесс ограбления крестьянства не был поднят еще на ту высоту, на какую поднял его на Украине экономический диктатор и гауляйтер Кох. В областях, находящихся в ведении военных властей, население не голодало»[4]. О причинах этого тот же автор пишет: «В технике ограбления села немцы по сравнению с “рабоче-крестьянской властью” были сущими дилетантами. Коровенка, уведенная хозяином из крестьянского двора на опушку ближайшего леса (дальше нельзя, потому

[1] *Карелл П.* Операция «Барбаросса». Франкфурт—Берлин: Ульштейн, 1963. С. 340.

[2] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.

[3] Хранить вечно. Документы 4-го отдела. С. 12.

[4] *Карелл П.* Указ. соч. С. 183.

что заберут партизаны), оставалась в хозяйстве до возвращения большевиков. Зерно, ссыпанное в сухом колодце или просто в яме, вырытой во дворе, не могли обнаружить никакие немецкие фуражисты и хозяйственники. Поэтому в годы оккупации хлеб перестал быть в селе редкой ценностью и в каждом селе, если не в каждом дворе, все годы оккупации дымились самогонные аппараты»[1].

Чтобы понять причины этого, следует сделать обзор политики оккупантов относительно сельского хозяйств. Несмотря на концепцию министра земледелия Германии Дарре о «чуждой расе», «стране рабов», «сельских слуг», практическое следование этим постулатам было бы для оккупантов слишком рискованным шагом, могло затруднить эксплуатацию сельского хозяйства, усилить сопротивление крестьянского населения. По этой причине в течение нескольких месяцев оккупации колхозы продолжали существовать. Более того: роспуск колхозов и раздел их имущества были запрещены приказом германского командования, изданным в декабре 1941 г., согласно которому, все продовольствие и колхозное имущество предписывалось взять на учет.

Однако полностью игнорировать «колхозный вопрос» в условиях затяжной войны было невозможно, поэтому германские власти запланировали поэтапную ликвидацию колхозной системы. 16 февраля 1942 г. вышло распоряжение А. Розенберга под названием «Новый порядок землепользования», заложившее новую основу аграрной политики. Документ включал шесть пунктов:

1. Носил название «Упразднение колхозного строя» и провозглашал преобразование колхозов в «общинные хозяйства».

2. Содержал попытку объяснить разницу между колхозами и «общинными хозяйствами», поясняя, что последние являются лишь временными и остаются как бы переходным звеном между коллективным и единоличным землепользованием.

3. Касался совхозов, которые переименовывались в государственные хозяйства (госхозы), а МТС — в государственные базы. Как госхозы, так и МТС переходили в германское управление.

4. Под названием «Переход к единому землепользованию» предусматривал наделение крестьян землей из общинных фондов.

[1] *Карелл П.* Указ. соч. С. 183.

5. Под названием «Единоличное хозяйство на основе земельного товарищества» гласил, что крестьянские хозяйства, получившие из общинных фондов земли, образовывали «земледельческое товарищество», которое могло иметь общую собственность, которую одному крестьянскому хозяйству приобрести затруднительно, например, сельскохозяйственную технику. В отличие от «общинного хозяйства» «земледельческое товарищество» хотя и обязано было коллективно обрабатывать все земли, однако после сева проводилось межевание, а урожай каждое крестьянское хозяйство убирало единолично.

6. Провозглашал создание самостоятельных единоличных хозяйств — хуторов и отрубов. Крестьяне по желанию могли отделяться, единолично владеть как землей, так и лошадьми, инвентарем и даже техникой. Единственной повинностью для них оставался сельхозналог.

Для контроля за «общинными хозяйствами» германские власти организовали земельные управления (областные, окружные, районные), подчинявшиеся Главному германскому земельному управлению[1]. Первоначально, вероятно, с целью завоевания симпатий крестьянства было провозглашено его освобождение от налогов, кроме того, пропагандировалось введение частной собственности на землю, но с сохранением общинного землепользования[2]. Территория «общинного хозяйства», как правило, соответствовала территории бывшего колхоза, а руководил общинным хозяйством сельский староста, совмещая обязанности административного и хозяйственного руководителя[3]. На старосту, помимо административных обязанностей, возлагались контроль за выполнением продпоставок, распределение работ, вывод трудоспособного населения на работы, обеспечение и контроль их выполнения. С этой целью на старосту накладывались дополнительные обязанности, связанные с обеспечением производственного процесса, нередко трудновыполнимые. Так, одна из служебных инструкций для старост, выпущенная командованием группы армий «Центр» во

---

[1] ГАКО. Ф. Р-3555. Оп. 1. Д. 1. Л. 74; ЛАЕ. Приказ № 5 по проведению нового земельного порядка // Листовка. Типогр. экз.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 56.

[3] Там же. Л. 59.

второй половине 1941 г., предписывала организацию в каждом «общинном хозяйстве» ремонтной мастерской для починки крестьянских саней и телег. Размеры и возможности общины при этом в расчет не принимались. Одновременно инструкция обязывала немецкие комендатуры — полевые и местные — обеспечить общины необходимыми инструментами и материалами[1].

Земля в общине распределялась по наделам: каждое крестьянское хозяйство (семья), имеющее лошадь и хотя бы одного трудоспособного мужчину, получало полный земельный надел — 2—3 га. Хозяйство, не имеющее лошади и трудоспособных мужчин, получало половинчатый надел независимо от количества едоков. Никакой помощи таким хозяйствам со стороны общины официально не было предусмотрено[2].

Лишь 15 февраля 1942 г. германское руководство приняло «Положение о землепользовании» («О новом порядке землепользования»), в котором провозглашались поэтапная ликвидация колхозной системы и переход к частным крестьянским хозяйствам[3]. Последнее было закреплено в распоряжении «Об организации, управлении и ведении хозяйства в крестьянских общинных хозяйствах» от 17 марта 1942 г.[4] Начавшаяся аграрная реформа, по мнению Д. Армстронга, представляла собой лишь номинальный отказ от колхозной системы, ввиду чего снижался эффект ее воздействия на умы крестьян. Последние были разочарованы, поняв, что немцы фактически сохраняют систему, напоминающую колхозную[5].

Что касается раздела колхозной собственности и наделения крестьян землей, это произошло с большим опозданием, практически в последние месяцы оккупации. Так, распределение земли наделами на оккупированной территории Калининской, Новгородской, Псковской, Ленинградской областей началось весной 1943 г. Надел

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 59.

[3] Там же; *Гришков И.Г.* Курская область в годы Великой Отечественной войны. Курск, 1993. С. 38.

[4] ЛАЕ. Приказ № 5 по проведению нового земельного порядка // Листовка. Типогр. экз.

[5] *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 410.

на 1 чел. составлял от 2 до 3,5 га, однако семья не могла иметь в пользовании более трех наделов. Наделы могли быть увеличены семьям коллаборационистов, преимущественно служащим полиции, а семьи партизан получали не более 3 га, причем самого плохого качества[1]. Семьи, не имеющие лошадей и трудоспособных мужчин, получали половину установленного земельного надела[2]. План сева на каждую семью устанавливался в размере не менее 3 га. Налоговая ставка после распределения наделов земли составила 150 рублей с каждого трудоспособного. Обработка земли из-за отсутствия конной тяги нередко осуществлялась вручную, а использование при вспашке тракторов, хотя и имело место, было редкостью[3]. В Руднянском районе весной 1943 г. зарегистрированы курьезные случаи решения вопроса с тягловой силой. Немцы сдавали крестьянам внаем провинившихся венгерских солдат с правом впрягать их в плуги вместо лошадей. Плата за наем 1 солдата составляла 10 яиц в день[4]. Наряду с получением наделов в частную собственность сохранялась так называемая система общинных хозяйств на базе частной собственности. Каждая деревня составляла общину, руководил которой сельский староста[5].

Любопытны данные профессора Висконсинского университета Д. Армстронга, согласно которым, советские партизаны «получали указания терпимо относиться к раздаче земли крестьянам и даже распространяли слухи об отказе от системы коллективного ведения сельского хозяйства после войны»[6].

В этот же период, с весны 1943 г., начала насаждаться хуторская система, к чему оккупантов, вероятно, подтолкнула низкая производительность «общинных хозяйств». С этой целью проводились так называемые земские кампании. Суть их заключалась в предоставлении крестьянам права свободного выхода из общины, наделении их землей по количеству едоков и разрешении жить обособленно — хуторами. В частности, по Идрицкому району Ка-

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 48.

[2] Там же. Л. 59.

[3] Там же. Л. 48.

[4] Там же.

[5] Там же. Л. 59.

[6] *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 61.

лининской области к июлю 1943 г. около 200 хозяйств выехали на хутора. В результате этими хозяйствами было засеяно 2500 га озимых и 1500 га яровых культур, что говорит о большей эффективности единоличного хозяйствования[1].

Однако достигнуть довоенного уровня по объему посевных площадей так и не удалось. Так, в среднем по центральным областям РСФСР на весну 1943 г. посевные площади составляли около 60 % от довоенных[2].

Основной формой эксплуатации крестьянства повсеместно стала система налогов. На протяжении всего периода оккупации взимался налог двух видов: натуральный и денежный. Однако последний не оправдал себя из-за низкой платежеспособности села и преобладания в крестьянской среде порожденного колхозной системой натурального хозяйства. Что же касается натурального налога, он делился на несколько видов, ярким примером чего являются годовые ставки, установленные в ряде районов Орловской области:

— военный налог — 6 центнеров зерна;

— мясо — по 1 центнеру со двора;

— молоко — 300—350 л с коровы;

— яйца — 50—75 шт. со двсра;

— птица — 7 кг живого веса с хозяйства (двора);

— рожь — 3 центнера с га;

— пшеница, овес, ячмень — по 2 центнера с га.

Ряд натуральных налогов не был фиксированным, взимаясь по мере потребностей германских структур: сено и солома, пенька и лен, шерсть, приплод крупного рогатого скота[3].

Что касается денежных налогов, они, пусть формально, имели следующие размеры:

— подушный — 70 руб. с души в год с лиц в возрасте от 16 до 60 лет, независимо от пола и работоспособности;

— земельный — 56 руб. с 1 га пахотной земли независимо от того, в общинном или единоличном пользовании она находилась[4].

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 166.

[2] Там же. Л. 59.

[3] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 22; Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 80.

[4] Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 80.

В 37 сохранившихся анкетах сельских старост деревень Калининской области периода июня 1942 г., носящих форму отчета, стоял вопрос о питании населения. При этом 29 старост указали на плохое питание сельчан, 3 — на среднее, 1 — на хорошее, в четырех анкетах вопрос о питании населения игнорирован[1]. Финансовое положение населения 24 анкеты характеризуют как плохое, при этом старосты указывают на полное отсутствие у жителей их деревень денег, 6 анкет указывают на хорошее финансовое положение сельчан, 1 староста информацией по этому вопросу не владеет, 6 старост данный вопрос игнорировали[2]. 28 опрошенных указали на полное отсутствие товарообмена, 6 — на наличие, 3 — вопрос игнорировали[3]. При этом подавляющее большинство опрошенных указали на большую занятость населения, на минимальное число безработных. В частности, 29 — на полное отсутствие безработных, 5 — на их минимальное количество (от 1 до 5 чел.), в трех анкетах вопрос о безработице игнорирован[4]. На этом фоне часть безработных (4 чел.) согласились выехать на работу в Германию, 3 чел. к моменту проведения опроса уже выехали[5].

Что касается состояния деревни, согласно партизанским сводкам, конский состав в большинстве деревень прифронтовой полосы на лето 1943 г. сократился до 10—20 % от довоенного, поголовье крупного рогатого скота — до 20—30 %, мелкого рогатого скота — до 5 %[6]. Лишь в районах военного управления, отстоящих на 150—200 и более км от линии фронта, положение было несколько лучше. Так, в Красногородском, Пушкинском, Новоржевском, Кудеверьском районах Калининской области поголовье лошадей и крупного рогатого скота составляло на тот же период 45—50 % довоенного[7].

На этом фоне любопытны отраженные в вышеупомянутых анкетах просьбы населения к германскому командованию. В частно-

---

1 ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 4. Л. 111—155.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

5 Там же. Л. 118, 125, 132, 138.

6 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 59, 166.

7 Там же.

сти, 14 анкет содержат просьбы помочь в сельхозработах, в основном, обеспечить лошадьми, 11 — обеспечить население товарами, преимущественно хлебом, 2 — открыть школы, 2 — поскорее окончить войну, 1 — осуществить скорейший перевод крестьян на единоличное землепользование, 1 — очистить Россию от коммунистов и евреев. Только один опрошенный указывает на отсутствие просьб, 4 этот вопрос игнорируют[1].

Что касается практических результатов эксплуатации сельского хозяйства, общий объем дохода Германии в результате изъятия сельхозпродукции на оккупированных территориях СССР за два года — 1942—1944 — превысил сумму в 4 млрд немецких марок.

В этой связи уместно сравнить коллаборационизм в сельскохозяйственной сфере с политикой эксплуатации сельского хозяйства на территориях, подконтрольных партизанам. В то время, когда немцы, по сути, сохраняли колхозную систему, партизаны иногда проводили совершенно противоположную политику. Так, согласно донесениям группы армий «Центр», партизаны уже в декабре 1941 г. «по указаниям из Москвы распределили колхозную землю среди крестьян»[2]. В донесениях 3-й немецкой танковой армии, составленных в марте 1942 г., сообщалось, что в ряде районов к северу от Брянска местные жители на подконтрольных партизанам территориях «получили в собственность землю и часть урожая»[3]. В другом немецком донесении, составленном, по всей видимости, осенью 1942 г., указывается, что практические шаги партизан по ликвидации колхозной системы даже превзошли меры, предпринятые немцами: «В ряде полностью контролируемых партизанами районов по приказу Сталина вводится совершенно новая система поставок. Крестьяне этих районов должны сдавать лишь половину того количества продукции, которое требуется сдавать в контролируемых нами районах. Вместе с тем отмечаются случаи, когда крестьянам отдают землю, при этом наделы земли по площади превосходят выделяемые нами»[4].

---

[1] ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 4. Л. 111—155.

[2] Цит. по: *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 395.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 396.

Не создав чего-либо нового по части эксплуатации сельского хозяйства, оккупационные власти, сохранив колхозную систему, продолжали, по сути, колхозную политику общинного землепользования, проводившуюся при советской власти. Планы Восточного министерства Германии по реформированию сельского хозяйства носили, в основном, декларативный характер, многие планы не были доведены до завершения. Лишь отчасти российская деревня периода оккупации напоминала деревню периода реформ П.А. Столыпина 1905—1916 гг. Однако намеченный Восточным министерством и начавшийся переход к единоличному землепользованию был осуществлен лишь в минимальном объеме ввиду непродолжительности оккупации. В результате отсутствия ощутимых перемен оккупантам не удалось завоевать симпатии крестьянства, предложив ему что-либо лучшее, нежели советская колхозная система. Так или иначе, материальный уровень сельского населения либо остался прежним, либо вырос незначительно. Напротив, правомерен вывод о том, что крестьянство, несмотря на большую занятость в интересах германской армии, являлось самой неимущей категорией коллаборационистов, материальное положение которой даже уступало положению самых низкооплачиваемых городских рабочих и служащих. В свете этого можно усомниться в сохранившемся в течение всего периода оккупации желании основной массы крестьянства сотрудничать с немецкими властями. Однако, к сожалению, не представляется возможным провести четкую грань между коллаборационизмом в среде крестьянства и его вынужденной работой на оккупантов. Как бы то ни было, именно сельское хозяйство стало и оставалось в течение всего периода оккупации основным поставщиком продукции для германской армии.

Глава IV

ОСОБЕННОСТИ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

§ 1. Псевдогосударственные территориальные образования

На протяжении периода оккупации в некоторых областях СССР возникали территориальные образования, так называемые республики, претендовавшие на экономическую, политическую, военную и даже иногда религисзную самостоятельность.

Наиболее выразительным примером в этом отношении является часть территории Орловской и Курской областей, где на протяжении двух лет оккупации существовал Локотской автономный округ, в народе получивший название «Локотской республики».

Начало созданию Локотского самоуправления положила оккупация Брасовского района Орловской области с его центром в поселке Локоть 4 октября 1941 г. войсками 17-й танковой дивизии 2-й танковой армии вермахта.

Следует выделить несколько совокупных причин, почему германское командование решилось предоставить здесь русским широкие суверенные права, шедшие вразрез с официальной нацистской политикой по отношению к славянам, отличавшиеся от тех, которыми они пользовались на других оккупированных территориях. Прежде всего это было связано с наличием в этой части брянских лесов значительного количества партизанских отрядов, созданных усилиями органов НКВД и руководимых исклю-

чительно его сотрудниками. На вооружении партизан были все виды стрелкового оружия, артиллерия и даже танки. Попавшие в окружение бойцы и командиры 3-й и 13-й армий Брянского фронта нередко в стремлении избежать плена с оружием в руках присоединялись к партизанам, доставляя им значительное пополнение[1]. Германским частям и оккупационным учреждениям могла грозить постоянная опасность со стороны столь мощных партизанских сил. Вторая причина невмешательства немцев в дела Локтя состояла в том, что экономическая база района была сравнительно слабой и не представляла большого интереса для завоевателей. Промышленность, к тому же в значительной мере разрушенная при отступлении Красной Армии[2], была ориентирована, в основном, на удовлетворение местных потребностей. Третья причина, пожалуй, самая существенная — необходимость обеспечения коммуникаций 2-й танковой армии. Через Брасовский, Навлинский, Суземский районы проходили железнодорожные пути, бывшие единственной транспортной магистралью, связывавшей продвинувшуюся на восток 2-ю танковую армию с тыловыми районами. Для охранной деятельности немцам требовалось или распылить силы, оставив здесь значительный воинский контингент, или же возложить эту задачу на местное население, предоставив ему за это самостоятельность.

Сразу же по указанию немцев здесь было образовано самоуправление, возглавили которое назначенный старостой К.П. Воскобойник и его заместитель Б.В. Каминский, бывшие политзаключенные, имевшие все основания негативно относиться к советской власти и существовавшему в СССР режиму. Последний, получив документы на эвакуацию, ими не воспользовался, оставшись в Локте ждать прихода немцев. С приходом оккупантов в руках К.П. Воскобойника и Б.В. Каминского оказалось сосредоточенным как гражданское, так и военное руководство местным отрядом самообороны, названным Народной милицией[3].

---

[1] В Брянско-Вяземском «котле» осенью 1941 г. оказалось 663 000 чел. *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 200; *Александров К.М.* Тайное оружие вермахта. С. 14—15.

[2] Голос народа. 1942. 5 ноября.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 750. Л. 102.

Дошедшие до нас документы НКВД дают основания сделать вывод о неадекватности ситуации, сложившейся накануне войны в Локте и близлежащих районах. В документах отмечаются наличие сильных антисоветских настроений среди местного населения и высокая концентрация антисоветски настроенных элементов в местных советских и даже партийных органах. Так, в докладной записке начальника штаба партизанского движения на Брянском фронте старшего майора ГБ Матвеева сообщается о сильных антисоветских настроениях крестьян, засоренности партийных и советских организаций «чуждым элементом», а также о том, что в период войны «по сравнению с соседними районами Брасовский район дал из числа партийно-советского актива относительно меньший процент партизан и относительно больший — предателей»[1].

Одной из причин этого является специфика дореволюционного быта локотского населения. Являясь собственностью великого князя Михаила Александровича Романова, локотские земли отличались, по оценке ряда авторов, огромным богатством[2]. Жизненный уровень местного населения, по оценке С.И. Дробязко, в XIX — начале XX века был гораздо выше уровня большинства российских крестьян[3]. Для локотян, не познавших ни крепостного права, ни послереформенного разорения, коллективизация и система колхозов стали не вторым, а первым крепостным правом. В уже цитировавшейся записке Матвеев отмечает наличие враждебности крестьян к советской власти, сохранявшейся на протяжении всех послевоенных лет, что, по его мнению, «нисколько не способствовало большевизации района»[4]. В мемуарной лите-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 69—70.

[2] *Городков В.* Указ. соч. С. 88—95; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. С. 186—190; *Осипов Б.* Указ. соч.; *Шпачков В.* Указ. соч. Интересно, что именно Локоть избрал местом своего творчества академик живописи, художник-пейзажист С.Ю. Жуковский (1873—1944), написавший здесь ряд картин. Несколько написанных им в Локте полотен сейчас находится в Путевом дворце г. Твери. *Горелов М.И.* Указ. соч. С. 148—150, 253—254.

[3] *Дробязко С.И.* Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия. С. 169.

[4] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 80—81.

ратуре также отмечены антисоветские настроения большей части местного населения[1].

Интересны слова той же записки Матвеева о том, что с началом оккупации в Локоть вернулись десятки раскулаченных и высланных в период коллективизации и, предчувствуя конец советской власти «уже присматривались к бывшей своей собственности, прикидывая, во что обойдется ремонт жилого дома, каким образом использовать “свою” землю, выгодно ли восстановить мельницу и т.д.»[2].

Из этой же записки можно сделать вывод, что накануне прихода немцев сложившаяся в Локте ситуация вышла из-под контроля местных советских органов. Матвеев сообщал, что «эвакуируемые семьи партийного и советского актива провожались под свист и недвусмысленные угрозы со стороны распоясавшейся антисоветчины, а часть сотрудников учреждений упорно избегали под различными предлогами эвакуации»[3]. В той же записке пос. Локоть назван «политическим центром контрреволюции»[4]. Однако составители записки пытаются, насколько это возможно, ретушировать сложившуюся в Локте необычную ситуацию, простодушно называя Локоть «резиденцией кучки предателей»[5]. А согласно справке Украинского штаба партизанского движения, «в первые дни оккупации в селах Орловской области всплыл на поверхность весь антисоветски настроенный элемент — кулаки, подкулачники, люди, в той или иной степени чувствовавшие себя обиженными. Среди них была и часть сельской интеллигенции — учителя, врачи. Этот народ по-своему воспринял пришествие немцев, подбивая и остальной неустойчивый элемент села принять «новый порядок» как истинно народный, свободный от притеснений коммунистов»[6].

Описывая сложившуюся в области на тот период ситуацию, начальник Орловского НКВД К.Ф. Фирсанов пишет, что здесь «ста-

---

[1] *Стеенберг С.* Указ. соч. С. 90.

[2] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 80—81.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1027. Л. 80—81.

ла всплывать на поверхность всякая нечисть: троцкисты, меньшевики, правые эсеры, кулаки и бывшие купцы. Кое-где появились доставленные немцами с эмигрантской свалки помещики. Вся эта немногочисленная, но очень озлобленная и грязная свора была верной опорой и лакеями фашистов... Вся эта нечисть стала искать формы, чтобы объединиться и придать себе политическую окраску»[1]. Руководителя созданного здесь вскоре самоуправления Воскобойника тот же автор называет «помещичьим отпрыском», а его заместителя Каминского — «бывшим троцкистом»[2], хотя к помещичьему классу Воскобойник не имел никакого отношения, равно как и Каминский — к троцкизму.

Упомянутый старший майор госбезопасности Матвеев, характеризуя коллаборационистский контингент Орловской области, в своей докладной записке на имя заместителя начальника ЦШПД Сергиенко от 30.11.42 пишет, что на службу во вспомогательную полицию «шли исключительно отъявленные враги советской власти: кулаки и их дети, лица, репрессированные органами советской власти за различные преступления, а также уголовный элемент»[3]. В подтверждение своих доводов Матвеев приводит автобиографию некоего Н.Е. Медведева, подавшего в Речицкую волостную управу заявление о приеме в полицию: «Отец мой до революции занимался земледелием, имел 2 хаты, 2 лошади, одну корову, сад. В 1932 году моего отца раскулачили, и по суду он был осужден на 2 года тюремного заключения. В 1934 году прибыл в дер. Дорогинь, где вступил в колхоз со своей семьей в количестве 7 душ и проработал в колхозе три года, а потом в 1937 году моего отца взяли под стражу НКВД, где его судила Тройка за контрреволюцию и присудила к тюремному заключению на 10 лет»[4].

Таким образом, упомянутые источники указывают на две причины, вызвавшие к жизни коллаборационистские настроения локотян: политический мотив, порожденный негативным отношением значительной части населения к советской власти, и наличие большого количества уголовного элемента.

---

[1] *Фирсанов К.Ф.* Указ. соч. С. 77.

[2] Там же.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 14—148 об.

[4] Там же.

В то же время анализ сохранившихся документов позволяет поставить последнее под сомнение. Просмотр личных дел, автобиографий, характеристик сотрудников Локотского самоуправления, иных, созданных в пределах округа структур, бойцов и командиров созданной из местного населения Русской Освободительной Народной Армии (РОНА) не дает основания согласиться с выводами вышеприведенных донесений НКВД о преобладании в среде коллаборационистов Локотского округа уголовного элемента[1].

Возглавившие самоуправление Воскобойник и Каминский относились к местной интеллигенции, обладали большими организаторскими способностями. В частности, Воскобойник относился к категории «незаменимых общественников», стремился быть на виду при проведении различных кампаний, участвовал в ряде общественных организаций в Лесохимическом техникуме, где работал преподавателем физики[2]. Можно предположить, что Воскобойник и его заместитель Каминский пользовались определенным авторитетом среди местного населения, в первую очередь — интеллигенции.

Помимо Воскобойника и Каминского, в утвержденное оккупантами 16 октября 1941 г. Управление Локотской волости вошел практически весь срез местной интеллигенции. Так, занявший пост гражданского заместителя бургомистра С.В. Мосин до войны был заведующим Брасовским районным отделом народного образования, директором школы, ранее исключался из ВКП(б), отбыл полтора года тюремного заключения за «контрреволюционные действия»[3], ставший бургомистром Брасовского района М.И. Морозов — бухгалтером Брасовского райпотребсоюза, начальник планового отдела Локотского округа М.В. Васюков — председателем Брасовского райплана, старший юрист юридического отдела С.Н. Павлюченко — председателем Брасовского райисполкома, староста поселка Локоть В.И. Королев — членом ВКП(б), директором швейной мастерской и членом ВЦИК в 1929—1934 гг., командир Суземской роты самообороны К. Терешкин — предсе-

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 35. Л. 5—83; Д. 1, 25, 41, 51, 59, 60.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 70.

[3] Там же.

дателем колхоза «Авангард»[1]. Несколько выделялся лишь начальник Брасовской районной полиции Р.Т. Иванин, который в упомянутой докладной записке Матвеева и Быстрова характеризовался как «разложившийся тип, пьяница, время от времени разнообразивший скуку провинциальной жизни судимостями и отбыванием наказания за хулиганство, жульничество и т.п.»[2]. В свете этого утверждение начальника Орловского НКВД К.Ф. Фирсанова о «нечисти» и «грязной своре» представляется сомнительным. Столь же несостоятельно и голословно его утверждение о локотских коллаборационистах как о «добровольцах из кулаков, воров, хулиганов и т.п. "борцах за идею", практически знакомых со всеми без малого статьями уголовного кодекса»[3].

В Локте и близлежащих районах осталось немало педагогов, медиков, технических специалистов, в частности, 1338 учителей, 51 врач, 179 средних медработников[4].

Наличие большого количества антисоветски настроенной интеллигенции в сочетании с неприязнью значительной части крестьянства к советской власти создало хорошую платформу для формирования коллаборационистских настроений. Немалый толчок этому дало и поведение местных советских и партийных органов, в преддверии оккупации приступивших к систематическому уничтожению имущества и продовольствия вместо того, чтобы раздать не подлежащие эвакуации запасы местному населению. Тем самым население ряда районов Орловской области, включая женщин и детей, обрекалось на голодное существование в условиях надвигавшейся оккупации. Так, из остававшихся на Орловщине к концу эвакуации 30 450 т зерна было сожжено 25 285 т. Кроме того, сжигался необмолоченный хлеб в скирдах[5].

В декабре 1941 г. администрации Воскобойника и Каминского удалось установить более тесные и доверительные отношения с начальником 532-го тылового корпуса 2-й танковой армии

---

[1] *Александров К.М.* Оккупация отдельно взятого региона.

[2] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 82—85.

[3] Там же.

[4] Голос народа. 1942. 5 ноября. № 28.

[5] *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 22.

генерал-майором Брандтом[1]. В результате Локотская волость была преобразована в Локотской район под русским автономным управлением, а Воскобойник назначен бургомистром.

После гибели 8 января 1942 г. Воскобойника[2] в результате налета на Локоть партизан его сменил на посту бургомистра Каминский[3], ставший одновременно командиром созданных отрядов Народной милиции. В отличие от интеллигента Воскобойника Каминский отличался властолюбием и даже деспотичностью, не останавливался перед самыми жесткими мерами правления.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 71.

[2] Во всех без исключения известных на сегодняшний день работах по истории ЛАО встречается грубейшая ошибка относительно места гибели К.П. Воскобойника и эпицентра боя 8 января 1942 г. В частности утверждается, что Воскобойник был смертельно ранен на крыльце дворца великого князя М.А. Романова (см., напр.: *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 127; *Он же.* История Локотского округа и Русской Освободительной Народной Армии. С. 121; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Указ. соч. С. 38). Причиной данной ошибки, на наш взгляд, являются данные о том, что это произошло вблизи здания техникума. Однако в Локте на начало войны было три техникума: гидромелиоративный, теплотехнический и лесохимический. Два первых находились в непосредственной близости друг от друга: во дворце Романова и в здании слева. Третий был расположен в центре поселка (впоследствии — здание театра, теперь — администрации Брасовского района). Тщательный опрос местных жителей, в т.ч. бывших коллаборационистов, их родственников, участников партизанского движения, проведенный нами летом 2009 г., выявил, что ни одно из трех зданий резиденцией Воскобойника не являлось — он жил в непосредственной близости от общежития лесохимического техникума (не сохранилось) в одноэтажном бревенчатом доме по адресу: пер. Воскобойника, 1 (сегодня — ул. Лесная, 1). Поэтому утверждения партизанских командиров М.В. Балясова о том, что это было на крыльце не дворца, а «хаты», З.Л. Богатыря, что здание казармы Народной милиции было деревянным (общежитие лесохимического техникума), полностью соответствуют действительности. См.: *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Указ. соч. С. 38.

[3] Партизаны Брянщины. Т. 1. С. 420—421; *Богатырь З.А.* Указ. соч. С. 44—47.

Р.Н. Редлих охарактеризовал его следующим образом: «Он стоял на позициях: все равно с кем, хоть с чертом, лишь бы большевиков резать. Хорошие немцы, плохие, а мне какое дело... Он был зверский антикоммунист, как сейчас говорят — пещерный»[1]. Очистив в результате успешных антипартизанских действий территорию нескольких районов, в ходе чего некоторое количество партизан перешли на его сторону (за период с 19 по 27 июня 1942 г. из партизанских отрядов Суземского района дезиртировали 427 человек, 65 из них перешли на сторону локотян)[2], Каминский снискал расположение германского командования. В результате в распоряжение Каминского были переданы Навлинский и Комаричский районы Орловской области, Дмитриевский район Курской области[3]. 19 июля 1942 г. приказом № 1023—42 главнокомандующего 2-й танковой армии генерал-полковника Р. Шмидта территория округа была расширена до восьми районов, включив Брасовский, Навлинский, Суземский, Комаричский, Севский, Михайловский, Дмитровский и Дмитриевский районы Орловской и Курской областей с общим количеством населения 581 000 чел.[4]

После выхода указанного приказа все немецкие штабы, комендатуры были выведены за пределы Локтя. В поселке остались лишь служба связи, не имевшая командных полномочий, и Локотское отделение абвергруппы-107, называвшееся в соответствии с позывными радиостанции «Виддер», возглавляемое зондерфюрером Гринбаумом[5].

Административная система Локотского окружного самоуправления в общих чертах была схожа с той, которая существовала в других оккупированных областях РСФСР. Однако вся полнота власти на местах, включая военные вопросы, принадлежала здесь не немецким комендатурам, а органам местного самоуправления. Каждый район округа имел районную управу, возглавляемую бургомистром. Район включал 5—6 волостей, каждая возглавлялась волостным управлением во главе с волостным старшиной. Пер-

---

[1] *Редлих Р.Н.* Указ. соч. С. 432.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 750. Л. 103.

[3] Там же. Д. 913. Л. 72.

[4] Голос народа. 1942. 25 июля.

[5] В сердце «Виддера» // Чекисты. Сборник. М., 1970. С. 260.

вичной административной единицей была сельская община, существовавшая в масштабе одного села, возглавляемая сельским старостой. Последнему подчинялись заместитель, писарь и несколько полицейских[1]. Полномочия любого местного начальника на вверенной ему территории были практически не ограниченны. На других оккупированных территориях полномочия органов местного самоуправления ограничивались гражданскими вопросами, касающимися быта населения, выполнения продовольственных поставок для германской армии, поддержания порядка. Даже руководство органами Вспомогательной гражданской полиции всецело находилось в руках немцев. Из германских учреждений практически в каждом районе действовали военная комендатура, хозяйственная комендатура, полевая жандармерия, тайная полевая полиция (Geheime Feldpolizei — ГФП)[2]. Что касается военных комендатур в других районах Локотского округа, их деятельность ограничивалась чисто военными вопросами, без права вмешательства в дела самоуправления.

Низшее звено системы самоуправления — сельские старосты — избиралось на сельских сходах, а высшее, начиная с волостного старшины, назначалось вышестоящими органами самоуправления.

Высшая власть на территории округа находилась в руках обер-бургомистра Б.В. Каминского. Он возглавлял окружное самоуправление и Народную милицию. Подчиненный ему аппарат окружного самоуправления включал 19 отделов[3]. Подведомственные им отделы имелись в районных управлениях, при которых находились соответствующие инспектора (по промышленности, по финансам и т.д.). Огромный административный аппарат Локотского самоуправления, хотя и повторял многие черты советских исполкомов, был фактически создан заново, а районные управления создавались на базе советских учреждений, почти без смены их кадрового состава.

Согласно информационной сводке штаба партизанской бригады «За власть Советов» штабу объединенных партизанских бригад

---

[1] РГАСПИ. Ф.69. Оп. 1. Д. 903. Л. 151.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 663. Л. 110 об.

[3] Речь. 1942. 25 ноября. № 138.

от 29 декабря 1942 г., формирование административных органов на территории Локотского округа осуществлялось в ноябре—декабре 1941 г. В течение этого времени были созданы окружные, уездные, волостные управления, при каждом них — полицейский отдел наружной службы, финансовый отдел, военный отдел, сельскохозяйственный отдел и др.

Форма землеустройства и землепользования устанавливалась следующим образом: вся земля, принадлежавшая колхозам и совхозам, была разделена по едокам. Например, землю Быховского совхоза разделили между селами Новый путь (268 га), пос. Пивовар (253 га), Пески (130 га) из расчета 0,35 га на душу. Кроме того, согласно директивы Шаровского волостного управления от 7 мая 1942 г., прибывшие в село семьи раскулаченных должны наделяться землей и обеспечиваться посевными материалами за счет самообложения населения.

Ввиду сельскохозяйственной специфики округа развитию сельского хозяйства придавалось не меньшее значение, чем промышленности. Так, колхозная система была упразднена, а земля передана в вечное и наследственное пользование крестьянам. При проведении аграрной реформы особенно много внимания уделялось жертвам коллективизации.

Волостные управления для земельных обществ утверждали планы посевных площадей. При каждом земельном обществе засыпались сельфонд и волостной фонд. Колхозные лошади и сельхозинвентарь были распределены по хозяйствам в индивидуальное пользование.

Главной задачей Локотского самоуправления, если не считать борьбы с партизанами, было восстановление разрушенной при отступлении Красной Армии экономики. О результатах свидетельствует обзор состояния промышленности, сельского хозяйства и финансовой сферы на осень 1942 г., т.е. к концу первого года существования самоуправления[1].

За этот сравнительно короткий срок были проделаны объемные работы по восстановлению спиртзавода, к концу 1942 г. в Локте заработали две электростанции — одна постоянного, другая переменного тока, освещавшие как предприятия и учреждения, так и

[1] Голос народа. 1942. 5 ноября.

квартиры. Было пущено две механические мастерские, где ремонтировались автомобили, бронемашины, средние и легкие танки, оружие[1]. Также действовали кузнечный и литейный цехи, ряд мастерских, 249 мельниц, в том числе 32 паровые, Лопандинский кирпичный завод[2].

Даже в малопромышленном городе Севске на октябрь 1942 г. действовали: маслозавод, крахмальный завод, при котором проектировались также спиртоводочный и паточный цеха, сушильный завод, мастерские МТС, известковый завод. Были восстановлены и работали водопровод и электростанция, по району действовали мелкие предприятия: мельниц ветряных — 36, водяных — 2, механических — 5, прососушек — 8. В стадии восстановления находился Севский кирпичный завод[3].

Восстановление промышленности дало возможность как обеспечить население необходимой продукцией, так и создать для трудоспособных рабочие места. Несмотря на невысокую зарплату, трудоспособные жители и их семьи были обеспечены прожиточным минимумом, что в условиях военного времени выгодно отличало округ от других оккупированных территорий, где во время оккупации предприятия работали лишь в том объеме, в каком это было необходимо для германской армии.

Как бы копируя модель экономики Германии, экономика Локотского округа включала два сектора: государственный и частный. К последнему относились мелкие предприятия и мастерские, не имевшие сколько-нибудь важного экономического значения и всевозможные сбои в работе которых никоим образом не могли отразиться на военном и экономическом положении округа.

23 июня 1942 г. обер-бургомистром был издан приказ № 185 «О восстановлении справедливости в отношении раскулаченных», в соответствии с которым все конфискованное при советской власти имущество безвозмездно возвращалось прежним владельцам. В случаях, если постройки к тому времени были уничтожены, бывшие владельцы получали аналогичные из числа бывших колхозных или бесплатный лесоматериал для строи-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 914. Л. 2.

[2] Там же.

[3] Севский листок. 1942. 14 октября.

тельства новых. В соответствии с упомянутым приказом часть колхозных построек передавалась бойцам Народной милиции, полицейским, семьям, пострадавшим от партизан, сотрудникам аппарата самоуправления, а также беднейшему населению бесплатно[1]. Это в немалой степени способствовало завоеванию местной властью авторитета среди крестьянства, увеличивало поток добровольцев в бригаду Каминского. Высказанное в публицистических печатных изданиях утверждение о выделении по 10 га земли на семью[2] нашло полное подтверждение в ходе проведенного нами опроса локотского населения, пережившего оккупацию.

Благодаря ликвидации колхозов и разделу колхозной собственности жизненный уровень населения стал выше, чем в других оккупированных областях, где колхозная система была сохранена немцами как наилучшая с точки зрения оккупационных властей форма экономического господства.

Лишь там, где это было оправдано местными условиями, наряду с частными крестьянскими хозяйствами сохранялись коллективные хозяйства, преобразованные в земельные общества, которые должны были служить переходной ступенью к частному землевладению. Примером такого хозяйства может служить Соколовское земельное общество, объединявшее 5 деревень, которые насчитывали в общей сложности 367 крестьянских дворов. Общество имело ряд производств, в том числе молокозавод, кузнечную и валяльную мастерские, две кустарные маслобойки, а также медпункт, ветпункт и школу. Члены общества были обеспечены скотом и инвентарем[3].

Помимо частных и общинных хозяйств, в Локотском округе было образовано 6 госхозов (очевидно, на месте прежних совхозов), которые специализировались по определенным отраслям земледелия и скотоводства. Например, госхоз животноводческого профиля в Севске имел 44 лошади, 131 голову крупного рогатого скота, 279 голов овец, 31 колоду пчел. Площадь госхоза состав-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1143. Л. 81.

[2] См., напр.: *Веревкин С.* Локотьская альтернатива // Парламентская газета. 2006. 22 июня.

[3] Голос народа. 1943. 31 января.

ляла 2771 гектар, в том числе 1168 га пахотной земли, 10 га сада, 425 га луга, 300 га выгона, 6 га усадьбы. При госхозе работали кузнечная, плотницкая и слесарно-токарная мастерские, а также мельница и просорушка. Все рабочие совхоза были снабжены квартирами, топливом, хлебным пайком и денежной зарплатой. Те из них, кто не имел приусадебного участка, получали литр молока в день и снабжались овощами по твердым ценам[1].

Налоговую систему округа можно охарактеризовать как щадящую. Финансовые и натуральные налоги были гораздо ниже, чем на других оккупированных территориях. Так, денежный поквартальный налог с одного трудоспособного составлял от 30 до 50 рублей, в то время как в других областях — от 75 до 125 рублей[2]. Полностью от уплаты налогов освобождались рабочие и служащие, получавшие зарплату до 250 рублей, инвалиды 1-й группы, престарелые, сироты, не достигшие 15 лет, проживавшие отдельно, лица, не имевшие построек, скота, не пользовавшиеся огородами, а также семьи, глава которых погиб в борьбе с партизанами. Различные скидки (от 25 до 75 %) предоставлялись награжденным знаками отличия германского командования, семьям инвалидов 2-й группы, семьям лиц, глава которых был сослан по ст. 58 УК и не вернулся из ссылки к 1 января 1943 г., лицам, имеющим на иждивении несовершеннолетних сирот[3].

---

[1] Голос народа. 1942. 1 декабря.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 914. Л. 4, Д. 1144. Л. 62.

[3] Бюллетень. Орган Локотского окружного самоуправления. 1943. 1 февраля. № 2/3. Если сравнить систему налогообложения в ЛАО с налогообложением на других оккупированных территориях СССР, обнаруживается большая разница. Так, согласно изданному зимой 1942 г. командованием группы армий «Центр» постановлению о налогообложении населения, жители были обязаны выплачивать налоги: подушный — 200 руб. в год; земельный — 200 руб. с гектара; подворный — 120 руб.; на собаку — 200 руб. и — за каждую последующую — 300 руб.; потрубный — 5 руб.; дорожный — 50 руб.; школьный — 135 руб. В итоге каждый средний крестьянский двор должен был выплатить около 5000 руб. в год. Каких-либо льгот не предусматривалось. Кроме того, взымался натуральный налог: 12—20 пудов зерна с гектара; 4 пуда мяса с крестьянского двора; 35—40 литров молока с коровы; 30 яиц с курицы в год; 350 грам-

Интересно, что в различных оккупированных областях СССР советское подполье распространяло листовки с критикой налоговых поборов. Так, в одной из них, распространенной в Смоленской области, говорилось: «Гитлеровские погромщики наложили тяжелую барщину на каждый крестьянский двор. Крестьянин платит за окно, за трубу, за кошачий хвост...»[1] В то же время среди различных собраний листовок не удалось обнаружить ни одной, критиковавшей налоговую систему Локотского округа.

После передачи западных районов Орловской области в состав Локотского округа здесь расцвела частная торговля, в том числе базарная, цены были не очень высокими[2].

К концу 1942 г. базарная торговля, в основном, стала денежной, вытеснив натуральный товарообмен. Это в немалой степени способствовало улучшению материального положения рабочих и служащих, живших на денежную зарплату, которые в условиях меновой торговли могли отовариваться лишь с большим трудом. В крупных населенных пунктах открылся ряд магазинов и ларьков. Так, в Локте существовал магазин, который по талонам обеспечивал рабочих и служащих нормированными дефицитными товарами, каковыми в условиях военного времени были соль, спички и мыло[3].

Финансовую политику самоуправления осуществлял организованный в Локте окружной банк. Его задачи заключались в изучении вопросов проектирования и восстановления промышленных предприятий, выявлении случаев неправильного составления смет и затягивания сроков восстановления, недопущении беспроектного и бессметного строительства. Банк был также обязан выявлять нарушения, связанные с выдачей заработной платы, бороться с использованием денежных средств не по назначению, следить за тем, чтобы работы оплачивались строго по сметным расценкам, вскрывать факты бесхозяйственности и добиваться их устранения[4].

мов шерсти с овцы; 18 пудов сена с гектара; 12 пудов соломы с гектара; 3 метра холста со двора. *Котов Л.В.* Указ. соч. С. 30.

[1] *Котов Л.В.* Указ. соч. С. 32.

[2] Речь. 1943. 3 февраля.

[3] Там же.

[4] Голос народа. 1942. 1 декабря.

Интересной особенностью Локотского окружного самоуправления было хозяйственное планирование. План составлялся по каждой отрасли хозяйства соответствующими отделами самоуправления и бургомистрами районов по распоряжению обер-бургомистра с последующим представлением (к 25 января 1943 г.) в планово-экономический отдел на рассмотрение и утверждение. Планово-экономическим отделом, в свою очередь, на места были разосланы формы для составления планов по всем отраслям хозяйства и даны необходимые разъяснения и указания[1].

Управление округом осуществлялось посредством издания приказов по Локотскому окружному самоуправлению, касавшихся абсолютно всех сфер жизни, вплоть до вмешательства в деятельность судов с дачей им указаний, какой приговор кому следует вынести (Приложение 1. Документ 3)[2].

Судебная система Локотского округа была многоступенчатой. Низшей ступенью были мировые суды при волостных управах, разбиравшие взаимные тяжбы, а также мелкие преступления, в основном, самогоноварение и хулиганство. Нормативную базу составляли приказы обер-бургомистра и инструкции окружного юридического отдела, возглавляемого Тиминским. По сравнению с другими оккупированными территориями, где большей частью вообще отсутствовали какие-либо нормативные документы и суды руководствовались, в основном, здравым смыслом, правовая база Локотского округа была более развита.

Основным видом наказания как за административные проступки, так и за уголовные преступления был денежный штраф, реже — исправительные работы и лишь в исключительных случаях — лишение свободы[3]. Максимальный размер штрафа ограни-

---

[1] Голос народа. 1943. 31 января.

[2] Дмитровская газета. 1942. 31 октября.

[3] Так, в августе 1942 г. Севский уездный суд присудил оштрафовать на 500 рублей уборщицу хлебозавода Дежкину М.А. за систематическую кражу хлеба с целью перепродажи. На такую же сумму была оштрафована и Фетисова А.С., нанесшая металлической цепью побои Лукановой Н.Н. Заслуживает внимания то, что зачастую приговоры отличались значительной мягкостью и щадящим отношением к виновным. Так, 7 августа 1942 г. перед Севским уездным судом предстал бывший староста деревни

чивался 1000 рублей, а присуждавшиеся сроки исправительных работ — 6 месяцами.

Политическими преступлениями занималась военная коллегия Локотского округа (военно-следственный отдел) во главе с бывшим участником махновского движения Г.С. Працюком. Перед военно-полевым судом Локотского окружного самоуправления представали пленные партизаны, их сообщники из числа местного населения, дезертиры из рядов Народной армии. К перечисленным категориям применялись следующие виды наказаний: смертная казнь через повешение или расстрел — для партизан, от 3 до 10 лет тюрьмы — для лиц, оказывавших содействие партизанам, 3 года с конфискацией имущества или без нее — для дезертиров. Приговоренные к срокам отбывали наказание в Локотской окружной тюрьме[1]. Чтобы оценить значение этого, достаточно указать, что на других оккупированных территориях РСФСР политические преступления были вообще неподсудны судам русских органов самоуправления. Эти преступления преследовались германскими военными властями по закону военного времени, с применением к виновным «чрезвычайных» мер.

Репрессивная деятельность носила во многом щадящий характер, что в глазах населения создавало определенный контраст по сравнению с репрессивной системой советской власти, усиливая симпатии к самоуправлению. Регулярно объявляемые амнистии для различных категорий осужденных не распространялись лишь на осужденных за партизанскую деятельность[2].

Для разбора дел, связанных с воинскими преступлениями, был создан военно-полевой суд под председательством Моси-

---

Семеновка Стрелецкой волости Севского уезда Андреев М.И. Как сообщала судебная хроника, «суд установил, что Андреев недобросовестно относился к своим обязанностям, имел тайную связь с партизанами через посредство Осиповой С.В., сеял панику среди населения. Суд постановил: подвергнуть М.И. Андреева 3-месячному лагерному отбыванию в г. Севске». Севский листок. 1942. 7 октября.

[1] Голос народа. 1942. 20 ноября.

[2] Согласно приказу Каминского от 20.04.43, ряду осужденных сроки сократили наполовину, бойцов Народной армии, осужденных за дисциплинарные проступки, освободили от наказания полностью, осужденным за связь с партизанами наказание оставили без изменения.

на, членами суда стали Гарбузов и Шавыкин[1]. Снова следует заметить, что на других территориях РСФСР таких понятий, как «воинские преступления», в судопроизводстве русских судов не существовало. Таким образом, особенностью судебной системы Локотского округа стала подсудность локотским судам абсолютно всех категорий дел: гражданских, административных, уголовных, в том числе политических. И если на других оккупированных территориях РСФСР суды разбирали лишь мелкие уголовные дела, а тяжкие преступления преследовались по законам военного времени, то на территории округа никаких «чрезвычайных» мер не допускалось.

Осуществление принципа свободы вероисповедания приобрело в округе характер государственной политики. 28 сентября 1942 г. обер-бургомистром был издан на этот счет приказ № 71, согласно которому, на всех старост и старшин возлагалась обязанность проведения за счет добровольных пожертвований верующих ремонта церквей[2]. Это сочеталось со всплывшей с началом оккупации религиозной активностью населения[3], в том числе протестантских конфессий, в основном, баптистов и евангельских христиан (по коммунистической терминологии — евангелистов). Деятельность протестантов не была закреплена какими-либо специальными распоряжениями обер-бургомистра. Однако никаких препятствий со стороны самоуправления они не встречали, что дало им возможность развить деятельность по части миссионерства и открытия новых молитвенных домов[4].

Данные партизанских разведсводок ЦШПД, согласно которым, несмотря на повсеместное открытие храмов и молитвенных домов, в религию было вовлечено меньшинство населения, преимущественно люди старшего возраста[5], не соответствуют действительному положению вещей.

---

[1] Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 67.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. Оп.1. Д.1143. Л.120.

[3] Дмитровская газета. 1942. 12 августа, 29 августа.

[4] Для сравнения: на начало войны во всем СССР действовало лишь 4 молитвенных дома евангельских христиан — в Москве, Ленинграде, Новосибирске и Ульяновске.

[5] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 914. Л. 7.

Несколько иначе, нежели на других оккупированных территориях СССР, в Локотском округе развивалась культурная жизнь. Усилиями отдела агитации и пропаганды и лично С.В. Мосина была создана широкая сеть культурно-просветительных учреждений. Так, в Локте 15 ноября 1942 г. состоялось открытие городского (с середины 1942 г. Локоть получил статус города) художественно-драматического театра имени К.П. Воскобойника. На август 1943 г. штат театра насчитывал 105 человек, в том числе 21 актера и 4 акробата. В программе были эстрадные концерты, музыкальные и танцевальные номера, постановки по произведениям классиков[1]. Война с партизанами породила и ряд местных драматургических произведений, освещавших, в основном, одну и ту же тему — борьбу с партизанами[2].

Театр был посещаем локотянами, и даже в период наступления Красной Армии в августе 1943 г. количество зрителей редко составляло менее 200 человек[3].

Театры открылись и в других райцентрах округа, в ряде городов и поселков заработали кинотеатры[4], а в удаленных от райцентров населенных пунктах — клубы. Интересной особенностью окружных очагов культуры стало то, что их одновременно посещали как местные жители, так и германские и венгерские военнослужащие, занимая зрительские места рядом с представителями «низшей» расы. Каких-либо обособленных зрелищных заведений, предназначенных только для немцев, на территории округа не существовало.

Развитие культуры явилось важной особенностью, отличающей округ от других территорий СССР, где в период оккупации в лучшем случае сохранялись лишь действовавшие очаги культуры. Что же касается кинематографии, драматургии, она имела в большинстве случаев четкую политическую направленность, помогая оккупантам проводить идеологическую обработку населе-

---

[1] Голос народа. 1942. 15 ноября; Там же. 1942. 16 декабря.

[2] Ярким примером такого творчества является пьеса в двух действиях «Волк», поставленная на сцене локотского театра в июне 1943 года. Голос народа. 1943. 30 июня.

[3] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 50. Л. 8.

[4] Дмитровская газета. 1942. 2 сентября.

ния. В то же время на территории Локотского округа, согласно нашим подсчетам, не менее 2/3 театральных постановок носило неполитический характер, ставилось по произведениям русских классиков.

Насколько далеко зашла самостоятельность округа, свидетельствует случай, произошедший летом 1943 г., когда локотской полицией были пойманы два немецких военнослужащих — зондерфюрер и унтер-офицер, грабившие мельницу на окраине Локтя. Тут же выяснилось, что оказавший им сопротивление мельник убит. По личному распоряжению Каминского убийц судили, локотской суд вынес обоим смертный приговор. Немецкие связисты немедленно сообщили об этом в штаб 2-й танковой армии, который в телеграмме на имя Каминского указал, что русские превышают свои права, что суд над германскими военнослужащими вне компетенции самоуправления. Каминский ответил, что суд в Локте независим и совершившие столь тяжкое преступление, кем бы они ни были, подлежат именно такому наказанию. Посредством телеграмм, телефонных разговоров, курьеров спор продолжался еще два дня. Наконец германское командование согласилось на казнь виновных, но с условием, что приговор им вынесет немецкий военно-полевой суд. Каминский отказал и в этом. Приговор был приведен в исполнение на глазах у многотысячной толпы жителей Локтя и близлежащих сел. Каминский отказался даже уступить германскому командованию в таком пустяке, как отсрочка казни на один день, чтобы на нее успели прибыть представители вермахта. В результате офицер и сопровождавшая его команда солдат прибыли, когда их соотечественники были уже казнены[1].

Таким образом, возникшее в тыловом районе 2-й танковой армии своеобразное государственное образование отличалось наибольшей самостоятельностью по сравнению с другими оккупированными территориями. Все внутренние вопросы округа, от экономических до военных, всецело находились в руках самоуправления. Промышленность, сельское хозяйство округа испытали небывалый в условиях военного времени подъем. Мемуарная и исследовательская литература отмечает сносный, даже высокий

[1] *Колесник А.Н.* Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. С. 97; *Ермолов И.Г., Дробязко С.И.* Указ. соч. С. 61.

уровень жизни населения, хорошее отношение большинства населения округа к Каминскому[1]. Чтобы оценить значение этого, достаточно вспомнить, что на других оккупированных территориях нормальная жизнь застыла с того времени, когда по ним прокатился фронт. В городах и селах не было построено ни одного дома, не пущено ни одного предприятия, не отремонтировано ни одного моста, если это было нужно для населения, а не для обслуживания германской армии. Произвол оккупантов, порожденный причислением славян к низшей расе, привел к тому, что люди жили без уверенности не только в завтрашнем дне, но и в ближайших минутах. В Локотском же округе была налажена не только существовавшая до войны промышленность, но и система образования и медицинской помощи, а население жило под охраной твердых законов. Пример Локотского автономного округа указывает на потенциал, которым обладало коллаборационистское движение в годы войны, который, однако, ввиду установок Третьего рейха по отношению к народам СССР не был использован.

В то же время не всегда правильная политика партизанского командования по отношению к местному населению порождала ответные меры, выражавшиеся в уклонении от мобилизации в партизанские отряды, укрывательстве продуктов питания, противодействии в проведении военных операций. Следствием являлся приток населения в антипартизанские формирования. Что касается ЛАО, в нашем распоряжении имеются многочисленные свидетельства местных жителей, указывающие на регулярно проводившиеся партизанами расправы не только над коллаборационистами, но и членами их семей, причем применение подобных мер не было оправдано военной обстановкой. Подобные перегибы со стороны партизан нашли отражение как в коллаборационистской печати[2], так и в исторических исследованиях[3].

---

[1] *Редлих Р.Н.* Указ. соч. С. 432; *Колесник А.Н.* Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. С. 96.

[2] Дмитровская газета. 1942. 25 июля, 29 августа: Бюллетень. Орган Локотского окружного самоуправления. 1943. № 1/2; Голос народа. 1942. 15 ноября.

[3] *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 178—179; *Ермолов И.Г., Дробязко С.И.* Указ. соч. С. 75—79.

Так, в официозе самоуправления «Голос народа» говорилось о многочисленных случаях террора партизан по отношению к мирному населению, в основном, Дмитровского и Локотского уездов, массовых убийствах партизанами семей бойцов бригады Каминского, включая стариков, женщин и детей[1]. По мнению Б.В. Соколова, целью террора могло быть стремление запугать население, побудив его отказаться от сотрудничества с самоуправлением[2]. В некоторых случаях цель достигалась, но, в основном, зверства партизан приводили к обратному результату, побуждая каминцев ожесточенно сражаться с врагом, помня, что иначе их и семьи ждет расправа[3].

После того как Красная Армия летом 1943 г. достигла границ округа, Каминский 5 августа 1943 г. отдал приказ № 233 о переселении всего населения Брасовского и Навлинского районов на территорию Витебской области[4]. В действительности удалось эвакуировать от 30 до 50 тысяч чел., в основном, личный состав РОНА, сотрудников самоуправления с семьями и часть гражданского населения.

В течение пяти месяцев, которые провели здесь локотяне, Каминский пытался наладить самоуправление и жизнь населения по образцу Локотского округа. В организованное им в городе Лепель самоуправление вошли сотрудники как локотской администрации, так и местных органов самоуправления. Возобновили свою работу Лепельский банк, лепельский театр им. Воскобойника, учреждения здравоохранения. Возобновился выпуск газеты «Голос народа», редактором которой стал бывший заведующий юридическим отделом Павлюченко. Поредевшая к тому времени бригада Каминского была пополнена за счет белорусских полицейских.

Однако, несмотря на самостоятельность, подобную той, которой локотяне пользовались у себя на родине, достичь таких же результатов подъема промышленности и сельского хозяйства, благосостояния населения на территории Лепельского округа

---

[1] Голос народа. 1942. 20 ноября.

[2] *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 179.

[3] Там же.

[4] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 20. Л. 145.

не удалось. Причина заключается в трениях самоуправления с местным населением, которое оказалось неспособно принять такое количество переселенцев, наделить их жильем, землей, к тому же было вынуждено испытывать двойной гнет — со стороны немцев и каминцев[1]. Не приняв во внимание этих объективных причин, администрация Каминского обвинила лепельцев в пособничестве партизанам, развязав на территории всех четырех районов террор, арестовывая и даже расстреливая всех подозрительных. В свою очередь, работники лепельских органов самоуправления, ранее работавшие под контролем немецких оккупационных властей, обратились к командованию 3-й танковой армии с просьбой оградить их от произвола людей Каминского. Попытка немцев урегулировать конфликт, выступив в качестве посредника, ни к чему не привела, так как Каминский стоял на своем, указывая на гарантии немцев предоставить ему в Лепельском округе такие же неограниченные права, которыми он пользовался в Локотском. Апогеем конфликта каминцев с местным населением стало намерение Каминского изъять у белорусских крестьян часть земли, наделив ею локотян. Недовольство белорусов грозило перерасти в бунт, ввиду чего Каминский, чтобы исключить переход недовольных к партизанам, отдал приказ о передислокации РОНА и гражданских беженцев в Западную Белоруссию, в район Дятлова. В его приказе от 15 февраля 1944 г. говорилось: «Многие бойцы и командиры бригады РОНА… не могут получить необходимый фураж для скота и продовольствие, а также сам Лепельский округ… не может стать базой формирования новых подразделений РОНА»[2].

Попытка создания Лепельского автономного округа в некоторой степени проясняет причины возникновения коллаборационизма в том плане, что равная политическая база — общность целей в плане борьбы со сталинским режимом, единые цели, провозглашенные программой НСПР, — не смогли стать связующим звеном между беженцами-локотянами и коренным населением Лепель-

[1] *Редлих Р.Н.* Указ. соч. С. 443.

[2] Более подробно о Лепельском автономном округе см.: *Дробязко С.И.* Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия; *Ермолов И.Г., Дробязко С.И.* Указ. соч.

ского округа. На этом фоне правомерно утверждать, что для большинства гражданского населения оккупированных территорий СССР в становлении на путь коллаборационизма первостепенную роль играли не столько политические, сколько экономические причины. Ввиду этого придание коллаборационизму массового характера могло произойти лишь при наличии как политического, так и экономического стимулов. Однако последнее было возможно лишь на незначительной части оккупированной территории, которая и дала наибольший процент коллаборационистов[1]. На территории Лепельского округа Каминский и его администрация не смогли создать для локотян необходимые жилищные условия, нужное количество рабочих мест, выделить земельные наделы. Контраст между Локотским и Лепельским автономными округами показывает, что при равенстве политической базы, но разности экономической число желающих бороться против большевизма на стороне Германии резко сократилось именно тогда, когда исчезла возможность подкрепить политические лозунги экономическими стимулами.

Интересно, что после освобождения Красной Армией территории Локотского округа советскими властями было сделано все, чтобы максимально искоренить из сознания локотян всякие воспоминания о периоде существования самоуправления. Так, после эвакуации РОНА партизанами и красноармейцами были уничтожены могила К.П. Воскобойника, воинское кладбище, находившееся в 100 метрах от парадного входа в художественно-драматический

---

[1] Интересен секретный приказ командующего 11-й армии героя Советского Союза генерал-лейтенанта Майкова, в котором он указывает на факты перехода красноармейцев на сторону противника и делает вывод о причинах этого: «При размещении частей и подразделений в населенных пунктах обращать особое внимание на недопустимость общения красноармейцев с освобожденным от фашистского ярма местным населением. Именно этим путем личный состав частей и подразделений получает совершенно неправильную и идущую вразрез с общими политическими установками Верховного командования информацию об условиях жизни населения под игом фашистских захватчиков». Цит. по: *Козлов.* Русский народ и Красная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения. Вып. 4. С. 217.

театр (слева по диагонали), взорвана часовня Св. Николая Чудотворца, находившаяся справа от театрального входа. Любопытно также, что в 2009 г. в ночь на 30 августа на могиле Воскобойника был восстановлен надгробный крест[1].

Еще одна интересная «республика» существовала в тылу немецких войск в Идрицком районе Калининской области, в заболоченных и лесистых местах к востоку от Идрицы. Она была образована осенью 1942 г. Эта «Республика Россоно» уникальна тем, что создали ее дезертиры, бежавшие как из советских партизанских отрядов, так и из антипартизанских коллаборационистских частей, служащие Вспомогательной полиции. Здесь же находили приют бродившие по лесам красноармейцы-окруженцы. По данным Д. Карова, окруженцы и дезертиры из партизанских и полицейских формирований составляли 90 % населения, однако в число «республиканцев» вошли также некоторое количество дезертировавших немецких военнослужащих[2]. По утверждению того же автора, основой существования россоновцев было разграбление местного крестьянского населения.

Площадь «республики» составляла 10—15 квадратных километров, о количестве ее населения точных данных нет, однако оно постоянно увеличивалось, вплоть до окончания существования

---

[1] Через несколько часов надгробный крест был снесен, а траурный венок похищен. По этому поводу нами в прокуратуру Брянской области было направлено заявление о преступлении с требованием выявить виновных и возбудить уголовное дело по ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронений», к заявлению приложены снимки: до и после снесения креста и хищения венка. 17.09.09 указанное заявление старшим прокурором отдела по надзору за процессуальной деятельностью прокуратуры Брянской области А.В. Кальницким было направлено прокурору Брасовского района М.В. Зубко для принятия мер прокурорского реагирования. Однако последний передал заявление и приложенные фотоснимки в Брасовский РОВД, где его «заглушили». Прокурор М.В. Зубко никакого надзора за принятием мер по заявлению осуществлять не стал.

[2] *Каров Д.* Стэнфордская рукопись // Коллекция Б. Николаевского. Серия 22, 280-8; *Он же.* Партизанское движение в СССР в 1941—1945 гг. Мюнхен, 1954. С. 94, 105.

«республики», то есть до лета 1943 г. Можно с большой долей вероятности предположить, что число россоновцев могло составлять несколько десятков тысяч человек.

Бургомистром «республики» стал некто Либих (Либик), латыш по национальности, начальником полиции — Грязнов. Последний был убит партизанами в марте 1943 г. Общим собранием была объявлена республиканская форма правления, а врагами объявлены как немцы, так и «советы» — сталинский вариант советской власти. При всем при этом полное название «республики» звучало: «Свободная советская республика Россоно без Сталина и коммунистов». По утверждению Д. Карова, «республика» также называлась «Свободная партизанская республика Россоно»[1]. Последнее название не имеет никакого отношения к существовавшему по соседству партизанскому краю.

Определенный интерес представляет донесение шефа айнзатцгруппы «В» полиции безопасности под названием «Положение банд в Россонской зоне» от 20 октября 1943 г.: «Существование Россонской бандитской зоны означает возрастающую опасность. Из этой зоны исходит далеко идущая опасность для всех коммуникаций снабжения северной части центрального участка фронта. Кроме того, эта зона создает плацдарм для далеко идущих операций Красной Армии в тылу немецкого фронта». Можно с большой долей вероятности предположить, что речь здесь идет не о советских партизанах, а именно о «Республике Россоно», так как долговременных партизанских поселений в этом районе не существовало. Вряд ли автор донесения стал бы говорить о территории, где появляются мобильные партизанские отряды, как о «зоне» и «плацдарме». Что же касается слов документа о возможности создания россоновцами плацдарма для операций РККА, немцы, по-видимому, были слабо информированы о действительных настроениях жителей «республики», отождествляя антинемецкие настроения с советскими.

Существование «республики» окончилось в августе 1943 г., когда ее территория сперва была подвергнута бомбардировке советской авиацией, затем здесь высадился хорошо вооруженный и

---

[1] *Каров Д.* Партизанское движение в СССР в 1941—1945 гг. С. 94, 105.

многочисленный десант Центрального штаба партизанского движения. Захваченные десантниками «республиканцы» были уничтожены, а все лесные базы взорваны[1]. Ввиду кратковременности существования «республики» многие планы ее руководства не были осуществлены, оставшись лишь декларациями.

Таким образом, следует выделить отличительные черты, присущие псевдогосударственным административным образованиям в отличие от других оккупированных территорий РСФСР:

— отсутствие германского руководства в военном, политическом и хозяйственном плане;

— самостоятельность органов самоуправления в решении ряда вопросов внутренней жизни данных территорий, от военных до хозяйственных;

— наличие собственной судебной системы, осуществлявшей судопроизводство по всем категориям дел — от гражданских, вне зависимости от цены иска, до уголовных, вне зависимости от тяжести преступления;

— направленность экономики, в основном, на удовлетворение собственных нужд населения региона, а также собственной финансовой системы, не подконтрольной германским властям.

Правомерен вывод, что развитие коллаборационизма в значительной степени сдерживалось не столько советской пропагандой, сколько антирусской оккупационной политикой нацистской Германии. Будучи направлена на завоевание «жизненного пространства», эксплуатацию экономического потенциала СССР, она оставляла мало места обеспечению жизненного уровня населения. В результате население оккупированных областей РСФСР было лишено экономического стимула сотрудничества с немцами. Напротив, население псевдогосударственных административных образований имело больше возможностей для удовлетворения своих жизненных потребностей, сохраняя при этом функцию обеспечения германской армии. В результате гражданский коллаборационизм населения подобных административных образований был почти поголовным.

---

[1] *Посадский А.В.* Военно-политическая самоорганизация российского крестьянства в 1905—1945 годах: дис. докт. ист. наук. Саратов, 2004. С. 612.

§ 2. Отклонения от постулатов «восточной политики»

Говоря об особенностях германской оккупационной политики, в настоящей работе имеются в виду ее нетипичные проявления, шедшие вразрез с официальной политикой Германии по отношению к населению оккупированных территорий СССР.

Возникновение данных особенностей связано прежде всего с потребностью изыскать дополнительные средства борьбы с партизанами, так как уже летом-осенью 1941 г. тыловые германские войска обнаружили недостаточность для этого одних военных мер. Требовалось наладить контакт с местным населением, создав из числа добровольцев тыловые воинские подразделения и части, развить коллаборацию населения с оккупантами, что было важно в смысле выполнения продовольственных, сырьевых и иных поставок. По этим причинам командиры германских частей и соединений из соображений практической целесообразности отклонялись от постулатов «восточной политики», предоставляя населению гораздо большую самостоятельность, чем на других оккупированных территориях, где неукоснительно соблюдались установки национал-социализма. Отмечая результаты таких послаблений, один из партизанских документов сообщает, что, оккупировав Красногородский район Калининской области, немцы, начиная с осени 1941 г., посчитали его более благонадежным. Ввиду этого «населению района немцы создали некоторые материальные условия жизни»[1]. Тот же документ констатирует подъем в течение двух лет оккупации материального уровня местного населения: «К лету 1943 г. крестьянин Красногородского района имел 2—3 коровы, лошадь, овец, поросят и в достаточном количестве домашней птицы». В результате, по мнению оперировавших здесь советских партизан, «немцам легче, чем в других районах, удалось осуществлять свою власть на территории района»[2]. А партизанское движение здесь испытывало значительные трудности, т.к. при появлении партизан в деревнях население немедленно

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 154. Л. 20.

[2] Там же.

информировало немецкий гарнизон. До конца лета 1943 г. сохранялось именно такое положение[1].

Говоря о масштабных особенностях оккупационной политики, следует особо выделить попавшие под оккупацию территории исторического расселения казаков. Именно казаки стали одним из народов, у которого, по выражению Н.Г. Назаренко, «ненависть… к коммунизму была беспредельной»[2]. По мнению того же автора, именно «от грома войны воспрянул дух казачества»[3].

Следует признать, что уже в первые недели после вторжения вермахта на территорию СССР возглавляемое А. Розенбергом Министерство по делам оккупированных восточных территорий планировало создать казачий полуавтономный район между Доном и Волгой. Однако вскоре отказалось от этой идеи, запланировав включить земли Войска Донского в состав рейхскомиссариата «Украина», а земли Кубанского и Терского войск — в состав рейхскомиссариата «Остланд». В этой связи небезынтересно, что сам Розенберг четверть века до этого сильно «пострадал» именно от рук казаков. Будучи военнослужащим Российской императорской армии, будущий вершитель судьбы России дезертировал во время боев в Галиции, но был задержан комендантом одной из тыловых станций. Тот передал его казакам комендантской команды, которые, по обыкновению, высекли дезертира нагайками.

Летом 1942 г. дивизии вермахта вышли к Волге и Северному Кавказу. 23 июля был взят Ростов-на-Дону, 12 августа — Краснодар. Советское правительство, по всей вероятности, серьезно опасалось, что немалая часть северокавказцев, в первую очередь — казаков, предпочтут внешнего врага внутреннему. Поэтому осенью 1942 г. «Правда» выступила с призывом «к казакам тихого Дона, быстрой Кубани и бурного Терека» «вступить в беспощадную борьбу с немецкими захватчиками»[4]. А о том, как население некоторых «казачьих» областей вело себя в преддверии прихода немцев, говорят следующие цифры. Так, на территории оккупиро-

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 154. Л. 20—20 об.

[2] *Назаренко Н.Г.* Минувшая заря казачества // Великое предательство: сборник / сост. П.Н. Стрелянов (Калабухов). СПб., 2003. С. 9.

[3] Там же.

[4] Цит. по: *Longworth P.* The Cossacks. Constable, 1969. P. 330—331.

ванной Ростовской области самовольно остались около 10 тысяч коммунистов, примерно 40 % из них во время оккупации уничтожили или сдали в гестапо свои партбилеты. После освобождения области из партии были исключены 5019 чел.[1] По другим «казачьим» областям данные выглядят похоже. Например, из Шовгеновского района Краснодарского края из 185 членов и кандидатов в ВКП(б) дожидаться прихода оккупантов остались 97 чел., из них 49 чел. впоследствии исключили из партии за службу немцам и осудили[2].

Отношение же казачьего населения к советской власти в некоторой степени отражено и в казачьем фольклоре. Среди местных жителей были в ходу частушки типа:

Рожь, пшеницу — за границу,
А картошку — на вино,
Кулаков всех — в казематы,
А колхозникам — кино...

Уцелевшие после «расказачивания» и коллективизации донские, кубанские и терские казаки в основной своей массе приветствовали немецких солдат как «освободителей от большевистского ига». При вступлении частей вермахта в казачьи станицы население, как правило, встречало немецких солдат с хлебом и солью, не скупилось на продукты питания, кроме того, тут же находились добровольцы, предлагавшие услуги проводников. На фоне этого, оценив казаков как возможных союзников, командиры воинских частей и соединений стали держать при своих армейских штабах добровольных советников из казаков, выполнявших консультативные функции. П.Н. Донсков, оценивая услуги казаков немцам, писал, что «такой сноровкой и широтой военных познаний не обладал в своей массе ни один народ»[3].

---

[1] Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 545. Л. 38.

[2] *Кринко Е.Ф.* Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942—1943). Майкоп, 2000. С. 140.

[3] *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне // Трагедия казачества: сб. статей. М., 1993. С. 494.

Германское командование, в свою очередь, надеясь на помощь казачества в обеспечении «нового порядка» на оккупированных территориях, рассматривало казаков как союзников и благожелательно относилось ко всем исходящим от них инициативам[1].

Что касается управления казачьими территориями, ввиду того, что Северный Кавказ относился к прифронтовой зоне, власть здесь принадлежала военным германским властям, а непосредственно исполнительная власть находилась в руках командиров корпусов и дивизий. В тылу, на глубине 25—50 км, начиналась зона, управлявшаяся военными комендантами. Такое военное управление сохранялось на Северном Кавказе в течение всего периода оккупации — власть принадлежала полевым и местным комендатурам. Военный комендант обладал неограниченными полномочиями, распространявшимися не только на военную, но и на другие сферы жизни населения, вплоть до культурной. Так, помимо вопросов снабжения германских войск, коменданты формировали силы самообороны, контролировали создание и деятельность органов местного самоуправления, печатных изданий.

Пытаясь установить единую систему самоуправления, немцы столкнулись на казачьих землях с некоторыми сложностями. Так, институт старост как низшего звена в иерархии местного самоуправления оказался для казаков, привыкших к атаманскому правлению, довольно нетипичным, более того, неприемлемым. Замена старост атаманами не встречала со стороны германских властей никаких препятствий. Один из мемуаристов по этому поводу писал: «Прошло две или три недели, стали собираться казаки, со всех сторон пошли разговоры, что староста не годится. Ознакомившись с настоящим положением жизни, среди казаков образовалась инициативная группа... Пошли в район к немецкому коменданту... Все подробно рассказали. Он выдал нам документ. По возвращении в станицу передали этот документ старосте, чтобы эта власть нам все сдала. После того как мы все приняли, мы должны были донести коменданту, затем приступили к выбору

[1] *Дробязко С.И.* Казачья эмиграция во Второй мировой войне // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: сб. статей, документов и воспоминаний / под общ. ред. А.В. Окорокова. М., 1999. Вып. 4. С. 63.

атамана»[1]. Другой автор отмечает, что шаги казаков по возрождению атаманского правления, разделу колхозно-совхозного имущества встречали со стороны немецких властей лишь одобрение и поддержку: «Зашумели хуторские и станичные Круги. Всюду избрали атаманов. Делили колхозы и совхозы. Второе возрождение казачества началось. Оккупационные власти этому содействовали и абсолютно доверяли казакам»[2].

Мемуаристы отмечают, что причина такой неприязни к поставленным немцами старостам кроется в том, что на эти должности оккупанты назначали, как правило, лиц из советского руководства, часто с коммунистическим прошлым. Однако то, что обычно практиковалось на других оккупированных территориях, не прижилось в казачьих станицах. Германским оккупационным властям приходилось лавировать, изыскивая подходящий язык для общения с казачьим населением. Так, уже с первых дней вступления частей вермахта на казачьи земли стали появляться многообещающие обращения к населению:

«Казаки Дона, Кубани, Терека, Урала! Где ваши отцы и старшие братья? Кто овладел вашими станицами? Кто отнял у вас ваши земли, хутора, коней, шашки и вместе с тем вашу казачью честь? Все это сделали жиды и коммунисты! Славная, непобедимая Германская Армия вернет вам ваши казачьи земли, ваш быт и ваши лихие казачьи песни. Германское правительство гарантирует всем принявшим участие в освобождении с оружием в руках, что будут уничтожены колхозы. Казаки Дона, Кубани, Терека, Урала, пробил великий час освобождения!»

Не заставили себя долго ждать и ответные идеи казаков, к которым их разработчики относились довольно серьезно. Уже 15 ноября 1942 г. походный атаман Сергей (Ерофей) Васильевич Павлов передал германскому командованию «Декларацию Войска Донского», которую надеялся довести до высшего гитлеровского руководства. В преамбуле к ней, в частности, говорилось:

---

[1] *И.В.* Приход немцев на Кубань // Сборник материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 году / под ред. В.Г. Науменко. Нью-Йорк, 1959. Вып. 18. С. 27.

[2] *Дудников В.С.* Трагедия казаков Северного Кавказа // Вече. 1997. № 59. С. 161.

«Ныне Войско Донское объявляет о восстановлении своей самостоятельности и воссоздает свою государственность, руководствуясь Основными Законами Всевеликого Войска Донского.

Донское Войско просит германское правительство признать суверенитет Дона и вступить в союзные отношения с Донской Республикой для борьбы с большевиками. Настоящая Декларация, исходящая от Дона, несомненно, будет поддержана всеми казачьими войсками и утверждена в будущем Войсковыми Кругами и Радой.

До времени созыва Войскового Круга и создания Войскового Правительства возглавителем Донского Войска является Походный Атаман. При сем прилагается карта территории Дона, изданная Донским Правительством в 1918 году, и копия Основных Законов Всевеликого Войска Донского, принятых Большим Войсковым Кругом Всевеликого Войска Донского 15 сентября 1918 года».

В этой же преамбуле напоминалось, что в период существования Донской республики в 1918—1920 гг. Германия признала ее де-факто и даже сражалась против большевиков во взаимодействии с Донской армией (очевидно, до заключения между советским правительством и Германией Брестского мира), тем самым утверждая суверенитет республики.

Пункты Декларации Войска Донского в интерпретации В.С. Дудникова выглядели следующим образом:

1. Казачья инициативная группа Возрождения, казачьи добровольческие формирования и казачье самоуправление области Всевеликого Войска Донского объявляют о возрождении Донской казачьей республики, потерявшей в 1920 году свою государственность.

2. Донская казачья республика просит Германское правительство считать не утратившим силу договор от 1918 года о дружбе и сотрудничестве между Германией и Донской казачьей Республикой.

3. Донская Республика просит Германское правительство о следующем:

а. Считать Казачью инициативную группу временно исполняющей функции правительства Республики.

б. Передать в распоряжение Походного атамана все казачьи добровольческие формирования и всех казаков, казачьих офицеров и генералов, находящихся в германском плену.

в. Прекратить мобилизацию казачьей молодежи на трудовые работы в Германию.

г. Отозвать германских комиссаров по продзаготовкам на Дону и ввести практику добровольной купли-продажи.

д. Передать Республике, как ее собственность, все конные заводы и промышленные предприятия.

е. Выделить Республике денежный заем (беспроцентный) на приобретение вооружения, обмундирования, боепитания и содержания Казачьих добровольческих формирований[1].

Бросается в глаза наивность составителей Декларации, следующая из нереальности и заведомой неисполнимости казачьих требований. Исполнение гитлеровским руководством хотя бы половины пунктов означало бы отказ от колонизаторских планов Германии, в результате вся «восточная кампания» теряла смысл. Как бы то ни было, несмотря на то что текст Декларации все же дошел до Берлина, ни один из ее пунктов не был исполнен. Реальными привилегиями донских казаков стали лишь восстановление атаманского правления и право переименования сельских населенных пунктов в станицы.

Внешне выборы атаманов обставлялись торжественно, а сама процедура происходила по старинным традициям закрытой баллотировкой. Как правило, выборы были альтернативными, а количество кандидатов в атаманы зависело от количества населения в том или ином населенном пункте. После подведения итогов и оглашения имени избранного атамана начинались народные гулянья, сопровождавшиеся, по казачьей традиции, обильной выпивкой. Так, 16 января 1943 г. газета «Голос Ростова» сообщила об избрании станичным атаманом станицы Синявской Ростовского округа казака Ефима Ивановича Потапова. После церемонии выборов «все присутствовавшие были приглашены отведать казачьего хлеба-соли. За столом провозглашались тосты и приветствия. Первый тост был предложен за освободительницу Дона — Германскую Армию и ее гениального вождя Адольфа Гитлера, за тихий Дон и его бывшего войскового атамана П.Н. Краснова, за

[1] Цит. по: *Дудников В.С.* Указ. соч. С. 163—164. Следует заметить, что в конечном варианте Декларации нет пунктов 3а и 3е, приведенных В.С. Дудниковым.

генерал-майора Кителя, за Штаб Войска Донского и его начальника полковника С.В. Павлова»[1]. Надо заметить, что указанные тосты произносились в соответствии с вековыми казачьими традициями, не терпевшими непьющих или даже малопьющих казаков. Причем формулировался каждый тост таким образом, чтобы никто не смел пропустить чарку. Например, в царские времена первый тост обычно звучал: «Здравствуй царь в кременной Москве, а мы, казаки, на тихом Дону!», затем: «Здравствуй, Войско Донское, с верху до низу и с низу до верху!» Когда все тосты были исчерпаны, пили за упокой душ умерших.

Возрождение атаманского правления и казачьих традиций создавало некою иллюзию самостоятельности, независимости населения. Насколько далеко это порой заходило, свидетельствует случай, описанный П.Н. Донсковым. В разговоре с немецким чиновником Тикерпу он дал ему такую отповедь: «Вы должны все, начиная с вас, г-н Тикерпу, усвоить, что на нашей земле вы явление случайное, обусловленное только пребыванием иностранцев, оккупировавших Дон»[2].

Однако, даже если допустить мысль, что автор мемуаров не преувеличивает, подобные случаи бывали редко, чаще оккупанты старались вести себя корректно, так как не были заинтересованы в том, чтобы испортить отношения с казаками-союзниками. С одной стороны, это можно объяснить искренними намерениями военных относительно казачества, с другой — нежеланием озлоблять население, что неизбежно привело бы к его оттоку в ряды партизан. Тем более что, придя на казачьи земли, немцы имели уже годовой опыт войны в России, отлично зная, какими последствиями чревата исключительно политика «кнута».

Если на донских землях казачья самостоятельность ограничивалась восстановлением атаманского правления, переименованием хуторов в станицы, то несколько иная ситуация складывалась на Кубани. Оккупировавшие ее войска группы «А» начали эксперимент по созданию казачьего автономного района. Предполагалось после продвижения германских войск дальше на восток предоставить здесь казакам полную самостоятельность, а сам

[1] Голос Ростова. 1943. 16 января. № 6.

[2] *Донсков П.Н.* Указ. соч. С. 525.

район реорганизовать в генерал-губернаторство. В отличие от земель Войска Донского на Кубани официально было объявлено о ликвидации колхозов и стал осуществляться переход к частному землевладению. Кроме того, казаки получили гарантию свободы в области религии, культуры, образования.

По свидетельству А. Сукало, более чем шестимесячное пребывание на Кубани оккупантов не ознаменовалось ни одним фактом грабежа или насилия[1]. Подобные свидетельства можно встретить и у других авторов, переживших оккупацию.

Сформированный к 1 октября 1942 г. казачий район включал шесть административных районов, население которых составило 160 000 чел., а 5 ноября 1942 г. это административное образование было утверждено в Берлине. Сразу же в этом казачьем мини-государстве обозначился некоторый всплеск хозяйственной деятельности: заработали восстановленные государственные и открывшиеся частные предприятия, в основном, пищевые. С целью «искоренения из памяти народа жидобольшевистского владычества» были переименованы названия многих улиц в городах, причем в большинстве случаев улицам возвращались старые, дореволюционные названия. Что касается культурной жизни, помимо возрождения казачьего фольклора, стали повсеместно создаваться казачьи артистические бригады. Они демонстрировали театральные постановки, давали концерты, а зрителями были как местное население, так и германские военнослужащие.

Казачий автономный район просуществовал до января 1943 г., когда началось отступление германских войск. Оставляя район, немцы предложили мужчинам, начиная с 14-летнего возраста, эвакуироваться с ними. Судя по некоторым свидетельствам, оккупантам не было нужды угонять кого-либо на запад силой — желающих уйти с ними и без того находилось немало. Это были, в основном, бойцы и командиры казачьих воинских формирований, а также их семьи. Те из них, кто дожил до конца войны, разделили трагедию Лиенца и послевоенные репрессии.

---

[1] *Сукало А.* Немцы на Кубани // Сб. материалов о выдаче казаков в Лиенце и в других местах в 1945 году / под ред. В.Г. Науменко. Нью-Йорк, 1959. Вып. 18. С. 19.

Интересно, что советские источники, отражающие пребывание немцев на казачьих землях, косвенно подтверждают тактичность оккупантов по отношению к местному населению. Так, местные органы советской власти, возобновившие работу на казачьих землях после отступления германских войск, в актах по описанию итогов оккупации бросают обвинения немцам, в основном, по двум пунктам: разрушение зданий и сооружений и угон населения в Германию[1].

Относительно первого заметим, что разрушение промышленных и гражданских объектов, коммуникаций неизбежно при отступлении любой армии. Так, в ходе отступления Красной Армии на восток в 1941—1942 гг. равным образом взрывались промышленные объекты, жилой фонд, уничтожались запасы продовольствия. А в задачу советских партизан прямо входило разрушение железнодорожного полотна, мостов, порча линий связи, диверсии на предприятиях с целью выведения из строя всего, что могло бы хоть в какой-то мере использоваться немцами. В то же время ни в одном из послевоенных советских документов не указан материальный ущерб, нанесенный действиями партизан, — все разрушения списаны на счет немцев.

С советскими источниками, указывающими на причиненные немцами разрушения казачьих городов, в известной мере спорит письмо атамана П.Н. Краснова атаману Балабину от 26 сентября 1942 г.: «Новочеркасск совсем не разрушен, и в нем нормальная идет жизнь под управлением атамана Округа и городского головы... Ростов разрушен только на 16 %, станицы восстанавливают свою жизнь, и прежде всего восстанавливают свои храмы, а там, где они вовсе разрушены, приступили к постройке новых храмов...»[2]

Что касается угона населения в Германию, ни один из советских источников не отделяет действительно угнанных для работы в германской промышленности от уехавших добровольно и от ушедших на запад казаков-коллаборационистов с семьями.

В некоторых случаях советские источники, описывающие зверства гитлеровцев на оккупированных казачьих землях, пишут

---

[1] См., напр.: Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 3737. Оп. 3. Д. 37. Л. 3; ф. 3955. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.

[2] ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.

полную несуразицу. Так, 18 июня 1943 г. газета «Донской коммунар» поместила статью некого А. Рассказова, утверждавшую, что «в Меркуловском пятнадцать немцев изнасиловали шестидесятилетнюю старуху»[1]. Даже если во всем Меркуловском не нашлось объекта насилия помоложе, трудно представить себе, что целый взвод солдат состоял из столь сексуально озабоченных геронтофилов. Вполне очевидно, что журналист А. Рассказов в своем стремлении как можно негативнее изобразить оккупантов перестарался.

В то же время далеко не все казаки приветствовали германские войска. Находились те, кто готовил им отпор, а часть партийного актива, как позже выяснилось, избежала эвакуации с целью организовать в тылу врага партизанское движение, составить костяк будущих партизанских отрядов. К тем, кто оказался втянутым в партизанскую борьбу, относились, в основном, «пришлые, поселившиеся вместо уничтоженных казаков, и приписные, получившие казачьи права по решению Круга спасения Дона. Урожденные же казаки твердо держались казачьего Возрождения»[2].

В ряде случаев проблема с партизанами решалась путем переговоров. Как писал один из кубанских казаков, «казаки предложили им (советским партизанам. — *И.Е.*) убираться, так как немцами было заявлено, что за одного убитого [немца] будет расстреляно сто жителей станицы. Опасаясь этого и пригрозив партизанам, казаки потребовали, чтобы они из станицы ушли. Требование это партизанами было исполнено»[3]. Однако так было далеко не всегда — в ряде случаев противостояние между казаками и советскими партизанами перерастало в ожесточенную борьбу, напоминавшую по своей сути гражданскую войну. На фоне этого нельзя полностью согласиться с Д. Армстронгом, утверждавшим, что попытка организовать на территориях Северного Кавказа партизанское движение «почти полностью провалилась»[4]. Можно говорить лишь о меньших масштабах партизанского движения, что

---

[1] Донской коммунар. 1943. 18 июня. № 46.

[2] *Дудников В.С.* Указ. соч. 161.

[3] *И.В.* Приход немцев на Кубань. С. 27.

[4] *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 416.

во многом зависело «от политики, проводимой стороной, противостоящей партизанам»[1].

Однако следует отметить, что даже у самых последовательных казаков — противников большевизма к концу пребывания в их краях оккупантов стала вырабатываться неприязнь к ним. Так, даже казачьи коллаборационистские издания отмечали, что первоначальный духовный подъем по поводу изгнания большевиков с течением времени сменился разочарованием в новых хозяевах. Тут же констатировался расцвет спекуляции, всплеск преступности, в основном, мошенничества, неизбежного в условиях перехода торговли на стихийные рыночные рельсы. Так, «Казачий вестник» в конце 1942 г. писал: «На Божий свет появились лица — юркие, алчные дельцы, для которых мутная вода — весь идеал, весь смысл их человеческой деятельности. Эти “рыцари наживы” на горе других потащили с рынка по домам запасы муки, соли, подсолнечного масла, жиров и т.п. Начались какие-то закупки, переброски этих товаров из одного района в другой. Целое “мешочное паломничество”. Вошла в моду скупка подвоза у врат города и последующая затем перепродажа… Все это приводило к немедленному вздутию цен и исчезновению ряда продуктов с базаров»[2].

А разочарование казаков в немцах, по определению А. Сукало, явилось следствием частых реквизиций у населения предметов первой необходимости, что подрывало жизненный стандарт населения. Он же отмечает, что «наряду с этим забота о нуждах населения осуществлялась в крайне незначительном размере»[3].

Налогообложение казаков мало чем отличалось от налоговой системы, введенной на других оккупированных территориях СССР. Невыполнение налоговых ставок строго наказывалось. Так, за несдачу определенного количества молока (100 литров в квартал с первой коровы, 150 — со второй) корову могли конфисковать как немолочную. Облагались налогами и другие животные, даже собаки. Например, беспородная дворняжка обходилась в 50 рублей в месяц, породистая собака — еще дороже[4]. А не-

---

[1] *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 416.

[2] Казачий вестник. 1942. 15 декабря. № 24 (30).

[3] *Сукало А.* Указ. соч. С. 21.

[4] *Крикунов П.* Казаки между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С. 231.

которые административные проступки, могущие в той или иной мере повлиять на производительность труда казаков-колхозников (например, пьянство и самогоноварение), наказывались в лучшем случае поркой, в худшем — расстрелом виновных[1]. К сожалению, нет данных о том, существовали ли на казачьих землях собственные судебные органы. Но если таковые и были, их полномочия, судя по всему, были в значительной мере ограничены.

Ушедшие вместе с германской армией на запад казачьи воинские части проявили удивительную живучесть. Они сохранили свою организацию, традиции, дисциплину и за пределами земель своих предков. Фактически все воинские формирования до самых последних дней войны оставались боеспособными и сильными, в гораздо меньшей мере подвергшиеся разложению и деморализации по сравнению с другими коллаборационистскими боевыми единицами.

Определенные особенности возымела политика оккупантов в местах исторического расселения староверов. В частности, на северо-западе России (территория Ленинградской, Новгородской областей) было много староверов и ингерманландцев, тесно связанных между собой и считавших коммунистов «слугами антихриста». Командующие 16-й и 18-й немецких армий предоставили жителям своих тыловых районов со старообрядческим населением широкую автономию, фактически не вмешиваясь в деятельность органов самоуправления. Кроме того, гуманно относились к советским военнопленным, а население привлекали для оказания им помощи. Это существенно ограничило масштабы деятельности советских партизан — сформировавшиеся к весне 1942 г. партизанские отряды действовали лишь в лесах около г. Луги, тогда как количество советских военнопленных, вызвавшихся охранять тылы 18-й армии, к осени 1942 г. достигло 47 000 чел.[2]

Следующей особенностью проведения оккупационной политики следует назвать «Республику Бишлера». В 1942 г. командир 613-го восточного батальона полковник Бишлер, немец русского происхождения, сделал попытку превратить свою полевую часть в самооборонческую. С этой целью он разрешил военнослужащим

---

[1] *Крикунов П.* Казаки между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С. 231.

[2] *Посадский А.В.* Дис. докт. ист. наук. С. 614—615.

своего батальона строить дома и жениться на территории двух сельских советов Ершического района Смоленской области[1]. Тем самым Бишлер, несомненно, пытался создать экономический стимул для личного состава своего батальона. Однако попытка перевести коллаборационистов на оседлый образ жизни была обречена на провал ввиду кратковременности пребывания батальона в указанной местности.

Рассматривая особенности оккупационной политики, нельзя игнорировать положение на тех оккупированных территориях, где создавались так называемые партизанские края. Эти местности, хотя и находились за линией фронта, полностью или в основном контролировались советскими партизанами. Партизанские края возникали, как правило, в тех местностях, где не было ни коммуникаций, ни промышленных или сельскохозяйственных объектов, представлявших интерес для германской армии. Появление там германских войск практически исключалось, поэтому партизаны могли оседло дислоцироваться в таких районах в течение длительного времени. Из административных структур партизанами прежде всего создавались временные органы власти. В масштабах населенного пункта властные функции выполнял либо командир партизанского отряда (бригады), либо назначенное им лицо из командного состава. В случаях, когда партизаны посещали населенный пункт на территории партизанского края лишь периодически, глава (по немецкой терминологии — староста, деревенский старейшина) мог быть назначен из числа местных жителей. Его обязанности в общих чертах совпадали с обязанностями сельского старосты на подконтрольной германским структурам территории: учет населения, скота, зерна, продовольствия, контроль за перемещением жителей, за их настроениями, расквартирование прибывавших партизан, продовольственные поставки для партизанских отрядов. Подобно обычным сельским старостам главы сельских населенных пунктов выполняли одновременно роль председателей колхозов там, где таковые были восстановлены. Главе подчинялась созданная в пределах населенного пункта милиция[2]. Что касается крупных населенных пунктов, они контролировались

[1] *Посадский А.В.* Указ. соч. С. 606.

[2] *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 377—378.

партизанами крайне редко. Известен случай, когда с 15 февраля по 7 июня 1942 г. партизанами полностью управлялся находящийся в немецком тылу г. Дорогобуж Смоленской области. Здесь были восстановлены (воссозданы) райком ВКП(б), райисполком, РО НКВД, райвоенкомат[1]. Кроме того, имеются данные о переходе под контроль партизан в течение марта—апреля 1942 г. г. Дятькова и части Дятьковского района Орловской области. В этот период возобновили свою деятельность райком ВКП(б), районный совет депутатов трудящихся, райисполком со всеми входящими в структуру данных органов отделами[2]. Данных о работе промышленных предприятий в контролируемых партизанами местностях нет, однако правомерно предположить, что часть таковых была пущена в работу и выпускала продукцию. По крайней мере есть данные о функционировавших на территории партизанских краев небольших промышленных предприятиях, для управления и организации работы которых не требовалось жестких организационных структур. К таковым относились, например, обувные, кожевенные фабрики, столярные, бондарные мастерские. Они были ориентированы, как правило, на удовлетворение потребностей самих партизан. По данным Д. Армстронга, в качестве рабочей силы наряду с самими партизанами использовалось местное население, иногда в принудительном порядке[3]. Ввиду этого партизанские края стали довольно значительным фактором в деле нейтрализации коллаборационизма — на их территории широкомасштабный коллаборационизм не мог иметь места ввиду отсутствия условий. Контингент коллаборационистов здесь был представлен лишь немецкой агентурой, которая довольно быстро нейтрализовывалась ввиду тотального контроля партизан над населением.

Таким образом, особенности проведения оккупационной политики, исключая территории партизанских краев, явились большей частью довольно мощным катализатором коллаборационистских настроений. Как и на территории псевдогосударственных административных образований, коллаборационизм в условиях

---

[1] *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 377.

[2] ЦНИБО. Ф. 1659. Оп. 1. Д. 1. Л. 12—14, 26—28, 32. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 1. Л. 10—16.

[3] *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 393.

послабляющих особенностей проведения оккупационной политики стал практически поголовным явлением. Данные особенности указывают прежде всего на тот потенциал, которым обладало коллаборационистское движение на оккупированных территориях РСФСР. Использование национального, экономического, религиозного факторов приводило к становлению на путь сотрудничества с оккупантами значительной части населения той или иной области. Это происходило, несмотря на то что многие шаги оккупантов носили лишь декларативный характер, не дошли до практического воплощения. Поэтому можно только догадываться, как бы могли измениться результаты Великой Отечественной войны и последующая история нашей страны, если бы гитлеровская Германия, пусть на время, отказалась бы от своих колонизаторских планов в отношении СССР и пошла навстречу чаяниям его народов. С другой стороны, полноправное сотрудничество оккупантов с народами Советского Союза могло осуществиться лишь в локализованных, ограниченных масштабах, потому что в противном случае перечеркивало и делало для агрессора бессмысленным нападение на СССР. В любом случае особенности проведения оккупационной политики указывают на наличие в политической системе СССР противоречий национального, экономического и религиозного характера, что было использовано германскими оккупационными властями с целью привлечения части советских граждан на свою сторону.

Глава V

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В СФЕРЕ ИДЕОЛОГИИ

§ 1. Политический коллаборационизм

Большое значение как германское командование, так и сами коллаборационисты придавали идейной части своей деятельности. Ее основная задача заключалась в обработке вербуемых на службу к оккупантам бывших красноармейцев и местного населения. Пропаганда проводилась на всем протяжении войны обеими сторонами параллельно с военными действиями. Проводились также иные акции политического характера: инспирирование и создание политических партий и организаций, а также различных «комитетов», призванных играть роль альтернативных правительств.

Гитлеровское руководство стремилось тщательно скрывать свои планы в отношении СССР. Командующим германскими соединениями предписывалось подчеркивать, что Германия воюет не против населения Советского Союза, а против «еврейско-большевистского советского правительства со всеми подчиненными ему сотрудниками и коммунистической партией», а германские войска имеют целью лишь избавление советского народа от сталинской тирании[1]. В оглядкой на международную общественность, стремясь снискать ее симпатии, немецкая пропаганда провозгласила войну с СССР «крестовым походом Ев-

[1] *Дашичев В.И.* Указ. соч. С. 194.

ропы против большевизма», «всеевропейской освободительной войной»[1].

Несмотря на то что предложения использовать все противоречия политического характера, сложившиеся к тому времени в СССР, поступали с первых же дней войны от российской эмиграции, советских военнопленных, командующих германскими соединениями[2], они не встречали никакой поддержки со стороны руководства Третьего рейха[3]. Так, военнопленный генерал-лейтенант М.Ф. Лукин 12 декабря 1941 г. предложил для вовлечения в антикоммунистическое движение советских военнопленных и населения оккупированных территорий СССР дать им четкое обоснование целей их борьбы путем создания альтернативного русского правительства. Поясняя свою мысль, Лукин говорил: «Русские стоят на стороне так называемого врага, так что переход к ним (немцам. — *И.Е.*) — это не измена Родине, а только отход от системы»[4].

Однако нацистское руководство, будучи уверенным в скорой победе, считало излишним завоевывать симпатии населения СССР. Поэтому в первые месяцы войны немецкая пропаганда если и обращалась к населению Советского Союза и красноармейцам, то лишь в той мере, в какой это могло способствовать быстрому и беспрепятственному продвижению германских армий на восток. Возможность долговременного сотрудничества с населением СССР в течение лета-осени 1941 г. не отрабатывалась.

Тем не менее в СССР к началу войны сложился ряд противоречий экономического, политического характера, проявившихся в

---

[1] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 35.

[2] *Штрик-Штрикфельдт В.* Указ. соч. С. 59—61.

[3] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 101.

[4] *Хоффман Й.* Власов против Сталина. С. 178. Выводы от антисоветских высказываний М.Ф. Лукина в плену Й. Хоффман делает на основании протокола допроса генерала в штабе группы армий «Центр», а также суммирующей его политические высказывания записки «Генерал-лейтенант Лукин о земельном вопросе». После окончания войны Лукину в ходе длительного следствия удалось доказать свою непричастность к сотрудничеству с немцами, а с течением времени — возглавить Советский комитет ветеранов войны, председателем которого он оставался до своей смерти в 1970 г.

полной мере в период нападения Германии и продвижения вермахта в глубь советской территории, то есть когда само существование советской власти оказалось под угрозой. Участник власовского движения эмигрант А.С. Казанцев утверждал, что народ «не верил и не верит ни одному слову советской пропаганды, не без основания считая, что она не способна сказать ни одного слова правды», и при этом «с надеждой смотрел на Запад и, изверившись в собственных силах, только оттуда ждал освобождения»[1]. Подобным образом рассуждала и часть русской эмиграции. Еще накануне нападения Германии на СССР она разделилась на два лагеря — «оборонцев» и «пораженцев». Последние считали, что СССР — не Россия, а Красную Армию нельзя отождествлять с Российской армией. Поэтому «пораженцы» приветствовали германскую агрессию, видя в ней возможность освобождения России от большевизма. Позицию «пораженцев» еще до нападения Германии на СССР довольно конкретно выразил монархист В.В. Шульгин: «Пусть только будет война! Пусть только дадут русскому народу в руки оружие! Он обернет его против ненавистной ему советской власти! И он свергнет ее!»[2]

Этим эмиграция показывала лишь частичную осведомленность о действительных настроениях населения СССР, меньшинству из которого были в действительности присущи подобные взгляды. Вероятно, эмиграция отстала в своих суждениях, представляя русского человека таким, каким он был в период революции и Гражданской войны. И если даже тогда немалая часть населения поддержали большевиков, то можно себе представить, как изменились в этом отношении взгляды народа, успевшего почти четверть века прожить при советской власти, испытывая при этом колоссальное давление коммунистической пропаганды. Очевидно, именно на представлениях, сходных эмигрантским, немцы строили направленность своей пропаганды.

Так, по их мнению, население Советского Союза было движимо лишь низменными, присущими крайне отсталым народам желаниями, сводящимися большей частью к еде, курению и алкоголю. Разработанные на основе подобных представлений про-

---

[1] *Казанцев А.С.* Указ. соч. С. 57.

[2] *Шульгин В.В.* Указ. соч. С. 14.

пагандистские листовки, естественно, вызывали в среде жителей Советского Союза, в лучшем случае, недоумение. А.С. Казанцев вспоминает, как некоторые ленинградцы, встретив 22 июня как освобождение, жадно подбирали немецкие листовки, но тут же разочаровывалась их содержанием: «Ловили из открытых окон, лазили даже по крышам — вот она, весточка долгожданная из потустороннего мира, из культурной, гуманной Европы... Достали, читаем и сначала глазам не верим. Сверху крупно написано: “Переходите к нам”, и изображен красноармеец с поднятыми руками. Дальше опять картинка — и опять красноармеец, на этот раз с кружкой, вероятно, пива и надпись: “Есть, что выпить”. И, наконец, еще картинка — опять красноармеец, неуклюже держащий в растопыренных пальцах сигарету. Надпись еще выразительнее — “Курить разрешается”». Описывая реакцию населения на такие листовки, Казанцев отмечал, что это вызывало лишь смех, люди даже считали, что сбросившие листовки самолеты «были советские, с накрашенными немецкими крестами на крыльях. Дескать, вот, полюбуйтесь на ваших освободителей, чем соблазняют они вас — кружкой пива и папиросой... Дня через два прилетели снова. Разбросали те же листовки, но уже вперемежку с бомбами. Поверите, нам стало страшно... Неужели двадцать лет веры были самообманом?..»[1].

Офицер РОА Н.А. Троицкий в беседе с автором диссертации рассказывал, что немецкие листовки антисемитской направленности, с надписями типа «Бей жида политрука — морда просит кирпича» в среде красноармейцев вызывали лишь омерзение. Другой участник власовского движения о листовках 1941 г. позже писал, что «немецкие листовки были настолько безграмотными и дикими по содержанию, что их приходилось считать просто плодом какого-то недоразумения»[2]. Ни одна из листовок первых месяцев войны не обходит вопроса о еде, выпивке и табаке, по смыслу ставя это в центре пропаганды, на что, по мнению составителей листовок, обязательно должны отреагировать красноармейцы. Одна из них, изображающая перебежчика с котелком в руках, гласит: «Я Боровик Станислав Иосифович из 846 стрелкового полка

[1] *Казанцев А.С.* Указ. соч. С. 59.

[2] *Терновский Ю.* В плену // Рождение РОА. С. 7—8.

267 с.д. перешедший добровольно к немцам они меня очень хорошо встретили как гостя дали мне водки и хорошо покушать, и обращаются к перебещикам очень хорошо» (грамматика и пунктуация сохранены)[1]. В другом обращении к солдатам дисциплинарных рот говорится, что перешедших на сторону германской армии солдат «примут там хорошо, вы получите пищу, питье и табак»[2].

По многочисленным свидетельствам участников событий, имеющимся в распоряжении автора, такая пропаганда в большинстве случаев приносила немцам больше вреда, чем пользы.

Пропагандистские мероприятия, проводившиеся на протяжении 1941 г. — осени 1942 г., при всем их примитивизме ставили перед собой лишь цель добиться максимального количества перебежчиков из Красной Армии, снизив тем самым ее сопротивление. Призывов к какому-либо активному сотрудничеству с немцами, тем более к военному, немецкая пропаганда в этот период не содержала.

В то же время наиболее здравомыслящая часть германских военных понимали, что, несмотря на победы германской армии в 1941 г., война с СССР не стала шестинедельным «блицкригом», а приняла затяжной характер. В этой связи виделась необходимость настраиваться на долговременное сотрудничество с населением СССР как в военном, так и в гражданском плане. Для этой цели было нужно дать населению оккупированных территорий СССР и красноармейцам, вербуемым в военные коллаборационистские формирования, обоснование целей их борьбы, так как призыв умереть за Гитлера и «Великую Германию» вряд ли мог найти у населения Советского Союза отклик. В то же время вульгарная нацистская пропаганда не давала населению СССР ответа на тревожившие его вопросы относительно послевоенного будущего Советского Союза. И, несмотря на то что сталинский режим среди значительной части населения не был популярен, германский национал-социализм, к тому времени уже порядком показавший свое лицо, вряд ли мог видеться населению Советского Союза достойной альтернативой.

---

[1] ЛАЕ. Товарищи бойцы, командиры и политработники! Листовка (типогр. экз.).

[2] ЛАЕ. Солдаты дисциплинарных рот! Листовка (типогр. экз.).

Это обусловило необходимость проведения местных политико-пропагандистских акций на оккупированных территориях СССР, так как возникшая уже в первые месяцы войны обстановка в тыловых районах потребовала использовать для борьбы с партизанами и охранной деятельности добровольцев из местного населения. По мере развития партизанского движения требовалось количественное увеличение антипартизанских коллаборационистских частей. Как правило, подобные акции проводились по инициативе либо с разрешения командующих отдельными армиями или тыловыми районами без постановки в известность Верховного командования вермахта или Восточного министерства.

Характерный пример — мероприятия на территории Локотского автономного округа, так называемой Локотской республики. Это достойно детального рассмотрения, так как Локотской округ представляет собой наиболее выразительный пример особенностей проявления германской оккупационной политики. Здесь уже 26 ноября 1941 г. был выпущен манифест Народной социалистической партии России (НСПР). Этот документ содержал пространную программу, отражающую взгляды его автора, К.П. Воскобойника, копировавшую ряд идей германского национал-социализма.

Манифестом декларировались уничтожение колхозного строя, бесплатная передача всей пахотной земли крестьянству в вечное, наследственное пользование с правом аренды и обмена участков, но без права их продажи, развертывание частной инициативы, вплоть до предоставления частным лицам права постройки фабрик и заводов, с ограничением суммарного капитала 5 млн золотых рублей на человека. При этом предусматривалось сохранение в руках государства, то есть самоуправления, основных средств производства (Приложение 3. Документ 1).

Для того чтобы сформулировать сущность идеологии НСПР, изложенной в манифесте, необходимо отметить социалистический характер программы в ее экономической части. Можно предположить, что, помимо отдельных установок национал-социализма, пропагандировавшихся в оккупированных областях, на экономические воззрения авторов манифеста наложила печать либерализация экономики, имевшая место во времена НЭПа. Все это в соответствии со взглядами К.П. Воскобойника и его соратников, как нельзя

лучше соответствовало чаяниям населения, в первую очередь — крестьянства. В политической части программы на первом месте стоит национальная идея — возрождение русского государства. Вероятно, в сочетании этих двух частей программы лидеры Локотского самоуправления, симпатизировавшие германскому нацизму, видели не что иное, как свой, русский национал-социализм[1].

Интересно, что создатели НСПР при всей своей амбициозности первыми — задолго до появления «Смоленской декларации», подписанной А.А. Власовым и В.Ф. Малышкиным, — выступили с программой преобразований в России после свержения в ней коммунистического режима.

После выпуска манифеста НСПР началась широкая агитационная кампания по его распространению в пределах Орловской, Курской, Смоленской и Черниговской областей при участии Каминского и Мосина[2].

Упор авторов на повседневные нужды населения, антиколхозная пропаганда, обещание наделить всех землей привели к незначительным результатам. Население в своем большинстве отнеслось к созданию партии равнодушно — в НСПР вступали, в основном, сотрудники Локотского самоуправления, бойцы и командиры Народной милиции[3]. По всей видимости, пропаганда, не подкрепленная на первых порах конкретными экономическими шагами по улучшению благосостояния населения, не вызвала никакого отклика локотян. Однако уже через 4 месяца начальник Орловского областного управления НКВД К.Ф. Фирсанов в докладной записке секретарю Орловского обкома ВКП(б) от 15 марта 1942 г. докладывал, что к концу 1941 г. Воскобойнику удалось организовать в Брасовском районе 5 ячеек НСПР[4]. Вероятно, некоторый рост НСПР произошел после практического воплощения декларированных манифестом принципов.

В связи с фактом появления на оккупированной территории СССР политической партии с подобной программой на страницах

---

[1] ЛАЕ. Манифест НСПР (типогр. экз.).

[2] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79—89; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 71.

[3] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79—89.

[4] Там же. Д. 3. Л. 85—90.

крайне немногочисленной литературы по указанной проблеме излагаются два противоположных взгляда. Так, С. Чуев объясняет создание НСПР влиянием Национально-Трудового Союза Нового Поколения (НТС НП)[1]. Такое объяснение — следствие недостатка информации о самой партии и точных данных о времени ее основания. Действительно, уже осенью 1941 г. активисты НТС развернули на оккупированной территории СССР свою деятельность и даже образовали несколько подпольных групп. Одна из таких групп появилась в Брянске и вполне могла установить контакт с Воскобойником и Каминским. Однако никаких данных, подтверждающих эти контакты, а тем более участие членов НТС в разработке программы НСПР, имеющиеся источники, включая воспоминания участника Брянской группы НТС В. Кашникова и посетившего Локоть Р.Н. Редлиха, не содержат. В дальнейшем НТС удалось внедрить в ряды сформированной на территории Локотского округа бригады Народной милиции своих членов, которые играли видную роль в «партийном строительстве» уже сформированной к тому времени НСПР. В их числе был, в частности, Г.Е. Хомутов, создавший в Локотском округе молодежную организацию. Инициатива же создания НСПР и выработка ее программы целиком принадлежат организаторам Локотского самоуправления.

Один из советских источников излагает противоположный взгляд, утверждая, что создание «русской фашистской партии», названной «Народная Социалистическая партия России», инспирировано гестапо[2]. Однако подобная точка зрения несостоятельна, если учесть политические установки нацистов, в частности, Гитлера, относительно России и ее народов[3]. И если оккупационные власти еще могли допустить создание местного самоуправления и антипартизанских формирований, то возникновение партии, провозгласившей своей целью борьбу за русские национальные интересы, в будущем могло помешать осуществлению колонизаторской политики. По этой причине, несмотря на хорошие отношения лидеров

---

[1] *Чуев С.* Указ. соч. С. 259—260.

[2] Война в тылу врага: О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. С. 156.

[3] *Гитлер А.* Указ. соч. С. 546, 548, 551, 556.

Локотского самоуправления с немецкой военной администрацией, создание НСПР не было санкционировано германскими властями. Влияние партии не распространялось дальше границ Локотского округа, а после сентября 1943 г. — Лепельского округа.

В декабре 1941 г. органам НКВД Калининской области стало известно о создании в Калинине в период его оккупации довольно крупной организации под названием — Российское национал-социалистическое движение (РНСД). Главным организатором РНСД стал офицер германской армии В.Ф. Адриас, сын эмигрировавшего из России в 1918 г. в Германию помещика. Программа организации предусматривала создание с помощью немцев самостоятельного русского государства, восстановление частной собственности. Планировалось создать первичные организации РНСД по всей стране, вовлекая в них, в основном, молодежь, а по достижении достаточной численности организации — реорганизовать ее в Российскую национал-социалистическую партию[1].

Осуществить эти планы не удалось, так как с освобождением Калинина деятельность РНСД сошла на нет.

Несмотря на провал «блицкрига», 1941—1942 гг. были отмечены рядом побед германской армии и ее продвижением на восток, в глубь советской территории. Устойчивость коллаборационистских формирований, занятых в этот период, в основном, охранной и антипартизанской деятельностью в тылу немецких войск, базировалась на уверенности коллаборантов в неминуемом поражении СССР в войне. Надежность личного состава изменнических частей в первые полтора года войны не вызывала опасений, на фоне чего предложения о придании советскому коллаборационизму характера политического движения, исходившие от командующих отдельных армий, отвергались гитлеровским руководством. Иная ситуация сложилась в конце 1942 г., когда положение германской армии ухудшилось — продвижение вермахта было остановлено под Сталинградом. 23 ноября завершилась четырехдневная операция по окружению группировки Паулюса, провалились попытки ее деблокирования. Крушение мифа о непобедимости германской армии отразилось на настроениях личного состава коллаборационистских формирований. И если до этого отмечались, в основном,

[1] *Ирлицин В.И.* Указ. соч. С. 150.

единичные случаи перехода коллаборантов к партизанам, то после «сталинградской катастрофы» такие случаи участились, приняли массовый характер[1]. Одновременно стало усиливаться партизанское движение, получая пополнение за счет не только местного населения, но и переходящих к партизанам коллаборантов.

В этой обстановке ряд офицеров вермахта поставили перед Восточным министерством вопрос о пересмотре «восточной политики» с целью завоевать симпатии населения, изыскав дополнительные ресурсы для борьбы с партизанами в условиях затяжной войны. Обобщив поступавшие из оккупированных областей СССР сведения, шеф политического отдела Восточного министерства д-р О. Бройтигам адресовал Розенбергу свои заметки. В них он указывал, что, поскольку войну в короткий срок выиграть невозможно, необходимо использовать людские ресурсы оккупированных областей СССР, использовав идею гражданской войны. В этой связи требовалось, чтобы «авторитетные германские круги дали славянским народам успокаивающие обещания относительно их судьбы»[2]. Тут же Бройтигам указывал: «Если мы не изменим в последние минуты курса нашей политики, то можно с уверенностью сказать, что сила сопротивления Красной Армии и всего русского народа еще больше возрастет… Если же мы сумеем переменить курс политики, то… этим самым нам удастся разложить Красную Армию. Сопротивление красноармейцев будет сломлено именно в тот момент, когда они поверят, что Германия принесет им лучшую жизнь, чем советы»[3].

18 декабря 1942 г. прошла созванная Розенбергом конференция по обсуждению вопросов обращения с русским населением и дальнейшего курса «восточной политики», на которой присутствовали начальники тыловых районов Восточного фронта, военные чиновники, ответственные за проведение политики на оккупированных территориях. Военные подчеркивали необходимость использования населения СССР для борьбы с партизанами и пополнения войск. Для этого они считали необходимым принятие ряда мер как экономического, так и политического характера. В част-

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 13.

[2] Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 234.

[3] Там же. С. 238.

ности, предлагали восстановить для населения право частной собственности, прежде всего на землю, улучшить продовольственное обеспечение населения, минимизировать принудительный угон трудоспособных в Германию, привлечь местных жителей к ограниченному участию в решении ряда административных вопросов. В политическом плане предлагалось дать населению СССР цель, которая отвечала бы его вкусам. При этом подчеркивалось, что комплекс указанных изменений — лишь временная мера, которую можно пересмотреть после войны[1]. Результатом явилось принятие ряда решений о лояльном отношении к русским[2].

Под влиянием этого Розенберг, согласившийся с доводами участников конференции, 12 января 1943 г. санкционировал создание Русского комитета и выпуск его обращения к населению СССР. На следующий день, 13 января 1943 года с самолетов вдоль линии советско-германского фронта было разбросано «Обращение Русского Комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему Русскому народу и другим народам Советского Союза», выпущенное тиражом в несколько миллионов экземпляров.

Выпуск данного обращения можно назвать первой крупномасштабной политико-пропагандистской акцией. Оно было датировано 27 декабря 1942 года, местом выпуска указан город Смоленск. Автором текста стал бывший заместитель редактора газеты «Известия» М.А. Зыков[3]. Под обращением стояли подписи генералов А.А. Власова и В.Ф. Малышкина[4]. В нем объявлялось о создании Русского комитета с центром в Смоленске, разъяснялись его цели. В 13 пунктах обращения перечислялись принципы, которые Русский комитет кладет в основу строительства Новой России. В первых пяти пунктах указывались меры социального и экономического характера: ликвидация принудительного труда и обеспечение рабочему действительного права на труд, создающий

---

[1] *Мюллер Н.* Указ. соч. С. 260—261.

[2] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 102.

[3] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 221.

[4] Оригинал текста обращения содержал четыре подписи: А.А. Власова, В.Ф. Малышкина, М.А. Зыкова и бургомистра Смоленска Б.Г. Меньшагина. В дальнейшем немцы, тиражируя текст обращения, сохранили только первые две подписи.

его материальное благосостояние; ликвидация колхозов и планомерная передача земли в частную собственность крестьянам; восстановление торговли, ремесла, кустарного промысла; предоставление интеллигенции свободно творить на благо своего народа; обеспечение социальной справедливости и защита трудящихся от всякой эксплуатации. Следующие четыре пункта касались последствий текущей войны: восстановление разрушенных во время войны городов и сел за счет государства; восстановление принадлежащих государству, разрушенных в ходе войны фабрик и заводов; отказ от платежей по кабальным договорам, заключенным Сталиным с англо-американскими капиталистами; обеспечение прожиточного минимума инвалидам войны и их семьям. Пункты 10—13 носили политический характер, гарантировали различные права и свободы: введение для трудящихся действительного права на образование, на отдых, на обеспеченную старость, уничтожение режима террора и насилия, введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати, гарантия неприкосновенности личности и жилища; гарантия национальной свободы; освобождение политических узников большевизма и возвращение из тюрем и лагерей на Родину всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Следов антисемитизма в обращении не было, напротив, его восьмой пункт гарантировал национальную свободу[1]. Текст заканчивался призывом включаться в борьбу против большевизма, вступать в Русскую Освободительную Армию, которая объявлялась реально существующей союзной Германии армией. Тут же разъяснялось, что перебежчикам гарантируется прощение вне зависимости от их прошлого. В то же время обращение не накладывало никаких обязательств на германское правительство по части исполнения продекларированных принципов. Намерения англичан и американцев, выступавших на стороне СССР, объяснялись тем, что они «хотят нажиться на испытаниях, выпавших на долю русских». По мнению Е. Андреевой, такая характеристика союзников Сталина введена по настоянию нацистской пропаганды, в таком же виде это клише повторялось и в других листовках от имени Русского комитета[2].

---

[1] ЛАЕ. Обращение Русского комитета (типогр. экз.).

[2] *Андреева Е.* Указ. соч. С. 40.

Интересен взгляд на данное обращение в послевоенной советской литературе. Автор первой в СССР пространной публикации о власовском движении генерал-майор юстиции Ф. Титов характеризует содержание обращения следующим образом: «...речь шла о ликвидации завоеваний Октября, об истреблении миллионов людей и установлении фашизма в нашей стране»[1]. Автор или обнаруживает свое незнакомство с анализируемым документом, или намеренно искажает факты, очевидно, полагая, что для советского читателя достаточно именно такой информации.

Однако радикальные программные принципы, изложенные в обращении, ни в коей мере не соответствовали установкам Германии по колонизации СССР, коренным образом расходились с планами Гитлера относительно народов Советского Союза. Ввиду этого нацистское руководство было заинтересовано в том, чтобы текст обращения не попал на оккупированные территории. Поэтому предусматривались его разбрасывание лишь над позициями советских войск и распространение в лагерях военнопленных. Таким образом, декларированные обращением принципы должны были по замыслу германского руководства стать лишь частью пропаганды, направленной на привлечение перебежчиков из РККА и военнопленных в коллаборационистские формирования, без их практического воплощения. Попадание текста обращения на оккупированные территории могло вылиться в серьезную проблему, ибо почувствовавшее несостоятельность пропаганды население, в том числе коллаборационисты, могло в будущем вообще перестать доверять каким-либо обещаниям пропаганды. Однако обращение попало и на оккупированные территории и даже было перепечатано некоторыми местными типографиями. Командующие авиационными соединениями объяснили это тем, что летчики сбились с курса, по ошибке сбросив часть листовок не там, где надо.

После распространения «Смоленской декларации» в тылу немецких войск смоленские партизаны предприняли попытки разъяснить населению, что никакого Русского комитета в Смоленске не существует, а выпуск его обращения — пропагандистская ложь, что, судя по не спадающему интересу на-

[1] *Титов Ф.* Указ. соч. С. 219.

селения к провозглашенным в обращении принципам, имело незначительный успех[1].

Тем не менее обнародование обращения достигло некоторых целей. Так, термин «РОА» стал известен среди граждан СССР, в том числе красноармейцев. Несмотря на фиктивность существования РОА, обращение было доказательством того, что уже предпринимаются конкретные шаги по ее созданию.

Спустя несколько дней, 18—19 января 1943 г., в Берлине прошла учредительная конференция Русского комитета. Кроме офицеров ряда действовавших на то время коллаборационистских формирований, на конференции присутствовали представители рейха: командующий люфтваффе фельдмаршал Геринг, министр пропаганды Германии д-р Геббельс, бывший помощник военного атташе в Москве подполковник Шуберт (на то время работал в штабе группы армий «Центр» по координации вопросов использования нацформирований)[2].

Результатом конференции стало принятие ряда решений:

1. Официальное признание руководством Германии Русского комитета. Председателем комитета был избран бывший командующий 2-й ударной армией Волховского фронта, заместитель командующего Волховским фронтом генерал-лейтенант А.А. Власов, его заместителем (он же начальник отдела пропаганды) — бывший секретарь Ростокинского райкома ВКП(б) г. Москвы дивизионный комиссар Г.Н. Жиленков, секретарем — генерал-майор В.Ф. Малышкин. Комитету было предоставлено право самостоятельности в создании необходимых для выполнения его функций учреждений.

2. О предоставлении Русскому комитету права сношений с правительствами союзных с Германией стран.

3. О создании штаба Русской Освободительной Армии во главе с А.А. Власовым.

---

[1] *Солженицын А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 224. Выступая в смоленском театре перед населением в марте 1943 г., генерал Власов на вопрос о местонахождении Русского комитета, о существовании которого в Смоленске горожане не имели понятия, пояснил, что вопрос о местонахождении комитета в Смоленске не следует понимать буквально.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 14.

4. О праве мобилизации на всей оккупированной территории СССР военнообязанных в Русскую Освободительную Армию.

5. Об организации курсов пропагандистов со статусом батальона, выпуске газеты «Доброволец».

6. О введении для РОА Андреевского знамени и трехцветного российского флага[1].

Одновременно, в январе 1943 г., Геринг представил Гитлеру проект «Восточной декларации», где предлагалось незамедлительно осуществить три меры:

1. Создание национальных представительств отдельных народов.

2. Формирование народных армий в качестве союзников Германии в войне против СССР.

3. Отмена всей большевистской экономической системы и переход к восстановлению частной собственности[2].

Спустя несколько дней появилось новое обращение Русского комитета под названием «Русский народ — равноправный член семьи свободных народов Новой Европы». Оно также было подписано А.А. Власовым и В.Ф. Малышкиным, датировано 30 января 1943 г., местом выпуска указан Смоленск. В данном обращении разъяснялась политика национал-социализма, в том числе в отношении населения СССР. В частности, указывалось, что якобы «жизненное пространство народов СССР останется их собственностью» и «Русская страна не будет оскорблена»[3].

Несмотря на фиктивность Русского комитета и РОА, призрачность обещаний, призванных лишь увеличить количество перебежчиков из РККА, Власов и его окружение надеялись, что это послужит сплочению всех «национально мыслящих сил», созданию массового «освободительного движения»[4]. Однако, судя по высказываниям перебежчиков из коллаборационистских формирований, указанная акция вызвала лишь временный подъем настроений коллаборантов. Спустя некоторое время у бойцов и командиров коллаборационистских формирований не осталось со-

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 14.

[2] *Умбрайт Х.* Указ. соч. С. 149—150.

[3] ЛАЕ. Русский народ… (Типогр. экз.)

[4] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 110.

мнения, что создание Русского комитета — пропагандный трюк, ибо никаких конкретных указаний от Русского комитета не поступало, единого руководства «восточными» частями не возникло, все они, как и прежде, оставались в подчинении германских корпусов и дивизий[1].

Вскоре, с марта 1943 г. советские коллаборационисты стали называться «добровольцами» вместо унизительного «хиви». Все они получили возможность носить нарукавный шеврон с закругленной нижней частью, аббревиатурой «РОА»[2] вверху и синим Андреевским крестом на белом фоне в обрамлении красной каймы (комбинация цветов российского флага). С этого времени все входящие в состав вермахта коллаборационистские формирования стали называться частями РОА. Последнее понималось как собирательное название всех формирований, созданных из граждан СССР. Данный шаг стал одним из этапов пропагандистской кампании, призванной, с одной стороны, остановить разложение коллаборационистских формирований, с другой — увеличить поток перебежчиков из партизанских отрядов и Красной Армии. С этого времени листовки, обращенные к партизанам и красноармейцам, писались от имени командования или добровольцев РОА. Несмотря на фиктивность власовской армии, части и подразделения которой продолжали состоять под командованием немецких офицеров и подчинялись немецким частям и соединениям, пропаганда стала преподносить РОА как реально существующую, целостную и самостоятельную армию, возглавляемую генералом А.А. Власовым.

В рамках этой же кампании появилось открытое письмо А.А. Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». Смысл его, по утверждению некоторых западных источников, — пропаганда идей Русского освободительного движения на окку-

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 14.

[2] По свидетельствам бывших власовцев, аббревиатуру «РОА» они с иронией расшифровывали как «**Р**усские **О**бманут **А**дольфа». С течением времени, когда растаяли надежды создать в среде граждан СССР массовое антикоммунистическое движение, первоначальное истолкование аббревиатуры несколько подкорректировали — «**Р**усские, **О**бманутые **А**дольфом».

пированных территориях СССР. Ввиду того, что воззвания Русского комитета предназначались исключительно для обработки красноармейцев с запретом распространения на оккупированных территориях, Власов мог обратиться к населению лишь от себя лично, на что какие-либо санкции не требовались[1]. Обличение преступлений Сталина и большевиков в письме заканчивалось призывом бороться с большевизмом.

Продолжением этого стал следующий шаг Власова — две поездки в начале 1943 г. по оккупированным территориям с посещением Смоленска, Пскова, Могилева, Бобруйска и др. городов в тыловых районах групп армий «Север» и «Центр». Согласно имеющимся скудным сведениям[2], выступления генерала приветствовались местным населением, так как создавалась иллюзия реальности Русского комитета и его полномочий, намечающихся перемен в оккупационной политике, в том, что Германия вынуждена будет принять в расчет надежды жителей оккупированных областей. Власов постоянно подчеркивал потенциал РОД, разъяснял, что, хотя РОА пока не существует, в интересах Германии обратить эту идею в реальность[3]. В вопросе о социальных и политических формах послевоенной России Власов придерживался обращения Русского комитета и своего открытого письма. При этом подчеркивал основную цель РОД — вернуть народам СССР права, завоеванные в 1917 г., но узурпированные большевиками[4]. Поездки эти создавали видимость самостоятельности Русского освободительного движения, что подкреплялось довольно резкими высказываниями Власова в адрес немцев. В частности, генерал говорил: «Германия не может выиграть войну без русских», «мы не хотим коммунизма, но мы также не хотим быть немецкой колонией», «чужой кафтан не по русскому плечу»[5]. В ответ фельдмаршал В. Кейтель приказом от 17 апреля 1943 г. запретил какую-либо политическую деятельность Власова ввиду его «не-

---

[1] Заря. 1943. 3 марта; Доброволец. 1943. 7 марта; Речь (г. Орел). 1943. 21 марта.

[2] *Солженицын А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 225; *Андреева Е.* Указ. соч. С. 43.

[3] *Андреева Е.* Указ. соч. С. 43.

[4] Там же.

[5] *Коняев Н.* Указ. соч. С. 163.

квалифицированных бесстыдных высказываний». В приказе содержалась угроза в случае повторения чего-либо подобного передать Власова гестапо[1].

Несмотря на это, после возвращения Власова, в апреле 1943 г. в Берлине прошла «Первая антибольшевистская конференция военнопленных командиров и бойцов Красной Армии, ставших в ряды Русского Освободительного Движения». Значение конференции важно в том плане, что она определила идейную базу коллаборационизма на период до ноября 1944 г., когда была предпринята попытка консолидации всех антибольшевистских сил под едиными лозунгами Комитета освобождения народов России (КОНР). Г. Фишер справедливо назвал конференцию «учредительным собранием власовского движения»[2].

В своем докладе генерал В.Ф. Малышкин целью конференции указал необходимость четко разъяснить населению СССР задачи Освободительного движения, «чтобы все наши люди прекрасно представляли себе, за что они борются». При этом докладчик опирался, в основном, на два документа — обращение Русского комитета и открытое письмо Власова. В то же время нонсенсом явился антисемитизм, явно проскользнувший в докладе. Поставив национальный вопрос на первое место, Малышкин пояснил: «Нашу позицию в этом вопросе, как уже говорил генерал Власов, можно сформулировать таким образом: национальная свобода для всех народов, кроме еврейского»[3]. Последующие пункты доклада касались крестьянского, рабочего вопросов, отношения к интеллигенции, к частной инициативе. Сохраняя все принципы смоленского воззвания, докладчик, однако, копирует принципы национал-социализма, причем не только в национальном вопросе, но и в экономическом. Так, экономический сектор Новой России[4] он предложил разделить на государственный и частный.

---

[1] *Солженицын А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 225; *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 222.

[2] *Fisher G.* Op. cit. P. 61.

[3] Генерал Власов так никогда не говорил, ни в одном из его последующих выступлений также не содержится антисемитских высказываний.

[4] Так, по замыслу коллаборационистских лидеров, планировалось назвать государство, построенное на месте СССР.

В этом же докладе Малышкин указал на перспективы развития РОД. По его мнению, Освободительное движение нашло широкую поддержку не только на оккупированных территориях, но и среди большого количества бойцов и командиров РККА. Успех РОД он связывал с тем, что идеи, изложенные в открытом письма Власова, отражают подлинные настроения народов СССР. Это утверждение докладчика никак не отражало действительного положения вещей — даже в период сплошных побед германской армии коллаборационизм, несмотря на массовость, не стал всеобъемлющим явлением. А параллельно с ростом коллаборационистских формирований усиливалось и партизанское движение.

Интересно, что докладчик весьма определенно высказался против сотрудничества с представителями белого движения, если они не изменят своих взглядов. Так, от бывших белогвардейцев требовалось принять идеалы «подлинно народной революции» 1917 года (неясно, Февральской или Октябрьской). По всей вероятности, несогласие в этом вопросе до конца войны определило отношения между «белыми» и бывшими «красными»[1]. Никакого плодотворного сотрудничества между ними не получилось. Представителям белой эмиграции довелось принять участие лишь в практическом формировании некоторых коллаборационистских частей.

Относительно существования РОА как оперативного объединения Малышкин заявил, что ее не существует по причине отсутствия в рядах РОД идейного единства. Как в этом, так и в других вопросах Малышкин умолчал о действительном положении вещей, в частности, о препятствиях руководства Германии в деле развертывания целостной армии, многочисленных фактах дезертирства из коллаборационистских формирований. Докладчик, говоря лишь о радужных перспективах развития РОД, либо не был знаком с действительным положением вещей, либо сознательно искажал факты.

Результатом конференции явилось принятие резолюции. В ней участники объясняли причины своего становления на путь коллаборационизма. В частности, указывалось, что ими движет осознанное желание бороться против советского строя. Коллаборация

---

[1] *Бутков В.Н.* Указ. соч. С. 11.

с Германией объяснялась необходимостью помощи извне, причем союз с враждебным СССР государством назывался взаимовыгодным, исторически обоснованным (Приложение 1. Документ 4).

В это же время была начата широкомасштабная кампания по вербовке добровольцев в РОА. С этой целью в течение 1943 г. на оккупированных территориях были созданы курсы и школы пропагандистов РОА. В частности, в Смоленске курсы открылись по инициативе отдела пропаганды Восточных войск и штаба 4-й армии. Их возглавил лейтенант вермахта Ритвегер, старшим преподавателем стал зондерфюрер Бэте, лектором — поручик Добровольческой армии белоэмигрант Бурцев. Курс обучения длился два месяца, один набор составлял 40—60 чел. — военнослужащих восточных батальонов и казачьих войск. Выпускники поступали на работу в качестве пропагандистов в лагеря военнопленных, в коллаборационистскую прессу, в частности, в выходившую в Смоленске газету «За Родину»[1]. В середине 1943 г. ввиду освобождения Смоленска Красной Армией курсы прекратили свое существование. В конце 1943 г. в Пскове по инициативе баронессы Марии де Сметт открылись женские курсы пропагандисток. Наряду с возложением на выпускниц задач пропаганды из них предполагалось создать службу социальной помощи в оккупированных областях. В их компетенцию должны были входить: посредничество между германскими оккупационными властями и местным населением, организация яслей и детсадов, уход за престарелыми и инвалидами. Первый набор курсанток составил 30 чел., однако через несколько дней в связи с наступлением РККА курсы были переведены в Ригу[2].

Однако на практике в качестве пропагандистов чаще выступали лица, не имевшие специальной подготовки. При наборе добровольцев в части РОА вербовщики пользовались как идейным, так и материальным стимулом. Приезжавшие в лагеря военнопленных пропагандисты проводили беседы, разъясняя цели и задачи Русского освободительного движения, после чего зачисляли всех желающих в списки личного состава РОА. Тут же, на глазах у

---

[1] *Окороков А.В.* Учебные структуры РОА, казачьих частей и ВС КОНР. С. 160—161.

[2] Там же. С. 181.

других военнопленных им выдавали форму и хорошо кормили. На голодных, измученных людей это действовало лучше всякой агитации, после чего в РОА записывалась следующая волна желающих. Если добровольцев в лагере не находилось, вербовщики отбирали несколько человек насильно[1]. Для вербовки добровольцев из местного населения почти в каждом райцентре создавались комитеты, общества, комиссии. Координацией их работы занимался созданный в Дабендорфе, недалеко от Берлина, восточный батальон особого назначения, подчинявшийся отделу пропаганды ОКВ и отделу иностранных армий Востока ОКХ. Изъявивших желание служить в РОА немедленно обмундировывали и зачисляли в состав коллаборационистских частей.

Однако результаты вербовки оставляли желать лучшего, ибо к тому времени оккупанты уже порядком показали свое лицо и доверять им могла лишь незначительная часть населения. К тому же обещания пропаганды, не подкрепленные реальностью, не могли вызвать широкий отклик. Так, из Псковского, Карамышского, Середкенского и Новосельского районов в РОА согласились вступить около 80 чел., в том числе 20 чел. — по г. Пскову. Ненамного успешнее прошла вербовка в псковских лагерях военнопленных, где на призыв служить в РОА откликнулись около 200 чел.[2]

Об отношении Гитлера к подобного рода политико-пропагандистским мероприятиям можно судить по его высказываниям на июньском совещании 1943 г., на котором, кроме фюрера, присутствовали генерал-фельдмаршал Кейтель, генералы Шмундт и Цейтлер, полковник Шерф. Когда Гитлеру были представлены цифры коллаборантов, в том числе на оккупированной территории СССР, а также доложено о политико-пропагандистских акциях, направленных на поддержание коллаборационизма, он выразился следующим образом: «Полагаться на них (коллаборантов. — *И.Е.*) нельзя. Мы можем вести пропаганду в сторону противника как угодно. Это все можно делать... Мы не должны эти соединения готовить для кого-то третьего, кто возьмет их в руки и скажет: сегодня мы с вами заодно, а завтра нет. В один прекрасный день

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1102. Л. 66 об.; *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 111.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1102. Л. 47.

мы услышим нечто вроде забастовочного лозунга: "Необходимо различать право пропаганды... и то, что, в конечном счете, мы делаем на самом деле"»[1]. Своими дальнейшими рассуждениями в ходе совещания Гитлер дал понять, что считает коллаборантов из граждан СССР крайне ненадежными, так как их цели в смысле намерения добиваться национальной независимости могут породить ряд проблем для германской оккупационной политики. Чтобы этого избежать, фюрер посчитал необходимым не допускать дальнейшего количественного роста коллаборационистских частей, не создавать части крупнее батальонов[2].

Попытка сплотить коллаборационистское движение под едиными политическими лозунгами мнимого Русского комитета не затормозила начавшегося процесса разложения восточных формирований. Так, за первые шесть месяцев 1943 г. в партизанские бригады, подчиненные штабу Калининского фронта, перешли не менее 1265 коллаборационистов[3]. Количество дезертиров из калининских партизанских бригад за этот же период оказалось гораздо меньше, составив около 180 чел.[4]. В то время как только из РННА 23 февраля на сторону партизан перешли 135 солдат и офицеров во главе с майорами А.П. Руденко (командир артдивизиона РННА) и Г.А. Соделем (главный интендант РННА)[5], среди партизан-дезертиров на это же время значатся лишь 3 чел., относившихся к командному составу[6]. Что касается других территорий, из имеющихся документов не усматривается сколько-нибудь значительных переходов партизан на сторону коллаборационистов.

---

[1] *Двинов Б.Л.* Указ. соч. С. 113—121.

[2] Там же. Единственное официальное исключение было сделано для казачьей дивизии, которая, по заверению Цейтлера, «будет вести себя вполне порядочно».

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 15; Там же. Оп. 2. Д. 899. Л. 31—33.

[4] Там же. Оп. 1. Д. 279. Л. 30—38; Там же. Д. 285. Л. 114—116, 118.

[5] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 13.

[6] Техник-интендант II ранга, начштаба одной из бригад Я.И. Камянин (сбежал в полицию в феврале 1943 г.), командир отделения 6-й бригады лейтенант С.В. Иванов (дезертировал 7 февраля 1943 г.), командир отряда 2-й бригады Н.П. Чуднов (дезертировал 14 февраля 1943 г.). *Мангазеев И.А.* Трудовая жизнь в оккупации; *Он же.* Тверской коллаборационизм.

В период Сталинградской битвы в Локотском автономном округе, по всей вероятности, также отмечены случаи перехода бойцов и командиров РОНА на сторону партизан. Цифры дезертиров нигде не фигурируют, однако уже 20 ноября 1942 г. в «Голосе народа» появилась статья «О дезертирах и партизанах», где говорилось: «К чему ведет дезертирство? Оно ведет к развалу военных сил новой власти, а при развале этих сил к нам возвратятся наши враги, ведущие против нас жестокую борьбу, партизаны»[1]. Ввиду того, что подобных публикаций в прессе Локотского округа ранее не было, можно предположить, что с проблемой дезертирства командование РОНА столкнулось впервые. Кроме того, в феврале—марте 1943 г. в Локотском округе разоблачена антифашистская группа, в которую входили директор Камаричской средней школы Фирсов, завскладом боепитания бригады Каминского Акулов[2], командир 1-го батальона Волков, старшина Хотеевской волости Кудинов[3], врачи Филатова и Трушко. Группа готовила план восстания в Локте, захват танков, взрывы горючего и боеприпасов, планируя осуществить это совместно с партизанской бригадой «За Родину», с которой установила связь[4]. Со своей стороны, партизаны именно в период с зимы 1942 г. по весну 1943 г. развязали террор против ответственных работников Локотского самоуправления, бойцов и командиров бригады Каминского. Если верить сообщениям самоуправления, свои жертвы партизаны подвергали пыткам, выкалывая им глаза, отрубая руки и ноги[5]. По мнению Б.В. Соколова, такие факты вполне могли иметь место[6].

---

[1] Голос народа. 1942. 20 ноября.

[2] Акулов до войны был судим за хулиганство. Голос народа. 1943. 15 августа.

[3] Единственное обвинение, которое смог предъявить Кудинову окружной прокурор Бакшанский, состояло в том, что он «не только не проявлял бдительности к жидам, проживавшим на территории волости, но, наоборот, на почве пьянки тесно связался с жидовской семьей». Голос народа. 1943. 15 августа.

[4] Голос народа. 1943. 30 июня; Голос народа. 1943. 15 августа.

[5] Там же. 1943. 27 февраля.

[6] *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 63.

Несмотря на начавшийся осенью—зимой 1942 г. процесс разложения коллаборационистских формирований, проведенные в этот период политико-пропагандистские акции позволили несколько пополнить контингент коллаборационистских формирований. Кроме того, руководство Германии было поставлено перед необходимостью несколько улучшить положение советских военнопленных и более лояльно обращаться с населением оккупированных территорий. Уже служившие в коллаборационистских частях и соединениях граждане СССР почувствовали возможность объединения усилий для свержения коммунистического режима в СССР.

Советская сторона была всерьез обеспокоена известием о том, что в немецком тылу формируется Русская Освободительная Армия под командованием Власова. Реальная угроза, которую представляла для Красной Армии и советского правительства коллаборационистская пропаганда, подтверждается мемуарами советских военачальников. Так, член Военного совета 1-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенант Н.К. Попель писал, что власовские листовки были опаснее немецких[1], а Маршал Советского Союза В.И. Чуйков вспоминал, что один власовский пропагандист был опаснее целой танковой роты противника[2]. Обеспокоенная результатами коллаборационистской пропаганды[3], советская сторона была вынуждена предпринять цепь контрмер, направленных на минимизацию ее влияния на местное население, партизан и красноармейцев. С этой целью партизанским командованием оккупированных территорий СССР, местным партийным руководством

---

[1] *Попель Н.К.* Указ. соч. С. 91—92.

[2] *Чуйков В.И.* Указ. соч. С. 71.

[3] В ходе начавшейся 6 мая 1943 г. операции «Серебряный лампас» по привлечению перебежчиков из РККА на сторону германских войск в обращениях к красноармейцам впервые были использованы имя Власова и материалы коллаборационистских воззваний. Согласно данным отдела иностранных армий Востока, число перебежчиков увеличилось с 2424 в мае 1943 г. до 6574 в июле. Из 130 «групп перехвата» 97 сообщали о хороших, 9 — о посредственных, 24 — о плохих или ничтожных результатах операции. См.: *Klink E.* Op. cit. S. 139; *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 229.

был выпущен ряд обращений не только к местному населению, но и к бойцам коллаборационистских формирований. Коллаборанты, за исключением пропагандистских материалов, обращенных к ним самим, характеризовались в них как «троцкисты», «уголовники», «выродки», «отбросы», «наемные собаки» и т.д. О причинах их вступления в военные антисоветские формирования говорилось, что это произошло вследствие «политической близорукости», что их заставили «силой оружия», «насильно гонят на фронт для борьбы с Красной Армией». О целях Красной Армии и партизан речь шла исключительно в ракурсе защиты Родины, русского народа без всякого упоминания о коммунизме и Сталине. В этом просматривается намерение составителей советских пропагандистских материалов минимизировать непопулярные среди населения СССР идеалы большевизма, мировой революции и т.д., в большей степени обращаться к национальным ценностям и патриотизму. В некоторой степени причины такой направленности советской пропаганды объясняют слова И.В. Сталина на проходившем с 29 сентября по 1 октября 1941 г. московском совещании представителей СССР, США и Великобритании: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть… Может быть, будет сражаться за Россию»[1]. Примерно в это же время, но уже в кругу советских военачальников Сталин говорил: «У нас нет иллюзий, что они (красноармейцы. — *И.Е.*) воюют за нас. Они воюют за Родину»[2]. Какой-либо серьезной критики коллаборационистских идейных установок в партизанских материалах не содержится, за исключением обтекаемых ярлыков, что это «лживые листовки» и «брехня», а также заверений, что в них «нет ни одного слова правды» (Приложение 1. Документ 8). Так, партизаны и партийные органы не решились вступить в полемику по поводу тринадцати пунктов обращения Русского комитета, высказать критику открытого письма Власова, материалов 1-й антибольшевистской конференции, манифеста НСПР и т.д. Ни одна из партизанских листовок не содержит цитат или ссылок на коллаборационистские материалы. Вместо критики идейных установок коллаборационистов партизаны критиковали

---

[1] Цит. по: *Вдовин А.* Указ. соч. С. 143.

[2] Цит. по: *Павлов В.В.* Указ. соч. С. 321.

сам факт их союза с немцами. Это позволяет предположить либо о невозможности партизан что-либо противопоставить идейной базе коллаборационистов, либо о нежелании обнародовать какие бы то ни было положения их идейной платформы дабы не возбуждать интерес населения к ней. Бросается в глаза и та деталь, что из причин вступления советских граждан на путь коллаборации листовки упоминали такие, как принудительная мобилизация, беспринципность, порожденная криминальным прошлым, трусость. Такие причины, как оппозиция советскому режиму, ужасающие условия плена, породившие желание выжить, замалчивались.

Одновременно советской стороной были предприняты меры дискредитации Власова как лидера Русского освободительного движения. Так, в выпущенной в начале 1943 г. ГлавПУРом листовке он изображался троцкистом, активным участником контрреволюционной группировки, обвинялся в том, что до войны вел переговоры с Японией и Германией о продаже им советских земель. Дальнейшее пребывание Власова на ответственных должностях в РККА составители листовки объясняли тем, что привлеченный к ответственности Власов «вымаливал прощение», а советское правосудие «простило Власову его преступления». Далее Власову ставилось в вину, что он во время войны сдал немцам 37-ю армию под Киевом и 2-ю ударную армию на Волховском фронте (Приложение 1. Документ 9). Партизанские газеты, рассчитанные, в основном, на население оккупированных областей, стали также публиковать материалы подобной направленности[1].

Нелепость и низкопробность обвинений в адрес Власова были явными. Тем не менее текст листовки усиленно распространялся как среди красноармейцев, так и на оккупированных территориях СССР. По свидетельствам лиц, переживших оккупацию, опрошенных автором диссертации на территории Орловской и Смоленской областей (всего около 20 чел.), данная листовка принесла партизанам больше вреда, чем пользы, сея недоверие к советской

---

[1] *Александров Е.* Торговцы Родиной // Ленинградский партизан. 1943. 5 апреля; *Кокотов Л.* Лжерусский комитет // За советскую Родину. 1943. 29 апреля; *Павлов А.* Иудушка Власов // За советскую Родину. 1943. 15 мая; Смерть презренному предателю Власову, подлому шпиону и агенту людоеда Гитлера // За правое дело. 1943. 4 июля.

пропаганде в принципе. Так, большинство респондентов утверждали, что сомневались в том, что человека, проводившего шпионскую работу в пользу Японии и Германии, советское правосудие могло простить. Столь же нелепо в глазах населения выглядело утверждение, будто Власов сдал немцам две армии, так как до этого советская пресса превозносила Власова, восторгалась его подвигами, публиковала статьи самого Власова[1]. Лишь меньшинством красноармейцев и жителей оккупированных областей текст листовки мог быть воспринят реально, в дальнейшем определив их отношение к Власову[2].

Обращает на себя внимание то, что коллаборационисты в своих листовках в отличие от Красной Армии и партизан, как правило, отвечали на советскую пропаганду, причем им удавалось отпарировать доводы советской стороны. Так, в ответ на слова одного из обращений «вам насильно дали оружие и насильно ведут в бой» коллаборационисты в ответной листовке писали: «Заряженное оружие в руки многотысячной армии насильно не дашь». А на слова «Красная Армия защищает счастливую жизнь народов СССР» последовал ответ: «Ну, уж нас на “счастливую жизнь” не поймать! 25 лет сами жили под советской звездой!» (Приложение 1. Документ 5). Передислоцированная в Витебскую область бригада Каминского в ответ на предложение партизанского командования перейти к ним с условием сохранения бойцам и командирам званий и зарплаты адресовала партизанам открытое письмо со словами: «Это могут предлагать только бандиты, не имеющие понятия об идейности борьбы» (Приложение 1. Документ 6).

Имеющиеся свидетельства участников событий, в том числе отраженные в литературе, дают основания говорить о низком воздействии советской пропаганды. Так, еще в мае 1942 г. возглавлявший партизанские соединения в Смоленской области Н.З. Коляда на приеме у члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Андреева заметил, что «листовки, разбрасываемые обкомом, не имеют зна-

---

[1] *Огин П., Кроль Б.* Командир передовой дивизии // Красная звезда. 1940. 9 ноября; *Власов А.* Новые методы учебы // Красное знамя. 1940. 3 октября; Правда, 1941. 13 декабря; Известия. 1941. 13 декабря.

[2] *Колесник А.Н.* Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. С. 15, 21—22.

чения. Партийные органы себя дискредитировали...»[1]. Один из немецких военнопленных, попавший в плен летом 1943 г., засвидетельствовал, что «листовки (советские. — *И.Е.*) примитивны и никакого влияния оказать не могут»[2]. Бывшие коллаборационисты В.М. Алексашкин, В.А. Комаров, Н.В. Чикетов рассказывали, что листовки партизан, предназначенные для коллаборационистских частей, отличались крайней неаргументированностью, а их чтение давало коллаборантам лишь повод для смеха и шуток.

В некоторых случаях советская пропаганда, обращенная к коллаборационистам оккупированных территорий, предлагала им нереальные условия прощения. Так, приказ от 15 августа 1943 г. Военного совета Северо-Западного фронта за подписью командующего фронтом генерал-лейтенанта П.А. Курочкина, начальника штаба генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина, ответственного за политработу генерал-лейтенанта В.Н. Богаткина, оттиражированный в виде листовки, гласил, что для того, чтобы заслужить прощение советского правительства, офицерам, унтер-офицерам и рядовым «банд так называемой русской освободительной армии» следует поднять вооруженное восстание и овладеть районом Псков—Дно—Нарва, протяженностью в 200 километров. Затем следовало уничтожить все немецкие гарнизоны в Пскове, Дне, Порхове, Дедовичах, Нарве, Локне и других пунктах, взорвать вокзалы, мосты и др. объекты, перекрыв пути для доставки подкреплений, убить всех жителей, хотя бы в малейшей степени сотрудничавших с немцами. Частям РОА, находившимся на фронте, следовало отрезать войска противника от тыловых соединений, разрушить их оборонительные укрепления, депо, мосты, железнодорожные линии, прорвать фронт и объединиться с Красной Армией. По всей вероятности, советское командование, обеспокоенное пропагандистской кампанией, восприняло реально весть о создании в немецком тылу крупных коллаборационистских сил. Тем более что в Центральный штаб партизанского движения поступали самые невероятные, не имеющие ничего общего с реальностью разведданные. Так, летом 1943 г. стало известно, что якобы против брянских партизан стоят три дивизии РОА, имеющие

[1] Цит. по: *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 53.

[2] Неизвестная блокада. С. 356.

100 танков, 500 автомашин, а также, что под Витебском сосредоточены 65 000 солдат РОА[1].

Что касается коллаборационистов, можно предположить, что, ознакомившись с нереальными условиями прощения, многие из них могли сделать лишь тот вывод, что пути назад для них уже нет.

Таким образом, возникновение советского военно-политического коллаборационизма обусловлено рядом объективных причин, сложившимися в советском обществе противоречиями, истоки которых крылись в сталинской системе правления. В период германского нашествия, когда под угрозу было поставлено само существование государственной системы СССР, эти противоречия вскрылись, приняв в ряде случаев форму социального протеста. В то же время анализ причин становления на путь коллаборации с немцами не позволяет говорить о массовости антисоветских настроений, породивших желание бороться против советского режима. На первое место правомерно поставить безвыходность ситуации, сложившейся для подавляющего большинства советских военнопленных, тем более что именно они составили наибольший потенциал для создания антисоветских боевых единиц. Для населения оккупированных областей среди причин коллаборации в большей мере присутствовал экономический фактор.

Что касается агитации и пропаганды, обращенных к народам СССР с целью формирования коллаборационистских настроений, они на протяжении войны, в частности, оккупации, не были однородными. Проводившиеся политико-пропагандистские мероприятия претерпевали изменения в зависимости от периодов войны, положения на фронтах, проблем, которые доставляло оккупантам партизанское движение. Так, если в первые месяцы войны пропаганда отличалась примитивизмом, играя лишь на экономических противоречиях советского общества, то с провалом «блицкрига» и перехода войны в затяжную форму пропаганда постепенно приобрела политическую направленность.

Для придания пропаганде политической окраски германское командование использовало ряд противоречий советского общества. Долговременный характер войны, обозначившийся с конца 1941-го — начала 1942 г., неспособность обеспечить охрану ком-

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 30; там же. Д. 864. Л. 156.

муникаций собственными силами вынудили оккупантов пойти на сотрудничество с гражданами СССР, использовав их для несения тыловой службы. Одним из рычагов поддержания коллаборационистских настроений наряду с политикой «кнута» явилась политика «пряника». Невозможность сотрудничества с населением лишь при помощи репрессивных мер вынудила германское командование провести комплекс политико-пропагандистских мероприятий, дав населению оккупированных областей и военнопленным успокаивающие обещания относительно будущего народов СССР. Причем большинство из них были отданы на откуп коллаборационистских лидеров.

Весь комплекс политико-пропагандистских мероприятий коллаборационистов можно рассматривать как попытку перевести коллаборационизм в политическое русло, представить его как Освободительное движение народов СССР, придать характер гражданской войны. Однако выбить из рук Сталина козырь «отечественной войны» такими методами не удалось, так как коллаборационистские лидеры были лишены возможности довести свою политическую платформу до практического воплощения. И если германское руководство могло позволить декларирование идей о послевоенном воссоздании свободной России, то их реализация на оккупированных территориях не состоялась. В результате почти все декларируемые идеи, обещания стали лишь пропагандистской фикцией, направленной на поддержание коллаборационистских настроений в объеме, необходимом германскому командованию.

§ 2. Коллаборационизм в области религии

Одним из значительных факторов поддержания коллаборационистских настроений на оккупированных территориях СССР стал религиозный. Используя в своих целях религию, оккупанты были вынуждены балансировать между двумя противоположностями. Первая из них заключалась в том, что врагом национал-социализма наряду с еврейством, масонством, марксизмом и либерализмом в первую очередь была объявлена церковь. Причина в том, что принципы нацизма и христианства диаметрально противоположны. Церковь не признает рас, проповедует равенство всех людей пред Богом, кроме того, основателями христианства были

евреи. Вторая противоположность заключалась в том, что именно церковь составляла в СССР оппозицию большевизму, подвергалась истреблению со стороны советской власти, а ее священнослужители и рядовые верующие были в большинстве репрессированы. Так, из 141 757 служителей Русской православной церкви, отправлявших службу на момент Октябрьской революции, на начало Великой Отечественной войны на свободе оставались около 500, в том числе 4 правящих архиерея[1]. В частности, в Орловской области за 5 предвоенных лет были осуждены около 2000 священнослужителей, из них 1209 чел. расстреляны, 712 чел. приговорены к различным срокам заключения[2]. А из 69 000 православных храмов на начало войны действовало всего 350—400[3], то есть около 0,5 % от их дореволюционного количества. Обычным было положение, когда на крупную область оставалось по 1—2 действующих храма. Так, в Орловской области действовало всего две церкви: Рождественская в г. Болхове и Никольская в селе Лепешкине Орловского района[4], в Пскове власти к началу войны не успели закрыть лишь одну кладбищенскую церковь Св. Димитрия Солунского[5], всего же на пространстве от Гатчины до Новгорода и Великих Лук на начало войны действовало всего 8 православных храмов[6], в Смоленске оставалась не закрытой лишь Тихвинская церковь[7], на территории Воронежской области оставались не закрытыми две церкви[8].

Еще в конце 1930-х гг. на большей части территории РСФСР были упразднены епархии, репрессированы их правящие архие-

---

[1] *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943—1945 гг. С. 343.

[2] *Амиргулова В.И.* Указ. соч. С. 95.

[3] *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943—1945 гг. С. 343.

[4] Там же.

[5] *Полчанинов Р.В.* Указ. соч. С. 107.

[6] *Матвеева-Рацевич Р.И.* Воспоминания о Псковской миссии \\ Под оккупацией: сб. статей \ под ред. Б.С. Пушкарева. М.: Посев, 2004. С. 95.

[7] Новый путь. 1943. 27 июня. № 50.

[8] На 1 января 1917 г. в Воронежской губернии было 1128 православных храмов, из них 13 соборных, 1014 приходских, 54 монастырских, 14 кладбищенских, кроме того, действовало 433 домовые церкви. См.: http://nova.rambler.ru

реи. Так, с 1936 г. прекратила свое существование Воронежская епархия, правящий архиерей был репрессирован. В Смоленске в 1937 г. по сфальсифицированному делу «контрреволюционной организации церковников по городу Смоленску» расстреляли последнего главу епархии — архиепископа Серафима (Остроумова)[1]. Как правило, приходы той или иной области за неимением правящих архиереев подчинялись непосредственно патриаршему местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому).

Еще менее благополучно обстояло на территории РСФСР дело у протестантов и сторонников иных неправославных конфессий. Так, из молитвенных домов баптистов на начало войны действовало лишь 4: в Москве, Ленинграде, Новосибирске и Ульяновске. Из католических костелов — 2, причем в качестве священников трудились иностранные граждане. Евангелическо-лютеранская церковь в 1937 г. вовсе прекратила свое существование[2]. Не было на начало войны ни одного действующего молитвенного дома и у таких конфессий, как адвентисты седьмого дня, свидетели Иеговы и др. Причем ликвидация религии продолжалась даже после нападения Германии на СССР. Так, в г. Орле решением исполкома Орловского областного совета депутатов трудящихся от 25 июня 1941 г. № 1288 была закрыта Афанасьевская церковь с передачей здания под общественные нужды под предлогом того, что община верующих якобы распалась 3 года назад[3]. Лишь за несколько дней до занятия Орла немцами в Афанасьевской церкви было снова разрешено богослужение[4].

Несмотря на попытки советской власти полностью уничтожить религию, довольно ощутимая часть населения РСФСР на начало войны сохранила приверженность христианству, в основном — православию. Так, по Почепскому району Орловской области о сохранившейся накануне войны религиозности населения говорят следующие цифры. В с. Третьяки из 56 дворов 88 чел. при переписи назвались православными, 5 — баптистами, 26 — без-

[1] *Гундяев Кирилл (митрополит).* Православие в истории Смоленской земли // Смоленские епархиальные ведомости. 2000. № 1. С. 27.

[2] Lutherischer Dienst in der Sowjetunion. Nr. 2\1991. S. 7.

[3] *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943—1945 гг. С. 344.

[4] Там же.

божниками. По участку № 3 г. Почепа 86 записались православными, 5 — безбожниками, по участку № 118: 49 — православными, 3 — безбожниками, по участку № 122: 40 — православными, 6 — безбожниками[1]. Согласно сообщению СД от 12 декабря 1941 г., проведенная перепись населения Смоленска выявила следующее: 24 100 жителей записались православными, 1128 — верующими других конфессий и только 201, что составляет менее 1 %, — неверующими[2]. Подобное положение, согласно данным М.В. Шкаровского, складывалось повсеместно — в других городах РСФСР неверующими называли себя от 1 до 4 % населения[3]. Разумеется, эти данные нельзя считать абсолютно достоверными, так как часть опрошенных могли скрывать свои действительные взгляды на религию, опасаясь репрессий со стороны немцев, способных, по мнению населения, отождествлять неверующих с коммунистами. Однако правомерно предположить, что ощутимая часть населения на период оккупации сохранила если не веру, то по меньшей мере приверженность православным традициям. По крайней мере в феврале 1937 г. в докладной записке «О состоянии антирелигиозной работы» на имя секретарей ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича, А.А. Андреева, Н.И. Ежова Отдел культпросветработы ЦК ВКП(б) констатировал, что полное закрытие церквей в ряде районов РСФСР не привело к снижению религиозности населения. В частности, появились «разъездные попы», бродячие монахи, создавались подпольные «молельни», во время засухи проводились крестные ходы, а лишенные приходов церковники продолжали пользоваться авторитетом среди населения, вели активную работу[4].

Не только в центральных областях России, но и на ее окраинах, например, на Северном Кавказе, по данным А.В. Посадского, в самый канун войны активно отмечались религиозные праздники, свою деятельность активизировали подпольные церковные круж-

---

[1] *Перелыгин А.И.* Русская православная церковь в Орловском крае (1917—1953 гг.). С. 81.

[2] *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная церковь. С. 409.

[3] Там же.

[4] *Перелыгин А.И.* Русская православная церковь в Орловском крае (1917—1953 гг.). С. 81.

ки. Из форм подпольной религиозной деятельности практиковались заочные обряды, появление в деревнях «бродячих» священников. А советские документы, описывая сложившуюся накануне войны ситуацию, оперировали словами «подполье», «церковно-кулацкие элементы», «контрреволюционные элементы из церковников и белогвардейцев»[1]. Центром религиозности стал Буденновский район, который рассматривался как центр «контрреволюционного тихоновско-имяславского церковного подполья». Здесь действовали даже подпольный монастырь и церковно-повстанческая организация, ликвидированная в 1940 г. В другом документе констатировалось, что именно политика советского государства толкала верующих «в лапы контрреволюционных церковников»[2].

Учитывая этот фактор, оккупанты были вынуждены пойти на поддержку религии с целью завоевания симпатий населения. В своей докладной записке заместителю начальника ЦШПД Сергиенко от 30 ноября 1942 г. представитель ЦШПД на Брянском фронте, старший майор госбезопасности Матвеев и зам. начальника разведотдела майор Быстров констатировали, что в проводимой немцами на оккупированной территории политике религиозный фактор занимает «далеко не последнее место». А также, что «подчеркнуто благоприятное отношение немцев к религии и церковникам противопоставляется — в печатной и устной пропаганде — антирелигиозной политике советской власти, якобы “убивающей духовную жизнь народа”, отправляющей в тюрьмы за религиозные убеждения. Все это в переплетении с гнуснейшими антисоветскими высказываниями преподносится и с подавляющего числа церковных амвонов»[3]. Подобным образом представитель ЦШПД на Калининском фронте, член Военного совета фронта Н. Рыжиков докладывал, что «для использования в своих целях религии немцы с момента оккупации Калининской области начали усиленно проводить агитацию за открытие церквей»[4].

Однако поддержка германскими властями религии на территории РСФСР не была однозначной. Так, Гитлер считал христи-

---

[1] *Посадский А.В.* Дис. докт. ист. наук. С. 602.

[2] Там же.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 149.

[4] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 28 об.

анство не меньшим злом, чем большевизм. В июле 1941 г. фюрер высказался: «Самый тяжелый удар человечеству был нанесен появлением христианства. Большевизм — незаконное дитя христианства»[1]. В соответствии с указаниями Гитлера наряду с поддержкой религиозного движения предусматривалось его дробление на отдельные течения, что было продиктовано боязнью консолидации «руководящих элементов», что в дальнейшем могло вылиться в проблему в деле воплощения «восточной политики». Уже 11 апреля 1942 г. Гитлер заявил: «Нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои, особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы»[2]. Относительно будущего христианской религии Гитлер в отличие от Сталина, уничтожавшего церковь физически, считал, что «в этом деле нельзя ломать через колено. Нужно подождать, пока церковь сгниет до конца, подобно зараженному гангреной органу. Нужно довести до того, что с амвона будут вещать сплошь дураки, а слушать их будут старухи. Здоровая, крепкая молодежь уйдет к нам»[3]. Такое мнение фюрера, применительно к России, вполне согласовывалось с доктриной национал-социализма, объявившего славян «недочеловеками», вполне достойными такого духовного фундамента, как христианство. В консолидирующую силу православия в первые месяцы «восточной кампании» фюрер, очевидно, также не верил, имея в виду неспособность церкви остановить победу в России большевизма и предотвратить падение монархии: «Внутри страны (России. — *И.Е.*) попы не смогли обеспечить прочную основу существующему строю. Появился большевизм»[4].

---

[1] Цит. по: *Млечин Л.М.* Указ. соч. С. 308.

[2] Цит. по: *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943—1945 гг. С. 350.

[3] Цит. по: *Гусев Б.С.* Почему зазвонили колокола \\ С Богом в оккупации: сб. статей \ под ред. М.И. Егоровой. СПб., 2002. С. 26.

[4] Там же. С. 30.

Глава Восточного министерства Германии А. Розенберг, считая православие «красочным этнографическим ритуалом», призывал германских администраторов относиться к этим ритуалам терпимо, даже по мере необходимости поощрять их как средство, обеспечивающее повиновение славянского населения[1].

Самый ранний нормативный акт, касающийся отношения к РПЦ, вышел 2 июля 1941 г. за подписью главы РСХА Гейдриха. В нем говорится о необходимости содействия расчленению РПЦ. 16 августа 1941 г. Гейдрих издал приказ, запрещающий какое-либо содействие религиозной жизни в СССР, подчеркивающий необходимость соблюдать осторожность в отношении к Московской патриархии, кроме того, в приказе поставлен вопрос об аресте в будущем патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). В новом приказе, от 15 октября 1941 г., запрещалось открытие на оккупированных территориях духовных учебных заведений, а также подчеркивалась необходимость предотвращения оживления церковной жизни[2]. На прошедшем 22—23 сентября 1941 г. в Берлине совещании РСХА в одном из десяти прочитанных докладах говорилось, что ввиду того, что РПЦ инфицирована большевизмом, о ее восстановлении на захваченном восточном пространстве не может быть и речи. В конце доклада ставилось две задачи. Согласно первой, необходима поддержка церквей меньшинства во вред более мощным. Очевидно, здесь под «церквями меньшинства» подразумевались протестантские церкви, а под «более мощными» — православие. Согласно второй задаче, указанной в докладе, необходимо внедрять в протестантские религиозные общины сеть агентов, чтобы своевременно получать информацию, а также не допускать мощного влияния этих общин на население[3].

Уже в конце июля 1941 г. Гитлер издал директивы о запрете военнослужащим вермахта оказывать какое-либо содействие в

---

[1] *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 204.

[2] *Шкаровский М.В.* «О поддержке Православной церкви не может быть и речи». Церковная политика нацистской Германии на захваченных территориях СССР 1941—1945 гг. // Источник. Документы российской истории. 2001. № 6. С. 74.

[3] *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная церковь. С. 150.

возрождении церковной жизни на захваченном «восточном пространстве». Эти указания фюрера вошли в приказ ОКВ от 6 августа 1941 г. 2 октября 1941 г. командующим тыловыми областями групп армий были разосланы дополнительные директивы Гитлера, запрещающие помощь военных в возрождении православной жизни[1]. Однако, согласно утверждению М.В. Шкаровского, военная администрация «на практике смягчала принятую нацистскими ведомствами линию в отношении Российской церкви»[2].

Эта двойственность отношения оккупантов к христианству как нельзя лучше проявилась в их конкретном отношении к религиозным чувствам населения России. Оказывая помощь населению в открытии церквей, с одной стороны, немцы в то же время зачастую оскорбляли религиозные чувства верующих. Так, в оккупированных районах Калининской области зарегистрированы множественные случаи, когда солдаты и офицеры вермахта, занимая населенные пункты и располагаясь в домах верующих, выбрасывали иконы и иные предметы культа вместе с мусором, а в холодное время нередко использовали иконы для растопки печей[3].

Тем не менее, согласно уже цитировавшейся докладной записке Матвеева и Быстрова, с первых же дней оккупации немцами и органами местного самоуправления были приняты меры по открытию церквей[4]. Судя по докладу Н. Рыжикова, немцы производили ремонт церквей за счет населения, сами занимались подбором кадров священнослужителей[5]. Для отправления религиозных служб, возрождения храмов создавались весьма благоприятные условия. Так, верующим передавались не только закрытые храмы, но и там, где церковные здания отсутствовали, школьные, клубные, колхозные, общественные помещения с правом их использо-

---

[1] *Шкаровский М.В.* «О поддержке Православной церкви не может быть и речи». Церковная политика нацистской Германии на захваченных территориях СССР 1941—1945 гг. С. 80.

[2] *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная церковь. С. 150.

[3] ТЦДНИ Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 28 об.

[4] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 149.

[5] ТЦДНИ Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 28 об.

вания для проведения богослужений[1]. В частности, в Орле были восстановлены Богоявленский кафедральный собор (до войны использовался как антирелигиозный музей), Крестительская и Никитская церкви. Всего до окончания оккупации в Орле действовало пять церквей[2]. В Брянске в течение первого года оккупации открылось не менее четырех церквей[3].

В тех местностях, где открыть церковь или молитвенный дом было невозможно, тем не менее проводились нерегулярные, иногда разовые мероприятия религиозного характера, например, служились молебны, приуроченные к тому или иному событию. К их организации привлекались местные старосты, которые выделяли соответствующие помещения, заботились о доставке священников[4].

Нередки случаи, когда командование германских частей и соединений передавало верующим храмы, оказывало помощь в их восстановлении. Причем делалось это вопреки поступившему уже в июле 1941 г. вышеупомянутому запрету Гитлера оказывать помощь в возрождении церковной жизни в России. Тем не менее многие командиры вермахта, не будучи согласны с генеральной линией фюрера, пытались ее игнорировать. На торжествах по открытию храмов присутствовали представители германского командования, наравне с местным населением принимая участие в религиозных церемониях, как, например, в г. Борисове, где на освящении переданного верующим храма присутствовали фельдмаршал фон Бок и высшие офицеры группы армий «Центр»[5].

Уже в этот период, в течение лета-осени 1941 г., зарегистрированы эпизоды, когда религиозный коллаборационизм трансформировался в военный. В частности, в октябре 1941 г. в тылу 18-й немецкой армии при абвере из староверов был создан русский вооруженный отряд. К концу 1941 г. он разросся в роту численностью в 200 чел., которая участвовала в бою под г. Тих-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 149.

[2] *Верт А.* Указ. соч. С. 502.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 150.

[4] ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 5. Л. 44 об.

[5] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 25.

вином, дислоцировалась в селе Лампове — одном из северо-западных центров староверов-федосеевцев. По данным абвера, старообрядцы стали для фронтовой разведки особо ценным материалом в отличие от священников РПЦ и протестантов[1]. По данным А.В. Посадского, именно старообрядцы оказывали оккупантам большую помощь в борьбе с партизанским движением. В частности, точно информировали абвер о дислокации партизанских отрядов, их передвижениях, в то же время среди старообрядцев не было советских агентов. Попавший в немецкий плен советский майор госбезопасности на допросе показал, что в течение 1941—1942 гг. множество переброшенных за линию фронта советских агентов погибли либо от рук староверов, либо были выданы ими врагу, что объясняется большим количеством староверов в северо-западной части России, их враждебностью к советской власти[2].

Русская православная церковь на оккупированных территориях имела сложную и запутанную систему управления, которая не была централизованной. Некоторые епархии подчинялись Архиерейскому синоду Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), некоторые были самостоятельными, не сумев попасть под чью-либо юрисдикцию. Так, учрежденная в марте 1942 г. Смоленская епархия, в которую вошла также значительная часть территории современной Брянской области, вошла в состав Белорусской православной церкви. Правящим архиереем был поставлен епископ Орловский и Брянский Стефан (Севбо), прибывший в Смоленск лишь 27 декабря 1942 г.[3]. Наиболее парадоксальная ситуация сложилась в оккупированной части Ленинградской области, включая Псковский и Новгородский районы, управлял которой экзарх Московской патриархии в Прибалтике митрополит Вильнюсский и Литовский Сергий (Воскресенский), подчинявшийся жившему в Москве патриаршему местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому). С приходом немцев ставленник Константинопольской патриархии митрополит Августин (Петерсон), руководивший церковной жизнью в Прибалтике до

[1] *Посадский А.В.* Дис. докт. ист. наук. С. 614—615.

[2] Там же. С. 615.

[3] Новый путь. 1943. 3 января. № 2 (124).

февраля 1941 г., обратился к германским властям с просьбой выслать митрополита Сергия как ставленника Москвы и переподчинить церковь Прибалтики и Ленинградской области Константинопольской патриархии. Однако митрополит Сергий к тому времени завоевал себе авторитет среди священников и епископов, в результате почти все приходы встали на его сторону. Б.С. Гусев описывает, как экзарх, собрав духовенство Риги в Троице-Сергиевском монастыре, заявил: «Я должен вам сообщить, что сам я был и остаюсь послушником митрополита Сергия (Страгородского), а как вы?»[1] Одновременно митрополиту Сергию удалось убедить оккупационные власти, что подчинение гонимому большевиками патриаршему местоблюстителю Сергию лишь стимулирует антикоммунистические настроения православного населения, тогда как переподчинение церкви в Прибалтике и Ленинградской области митрополиту Августину, резиденция которого находится в Англии, не даст должного эффекта. Германское командование согласилось с этим доводом, так как влияния Англии немцы боялись больше ввиду того, что церковь в Москве была гонима, а в Англии пользовалась почетом[2].

Будучи номинально подчинен патриаршему местоблюстителю, а с сентября 1943 г. — патриарху Московскому и всея Руси Сергию, митрополит Сергий одновременно установил неплохие отношения с германскими оккупационными властями, необходимые для решения организационных церковных вопросов. Однажды экзарх даже послал приветственную телеграмму Гитлеру[3]. Он же устраивал торжественные приемы, приглашая на них представителей германских властей, однажды возил одного из немецких генералов в Псково-Печерскую лавру, где хранились подлинные полотна Репина и Айвазовского. Авторитет митрополита был столь высок, что немцы, прекрасно зная цену этих картин, не тронули их[4]. Схожую характеристику митрополиту Сергию дал псаломщик С.Д. Плескан в своем письме митрополиту Алексию от 25 января 1944 г. о положении церкви во время оккупации:

---

1 *Гусев Б.С.* Указ. соч. С. 31.

2 Там же. С. 30—31.

3 Там же. С. 31.

4 Там же. С. 26.

«Это тучный человек с большим самолюбием, властью и славой. Доверенная власть со стороны немцев была огромна. Везде, где он появлялся, был триумф...»[1]

При всем при этом митрополит Сергий вряд ли испытывал искреннюю симпатию к оккупантам и установленному ими на захваченной территории СССР режиму. Скорее, он вел с ними тонкую дипломатическую игру. Так, в разговоре с русским эмигрантом, заметившим, что экзарх обращается к немцам с нереальными и заведомо не исполнимыми просьбами, Сергий ответил: «Не таких обманывали! С НКВД справлялись, а этих колбасников обмануть не трудно»[2].

Уже в июле 1941 г. по почину митрополита Сергия была создана Псковская миссия РПЦ, которая ставила своей задачей духовное просвещение народа, восстановление подавленной советской властью церковной жизни в занятых немцами областях. Одновременно, в начале июля 1941 г., Сергий вступил в переговоры с германским командованием, предложив отправлять миссионеров в «большевистские области России»[3], под которыми, очевидно, понимались оккупированные территории. Немецкое военное командование дало согласие на открытие миссии, положительно относилось ко всем начинаниям экзарха. Уже в августе 1941 г. в Псков прибыли первые 15 русских священников из Прибалтики. В дальнейшем священнослужители продолжали прибывать, их общее количество к концу оккупации составило 200 чел.[4]. Кадры священнослужителей готовили двухгодичные курсы в Вильнюсе, причем их выпускники направлялись не только на территорию миссии, но и на другие территории России. Курсанты обучались, проживали и питались бесплатно[5].

Миссия распространяла свое влияние на современные Псковскую, Новгородскую области и часть Ленинградской. За 2,5 года

---

[1] *Данилушкин М.* История Русской православной церкви. Новый патриарший период. Т. 1. 1917—1970. СПб.: Воскресение, 1997. С. 878.

[2] *Гусев Б.С.* Указ. соч. С. 31.

[3] *Митрофанов Г.* Коллаборационизм или церковное возрождение? \\ Церковный вестник. 2005. Февраль. № 3 (304).

[4] *Матвеева-Рацевич Р.И.* Указ. соч. С. 95.

[5] *Митрофанов Г.* Указ. соч.

оккупации при содействии миссии на пространстве от Гатчины до Новгорода и Великих Лук открылось более 470 храмов[1].

Миссия находилась на полном самообеспечении, ее материальными вопросами занимался хозяйственный отдел, который имел в ведении свечной завод, магазин церковных принадлежностей, иконописную мастерскую. Все подразделения хозотдела приносили ежемесячный доход до 4000 рейхсмарок, которые расходовались на содержание сотрудников, ремонт храмов и иных зданий, канцелярские нужды[2].

В Орле было организовано Епархиальное управление, возглавил которое протоиерей Иоанн Макавеев, после революции бросивший священство и работавший сторожем. Усилия епархии получить правящего архиерея не увенчались успехом. Соответствующее обращение епархии в октябре 1942 г. к митрополиту Берлинскому и Германскому Серафиму (Ляде) с просьбой прислать в Орел епископа было удовлетворено Архиерейским синодом Русской православной церкви за рубежом, однако из-за противодействия немцев епископ в Орел так и не прибыл. Весь период оккупации области епархию возглавлял Иоанн Макавеев. Он развил бурную деятельность по возрождению православия. Так, им были подготовлены 25 законоучителей для обучения детей Закону Божиему. 23 февраля 1942 г. в Богоявленском соборе прошло торжественное богослужение с участием более чем 200 детей и их родителей. В декабре того же 1942 г. при Епархиальном управлении открылась духовная школа для подготовки церковнослужителей[3]. Школы для обучения детей религии открывались повсеместно и в других областях РСФСР. Поддержка оккупационными властями религиозного воспитания молодежи была в ряде мест до того значительной, что учащиеся церковных школ не подлежали учету на бирже труда, получая продовольственные карточки через школы. Это было использовано частью населения как способ уклонения от обязательных работ. Так, в Пскове в открывшуюся при храме Святого Димитрия Солунского церковную школу, в основном, поступали юноши и девушки

[1] *Матвеева-Рацевич Р.И.* Указ. соч. С. 95.

[2] *Митрофанов Г.* Указ. соч.

[3] *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943—1945 гг. С. 347—348.

старше 14 лет, открыто объясняя свой выбор нежеланием работать на немцев. Узнав об этом, германская администрация дала указание бирже труда с осени 1942 г. взять на учет учеников школ старше 14 лет, в результате число учащихся в церковных школах Псковского района резко сократилось[1]. В г. Смоленске в 1943 г. по инициативе епископа Стефана (Севбо) для подготовки священнослужителей из мирян открылись пастырские курсы. В число их слушателей с целью обновления знаний зачислялись также священно- и церковнослужители, долгое время не служившие при советской власти. Преподавали на курсах как смоленские священнослужители, так и представители городской интеллигенции, в основном, преподаватели Смоленского педагогического института. В программу курсов входили предметы: священная история Ветхого и Нового Заветов (протоиерей Н. Шиловский), литургика и катехизис (протоиерей П. Беляев), церковнославянский язык (профессор Д.И. Абрамович), церковное пение (протоиерей Е. Люзлов), история церкви (профессор Д.П. Сошальский, бургомистр Смоленска Б.Г. Меньшагин), основное богословие (профессор А.Н. Мариинский), нравственное богословие (епископ Стефан). Программа курсов была рассчитана на три месяца — июнь, июль, август. Всего курсы провели один выпуск, составивший 40 человек[2]. В том же Смоленске к сентябрю 1942 г. на базе Успенского собора сформировался кружок интеллигенции, преобразованный 25 марта 1943 г. епископом Смоленским и Брянским Стефаном в Смоленский епархиальный комитет по религиозно-нравственному просвещению. Комитет возглавил сам епископ Стефан, а вошли в него как представители духовенства, так и интеллигенции: профессор богословия Д.И. Абрамович, профессор А.И. Колесников, профессор А.Н. Мариинский, профессор Д.П. Сошальский, писательница Е.В. Домбровская, инженер Виноградов и другие. К задачам комитета относились религиозно-просветительская работа с использованием радио, газет, проповедей, концертов, издательское дело, создание библиотек, а также работа с детьми. Усилиями кружка, впоследствии — комитета, в течение октября 1942 г. —

---

[1] *Полчанинов Р.В.* Указ. соч. С. 107—108.

[2] Новый путь (г. Смоленск). 1943. 13 июня. № 46 (168).

февраля 1943 г. по радио протранслировано 9 докладов, в том числе: «Вера и знание», «Религиозные мотивы в русской поэзии», «Природа доказывает бытие Бога», «До чего довело нас безбожие»[1], в октябре 1942 г. был издан молитвослов тиражом в 15 000 экземпляров, издавался церковный календарь со статьями на духовно-нравственные темы, в июне 1943 г. вышла брошюра «О таинствах Святой православной церкви», в газетах помещено 11 статей, в храмах после богослужений прочитано 8 докладов, при пяти храмах Смоленска открыты библиотеки[2]. Введение по инициативе комитета в школах Смоленска Закона Божиего с апреля 1943 г., если верить писательнице Е.В. Домбровской, нашло поддержку как самих учащихся, так и их родителей[3].

В этой связи правомерно признать за РПЦ заслугу в деле концентрации вокруг нее интеллигенции, что в условиях оккупации и прекращения работы вузов стало одним из немногих средств, пусть минимального, сохранения интеллектуального потенциала России.

В то же время немцы установили надзор за церковью, осуществляли который назначенные ими чиновники, преимущественно из белоэмигрантов. Так, за церквями Орловской епархии надзирал русский белоэмигрант Константинов, через которого проходили практически все вопросы церковной жизни, и даже резиновые печати каждой из церквей хранились под замком в столе у Константинова. Это лишало церкви всякой самостоятельности, что возмущало многих священников, вынужденных, однако, в силу сложившихся обстоятельств мириться с таким положением[4].

Наряду с чисто религиозными вопросами епархиальные управления и клир немалое значение придавали мероприятиям по поддержке германской агрессии и оккупационного режима. Так, на прошедшем 24 марта 1942 г. в Никитском храме г. Орла

[1] Новый путь. 1942. 1 апреля. № 26 (148); 1943. 7 февраля. № 11 (133).

[2] Там же. 1942. 1 апреля. № 26 (148); 1943. 24 июня. № 49 (171); 1943. 8 июля. № 53 (175); 1943. 29 августа. № 68 (190).

[3] *Домбровская Е.В.* На уроке Закона Божиего // Новый путь. 1943. 30 мая. № 42 (164).

[4] *Верт А.* Россия в войне 1941—1945 / А. Верт. М.: Прогресс, 1967. С. 501.

собрании Патриаршей православной церкви на повестке дня стояли также следующие вопросы: «Установление поминовения о здравии орловских священнослужителей, монашествующих и верующих мирян, заключенных в тюрьмы и сосланных на каторгу большевиками», «установление поминовения заупокойной ектеньи на литургии умученных большевиками патриарха Тихона, а также епископов, священнослужителей и мирян, мученически погибших»[1]. Проповеди же в поддержку оккупантов стали явлением постоянным. Так, благочинный протоиерей Александр Кутепов, выступая при большом скоплении верующих, заявил: «Когда в Орел вступило немецкое командование, оно приказало открыть менее всех разрушенный храм, оскверненный и разоренный безбожной советской властью. Возблагодарим Господа Бога за Его великие деяния — вступление немецких войск, которые идут во имя Бога освободить нашу Родину, и правителя русской и всей западной Европы — рейхсканцлера Адольфа Гитлера»[2]. Ярко прогерманские проповеди произносил в кафедральном соборе Орла и протоиерей Дмитрий Булгаков[3]. До крайности политизированы бывали обычно именно праздничные богослужения, имевшие не только религиозное, но и пропагандистское значение. Например, пасхальные богослужения 4—5 апреля 1942 г. во всех церквях Орла и Орловского района носили ярко выраженный антисоветский характер[4]. Причем при проведении религиозных церемоний наряду с иконами нередко использовались портреты Гитлера. С участием православного духовенства проводились не только религиозные, но и светские празднества.

Отмечая реакцию населения на подобные мероприятия и проповеди прогерманской направленности, партизанский источник констатирует, что верующие воспринимали их довольно враждебно. Так, один из вышедших из окружения командиров РККА засвидетельствовал, что в церкви г. Фатежа Курской области священник призвал верующих «помолиться, чтобы не вернулись наши враги» (т.е. Красная Армия). В ответ большинство верующих по-

---

[1] Речь (Орел). 1942. 27 марта.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 150.

[3] Там же.

[4] Там же.

кинули церковь[1]. Тот же источник проводит интересное сравнение. В одной из открывшихся в Брянске церквей не прекращались молитвы «за многие лета Адольфа Гитлера, за победу доблестного германского войска», а также «за смерть антихристов-жидов и большевиков». В соседней церкви священник занял нейтральную позицию, призывая молиться лишь «за прекращение кровавой человекоубийственной войны». В результате в первую церковь собиралось гораздо меньше народа, чем во вторую[2]. Один из партизанских источников отмечал, что священник церкви в деревне Лобке Невельского района Калининской области в проповедях регулярно восхваляет немецких захватчиков. Эту церковь посещали лишь единицы населения, а основная часть сельчан «к этому немецкому холопу относится с презрением»[3].

Одновременно с возрождением церковной жизни оккупантами и органами местного самоуправления вводились обязательные церковные обряды венчания и крещения, что было использовано оккупантами как дополнительное средство учета населения. Этой же цели было подчинено мероприятие по передаче кладбищ в ведение кладбищенских церквей под непосредственным руководством Епархиального управления[4]. В то же время в большинстве случаев церковным бракам и крещениям придавалось вторичное значение. Эти акты были действительны после их оформления в органах местного самоуправления. Так, в должностной инструкции для служащих учреждений самоуправления по Брянскому округу разъяснялось, что «церковный брак совершается только после того, как он уже заключен чиновником»[5]. Одновременно инструкция предусматривала наказание для священников в виде штрафа или лишения свободы, совершивших венчание до оформления брака в органах самоуправления[6].

В целом оккупационная пресса, различные документы епархиальных управлений, личные свидетельства лиц, переживших

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 150.

[2] Там же.

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 28 об.

[4] Речь. 1942. 27 марта.

[5] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

[6] Там же.

оккупацию, мемуары германских военнослужащих говорят о небывалом всплеске религиозности населения. Признавая этот очевидный факт, документы советских партизан и органов госбезопасности, однако, объясняли это тем, что «создание условий, при которых равнодушие к вопросам религии отождествляется чуть ли не с принадлежностью к ВКП(б), заставляет известную часть населения прибегать “на всякий случай” к выполнению различных религиозных обрядов»[1], что выглядит неубедительно. Напротив, большинство существующих источников говорит о том, что религиозное пробуждение в оккупированных местностях, особенно в первые месяцы оккупации, шло не сверху, а снизу. Повсеместным было явление, когда тысячи людей переполняли вновь открывшиеся храмы, заполоняли даже площади перед храмами и прилегающие улицы[2]. По свидетельству орловского журналиста В.Д. Самарина, «молящиеся переполняли церкви, по деревням носили чудотворные образа. Молились так, как давно не молились. Не было семьи, в которой не было бы своего горя, не было бы жертв»[3]. Уже упомянутый С.Д. Плескан так описал церковную жизнь в оккупированном г. Гдове Ленинградской области: «В бытность мою в городе Гдове в качестве регента и псаломщика мне пришлось пережить всевозможное течение народа. Могу сообщить, что русский человек совершенно изменился, как только появились немцы. Разрушенные храмы воздвигались, церковную утварь делали, облачения доставали оттуда, где сохранились, и много строили и ремонтировали храмы. Всюду красилось. Крестьянки вешали чистые, вышитые самими полотенца на иконы. Появилась одна радость и утешение. Когда все было готово, тогда приглашали священника и освящался храм. В это время были такие радостные события, что я не умею описать. Прощали обиды друг другу. Крестили детей. Зазывали в гости. Был настоящий праздник»[4]. Документы органов госбезопасности также с тревогой констатировали, что «после 25-летнего перерыва выходят на

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 150.

[2] *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 25.

[3] Цит. по: *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943—1945 гг. С. 346.

[4] *Данилушкин М.* Указ. соч. С. 880.

сцену различные "явленные источники", "чудотворные иконы" и пр. атрибуты поповского мракобесия», а также, что «это, в свою очередь, служит поводом для устной и печатной фашистской пропаганды»[1].

Однако так было не всегда — случалось, огромные храмы практически пустовали. Эмигрант А.С. Казанцев описал впечатление от посещения воскресной службы в соборе Смоленска, в котором хранилась даже икона, которую несли с собой ополченцы в Отечественную войну 1812 г.: «Народ собирается слабо. Дветри старушки, несколько человек детей, крестьянин, постоявший в притворе и ушедший еще до начала службы. Пустующий великолепный храм производит тягостное впечатление»[2]. Один из старожилов объяснил, что храм наполняется лишь в праздники и при проведении каких-либо «особенных» мероприятий: «Неделю назад хоронили членов здешней театральной труппы, убитых партизанами. Тогда было несколько тысяч человек. А в обыкновенное воскресенье — как сегодня»[3]. Подобное положение складывалось и в других областях. Так, информационная сводка Трубчевской партизанской бригады о режиме в Стародубском районе говорит, что церкви посещаются слабо, за исключением больших праздников, так как «население в большинстве случаев относится к церкви безразлично»[4]. Иначе говоря, горожане в своей основной массе рассматривали храм не столько как религиозный объект, сколько как место проведения зрелищных мероприятий. По мнению смоленских верующих, антирелигиозная пропаганда все же сделала свое дело, а для возрождения православной веры недоставало миссионеров, которые бы пошли «в народ». Что касается священников, то они, длительное время скрываясь от органов НКВД, утратили способность проповедовать, а выйдя с приходом немцев из подполья, осуществляли лишь обрядовое служение, что вовсе не способствовало обращению населения в христианство.

Интересно, что в тех местностях, где складывалось подобное положение, наблюдался расцвет протестантизма. Так, в том

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 149.

[2] *Казанцев А.С.* Указ. соч. С. 185.

[3] Там же.

[4] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 22.

же Смоленске на окраине города бывший учитель стал проводить евангельские собрания, эффект от которых оказался иным: «Читают, говорят, вслух Евангелие, поют духовные песни… собственного сочинения. И, говорят, приходит все больше и больше народа»[1]. Не менее интересно, что имеющиеся в нашем распоряжении документы органов госбезопасности и советских партизан, рассказывая о деятельности протестантов, никогда не упоминали о посещаемости их молитвенных домов. Это косвенно подтверждает тот факт, что наполняемость их была большей по сравнению с православными храмами.

Осознавая значимость религиозного фактора в деле поддержания и развития коллаборационистских настроений, германские спецслужбы даже предпринимали попытки заброса своих агитаторов под видом священников за линию фронта. Так, в 1941 г. в Орловское управление НКВД поступила информация о том, что в г. Задонске появился эвакуированный из занятого немцами района священник, отец Борис. Его проповеди, по воспоминаниям начальника Орловского УНКВД К.Ф. Фирсанова, «были заполнены провокационными слухами о неотразимости фашистского нашествия, в них высказывалось сожаление о том, что сам отец Борис поторопился с эвакуацией, а вот своей пастве он торопиться не советует». Проверкой, проведенной органами НКВД, было установлено, что «отец Борис» прошел соответствующую подготовку у немцев, дал согласие на переброску в советские прифронтовые районы с целью разложения советского тыла[2]. Целью подобной псевдорелигиозной пропаганды было, по всей вероятности, стремление уменьшить количество эвакуирующихся, увеличить число остающихся на оккупированных территориях квалифицированных специалистов и рабочих, чей труд был необходим германской армии.

Однако вскоре оккупанты поняли, что РПЦ одновременно с пользой представляет собой и потенциальную опасность в деле осуществления «восточной политики» и решения «еврейского» вопроса. Церковь становилась для русского народа не только знаменем борьбы против большевизма, но и одновременно объеди-

---

[1] *Казанцев А.С.* Указ. соч. С. 185—186.

[2] *Фирсанов К.Ф.* Указ. соч. С. 12.

няющей силой, оплотом русицизма[1]. Орловский священник отец Иоанн засвидетельствовал английскому журналисту после освобождения Орла: «Должен сказать, что при немцах церкви в Орле процветали, но они превратились, чего немцы не ожидали, в активные центры русского национального самосознания»[2]. Обычным стало явление, когда с церковных амвонов наряду с антисоветскими проповедями произносились патриотические воззвания, с той лишь разницей, что священники взывали к национальным чувствам русских, отмечая разницу между патриотизмом и защитой советского строя. Так, в Пскове 6 мая 1943 г. во дворе Дмитриевского прихода во время празднования дня Св. Георгия впервые после Гражданской войны был поднят трехцветный российский флаг, сохраненный одним из участников белого движения. Когда после прихода немцев открылась церковь Св. Димитрия Солунского, бывший белогвардеец передал сохраненный флаг настоятелю Георгию Бенигсену.

Наблюдались и единичные случаи, когда священники были движимы не просто патриотическими, но и советскими настроениями. Так, священник Ф. Пузанов из оккупированной Псковской области собрал с верующих золота, серебра и церковной утвари на 500 000 рублей. Затем передал эти ценности через партизан на Большую землю[3]. Большим авторитетом среди населения пользовались священники деревень Неведро и Жуково Невельского района Калининской области, поддерживавшие партизан, передававшие в отряды значительную часть денег, собранных верующими. Эти церкви хорошо посещались даже молодежью, которую священник Жуковской церкви И.Я. Щемолов наставлял следующим образом: «Если вас будут брать немцы на работы или в армию, то уходите к партизанам, а к немцам не ходите»[4]. В мемуарах П. Судоплатова содержатся сведения об обновленческом епископе Василии Ратмирове, оставшемся по заданию советских спецслужб в оккупированном г. Калинине (Твери). В его задачу входило, изображая из себя пострадавшего от коммунистов служителя, войти

---

[1] *Верт А.* Указ. соч. С. 502.

[2] Там же. С. 501.

[3] *Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А.* Указ. соч. С. 214.

[4] ТЦДНИ Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 28 об.

в доверие к немцам, внедриться в круг сотрудничавших с оккупантами церковников и выявлять с целью последующей выдачи органам НКВД агентов гестапо.

Попытки же оккупантов втиснуть церковь в «прокрустово ложе» антисемитизма далеко не всегда венчались успехом. Так, весной 1942 г. гестапо выявило множество случаев, когда «жиды ведут своих детей в Русскую православную церковь и просят, чтобы над детьми был произведен обряд крещения». Как правило, просьбы родителей-евреев удовлетворялись, после крещения детей выдавались соответствующие свидетельства. Однако это далеко не всегда спасало евреев от расправы — все выявленные гестапо евреи, включая детей, расстреливались. Обеспокоенный великорусской политикой РПЦ и других христианских церквей, уже 13 мая 1942 г. после совещания в ставке фюрера А. Розенберг направил соответствующее письмо рейхскомиссарам «Остланда» и «Украины», в котором требовал особой предосторожности «в отношении Русской православной церкви как носительницы враждебной Германии русской национальной идеи». Письмо вводило запрет для религиозных групп заниматься политикой, требовало их разделения по национальным и территориальным признакам[1].

Церковь развила также бурную деятельность в деле попечения о бедных, создав по образцу дореволюционных сеть домов для престарелых, детских приютов, домов трудолюбия (богаделен). В частности, в Орле в январе 1942 г. было создано Богоявленское приходское попечительство, возродившее идею взаимопомощи, заботу о больных и престарелых. Его почетный член, доктор И.М. Варушкин оказывал бесплатную медицинскую помощь больным попечительства. Материальную основу деятельности попечительства составляли добровольные отчисления его действительных членов. Интересно, что зачастую церковь объединяла свою деятельность с органами социального обеспечения. Так, 1 сентября 1942 г. Богоявленское попечительство провело совместное совещание с участием представителя горсобеса и представителей попечительств еще трех орловских церквей, решив объединить усилия в заботе о бедных, престарелых, больных[2].

[1] *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943—1945 гг. С. 351.

[2] Там же. С. 348.

В г. Пскове при церкви Святого Димитрия Солунского открылся детский приют на 15 детей в возрасте от 8 до 15 лет[1].

Одновременно церковь проводила сбор пожертвований для оказания помощи жертвам военных действий. Так, 17 мая 1943 г. священники нескольких орловских церквей передали бургомистру А.С. Старову более 10 000 рублей, собранных в помощь пострадавшим от бомбардировок советской авиации[2].

Поддерживая в большинстве случаев сам факт вторжения германских войск в СССР, церковь стала одновременно носителем патриотических настроений, помогала населению, оказавшемуся за линией фронта, переносить тяготы оккупации. Религиозный фактор стал той силой, не считаться с которой было уже невозможно, что не осталось без внимания советского правительства. Так, если в 1941 г. партизаны рассматривали открывающиеся храмы как прямое сотрудничество с оккупантами, а священников как предателей, то с 1942 г. в отношении государства к церкви наступило некоторое потепление. Первым шагом советского правительства стал переданный в 1942 г. через ЦШПД и подчиненные ему партизанские штабы приказ партизанским отрядам не проводить террор в отношении священнослужителей и вообще не мешать церковной жизни на оккупированных территориях[3]. Результатом стали открытие и свободная деятельность православных храмов на территории партизанских краев[4]. Следующим шагом стал прием 5 сентября 1943 г. И.В. Сталиным в Кремле четырех остававшихся на свободе архиереев во главе с патриаршим местоблюстителем Сергием (Страгородским). Были разрешены выборы патриарха, открытие храмов, духовных учебных заведений, выпуск периодических печатных изданий. Кроме того, вскоре из лагерей стали по спискам освобождать уцелевших священников и архиереев. Правомерно предположить, что на этот шаг Сталина толкнуло не только возрождение церковной жизни за линией фронта, но и распространившееся с начала 1943 г. воззвание Русского комитета, листовку-обращение от имени которого подписали А.А. Власов

---

1 *Митрофанов Г.* Указ. соч.

2 Там же. С. 349.

3 *Гусев Б.С.* Указ. соч. С. 24.

4 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 28 об.

и В.Ф. Малышкин, что в совокупности могло выбить из рук Сталина козырь отечественной войны, перевести ее в русло войны гражданской. Недвусмысленно по этому поводу высказался в мае 1957 г. председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов на инструктивном совещании уполномоченных Совета по делам РПЦ, пояснив, что некоторая нормализация отношений между государством и церковью во время войны понадобилась лишь для обеспечения морально-политического единства советского народа, с целью «не допустить использования церкви как организации в качестве пятой колонны в нашем тылу, на что делали ставку наши враги»[1].

Состоявшийся 8 сентября 1943 г. собор епископов РПЦ, в котором приняли участие 19 архиереев, осудил всех тех служителей и мирян, кто в той или иной форме сотрудничал с оккупантами: «Всякий, виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана»[2]. По смыслу данной резолюции Собора исповедовать православную веру без боязни быть отлученным или лишенным сана разрешалось лишь на территории, находящейся во власти Сталина. Участники Собора не могли не знать, что любой настоятель храма, открывшегося за линией фронта, просто обязан был контактировать с германскими властями, т.е. стоять «на стороне фашизма».

Давая оценку событий сентября 1943 г., протоиерей Л. Лебедев полагает, что «Сталин знаменитым “поворотом” 1943 г. эксплуатировал чувство народного себялюбия под маской патриотизма», а также, что «подлинно православные остались чужды мнимому подъему, но именно они несли тяжелый крест войны»[3].

Раскрепощение религиозных чувств на советской территории быстро привело к мощному религиозному возрождению. В 1944 г. на Пасхальной службе в Москве присутствовали около 250 000 человек против 83 000 в 1943 году и около 200 000 в области против

---

[1] Цит. по: *Перелыгин А.И.* Русская православная церковь в Орловском крае (1917—1953 гг.). С. 104—105.

[2] Патриарх Сергий и его духовное наследство. М.: изд. Московской патриархии, 1947. С. 45.

[3] *Лебедев Л.* Точка зрения \\ Великая Гражданская война: сб. статей. М., 2002. С. 516—519.

160 000 в 1943 г.[1]. Показательно, что город дал громадный прирост верующих после поворота советского правительства к церкви, а районы — сравнительно небольшой, что, по утверждению А.В. Посадского, говорит о более стабильном и привычном участии сельского населения в религиозной жизни.

Были сделаны некоторые послабления и для церквей неправославного толка. Так, в 1944 г. был созван съезд двух родственных протестантских церквей — евангельских христиан и баптистов. Результатом стало объединение этих двух церквей в Церковь евангельских христиан-баптистов, разрешено создание руководящего органа — Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ).

Между тем, опасаясь дальнейшей консолидации русских национальных сил, германские власти усиливали нажим на возродившуюся церковь. 5 февраля 1943 г. гестапо выпустило бюллетень, где приводились директивы Гитлера, запрещающие германским военнослужащим бывать в русских церквях, содействовать религиозной деятельности населения, привлекать в Россию духовенство из-за границы из числа русских эмигрантов[2]. Последнее неизбежно выливалось в то, что РПЦ оказалась не в состоянии обеспечить все приходы священно- и церковнослужителями. Нередко один священник обслуживал несколько приходов. Недостаток священников породил ряд проблем, основная из которых состояла в том, что в оккупированных областях появилось много наспех рукоположенных иереев. Причем большинство из них плохо знали церковную службу, так как подбиралось не по духовным качествам, а ввиду антисоветской настроенности. Так, в Ленинградской области такие священники часто шпионили в пользу немцев, донося в комендатуры о том, что им становилось известным на исповеди. В частности, в г. Гдове появился священник отец Роман, который выдал немцам много антинемецки настроенных людей, об убеждениях которых ему становилось известно при посещении домов прихожан[3]. Другой

---

[1] Советская повседневность и массовое сознание. 1939—1945. М.: РОССПЭН, 2003. С. 424.

[2] *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943—1945 гг. С. 353.

[3] *Данилушкин М.* Указ. соч. С. 877—878.

священник из эмигрантов, отец Иоанн Легкий, также собирал в пользу немцев данные о своих прихожанах, а главной темой его проповедей была «Россия в безбожестве». При этом русских он называл «сатаною на земле», открыто высказывал неприязнь к русскому православному духовенству[1]. Финал отца Романа, по свидетельству С.Д. Плескана, был следующим: «Местные крестьяне, жаждав утехи в священниках и наставниках, ошиблись и получили безбожника в полном смысле этого слова и выгнали за распутство с прихода с треском и музыкой»[2].

Что касается решения Розенберга от 13 мая 1942 г. отстранить церковь от участия в политике, оно, по-видимому, подразумевало лишь запрет обсуждать вопрос о будущем Российского государства. Но духовенству настойчиво «рекомендовалось» выражать в проповедях преданность Гитлеру и Третьему рейху[3], что оттолкнуло от церкви некоторую часть верующих. Бежавший из немецкого плена старший лейтенант В.И. Силанев показал на допросе, что в Островском, Сошихинском, Славковичском районах Ленинградской области, Новоржевском и Пушкинском районах Калининской области отношение населения к церкви ухудшилось: «Раньше религия играла некоторую роль, но теперь население видит, что попы — это агентура фашизма... При церковных службах почти не читают русских молитв, а только проповедуют Гитлера, заставляют молиться за скорую победу над Красной Армией и призывают вести борьбу с теми, кто против немецкой армии»[4]. Проводя светские мероприятия под видом церковных, оккупанты теперь не всегда довольствовались теми, кто посещал их добровольно. Так, в августе 1942 г. в селе Покровское Орловской области на молебен, совмещенный с митингом в поддержку оккупантов, приказали явиться населению под страхом розг и расстрела. 22 июня 1943 г. в селе Лупневе Станово-Колодезской волости священники «отслужили молебен и в торжественной обстановке отметили день начала освободительной борьбы против большевистского ига». На торжестве присутствовали германские

[1] *Данилушкин М.* Указ. соч. С. 879.

[2] Там же. С. 878.

[3] *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943—1945 гг. С. 353.

[4] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 983. Л. 10.

офицеры, военнослужащие РОА, туда же принудительно согнали население близлежащих деревень[1].

Начались и репрессии в отношении «непокорных» священнослужителей. Так, священник села Лопатина Орловской области был расстрелян в октябре 1942 г. лишь за то, что выступил против чинимых немцами зверств. В это же время немцами была сожжена церковь в селе Ревнах[2]. На территории Смоленской области расстреляны священник церкви села Ярцева Василий Лоскутов, священник церкви села Богородицкого Вяземского района Иаков Львов. Священник церкви г. Демидова Александр Полканов приговорен к повешению за молитвы «о даровании победы православному воинству и полководцу его Иосифу», но был спасен партизанами. В г. Смоленске в 1943 г. был сожжен и частично разрушен малый Богоявленский собор, а Успенский собор подготовлен к взрыву, однако взорвать его не удалось ввиду занятия города Красной Армией. Из недействовавших церквей в Смоленске в последние дни оккупации, вероятно, перед отступлением немцев сожжены деревянные перекрытия церквей XII в. постройки: Свирской, Иоанно-Богословской и Петропавловской, XVIII в.: Спасской, Духовской, Покровской, Нижне-Никольской, Георгиевской, Нижне-Благовещенской. Взорваны церкви XVIII в. постройки: Введенская Авраамиевского монастыря, Верхне-Георгиевская, колокольня Иоанно-Богословской, часть храмов и построек Свято-Троицкого Болдина монастыря[3]. В Батуринском районе взорвано 4 храма, в Вязьме — 2 храма (Духовской и Троицкий), многие другие храмы районов области частично разрушены и осквернены[4].

В целом же к 1943 г. православная церковь, в основном, превратилась в послушное орудие осуществления германской оккупационной политики, в большинстве случаев своей деятельностью поддерживая коллаборационистские настроения части населения

---

[1] *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943—1945 гг. С. 352—353.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 150 об.

[3] О разрушениях города Смоленска и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над советскими гражданами. Смоленск: ОГИЗ, Госполитиздат, 1943. С. 72.

[4] ГАСО. Ф. Р-1630. Оп. 2. Д. 29. Л. 172—174, 182—213.

РСФСР. Эпизодические факты сотрудничества священнослужителей с советскими партизанами можно рассматривать, скорее, как исключение из общего правила.

Местными комендатурами и органами самоуправления была разрешена также деятельность нетрадиционных христианских конфессий — в основном, старообрядцев и баптистов[1]. В некоторых оккупированных областях никаких законодательных актов, касающихся деятельности неправославных конфессий, не издавалось. Так, на территории Локотского автономного округа деятельность протестантов не была закреплена какими-либо распоряжениями обер-бургомистра и самоуправления. Однако никаких препятствий со стороны властей баптисты и евангельские христиане не встречали, развив бурную деятельность по части миссионерства и открытия новых молитвенных домов[2].

Что касается баптистов и евангельских христиан, их деятельность в меньшей степени по сравнению с православием способствовала поддержанию коллаборационистских настроений, что можно объяснить неполитизированностью этих конфессий. Так, в протестантских молитвенных домах крайне редко произносились проповеди в поддержку германской армии, молитвы за Гитлера. А заупокойные службы по павшим военнослужащим вермахта у протестантов и вовсе не могли иметь места ввиду их канонической неприемлемости. Следует отметить, что деятельность протестантов доставляла оккупационным властям меньше проблем, так как протестантизм не мог консолидировать национальные настроения русского населения. Напротив, догматическая оппозиционность протестантов по отношению к православию, отсутствие взаимопонимания между различными протестантскими течениями как нельзя лучше соответствовали вышеупомянутым планам нацистов по осуществлению разобщения русского народа на религиозной почве. В то же время протестантизм в гораздо меньшей мере, нежели православие, способствовал формированию и поддержанию коллаборационистских настроений. Напротив, зарегистрированы случаи, когда протестанты своей принципиальной позицией доставляли оккупантам проблемы. Так, на совещании бургомистров

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 149.

[2] *Ермолов И.Г., Дробязко С.И.* Указ. соч. С. 30.

Клинцовского округа (Орловская область) 18 мая 1942 г. бургомистр Красно-Горского района докладывал, что вреда от местной общины «евангелистов» больше, чем от советских партизан. Партизаны не мешают севу, а евангельские верующие запрещают сельчанам сеять на колхозной земле, очевидно, исходя из того, что как сеять, так и собирать урожай с колхозных земель имеют право только колхозы, и никто другой. В качестве репрессивной меры было решено лишить евангельских верующих усадебных земель, а самих направлять в принудительном порядке на торфоразработки[1]. Партизаны в своих сводках также регулярно отмечали, что как пресвитеры, так и рядовые члены евангельских общин в большинстве случаев настроены против немцев[2]. Роль протестантских церквей в поддержке коллаборационизма исчерпывалась лишь самим фактом их существования и выражения оппозиционных советскому режиму настроений.

В период оккупации активизировали свою деятельность и такие течения, как истинно православные христиане (ИПХ) и старообрядцы. Отделившись от официальной Православной церкви не по догматическим, а по политическим соображениям — ввиду ее лояльности к советской власти, — истинно православные христиане приветствовали германскую агрессию, а Гитлера объявили «богоизбранным вождем» — помазанником в политическом и духовно-мистическом смысле[3]. Довольно точно выразил отношение общин ИПХ к фюреру Д. Жуков: «ИПХ, безусловно, воздают ему некую честь, как своего рода “внешнему праведнику”, оставшемуся вне Церкви, за попытку освобождения земли Русской от жидовско-большевистского нашествия — подобно тем почестям, которые воздавали древние иудеи Персидскому царю Киру за освобождение Народа Божьего из Вавилонского плена»[4]. Учитывая сплоченность и полное отсутствие плюрализма мнений в общинах ИПХ, можно с уверенностью утверждать о поголовной поддержке оккупантов их членами.

---

[1] ГАБО. Ф. 2609. Оп. 1. Д. 15. Л. 44.

[2] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 22.

[3] *Посадский А.В.* Указ. соч. С. 616.

[4] *Жуков Д.* Религиозная политика Германии на оккупированных территориях СССР // Великая Гражданская война. М., 2002. С. 500.

Что касается старообрядцев, в предыдущей главе отмечен эксперимент, проведенный на северо-западе России командованием 18-й германской армии по созданию для старообрядческих населенных пунктов более мягких условий. Результатом стало создание уже в октябре 1941 г. русского вооруженного отряда при абвере, который разросся в роту численностью в 200 чел. Рота, в частности, успешно сражалась под Тихвином, затем дислоцировалась в селе Лампове. Согласно данным А.В. Посадского, старообрядческая рота стала родоначальником многих русских формирований[1]. Любопытно, что попавший в окружение командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант А.А. Власов был пленен немцами благодаря старосте старообрядческой деревни Туховежи (Туховечи) Новгородской области, выдавшему пытавшегося укрыться в его сарае командарма. По данным того же А.В. Посадского, имеется по крайней мере один случай сотрудничества старообрядцев с советской стороной. В частности, настоятель Покровского храма в г. Ржеве протоиерей А.П. Попов оказывал помощь партизанам, произносил патриотические проповеди, за что был расстрелян немцами[2]. Однако, как и в РПЦ, такие случаи являлись, скорее, исключением из общего правила.

Что касается православия, всего за период оккупации на территории РСФСР открылось около 2150 храмов, в том числе в Орловской области — 108, в Курской — 332, в Белгородской — около 140, на территории современной Брянской — 153[3], в оккупированной части Ленинградской — 221[4]. То есть в период оккупации только в России возродилось более 3 % дореволюционного количества православных храмов, не считая культовых зданий других конфессий.

В целом именно оккупация дала толчок к возрождению религиозной жизни в России. Так, по данным А.И. Перелыгина, на сентябрь 1943 г. в СССР насчитывалось 9829 православных церквей, из них около 6500 находилось на оккупированной территории[5]. По

---

[1] *Посадский А.В.* Указ. соч. С. 615.

[2] Там же. С. 616.

[3] *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943—1945 гг. С. 347.

[4] *Гусев Б.С.* Указ. соч. С. 29.

[5] *Перелыгин А.И.* Русская православная церковь в Орловском крае (1917—1953 гг.). С. 105.

оценке Г. Митрофанова, на занятой немцами территории СССР за 3 года открылось около 10 000 православных приходов, в то время как на территории, не подвергшейся оккупации, до 1988 г. открылось не более 1000 приходов. Еще 4000 приходов отошло к РПЦ после ликвидации униатской церкви в Галиции и Закарпатье. При этом в СССР с 1949-го по 1987 г. было закрыто не менее 8000 православных церквей[1], значительное их количество было снесено или ввиду длительного неиспользования пришло в негодность. В то же время, согласно отчету Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, ими на всей территории СССР было уничтожено или повреждено 1670 православных церквей[2].

После освобождения оккупированных областей РСФСР значительное количество церквей было закрыто. Так, из 153 церквей, действовавших на территории Брянской области в период ее оккупации, 54 было закрыто под предлогом отсутствия в них штата священников, т.к. многие служители ушли с немцами. Из 108 храмов Орловской области только 23 церкви и 1 молитвенный дом советские власти оставили за верующими[3]. Из поданных с декабря 1943 г. по конец 1945 г. 76 заявлений об открытии церквей власти Орловской области не удовлетворили ни одного[4]. Кроме того, возрождающейся на территории РСФСР церкви с целью недопущения ее влияния на массы запрещалось шефство над детскими домами, госпиталями, распределение поступивших в Фонд обороны денег среди семей красноармейцев, создание касс взаимопомощи, обучение детей религии[5]. Духовенство было обложено налогами, доходившими до 70 % от заработка, тогда как налог при немцах

[1] *Митрофанов Г.* Указ. соч.

[2] *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943—1945 гг. С. 354.

[3] Там же. С. 347.

[4] В последующем, с периода хрущевской «оттепели» до начала «перестройки» количество православных церквей в СССР, согласно отчету Совета по делам религий при Совете министров СССР, изменялось следующим образом: 1961 г. — 11 742, 1966 г. — 7523, 1971 г. — 7274, 1976 г. — 7038, 1981 г. — 7007, 1986 г. — 6794. См.: Наука и религия. 1987. № 11. С. 23.

[5] *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943—1945 гг. С. 358—359.

не превышал 10 %[1]. В свете приведенных сравнений можно согласиться с мнением Б.Н. Ковалева, что ни в довоенный, ни послевоенный периоды советской истории РПЦ не обладала в своей миссионерской, просветительской, социальной и даже богослужебной деятельности многими из тех возможностей, которые были предоставлены ей на оккупированной территории.

Наряду с православием и другими христианскими деноминациями на оккупированных территориях распространялись суеверия, в основном, православной направленности. Так, согласно рапорту лейтенанта госбезопасности В.Ф. Коноплева, в оккупированном городе Великие Луки с 7 по 10 января 1943 г. почти среди всех жителей быстро распространились идентичные «святые письма», написанные от руки[2]. В них содержалось требование дать переписать письмо другому под угрозой, «кто не даст переписать другому, будет проклят»[3]. Как следует из содержания, письма были направлены на активизацию церковной жизни, содержали призывы в обязательном порядке посещать православные церкви, чаще бывать на исповеди, при этом обещали обладателю письма защиту от пуль, неуязвимость при артобстрелах, одновременно призывали от всего сердца прощать ближних[4]. Судя по реакции органов госбезопасности, пропаганда посредством «святых писем» была довольно эффективной, оказывала большое влияние на население.

Таким образом, в оккупированных областях РСФСР произошел всплеск религиозной активности. Религиозность населения, хотя и не достигла дореволюционного уровня, все же по сравнению с довоенным периодом выглядела довольно внушительно. Причем христианство, в основном, православие, стало той силой, которая в период оккупации и проведения «восточной политики» поддерживала национальное самосознание русских. Причем церковь занималась не только богослужебной, но и благотворительной, общественной и образовательной деятельностью. Одновременно роль церкви в поддержании оккупационного режима,

---

[1] *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943—1945 гг. С. 258.

[2] ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

[3] Там же. Л. 2.

[4] Там же. Л. 2—2 об.

коллаборационистских настроений части населения России была довольно значительной.

Гораздо сложнее дать нравственную оценку деятельности религиозных организаций в период оккупации. Здесь следует исходить из того, что деятельность церквей за линией фронта хотя и была в ряде случаев направлена на поддержку германской агрессии, вряд ли могла нанести глобальный вред интересам СССР. Напротив, церковь помогла оставшемуся за линией фронта населению перенести тяжесть оккупации. Нельзя отрицать и то, что именно возрождение религиозной жизни на оккупированных территориях СССР вынудило Сталина и советское правительство создать этому некий «противовес», прекратив политику физического уничтожения религии. Несмотря на частичное закрытие храмов, начавших действовать в период оккупации, значительные ограничения, наложенные государством на многие стороны деятельности церкви, она отстояла свое право на существование, заняв прочное место в жизни советского, а впоследствии — российского общества.

§ 3. Коллаборационизм в области науки, культуры и искусства

Свои специфические черты имело сотрудничество части граждан СССР с оккупантами в таких сферах, как наука, культура и искусство. Осознавая, что эти области жизни населения РСФСР могут способствовать развитию коллаборационистских настроений, командиры немецких частей и соединений, командующие тыловыми районами немецких армий делали все возможное для привлечения ученых, преподавателей вузов, работников культуры, оставшихся в зоне оккупации, на свою сторону. В этой связи, однако, следует учесть, что высшее нацистское руководство относилось к русской науке, культуре довольно негативно, считая, что они подлежат полному искоренению. Уже в августе 1941 г. А. Розенберг получил от Гитлера «руководящие указания» для работы в занятых немцами областях СССР, согласно которым, следовало уничтожать библиотеки, лаборатории, исторические памятники как источники исторической памяти. Кроме того, предписывалось закрывать все высшие и средние учебные заведения, уничтожать

их оборудование, включая мебель и библиотечные фонды[1]. Однако не всегда эта директива воплощалась, что объясняется заинтересованностью немецких командиров в развитии коллаборационизма в области науки, культуры, желание поставить его себе на службу.

Следует заметить также, что профессорско-преподавательский состав вузов, ученые подлежали эвакуации, поэтому на оккупированных территориях осталось сравнительно небольшое количество тех из них, кто по каким-либо причинам эвакуации в советский тыл избежал. Так, из профессорско-преподавательского состава Калининского педагогического института в оккупированном Калинине остались лишь заведующий кафедрой литературы профессор В.Я. Гнатюк и преподаватель латыни С.Н. Юренев. Проживая по соседству с редактором газеты «Тверской вестник» К.И. Никольским, Гнатюк установил с ним связь, согласился работать в редакции, делая подборку материалов. В частности, перевел с немецкого и подготовил к печати статью «Сталинский будильник», суть которой состояла в том, что Совинформбюро, как плохой будильник, о потерях советских городов и территорий сообщает с большим опозданием. За два дня до освобождения Калинина Гнатюк добровольно поступил на службу в городскую управу на должность начальника городской биржи труда. Однако ввиду прихода Красной Армии к исполнению своих обязанностей не приступил[2]. Как было установлено впоследствии, Гнатюк отказался от эвакуации с целью сохранения научных ценностей — библиотеки и неизданных научных рукописей. Ему удалось при помощи технических работников пединститута организовать защиту институтских зданий от пожаров и разграбления, в том числе спасти 350 000 томов научной библиотеки[3]. С этой целью Гнатюк вступил в переговоры с немецким капитаном, доктором биологических наук, доцентом Гессенского университета, который, выслушав Гнатюка, заверил, что он как научный работник примет все меры по охране институтских

---

[1] *Байдалаков В.М.* Указ. соч. С. 28—29.

[2] Лица филологов: из истории кафедры литературы. 1919—1986 / под ред. М.В. Строганова. Тверь: ТвГУ, 1998. С. 104—105.

[3] Там же. С. 101.

ценностей[1]. Что касается антисоветских высказываний Гнатюка, неверия в победу Красной Армии, эти его действия, согласно постановлению президиума Тверского областного суда от 4 января 1991 г., «никаких вредных последствий не повлекли»[2].

Схожую направленность имела и деятельность преподавателя С.Н. Юренева, добровольно поступившего на службу к немцам и назначенного начальником отдела народного просвещения и одновременно директором Калининского музея «Путевой дворец». Сразу же гестапо потребовало от Юренева составить обзор деятельности калининских вузов. Затем на базе Дома учителя, возглавляемого Ивановым, Юренев приступил к созданию Ассоциации учителей, переименованной вскоре в Ассоциацию интеллигенции. Однако ввиду скоротечности оккупации Калинина (с 13 октября по 16 декабря 1941 г.) многие начинания Юренева не были доведены до конца. Одновременно возглавляемый им отдел просвещения с подачи бургомистра В.А. Ясинского провел работу по уничтожению памятников советского режима. Так, по указанию Юренева были сняты и разбиты, как не представляющие художественной ценности, стоявшие напротив Путевого дворца памятники Ленину и Сталину. Одновременно Юренев активно сотрудничал с оккупационной газетой «Тверской вестник», в которой публиковал статьи антисоветского содержания. В одной из них, «За что сражаетесь, красноармейцы?», призывал бойцов и командиров РККА не оказывать немцам сопротивление под Москвой. Под руководством Юренева из библиотек, вузов и школ была изъята и уничтожена не соответствующая «новому порядку» литература[3]. В этой связи принято считать, что Юреневу, как и Гнатюку, принадлежит заслуга в спасении библиотеки Калининского пединститута, так как перед изъятием и уничтожением партийной литературы Юренев пришел на квартиру к Гнатюку и оповестил его о намеченном мероприятии. В результате была уничтожена лишь коммунистическая литература, не

[1] Лица филологов: из истории кафедры литературы. 1919—1986 / под ред. М.В. Строганова. Тверь: ТвГУ, 1998. С. 94, 96, 97.

[2] Там же. С. 105.

[3] *Романович В.* Законно осужден или репрессирован // Тверское время. 2004. 25 февраля — 2 марта.

представлявшая научной ценности[1]. К заслугам Юренева и бургомистра Ясинского, как установил в 1992 г. Тверской областной суд, относится и спасение от разграбления немцами экспонатов Путевого дворца. Одним из шагов к этому стала передача по просьбе епископа Василия с разрешения бургомистра в храмы Тверской епархии хранившихся в Путевом дворце старинных икон, старопечатных книг и иных предметов церковной утвари, представлявших художественную ценность[2].

В этой связи деятельность подобных коллаборационистов в сфере науки, культуры и искусства можно признать лишь отчасти нанесшей вред государству. Правомерно предположить, что причина этого состоит в том, что некоторые занявшие посты в аппарате самоуправления ученые отлично понимали ценность науки, культуры, искусства, поэтому не могли быть лишь слепыми исполнителями воли немцев. В то же время оккупанты вряд ли могли относиться к этой категории коллаборационистов как к обычным представителям «низшей» расы. Ввиду этого коллаборационисты от науки, искусства и культуры в ряде случаев сохраняли некоторую независимость, что и предопределило специфику этой области коллаборационизма.

В период оккупации части РСФСР была сохранена часть музейной системы, существовавшей до войны. Музеи, возобновившие свою работу на оккупированных территориях, в зависимости от местонахождения, значимости и объема экспозиции делились на областные и районные (городские), а также в зависимости от характера экспозиции на краеведческие, художественные и т.д. Они создавались на базе аналогичных довоенных музеев с использованием прежней экспозиции или ее части, которую не удалось эвакуировать. Так, из собрания Орловского областного краеведческого музея удалось эвакуировать около половины экспонатов — фонд открывшегося 15 февраля 1942 г. музея составил 3756 единиц хранения. Музей имел следующие отделы: археологии и геологии (1457 экспонатов), живой природы (918 экспонатов), «Тургеневская комната» (33 экспоната и 3726 экземпляров

---

[1] Лица филологов: из истории кафедры литературы. 1919—1986. С. 97.

[2] *Романович В.* Указ. соч.

книг), истории (1348 экспонатов)[1]. Орловский антирелигиозный музей, находившийся в Богоявленском соборе г. Орла, вообще не был эвакуирован, вероятно, ввиду того, что его экспонаты не представляли большой ценности[2]. Данные об эвакуации собраний Калужского художественного музея и Калужского областного краеведческого музея вообще отсутствуют, однако есть данные о том, что все экспонаты попали в руки немцев[3]. К эвакуации фондов краеведческих музеев г. Пскова и г. Великие Луки городские власти приступили только 2 июля 1941 г., когда начались бомбардировки городов. Созданная комиссия занималась определением ценности эвакуируемого городского имущества, что было необходимо для установления очередности его отправки. Музейные экспонаты в списках эвакуируемых ценностей занимали одно из последних мест по сравнению с деньгами, архивами, промышленным оборудованием. Ввиду этого далеко не все собрания музейных фондов были вывезены. Так, для эвакуации экспозиции Псковского музея были выделены 3 грузовика и 1 железнодорожный вагон. Не вывезенные экспонаты сотрудники музея закопали во дворе музея. Экспозиция Смоленского антирелигиозного музея, который располагался в кафедральном соборе, вообще не была вывезена. Г. Гудериан так описывает впечатление от посещения оставленного советскими властями музея: «Воспользовавшись своим посещением позиций в Смоленске, я решил осмотреть кафедральный собор. Он остался невредимым. При входе… бросался в глаза антирелигиозный музей, размещенный в центральной части и левой половине собора. У ворот стояла восковая фигура нищего, просящего подаяние. Во внутренней части помещений стояли восковые фигуры в натуральный человеческий рост, показывающие в утрированном виде, как буржуазия эксплуатирует и подавляет пролетариат. Красы в этом не было никакой»[4].

Для возобновивших свою работу музеев характерно сокращение объема экспозиции, уменьшение общего количества музеев. Последнее достигалось путем слияния нескольких музеев того

---

[1] http://nova.rambler.ru.

[2] Там же.

[3] http://lostart.ru.

[4] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 2003. С. 251—252.

или иного города в один. Так, возобновивший свою работу Орловский краеведческий музей вобрал в себя фонды областного краеведческого музея, Орловского областного музея им. Тургенева (литературного) и Орловского антирелигиозного музея. Калужский краеведческий музей, открывшийся в октябре 1941 г., был воссоздан благодаря слиянию Калужского областного краеведческого музея и Калужского художественного музея[1].

Контингент музейных работников составляли, как правило, бывшие директора, заведующие музеями, хранители. Так, директором Орловского краеведческого музея стала бывшая заведующая фондами Н.В. Орлова[2], Калужский краеведческий музей по указанию бургомистра города Н.С. Щербачева возглавил бывший научный сотрудник Калужского художественного музея Н.М. Маслов, кроме того, в музее на протяжении всего периода оккупации работали сотрудники областного краеведческого музея В.В. Извеков и М.Е. Шереметьева[3]. Иногда ввиду отсутствия музейных работников организация музеев и приведение в порядок экспозиции поручалась иным представителям местной интеллигенции. Так, заведующим Торопецким районным краеведческим музеем по распоряжению немецкого коменданта был назначен учитель А. Щукин. Тем же распоряжением районной управе предписывалось оказывать новому заведующему всяческое содействие в организации музейной работы[4]. Штат музея составил 4 человека, в том числе 1 библиотекаря[5].

Посетителями музеев были как местное населения, так и германские военнослужащие, однако последние перед посещением «русских музеев» обязаны были получить разрешение в комендатуре[6].

Однако практически повсеместно оккупанты наряду с сохранением и поощрением музейной работы с помощью коллаборационистов из числа работников культуры проводили разграб-

[1] http://lostart.ru.

[2] http://nova.rambler.ru.

[3] http://lostart.ru.

[4] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 113.

[5] Там же. Д. 14. Л. 3.

[6] Там же. Д. 13. Л. 97.

ление музейных ценностей, оставляя в распоряжении русских музеев экспонаты, не представлявшие для оккупантов ценности. Так, первый бургомистр г. Новгорода В. Пономарев, отбывший с 1932-го по 1937 г. пятилетний срок заключения по так называемому делу Новгородского музея, после смещения с поста бургомистра в октябре 1941 г. работал оценщиком в Софийском соборе. Все реликвии города он делил на три группы: особо ценные, ценные, не представляющие исторического интереса. Экспонаты первой группы объявлялись собственностью Германии и были вывезены на ее территорию[1]. Просто ценные экспонаты предназначались для раздачи отличившимся немецким офицерам, а экспонаты, не представляющие исторической ценности, — сотрудникам органов местного самоуправления и служащим полиции[2]. Из фондов Орловского краеведческого музея по указанию бургомистра А.С. Старова и заведующего отделом просвещения А. Ищенко было изъято 127 предметов старинной мебели, причем, не только из запасников, но и из экспозиции. Изъятая мебель пошла на обустройство комендатуры, Городской управы, полиции безопасности, курсов немецкого языка, музыкальной школы, начальной школы и детской площадки. Научная библиотека музея, располагавшая до войны 18 000 книгами XVII—XIX веков, была по указанию бургомистра А.С. Старова переписана некоей Н.В. Александровой. Правомерно предположить, что наиболее ценные книги были отправлены в Германию[3]. После захвата Калуги из собрания Калужского областного художественного музея в Германию были отправлены 16 произведений итальянских, голландских, фламандских, французских художников, 233 гравюры, 23 рисунка. Оставшиеся картины по распоряжению бургомистра Н.С. Щербакова разделили на 4 группы: картины для города, картины для продажи, предметы, возвращаемые церквям, рамы. По указанию горуправы заведующий музеем Н.М. Маслов произвел отбор картин для про-

[1] В послевоенные годы большинство вывезенных из Новгорода особо ценных экспонатов удалось вернуть обратно благодаря тому, что они были строго учтены, промаркированы. *Анженкова Е.* Ценные люди Третьего рейха // Культура. 2002. 18—24 июля. № 29 (7336).

[2] Там же.

[3] http://nova.rambler.ru.

дажи немецким солдатам и офицерам. Вырученные деньги, предназначавшиеся для пополнения городского бюджета, поступали в городскую казну. Несмотря на предпринятые Н.М. Масловым усилия по спасению музейных ценностей, значительная их часть исчезла. Так, были утрачены 48 картин, 22 акварели и рисунка западноевропейских художников, что составило 50 % западноевропейской живописи, 396 гравюр, 42 картины русских художников, в том числе И.К. Айвазовского, И.И. Левитана, И.И. Шишкина, В.Д. Поленова, 20 картин советских художников из отдела советского искусства[1].

Кроме того, проводилась ревизия духовных ценностей, которая была поручена вставшим на путь коллаборации литераторам, искусствоведам, педагогам. В частности, в Новгороде в этом плане с оккупантами сотрудничал поэт и литературовед с мировым именем — Б. Филиппов-Филистинский. Поэт А. Егунов, будучи в оккупацию заведующим Новгородским отделом народного образования, в своих лекциях для учителей популяризовал отношения средневекового Новгорода и Германии. Он же проводил ревизию библиотечных фондов города, изымая коммунистическую литературу[2]. В ряде оккупированных районов Калининской области после возобновления работы библиотек по распоряжению военных комендатур проводилась сортировка книг, к которой были привлечены, как правило, бывшие библиотечные работники или педагоги. Коммунистическая литература подлежала уничтожению. До окончания сортировки выдача книг населению запрещалась[3].

Помимо германофильства и попыток перестроить культуру на антисоветский лад, в некоторых местностях коллаборационистами от культуры проводилась политика русофобской направленности. Так, в г. Орле редактор газеты «Речь» М. Октан как в прессе, так и в своих лекциях для интеллигенции пропагандировал «полный пересмотр культурных ценностей», внушая слушателям, что «русские от природы не обладают творческими способностями и должны подчиняться приказам других»[4]. Названия некоторых

[1] http://lostart.ru.

[2] *Анженкова Е.* Указ. соч.

[3] ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 96.

[4] *Верт А.* Указ. соч. С. 502.

лекций М. Октана говорят сами за себя: «Пересмотр исторического прошлого русских», «Каким должен быть ариец». В частности, лектор объявлял Л.Н. Толстого ничего не стоящим писателем, пренебрежительно отзывался о русской музыке, Вагнера же провозглашал музыкальным гением всех времен[1]. В своих изданиях М. Октан даже отрицал сам факт существования русской нации, утверждая, что она исчезла под натиском большевизма, следовательно, согласно выводам автора, Германия не может посягать на национальные богатства и национальную свободу русского народа ввиду отсутствия таковых[2].

Принимая во внимание тот очевидный факт, что сами оккупанты вряд ли смогли бы в условиях оккупации перестраивать культуру на нужный им лад, проводить квалифицированное изъятие музейных экспонатов и т.д., правомерно заключить, что деятельность коллаборационистов в области культуры нанесла значительный вред интересам СССР, способствовала разграблению национальных богатств нашей страны.

Что касается научно-исследовательской работы, она в период оккупации продолжилась вставшими на путь коллаборации учеными. Объем же научных исследований сократился до пределов, продиктованных практической целесообразностью, например, необходимостью повышения урожайности с целью наибольшего удовлетворения потребностей германской армии. В этой связи показателен пример Смоленского сельхозинститута, профессора и доценты которого, избежавшие эвакуации, возобновили работу на институтской опытной станции[3].

Определенное развитие получило театральное искусство. В каждом областном центре, а иногда и в райцентрах областного подчинения возобновили свою работу театры. В частности, в г. Ржеве, согласно отчету комендатуры № 1/582, в конце ноября 1941 г. открылся театр на 400 зрительских мест. Театр ежедневно давал по два представления — в 15.30 и в 18.30. Театры открылись в городах Смоленске, Курске, Белгороде, Орле. Что касается репертуара, ставилась, в основном, русская классика. Театраль-

---

[1] *Верт А.* Указ. соч. С. 502.

[2] *Октан М.* Указ. соч. С. 5, 7.

[3] Заря. 1943. 28 февраля. № 16.

ные труппы формировались, как правило, из артистов, работавших в этих же театрах до войны и избежавших эвакуации. Наряду с русской классикой были в ходу театральные постановки идеологического характера, насыщенные критикой советского строя, его репрессивной системы, партизанского движения. Роли драматургов, как правило, выполняли сами же театральные работники, иногда писатели, журналисты. Характерным примером служит поставленная в июне 1943 г. в театрах Орла, Брянска, Смоленска, некоторых райцентров пьеса в двух действиях «Волк», написанная смоленским журналистом С.С. Широковым. В центре судьба молодого красноармейца Бывалова, попавшего в лес и вступившего в партизанский отряд. Влюбившись в деревенскую девушку Надю, Бывалов решает бежать из отряда, но на его пути встает другой партизан — бывший секретарь райкома партии Ползунов, в образе которого автор соединил все негативное, что, по его мнению, было присуще партизанам и коммунистам. Счастливый конец пьесы, ее насыщенность тонким деревенским юмором привлекали множество зрителей[1].

Определенный интерес представляет развивавшаяся на оккупированных территориях РСФСР поэзия. Она передавалась при помощи средств массовой информации (газет, журналов), зачитывалась во время массовых мероприятий, со сцен клубов. Поэтические произведения, появлявшиеся в этот период, были строго идеологизированы, имели три основных направления:

1) критика советского строя и его репрессивной системы;

2) критика советских и партийных лидеров;

3) восхваление германской агрессии, германской армии и коллаборационистского движения.

Так, характерным образцом стихотворений первой группы являются стихотворения «СССР» и «НКВД». Автор первого характеризует Советский Союз довоенного периода следующим образом:

Земля многострадальная, распутья сел, степей,
Над ними безначальная тоска глухих ночей.

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 50. Л. 8; *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 68.

Темница вековечная, где тешится палач,
Где радость — скоротечная и не смолкает плач.

Во втором стихотворений дается метафорическая характеристика советских карательных органов:

Проклятый зверь — НКВД,
Питомец Сталина-злодея.
Как злой вампир, ты пил везде
Людскую кровь, отродье змея.
Наемник, раб, ты, стыд поправ,
И честь, и совесть, смотришь гордо,
И всем грозит, как злой удав,
Твоя оскаленная морда.

Реже здесь применялись «переделки» классических произведений, детских загадок:

Мальчишка в сером армячишке
По дворам шныряет, крохи собирает
(сельский коммунист)[1].

Довольно удачной «переделкой» следует признать стихотворение Л. Ямского «Иосиф-Мороз»:

Вглядись, молодица, смелее,
Каков я, Иосиф-Мороз!
Навряд тебе парня страшнее
И злее видать привелось!
…
А честному люду на горе
И всем непокорным на страх
Гоню я людей без разбору
На муки и смерть в лагерях[2].

---

[1] Голос народа. 1942. 15 ноября.

[2] Там же.

Вторая группа стихотворений представлена большей частью эпиграммами, высмеивающими такие черты советских лидеров, как жестокость, раболепие, для военачальников — профнепригодность.

Так, глава НКВД Л.П. Берия представлялся воплощением жестокости:

Чем еще садисту отличиться?
Он готов казнить родную мать!
Говорят, что Берия ловчится
Самого себя арестовать.

В одной из эпиграмм всесоюзный староста М.И. Калинин был представлен марионеточным, ничего не значащим, всего лишь номинальным руководителем государства:

Калинин — волевой старик,
Ничьим веленьям не покорный.
Он независим и велик,
Когда сидит... в своей уборной.

Иногда в эпиграммах проскальзывал антисемитизм, зачастую совершенно неуместно:

У Джугашвили длинный нос!
Не жид ли он? — вот в чем вопрос.

Любопытно, что советским лидерам семитского происхождения в эпиграммах могла приписываться реальная, неограниченная власть, превосходящая власть И.В. Сталина. Характерным примером служит следующая эпиграмма на Л.М. Кагановича:

Протухший, ожиревший жид
На троне в СССР сидит,
А остальные, вставши в ряд,
Ему с почтеньем лижут зад.

Правомерно предположить, что авторы эпиграмм исходили из того, что короткие сатирические стихотворения легко запоминались

населением, помимо средств массовой информации, часто передавались из уст в уста. С этой целью авторы эпиграмм пренебрегали этикой, а для придания своим произведениям экспрессивной иронической окраски использовали некорректные, даже ругательные слова и выражения. По крайней мере проведенный нами опрос среди жителей нескольких районов Смоленской, Курской и Брянской областей показал, что большинство людей почтенного возраста, переживших оккупацию более 60 лет назад, с удивительной точностью воспроизвели ряд подобных эпиграмм и стихотворений.

Третья группа стихотворений в различных местностях имела свои особенности. Так, на Дону казаки пели на мотив старой песни «Стенька Разин» казачий гимн «Под свободные знамена», в котором нет ни малейшего упоминания о германской армии, а казачье движение представлено вполне самостоятельной силой. В то же время гимн перенасыщен призывами к мести большевикам. Напротив, в центральных областях РСФСР подобные призывы либо отсутствовали, либо носили умеренный характер. В этой связи правомерно предположить, что казаки, считая себя обособленной этнической группой, зачастую отождествляли большевиков с русскими, считая большевизм не свойственным казачьей среде явлением. Напротив, коллаборационисты из русского населения не считали членов ВКП(б) абсолютно чуждым элементом, более того, в своих пропагандистских материалах призывали таковых к сотрудничеству. Так, в одной из коллаборационистских листовок, выпущенной в феврале 1943 г., говорится: «Беспартийный, коммунист, комсомолец, рабочий, крестьянин — все мы прежде всего русские, и жизнь показала, что если поскрести любого честного коммуниста, то сразу выступает наружу его русская душа»[1].

Особый вид поэзии, относящийся, скорее, к фольклору, оказался направленным исключительно на поддержание антисемитских настроений. Такие двустишия были начисто лишены какой-либо политической окраски, чаще имели религиозный оттенок:

«Где жид богатый, там христианин в заплатах».
«С жидом дружить — черту душу заложить».

---

[1] ЛАЕ. Открытое письмо красноармейцам и командирам... (Типогр. экз., серия 227/II—43.)

На фольклорное происхождение подобных стихов указывает частое упоминание в них крестьянского быта, предметов крестьянского обихода, сельских приемов работы:

«Жиду верить — воду ситом мерить».
«Хата жида — всей деревне беда».

Интересно, что подобное творчество, согласно проведенному нами опросу, получило наибольшее распространение в районах, где преобладало украинское население, например, в западной части Орловской (теперь — Брянской) области. Напротив, в областях, значительно отстоящих от границы с Украиной, антисемитский фольклор всплывал крайне редко. Фольклорное происхождение антисемитских изречений косвенно подтверждается также тем, что ни в одном из просмотренных нами средств массовой информации периода оккупации что-либо подобное не было опубликовано, вероятно, ввиду низкопробности данных образцов поэзии.

Советским военачальникам эпиграммы посвящались крайне редко, а их фамилии зачастую упоминались наряду с именем И.В. Сталина:

Тимошенко и Иоська, попляшите гопака!
Проиграли пол-России два советских дурака.

Таким образом, на оккупированных территориях РСФСР, пусть в небольшом объеме, сохранились музейная работа, театральное искусство, наука. Вместе с тем наблюдалось не их развитие, а постепенное свертывание. Так, налицо сокращение объема музейных фондов ввиду того, что экспонаты как материальные носители культуры постепенно и целенаправленно расхищались оккупантами. Работа оккупантов по сокращению культурного потенциала России была бы невозможна без помощи коллаборационистов. Именно они оказали большую помощь нацистам в деле ревизии культурных ценностей, уничтожения памятников, литературы, живописи. Однако и здесь следует различать коллаборационистов и псевдоколлаборационистов, то есть тех, кто, формально находясь на службе у оккупантов, делал попытки сохранения научного и культурного потенциала России.

Глава VI

ВОЕННЫЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РСФСР

§ 1. Процесс создания воинских коллаборационистских формирований

Процесс создания воинских коллаборационистских формирований на оккупированной территории СССР в каждом отдельном случае имел свои специфические особенности, определяемые потребностями германской армии в охранных и антипартизанских формированиях, что зависело от наличия военных и промышленных объектов, тыловых коммуникаций, партизанских сил. Немаловажную роль при этом играло наличие мобилизационного контингента. Тыловые коллаборационистские формирования, включая крупные соединения, на протяжении всего периода войны создавались бессистемно, нередко децентрализованно, по инициативе или с разрешения германского командования на определенном участке фронта или в полосе действия какого-либо одного германского соединения.

Вопрос об использовании на вспомогательных армейских должностях добровольцев из советских военнопленных и местных жителей встал уже в первые недели войны. Добровольные помощники заменяли собой немецкий вспомогательный персонал, который по мере замещения коллаборационистами отправлялся на передовую. В течение 1941 г. отмечен рост числа добровольных помощников в германских войсках, пропорциональный

потерям, понесенным вермахтом по мере продвижения в глубь советской территории. Уже в первые месяцы войны в тыловых службах немецких частей и соединений в качестве шоферов, подносчиков патронов, кухонных рабочих и т.д. стали использоваться добровольцы из числа военнопленных и местного населения. По данным С.И. Дробязко, каждый пехотный полк уже в 1941 г. формировал из русских добровольцев саперную роту численностью в 100 чел. По мере принятия войной затяжного характера штаты «хиви» расширялись. Так, служба снабжения каждой немецкой пехотной дивизии на конец 1942 г. составляла 700 чел. русских, а штаты немецкой пехотной дивизии в 1943 г. предусматривали наличие 2050 русских на 10 708 немцев, т.е. почти 20 % от ее общей численности[1].

Боевые подразделения и части из граждан СССР для использования на передовой в течение 1941 г. не создавались, однако уже в ноябре 1941 г. поступило первое такое предложение. В штабе командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Федора фон Бока при участии Треско и Герсдорфа были разработаны и посланы Гитлеру через главнокомандующего сухопутными силами фельдмаршала фон Браухича предложения сформировать армию из русских добровольцев в количестве 200 000 чел. В числе прочих мер предлагались улучшение положения военнопленных и хорошее отношение к населению СССР. Фельдмаршал Кейтель поспешил вернуть этот доклад, указав, что «такие вопросы не могут обсуждаться с фюрером»[2].

Несмотря на запрет Гитлера давать русским в руки оружие[3], немецкие командиры тайком создавали русские боевые части,

---

[1] *Дробязко С.И.* Русская Освободительная Армия. С. 6.

[2] *Штрик-Штрикфельдт В.* Указ. соч. С. 59—61.

[3] Некоторое исключение, несмотря на явную принадлежность к славянам, составляли русские, украинцы и др. уроженцы России из числа эмигрантов. Уже в 1941 г. славянами-эмигрантами в соответствии с приказом генерала М.Ф. Скородумова от 12 сентября 1941 г. в Белграде для борьбы с югославскими партизанами было создано крупное русское соединение — Отдельный русский корпус (с 2 октября 1941 г. — Русский охранный корпус, с 18 ноября 1941 г. — Русская охранная группа). Всего за время войны через корпус прошли около 17 000 человек.

известные под собирательным названием «восточные войска». Как было отмечено выше, причиной стала необходимость охраны коммуникаций, военных и промышленных объектов, необходимых для германской армии, а также борьба с партизанским движением. Первыми боевыми единицами стали отряды самообороны, создаваемые практически в каждом сельском населенном пункте из числа местных жителей, где это позволяло наличие мужского населения. На них возлагались задачи поддержания внутреннего порядка, охраны жителей от партизан, а также уголовников, всплывших в период временного безвластия. Иногда такие отряды использовались для охраны коммуникаций, борьбы с партизанами за пределами населенных пунктов. Отряды самообороны создавались как самими местными жителями, так и по инициативе командиров немецких частей и соединений, в основном, тайно, без постановки в известность высшего командования вермахта. Так, один офицер, описывая события 1941 г., вспоминал: «Все, что я делал, было незаконно. Для моих людей (вербуемых граждан СССР. — *И.Е.*) не было ни инструкций, ни уставов. Никаких чинов и званий. Ни формы. Ни официального жалованья»[1]. Бойцы отрядов самообороны либо вообще не имели форменного обмундирования либо, в редких случаях, носили списанную немецкую форму без знаков различия. Каких-либо документальных данных о созданных в течение 1941 г. в полосе группы армий «Центр» конкретных отрядах не сохранилось, вероятно, потому, что командиры немецких частей старались воздерживаться от официального оформления этих боевых единиц.

Следующее исключение составила Народная милиция на территории южных районов Орловской области, санкционированная командованием 2-й танковой армии. При вступлении германских войск в поселок Локоть 4 октября 1941 г. германское командование санкционировало наряду с образованием местного самоуправления создание вооруженного отряда самообороны численностью 18 человек, названного Народной милицией. После утверждения 16 октября 1941 г. оккупационны-

[1] *Торвальд Ю.* Иллюзия: советские солдаты в гитлеровской армии. С. 29—30.

ми властями Управления Локотской волости старостой, а затем бургомистром стал бывший политзаключенный К.П. Воскобойник[1]. По его инициативе и с санкции командования 2-й танковой армии численность отряда Народной милиции увеличилась до 200 человек. Аналогичные отряды были созданы в других близлежащих населенных пунктах. По свидетельству заместителя комбрига бригады Каминского Г. Белая, ряды добровольцев росли с каждым днем, стимулом чему послужило их назначение — защита мирного населения от налетов «бандитов»[2]. Очевидно, под последними Белай понимал не только партизан, но и множество народа, включая окруженцев, уголовников и т.д., во множестве появившихся в оставленных советской властью районах. Вооруженные к тому же во множестве разбросанным в лесах оружием, эти люди могли добывать пропитание единственным способом — за счет коренного населения.

Можно с большой долей вероятности предположить, что в вопросе создания Народной милиции командование 2-й танковой армии решило действовать в обход всех инструкций по той причине, что 2-й ТА отводилось решающая роль в наступлении на Москву. Следовательно, в столь важном вопросе, как обеспечение

---

[1] Воскобойник Константин Павлович родился в 1895 г. в г. Смела Черкасского уезда Киевской губернии. В 1915—1916 гг. учился на железнодорожном факультете Московского университета, затем ушел добровольцем на фронт. В 1919 г. вступил в Красную Армию, через год мобилизован в связи с ранением. Во время Тамбовского восстания служил в отряде эсера Попова. После разгрома отряда жил по документам на имя И.Я. Лошакова в Астрахани. В 1924 г. переехал с семьей в Москву, окончил электромеханический факультет Института народного хозяйства имени Плеханова, работал начальником электротехнических мастерских при Всесоюзной палате мер и весов. В 1931 г., опасаясь разоблачения, добровольно явился в ОГПУ. По отбытии срока — 3 лет — переехал с семьей в Кривой Рог, затем — в Орск, в 1938 г. — в Локоть, где до начала войны преподавал физику в лесохимическом техникуме. После оккупации Локтя назначен бургомистром. Погиб при налете партизан на Локоть 8 января 1942 г. ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79—89.

[2] Голос народа. 1943. 20 июля.

своих коммуникаций, командование армии могло позволить себе такую вольность[1].

После гибели К.П. Воскобойника его сменил его заместитель Б.В. Каминский, который увеличил численность самообороны до 800 человек, сведя их в 2 батальона. Уже в феврале 1942 г. численность Народной милиции возросла до 1200 чел. в составе 3 батальонов, в марте сформировали четвертый батальон, общая численность Народной милиции составила 1650 человек. Постепенно добровольный набор уступил место мобилизации[2]. После придания Локотскому округу официального статуса Каминский создал военный отдел (начальник — Г. Балашов) и мобилизационный подотдел (начальник — В. Белоусов), в задачи которых входили как мобилизационные мероприятия, так и учет военнообязанных.

В функции Народной милиции входили охрана населенных пунктов от партизан, обеспечение правопорядка внутри населенных пунктов.

Определенный интерес представляют советские документы, оценивающие численность Народной милиции в Локте. Так, начальник Орловского областного управления НКВД К.Ф. Фирсанов в докладной записке секретарю Орловского обкома ВКП(б) о результатах боевой деятельности партизан и диверсионно-разведывательных групп от 15 марта 1942 г. сообщал, что созданный в Локте «вооруженный отряд» насчитывает всего 200 чел.[3]. Можно предположить, что автор записки либо воспользовался непроверенными сведениями, либо, желая сгладить сложившую-

[1] Подобные отклонения от инструкций допускали также службы абвера (военной разведки). Так, отдел 1 Ц 18-й армии уже на октябрь 1941 г. располагал русским добровольческим отрядом, командовал которым кавалер ордена Красного Знамени, старший лейтенант Красной Армии Полетаев. К концу 1941 г. отряд насчитывал около 200 бойцов. *Вишлев О.В.* Указ. соч. С. 131—140.

[2] Встречающиеся данные о том, что локотские вооруженные силы состояли, в основном, из украинцев, не имеют ничего общего с действительностью. См.: *Уиндроу М.* Указ. соч. С. 51.

[3] Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов БПА. Т. 2. С. 62.

ся ситуацию, назвал количество коллаборационистов не по всему Брасовскому району, а лишь по поселку Локоть.

Некоторые особенности имеет Народная милиция, созданная осенью—зимой 1941 г. в западных районах Орловской области. Инициаторами создания этого военно-полицейского формирования стали эмигранты Р. Островский, Д. Космович, М. Витушка. Начало положил сформированный ими в окрестностях Брянска из военнопленных офицеров РККА отряд в 60 человек. Причиной создания отряда послужило то, что отряды службы порядка, действовавшие в населенных пунктах, набираемые из местного населения, не обученного военным действиям, часто проявляли бессилие в борьбе с разраставшимся партизанским движением. Народная милиция по мере роста включила в себя отделы: криминальный, политический и контрразведки, охраны порядка, мобильный конный и моторизованный. Однако основной ее задачей стала борьба с партизанами. В Брянске в рамках Народной милиции Космович создал, кроме того, моторизованное подразделение быстрого реагирования[1].

После создания Народной милиции в окрестностях Брянска Островский, Космович и Витушка были по решению германского командования переведены в Смоленск для выполнения аналогичной задачи. Здесь им предстояло создать службу порядка (Ordnungdienst — ОД) для подавления партизанского движения на территории Смоленской области. Необходимость этого, по всей вероятности, была вызвана тем, что партизаны уже к концу 1941 г. контролировали ряд территорий Смоленской области, в том числе присоединенные к Смоленщине по решению германского командования. Так, в Касплинском районе из 20 волостей 18 с половиной контролировали партизаны. Вскоре, к концу 1941-го — началу 1942 г., служба порядка составила около 3000 военнослужащих, причем офицерский состав набирался из лагерей военнопленных, а рядовой — из военнопленных и местных жителей. При наборе добровольцев предпочтение отдавалось тем, кто негативно относился к советской власти. Однако зачастую в ОД вступали молодые люди, стремящиеся таким образом избежать отправки на работу в Германию. В начале 1942 г. рост ОД был остановлен нем-

---

[1] *Чуев С.* Указ. соч. С. 97—98.

цами, поступил запрет на формирование новых частей. Космович, занявший к тому времени пост инспектора полиции тыла группы армий «Центр», перегруппировал имеющиеся полицейские части, разделив их на батальоны[1].

Согласно разработанному на скорую руку Уставу службы, в функции Службы порядка входили поддержание общественного порядка и безопасности среди местного населения, содействие немцам в деле выполнения полицейских поручений, информирование оккупационных властей о фактах антигосударственной деятельности со стороны местного населения, а также контроль за настроениями местного населения. К этой работе привлекались также старосты, агрономы, учителя, волостные старшины, сочувствовавшие священнослужители, а также тайные агенты-осведомители. В функции последних входили сбор информации о партизанах и подпольщиках, а также «пропаганда шепотом», включавшая рассказы о гуманности немцев, их якобы освободительной миссии. В уставе оговаривалась важность использования в разговорах разногласий между Сталиным и оппозицией внутри ВКП(б). Выступления, беседы предлагалось заканчивать тезисом, что Сталин, коммунисты, евреи — виновники войны и русский народ должен оценить блага, которые несет ему немецкий солдат, несмотря на трудности оккупации[2].

Отличительной особенностью военного коллаборационизма на территории Калининской области стало то, что здесь в первые месяцы войны в 1941 г. штабами полевой жандармерии стали создаваться карательные отряды (Einwohnerkampfabteilungen — ЕКА). Они создавались практически в каждом районе: Бежаницком, Идрицком, Красногородском, Кудеверском, Локнянском, Опоченском, Подберезинском, Пустошкинском, Себежском и др. Каждому отряду присваивался номер: Локнянский отряд — ЕКА—4, Подберезинский отряд — ЕКА—5 и т.д. Контенгент ЕКА составили, в основном, бывшие красноармейцы-окруженцы, возвращавшиеся к месту своего постоянного жительства, военнопленные[3], в некоторых случаях — добровольцы из местного

---

1 *Чуев С.* Указ. соч. С. 99.

2 ГАНПИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 34—58.

3 От ЧК до ФСБ... С. 279—285.

населения[1]. В функции ЕКА входили: борьба с партизанами, репрессии по отношению к просоветски и антифашистки настроенному населению, охрана военных объектов и коммуникаций в германском тылу, содействие в проведении мероприятий германских властей на оккупированной территории[2].

Каждый карательный отряд имел среднюю численность около 150 человек, делился на взводы, взводы — на отделения, структура отрядов была сходна со структурой немецких подразделений. Так, локнянский ЕКА—4 состоял из девяти взводов, действовавших самостоятельно на различных участках Локнянского района Калининской области. ЕКА подчинялись непосредственно фельджандармерии, именовались по названиям населенных пунктов, в которых дислоцировались. Некоторые ЕКА делились на две части, одна из которых — ягдкоманда — действовала против партизан, другая занималась охраной объектов и коммуникаций.

Командовали ЕКА, в основном, бывшие командиры Красной Армии, назначаемые фельджандармерией, но иногда ЕКА возглавляли и немцы. Командирами взводов и отделений назначались почти исключительно русские, утвержденные немцами по представлению начальника ЕКА. Командный состав ЕКА проходил обучение в полицейских школах Германии.

Вооружены ЕКА были, в основном, трофейным советским оружием. Питание личного состава не отличалось от питания германских военнослужащих. Зарплата рядового бойца составляла 240 рублей в месяц, семейного — 500 рублей. Всеми видами довольствия ЕКА ведала местная комендатура (ортскомендатура)[3].

Если в течение 1941 г. на оккупированных территориях СССР создавались лишь мелкие боевые единицы из советских граждан, то 1942 г. отмечен появлением в оккупированных областях более крупных коллаборационистских частей и даже соединений. Наиболее типичными коллаборационистскими формированиями в составе германской армии стали роты и батальоны, реже — полки, и лишь в исключительных случаях — дивизии и приравненные к ним соединения. Иногда мелкие коллаборационистские формиро-

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 663. Л. 110 об.

[2] От ЧК до ФСБ... С. 279.

[3] От ЧК до ФСБ... С. 279—285.

вания эволюционировали в более крупные (батальон — в полк, отряд — в бригаду и т.д.), что происходило прямо пропорционально росту партизанского движения в районах их дислокации.

Так, в январе 1942 г. в г. Орджоникидзеграде (в настоящее время — Бежицкий район г. Брянска) начал формироваться Украинский добровольческий батальон для борьбы с партизанами. Согласно разведсводке командира партизанских отрядов Навлинского района майора Лапутина, поданной командиру объединенных партизанских отрядов западных районов Орловской области Емлютину в августе 1942 г., инициатором создания батальона стал военнопленный, бывший капитан Красной Армии Купелько (Кубелько), украинец по национальности[1]. Для набора добровольцев капитану Купелько начальником Орловско-Брянской группы лагерей военнопленных майором Вайзе был предоставлен лагерь № 2 г. Брянска, в котором содержались немало лиц украинской национальности.

Решение использовать для формирования батальона именно украинцев было обусловлено двумя причинами. Во-первых, украинцы в отличие от русских по немецкой расовой теории не считались славянами, но представителями так называемой арийской расы. Во-вторых, создавая из их числа батальон, немцы рассчитывали сыграть на существующей, как они считали, вражде между русскими и украинцами, ввиду чего предполагалось сделать «Украинский батальон» послушным орудием в руках германского командования, исключить или минимизировать переходы бойцов на сторону партизан.

По свидетельству плененного партизанами офицера полка «Десна», бывшего заместителя командира 57-й танковой дивизии подполковника РККА М.З. Холмогорцева, во время первого набора в «Украинский батальон» немцы пояснили, что отделяют украинцев от русских, чтобы создать украинцам лучшие условия, привлечь их на работу в тылу и на службу наравне с немцами. Также немецкий комендант объяснил, что работать украинцы будут только по разгрузке продуктов, им улучшат питание, обеспечат даже табаком[2]. Характеризуя реакцию военнопленных, подпол-

[1] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 22.

[2] Там же. Л. 23.

ковник Холмогорцев пояснил, что «все украинцы дали согласие о записи»[1]. В дальнейшем обработка добровольцев проходила в индивидуальном порядке.

Вскоре Украинский добровольческий батальон эволюционировал в Русский добровольческий полк «Десна», известный также как Украинский полк, полк майора Вайзе, полк «Вайзе».

18 апреля 1942 г. в Брянск из штаба 2-й танковой армии прибыл новый командующий армейским тыловым районом генерал-майор Бернгард, который привез секретный приказ штаба армии № 224/42 о формировании из числа советских граждан добровольческого полка. Согласно приказу, предусматривалось до 1 июня 1942 г. укомплектовать первые два батальона. С этой целью из резерва армии были выделены 6 офицеров, 16 унтер-офицеров и 42 рядовых в качестве кадрового персонала будущего полка. Пункт формирования открыли в Орджоникидзеграде в здании бывшей школы на улице Почтовой[2].

Непосредственно формированием полка руководил комендант Брянского лагеря военнопленных (Дулаг—142 в пос. Урицком) майор д-р Вайзе. 4 июня 1942 г. ему было передано командование полком, которое он осуществлял до декабря 1942 г., когда его сменил полковник Цебиш. Начальником штаба полка был назначен ротмистр Вупперман, возглавлявший также полковую контрразведку.

Ввиду того, что заявления от желающих вступить в полк продолжали поступать, причем не только от украинцев, но и от военнопленных других национальностей, Вайзе чаще называл свой полк русским добровольческим полком, хотя слово «украинский» еще продолжало фигурировать, в том числе и в официальных документах. Одновременно часть именовалась по имени командира — добровольческим полком «Вайзе». Его основные части и подразделения были сформированы к 16 июля 1942 г.

1-й батальон (капитан Купелько) состоял из трех стрелковых, одной пулеметной и одной минометной рот. Его костяком стал упомянутый «Украинский батальон», в дополнение к двум ротам

---

[1] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 23.

[2] *Лукашев А., Головачев П.* Указ. соч. // Брянский рабочий. 1993. 16 апреля. № 73.

которого к началу мая укомплектовали еще две. Не дожидаясь окончания формирования, немцы бросили батальон на охрану железнодорожных мостов и складов в районе Орджоникидзеграда. С 3 мая 1942 г. — в бои против партизан Жирятинского и Дятьковского районов (операция «Антон»), а также в район Красного Рога, где батальон пробыл до 4 июня 1942 г. Из наиболее надежных бойцов батальона была организована «рота особого назначения», переданная в распоряжение германской абвергруппы-107 «Виддер» для выполнения спецзаданий[1].

2-й (железнодорожный) батальон (лейтенант Муншайд) состоял из трех стрелковых и одной пулеметной рот. Его основу составила группа членов органов местного самоуправления и полицейских, бежавших в ходе зимнего наступления РККА из Московской и Тульской областей. Формирование 1-й роты возглавил некто Сахаров, бывший бухгалтер из пос. Товаркова Тульской области. К концу февраля 1942 г. ему удалось сколотить из «разношерстного сброда» боеспособный отряд, пополнившийся молодежью из Орловской и Калужской областей. Эту роту Сахаров привел на формирование полка в Орджоникидзеград[2].

3-й (учебный) батальон (майор Ламберг) включал одну роту, вооруженную несколькими пулеметами. Формирование батальона проходило в Почепском районе штабом 47-го танкового корпуса до сентября 1942 г.[3].

Артдивизион (майор фон Вайс) состоял из четырех батарей, вооруженных советскими пушками: 1-я батарея — 3 пушки 76 мм, 2-я батарея — 3 пушки 76 мм, 3-я батарея — 2 гаубицы 122 мм. В артдивизион входили также штабная батарея, несшая комендантскую службу, и противотанковая батарея с 6 пушками 45 мм.

Кроме того, в полк вошел кавалерийский эскадрон из 150 всадников, вооруженных карабинами, а также пулеметами[4].

21 ноября полк «Вайзе» был переименован в полк особого назначения (ЦБВ) (Z.B.V. — zur besonderen Verfügung — особого

---

[1] *Лукашев А., Головачев П.* Указ. соч. // Брянский рабочий. 1993. 21 апреля. № 76.

[2] Там же. 1993. 22 апреля. № 77.

[3] Там же. 1993. 27 апреля. № 80.

[4] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 22.

назначения). Данное событие связано с приданием полку кроме охранных функций борьбы с партизанами. Его батальонам присвоили номера по номенклатуре восточных батальонов вермахта[1]: 615-й, 616-й, 617-й восточные батальоны и 621-й восточный артдивизион[2].

Таким образом, полк включал 3 батальона, 12 рот и 33 взвода (некоторые роты были двухвзводного состава), общая численность полка составила 2500—3000 чел.[3].

Позднее в состав полка «Десна» был передан 4-й батальон (618-й), сформированный под руководством ротмистра Вуппермана в Трубчевске первоначально как батальон «Народной стражи» (так именовалась здесь местная вспомогательная служба порядка — Ordnungsdienst). Командир батальона — немецкий оберлейтенант Герберт, его русский заместитель — П.В. Коновалов[4].

Контингент полка составляли военнопленные из Орловского, Брянского и Карачевского лагерей, местная молодежь, бывшие партизаны, дезертировавшие по разным причинам из партизанских отрядов, окруженцы из 3-й и 13-й советских армий, рассеявшиеся по брянским лесам. Кроме русских и украинцев в полку было немало солдат других национальностей: белорусы, татары, грузины и даже евреи. Так, согласно строевой записке 5-й роты полка ЦБВ, из 135 чел. личного состава были 103 русских, 22 украинца, 2 татар, 1 бессарабец, 1 латыш и 6 немцев (командный состав)[5].

Вступившие в полк приносили присягу следующего содержания: «Я клянусь Богу этой святой присягой, что в борьбе против большевизма — врага моей родины, я верховному командующему немецкой армии Адольфу Гитлеру обязуюсь быть послушным и как смелый солдат готов отдать свою жизнь»[6].

---

[1] *Лукашев А., Головачев П.* Указ. соч. // Брянский рабочий. 1993. 7 мая. № 85.

[2] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 25.

[3] Партизаны Брянщины: сб. документов и материалов БПА. Т. 2. С. 129.

[4] *Лукашев А., Головачев П.* Указ. соч. // Брянский рабочий, 1993 г. 27 апреля. № 80.

[5] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 21.

[6] Там же.

Осенью 1942 г. численность немецкого кадрового персонала полка была увеличена за счет включения в его состав дополнительно 116 офицеров, унтер-офицеров и рядовых, в результате немецкая прослойка составила 8 % общей численности полка, причем немцы занимали исключительно командные должности. Ротами командовали зачастую немецкие фельдфебели, а взводами — унтер-офицеры. Офицеров же на июнь 1943 г. в полку насчитывалось всего 12 — на штабных должностях и во главе батальонов.

Бывшие офицеры РККА принимались как рядовые, и только после того, как, согласно приказу по полку от 14 октября 1942 г., «русские офицеры проявят себя храбрыми в бою», их можно было представлять к званию унтер-офицера. Для использования их в качестве офицеров требовалось решение штаба 532-го тылового корпуса[1]. Бывшие командиры РККА занимали, как правило, должности командиров рот, взводов, артбатарей. Так, 1-й стрелковой ротой командовал бывший капитан РККА Тучков, пулеметной ротой — бывший лейтенант Черников, минометной ротой — бывший лейтенант Ануфриев, разведотделом отряда особого назначения — бывший лейтенант Непряхин, стрелковым взводом, взводом связи, артвзводом и хозвзводом этого отряда — соответственно: Бондаренко, Зотов, Кондаков, Елечук. 1-й батареей — бывший капитан РККА грузин Чертошвили, 2-й батареей — бывший старший лейтенант Зайцев, 3-й батареей — бывший старший лейтенант Лохов, взводом управления 1-й батареи — бывший лейтенант Мамаенко, отделом боепитания — бывший лейтенант Клейратенко.

Не было редкостью и использование бывших офицеров РККА на солдатских должностях. Только в 1-й батарее в звании рядовых служили бывший младший лейтенант Букачев и политрук Филатов[2].

Солдаты и офицеры носили немецкое обмундирование, а принадлежность к русскому полку обозначалась белой повязкой на рукаве[3]. О ношении личным составом полка каких-либо знаков

---

[1] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 21.

[2] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 21.

[3] Там же. Л. 22, 23.

различия данных нет, однако можно предположить, что солдаты и офицеры носили погоны и петлицы восточных войск, введенные приказом организационного отдела Генштаба сухопутных войск вермахта в августе 1942 г., либо германские. Не исключено также, что личный состав 618-го батальона носил особые знаки различия, введенные в подразделениях «Народной стражи» согласно приказу от 13 марта 1943 г. и представлявшие собой серебряные галуны на рукаве, на углах воротника, вдоль (у офицеров) и поперек (у нижних чинов) погона[1].

Отношения между немецкими офицерами и русскими солдатами, согласно показаниям пленных и перебежчиков, были сложными. Так, офицерам разрешалось бить солдат. Следует заметить, что подобные отношения были характерны не только для полка «Десна», но и для большинства русских и национальных формирований, имевших немецкий командный персонал, что явилось одной из причин перехода бойцов таких формирований на сторону партизан и РККА. В свете этого представляется крайне ошибочным утверждение некоторых западных историков, в частности, д-ра Й. Хоффмана о том, что между русскими добровольцами и немецкими военнослужащими вермахта всегда были хорошие отношения[2].

Известны лишь единичные случаи, когда бойцы коллаборационистских формирований просили, чтобы ими командовали не бывшие советские, а немецкие офицеры, как это было, например, во второй роте восточного батальона «Березина» после того, как бывший сержант РККА Сомин сделал попытку сдать роту партизанам[3]. Однако эти случаи сами по себе объясняют причину этого — бойцы, находившиеся под командой немцев, могли не опасаться, что те заставят их перейти к партизанам или на сторону РККА. Однако желание иметь командирами немцев продиктовано практической необходимостью, нисколько не говоря о хороших отношениях между ними и русскими.

До наступления Красной Армии немецкие офицеры полка «Десна» практиковали агитационные беседы с солдатами, после

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 927. Л. 12.

[2] Интервью д-ра Й. Хоффмана // Новый Часовой. 1994. № 1. С. 98.

[3] *Munoz A.J.* Проигрыш во Второй мировой войне: нацистская расовая политика и вербовка добровольцев на востоке. С. 66—67.

наступления такие беседы прекратились. Среди немцев, по показаниям военнопленного унтер-офицера Мюллера, некоторые пели Интернационал, говорили «Гут Тельман», агитировали за братание на фронте[1]. Переписка солдат подвергалась цензуре[2].

Потери полка с июля по август 1943 г. составили: убитыми — 349 чел., ранеными — 376 чел., пропавшими без вести — 86 чел. Итого — 811 чел.[3].

Что касается настроений личного состава, то, если верить захваченным в плен партизанами солдатам и офицерам, а также перебежчикам, около 30 % русских настроены резко антисоветски, вынашивая идею свержения коммунистического режима при помощи германской армии, настроения остальных 70 % различны. Так, многие из них вступили в полк, желая спастись от голодной смерти в лагерях, намереваясь при первой же возможности перейти на сторону партизан. Объясняя отсутствие фактов массового перехода, допрашиваемые говорили, будто солдаты боятся, что партизаны их тут же расстреляют[4]. Тем не менее нам известны по меньшей мере два случая группового перехода к партизанам: летом 1943 г. — 30 солдат 3-го (617-го) батальона во главе с капитаном Коробейниковым[5]; в ночь на 26 августа 1943 г. — группы солдат из 2-й роты 618-го батальона с 25 винтовками и 2 ручными пулеметами. Перебежчиками, по их словам, был убит командир роты, порвана на значительном участке линия связи и подорвана 75-мм пушка. По их же сведениям, два других взвода этой роты «также ушли в лес, не желая служить немцам»[6].

Батальоны полка «Десна» действовали на Брянщине до конца августа 1943 г., после чего вывезены в Белоруссию, а в конце года переброшены в Западную Европу — Францию (615-й и 618-й батальоны, 621-й дивизион) и в Италию (616-й и 617-й батальоны).

[1] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 22.

[2] Там же. Л. 22—23.

[3] Schulte T. Op. cit. P. 132.

[4] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 22.

[5] *Лукашев А., Головачев П.* Указ. соч. // Брянский рабочий. 1993. 21 апреля. № 76.

[6] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 131.

1942 г. отмечен появлением на территории Орловской области, в районе населенных пунктов Васильевка и Белоусовка (25 км западнее Суземки) действовавшего против партизан 57-го полка «вольного казачества». Полк был сформирован в июле 1942 г. в г. Конотопе из военнопленных и добровольцев из числа местного населения. По-видимому, процент казаков в полку был невелик, а свое название он получил, вероятно, потому, что основой его формирования послужил казачий эскадрон 213-й немецкой пехотной дивизии. В июле 1943 г. полк состоял из двух батальонов и кавалерийского эскадрона[1].

Кроме того, в мае 1942 г., когда германское командование стало создавать на стыке Орловской и Курской областей — в Тросне, Фатеже и Михайловке — добровольческие антипартизанские отряды из числа лиц, обиженных советской властью, их после соответствующей подготовки свели вместе, образовав конный отряд «Вольное казачество». Отряд включал более 500 кавалеристов, командовали которыми немецкие офицеры[2]. Несмотря на то что отряд считался казачьим и местное население называло его бойцов казаками, сомнительно, что именно казаки вошли в его состав, т.к. в то время на территории трех районов вряд ли могло набраться столько лиц мужского пола, принадлежащих к казацкому сословию. Правильнее будет предположить, что казаки могли составить лишь костяк отряда.

Характеризуя некоторые из коллаборационистских формирований, сформированных в тыловом районе 2-й немецкой танковой армии, начальник тылового района генерал-лейтенант Бернгардт в донесении от 19 декабря 1942 г. писал: «617-й восточный батальон полностью боеготов. Моральное и физическое состояние личного состава можно оценить как вполне хорошее... Батальон годен для борьбы с партизанами в тыловом районе армии. 621-й восточный артиллерийский дивизион полностью пригоден для немедленного ведения боевых действий на рубеже реки Десна. Для борьбы с партизанами в тыловом районе армии пригоден»[3].

---

[1] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 37—41.

[2] *Сидоров А.* Указ. соч. С. 11.

[3] Цит. по: Война и общество, 1941—1945. Кн. 2. С. 298.

К осени 1942 г. созданная Воскобойником Народная милиция эволюционировала в Русскую Освободительную Народную Армию — РОНА, известную также как «бригада Каминского», «русско-германское войско». Занявший после гибели Воскобойника пост бургомистра Каминский, очевидно, приняв во внимание печальный конец своего предшественника, стал увеличивать численность локотских вооруженных сил. С этой целью осенью 1942 г. обер-бургомистром Каминским проведена принудительная мобилизация мужского населения 1922—1925 гг. рождения, вплоть до придания уклоняющихся суду по законам военного времени, взятия из семьи заложников, выселения из дома и прочих репрессивных мер. Благодаря этому Каминским было сформировано подобие регулярной армии.

Самые ранние официальные сведения о численности и составе РОНА относятся к началу 1943 г., они отражены в «Строевой записке по бригаде Народной армии Локотского округа на 16 января 1943 г.»[1]. Согласно этому документу, численность бригады составляла 9828 чел., в том числе рядового состава — 8692 чел., младшего командного состава — 761 чел., среднего командного состава — 343 чел., старшего командного состава — 32 чел.

Весной 1943 г. батальоны РОНА были сведены в пять пехотных полков трехбатальонного состава. Позднее в составе бригады был сформирован отдельный Гвардейский батальон численностью 650—670 чел., включивший две стрелковые и одну учебную роты.

Численность батальонов колебалась от 300 до 1000 бойцов, вооружение зависело от выполняемых задач. Так, одни батальоны были вооружены даже бронетехникой, другие — преимущественно винтовками и почти не имели ручных и станковых пулеметов. На вооружении бронедивизиона имелись 8 танков (один КВ, два Т—34, три БТ—7, два БТ—5), три бронемашины (БА—10, две БА—20), две танкетки, а также автомашины и мотоциклы. Бронетехнику могли иметь и другие части РОНА, как, например, истребительная рота, образованная приказом Каминского № 114 от 31 октября 1942 г., получившая два танка БТ—7[2].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 33; ЛАЕ. Строевая записка по бригаде Народной армии Локотского округа на 16 января 1943 г. (копия).

[2] Голос народа. 1942. 15 ноября.

Что касается обеспеченности РОНА вооружением, согласно имеющимся сведениям, на 1 января 1943 г. бригада располагала 60 орудиями, 100 минометами, включая 120-мм, 82-мм и 50-мм, 291 ручным пулеметом, 148 станковыми пулеметами, 8 зенитными пулеметами, 31 ракетницей, 47 автоматами ППШ, 25 автоматами ППД, 7 201 винтовками 7,62 мм, 348 немецкими винтовками, 195 наганами, 82 пистолетами[1].

Летом 1943 г. командование партизанских отрядов, поставленное перед необходимостью предельно точного информирования командования наступающей Красной Армии о противостоящих ей силах противника, сообщила об общей численности бригады в 8—8,5 тысяч чел.[2], однако составители этих сведений подчеркивают приблизительность приведенной цифры.

В отношении дисциплины РОНА имела массу недостатков по сравнению с другими коллаборационистскими формированиями. Так, по свидетельству перебежчиков к партизанам, когда командиры уводили свои подразделения в лес якобы на учения, эти учения никогда не проводились, превращаясь в отдых на природе. Результатом стал приказ Каминского № 106 от 15 апреля 1942 г., констатировавший увеличение несчастных случаев, в том числе со смертельным исходом, из-за неосторожного обращения с оружием[3].

Второй серьезной проблемой стал недостаток офицерских кадров, в связи с чем Каминский попросил командование 2-й танковой армии предоставить в его распоряжение 30 военнопленных командиров РККА, что и было сделано. Так, начальником штаба бригады был назначен капитан РККА И.П. Шавыкин, впоследствии произведенный в подполковники, начальником оперотдела штаба — капитан И. Фролов, начальником разведки и контрразведки — майор Костенко, начальником мобилизационного отдела — майор Никитинский, после назначения которого Г.Н. Бала-

---

[1] ЛАЕ. Сведения о наличии вооружения и боеприпасов по бригаде Локотского округа на 1 января 1943 г. (подлинник).

[2] Там же. Справка о численности, организации и вооружении бригады Каминского / сост. начальник разведотдела Орловского штаба партизанского движения полковник Зюряев (копия).

[3] ЛАЕ. Приказ № 106 от 15.04.42 (типогр. экз.).

шов, ранее занимавший эту должность, стал заместителем командира бригады.

Однако это не покрыло недостатка офицеров, в результате на офицерские должности назначались вчерашние сержанты, старшины и даже рядовые красноармейцы. Так, старшина РККА Турлаков был назначен командиром 3-го полка бригады, получил звание майора, старший сержант РККА Самсонов стал командиром бронедивизиона, а командиром 1-го батальона с присвоением звания старшего лейтенанта Каминский назначил бывшего в РККА рядовым шофером Сорокина.

Для поддержания морально-политического состояния бойцов весной 1943 г. в каждой роте была введена должность шефа-агитатора, проводившего как воспитательную так и пропагандистскую работу.

В конце 1943 г. штаб бригады издал дисциплинарный устав, включавший перечень наказаний за проступки, в т.ч. расстрел за связь с партизанами, а также меры поощрения.

По внешнему виду РОНА, особенно на ранних этапах формирования, мало чем отличалась от партизанских отрядов, ибо бойцы носили красноармейскую одежду, сапоги, лапти, летом ходили даже босиком, сами себя зачастую называли «дикой дивизией». Позже некоторые батальоны получили списанное немецкое обмундирование[1].

Об устойчивости личного состава бригады в период ее дислокации на территории Локотского округа трудно сделать исчерпывающие выводы, так как имеющиеся документы дают противоречивые сведения. Так, листовка-обращение Трубчевского райкома ВКП(б) от 13 февраля 1943 г. отмечает, что «из Севского и Брасовского районов (входили в состав Локотского округа. — *И.Е.*) около 800 человек полицейских с оружием перешли на сторону партизан»[2], что уже говорит о высокой численности локотских вооруженных сил. Что касается действительного количества перебежчиков из бригады Каминского и других коллаборационистских формирований, 21 июня 1943 г. Орловский штаб партизанского

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 750. Л. 103.

[2] Партизаны Брянщины: сб. документов и материалов БПА. Т. 2. С. 68.

движения в докладе на пленуме Орловского обкома ВКП(б) о боевой деятельности партизанских отрядов назвал итоговую цифру перешедших к партизанам в период с 1 октября 1941 г. по 3 июня 1943 г. в 29 чел.[1]. В документах бригады также не содержится данных о случаях массового дезертирства, поэтому можно лишь предполагать, что с октября 1941-го по сентябрь 1943 г. имели место единичные, нечастые переходы каминцев к партизанам.

Между тем в Берлине стало известно о существовании самоуправляющегося округа с более чем полумиллионным населением и бригады под командованием русских офицеров. В результате летом 1943 г. главное управление СС откомандировало в Локоть в группу связи при окружном самоуправлении двух офицеров СД. Благодаря их отзыву, удовлетворившему рейхсфюрера СС Гиммлера, никаких мер по расформированию бригады принято не было[2].

После провала операции «Цитадель» и последовавшего за этим наступления Красной Армии, остановить которое не было никакой возможности, Каминский отдал приказ об эвакуации РОНА, работников самоуправления и гражданского населения округа в Белоруссию. 26 августа, погрузив на станции Хутор Михайловский танки, артиллерию и другую технику, личный состав бригады, сотрудников самоуправления и их семьи, всего около 30 тысяч человек, выехали в Белоруссию[3]. Лишь отдельные группы, которым не удалось эвакуироваться, ушли в брянские леса, продолжив борьбу с советской властью[4].

Продолжив борьбу с партизанами на территории Лепельского, Сенненского, Чашникского, Бешенковичского районов Витебской области[5], каминцы, оторванные от своих корней и деморализован-

---

[1] Партизаны Брянщины: сб. документов и материалов БПА. Т. 2. С. 32.

[2] *Дробязко С.И.* Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия. С. 195.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 748. Л. 165.

[4] *Дробязко С.И.* Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия. С. 198. По данным этого же автора, борьба особых частей НКВД с этими «антисоветскими партизанами» продолжалась до осени 1946 г.

[5] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 709. Л. 201.

ные этим, стали разлагаться в смысле дисциплины. Победоносное наступление Красной Армии также дало основания сделать вывод о том, что поражение Германии — лишь вопрос времени. Следствием стали частые переходы каминцев к партизанам, принявшие угрожающие размеры. Так, только из одного полка с 18 августа по 18 сентября 1943 г. к партизанам перешли 500 чел., из которых 350 — по пути в Белоруссию, 150 — в Белоруссии[1]. К концу сентября 1943 г. численность РОНА сократилась на две трети. 11 октября 1943 г. П.К. Пономаренко сообщал Сталину: «Из бригады Каминского... продолжается дезертирство и случаи перехода на сторону партизан. По данным на 4.10 база продовольственного снабжения Лепельской зоны отпускает Каминскому продукты только на 3665 человек. Вероятно, это все, что осталось от его бригады, насчитывавшей в августе 12 тысяч человек»[2]. Согласно сообщению заместителя начальника ЦШПД Бельченко, 23 сентября 1943 г. был расстрелян командир полка за попытку перевода полка на сторону партизан, а 4-й, 6-й и 7-й батальоны РОНА восстали и отошли в леса для воссоединения с партизанами[3].

В этот период переход к партизанами осуществлялся как одиночками и мелкими группами, так и целыми подразделениями. Так, 15 сентября перешла рота капитана Провоторова с вооружением и 15 лошадьми[4], через несколько дней стало известно о подготовке к переходу полка майора Тарасова, который после раскрытия заговора был повешен по приказу Каминского. В это же время из артдивизиона ушли 27 чел. во главе с капитаном Малаховым, 126 чел. — из 2-го полка, 25 сентября — 30 танкистов[5].

Каминскому удалось жесткими мерами восстановить дисциплину, пополнить бригаду за счет служащих местной вспомогательной полиции. Несмотря на уменьшение численности и катастрофическое падение дисциплины, РОНА продолжала оставаться сильным боеспособным соединением. На 25 ноября 1943 г.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 22. Л. 106.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 648. Л. 139; *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 181—182.

[3] *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 181—182.

[4] *Лобанок В.Е.* В боях за Родину. С. 212.

[5] Там же; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 22. Л. 169.

бригада по-прежнему включала пять стрелковых полков, штаб, гвардейский батальон. На вооружении РОНА имелись 12 танков: один КВ, восемь Т—34, три БТ—7; три бронемашины БА—10; три танкетки; одна 122-мм гаубица; три 76-мм орудий; восемь 45-мм орудий; 8—10 батальонных минометов; 15 станковых и 50—60 ручных пулеметов[1].

Летом 1944 г., с освобождением территории СССР, РОНА была выведена за пределы Белоруссии. К этому времени вопрос о скором поражении Германии уже не вызывал сомнений, что действовало на каминцев деморализующе. Отсутствие в бригаде достаточного количества кадровых офицеров привело к тому, что дисциплина продолжала падать, в результате каминцы к осени 1944 г. превратились, по сути, в морально разложившуюся банду[2]. Уместно привести одно из свидетельств: «Из вагонов высыпала дикая орда вооруженных и невооруженных, одетых в разномастную униформу людей. Среди них были и женщины, увешанные украшениями, а офицеры, которые были распущены так же, как и большинство солдат, имели по три, четыре и пять пар часов на руках...»[3]

Кроме того, на территории Орловской области в период ее оккупации был сформирован и действовал еще ряд коллаборационистских военных формирований, представлявших собой типичные боевые единицы так называемых восточных войск (под немецким командованием, набранных из местного населения, военнопленных, окруженцев, перебежчиков).

Типичные черты создания, организации, кадрового состава и вооружения восточных батальонов можно рассмотреть на примере 619-го восточного батальона. История его создания напрямую связана с деятельностью военной комендатуры в селе Одрине Карачевского района Орловской (ныне Брянской) области. Комендатура начала функционировать в начале 1942 г., ее штат составлял всего 25—30 немецких солдат и офицеров, на которых и возла-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 710. Л. 162.

[2] Бывшие бойцы РОНА В.М. Алексашкин, В.А. Комаров, Н.В. Чикетов (первые двое проживают в пос. Локоть Брянской обл., последний умер в 1997 г.) также засвидетельствовали автору о катастрофическом падении дисциплины в бригаде после ее вывода за пределы Белоруссии.

[3] *Thorwald J.* Illusion: Soviet soldiers in Hitler's armies. P. 243—244.

галась борьба с партизанами и советским подпольем. Попытки действовать путем выявления через осведомителей из местного населения просоветски настроенных лиц, явных и потенциальных сторонников партизанского движения, по-видимому, не дали должных результатов. Это и породило идею сформировать 619-й восточный батальон, что и было начато в декабре 1942 г. В его состав вошли военнопленные красноармейцы, местные жители — добровольцы и призванные по разверстке. Численность батальона (включая 3-ю и 4-ю роты, находившиеся в стадии формирования) к началу марта 1943 г. составила 140 русских и 11 немцев (командный состав), на вооружении помимо винтовок было 4 тяжелых и 6 легких пулеметов[1]. 4 марта 1943 г. партизанами были разгромлены 1-я и 2-я роты под командованием коменданта Вольфганга фон Шредера. Последний вместе с оставшимися в живых бойцами двух рот попал в плен[2]. Две оставшиеся роты были отправлены в г. Карачев, где формирование батальона продолжилось, причем большая часть бойцов 3-й и 4-й рот были переведены в заново сформированные 1-ю и 2-ю роты, ставшие основным боевым ядром батальона. В конце марта — начале апреля 1943 г. численность батальона составляла 343 чел., в т.ч. 295 русских и 48 немцев. Количество личного состава распределялось по подразделениям следующим образом:

— штаб — 20 русских, 11 немцев;

— 1-я рота — 136 русских, 10 немцев;

— 2-я рота — 100 русских, 10 немцев;

— 3-я рота — 38 русских, 9 немцев;

— 4-я рота (тяжелого оружия) — 1 русский, 8 немцев.

Немецкие офицеры и фельдфебели занимали исключительно командные должности, причем младшие офицеры занимали преимущественно штабные должности, а боевыми подразделениями командовали, как правило, немцы, не имевшие офицерских званий. Так, после соответствующей подготовки командиром 1-й роты был назначен фельдфебель Бюхнер (февраль 1943 г.). Бывшие командиры РККА занимали второстепенные командные

[1] ЛАЕ. Сведения о вооружении и боеприпасах 619-го восточного батальона (копия).

[2] ЛАЕ. Докладная записка в ЦШПД от 15.04.43 (копия).

должности, например, заместителей командиров взводов, командиров отделений[1].

Что касается укомплектованности подразделений батальона личным составом, их численности, ответ на этот вопрос дает строевая записка 1-го взвода 1-й роты батальона. На 3 апреля 1943 г. численность взвода составляла 35 чел., в т.ч.:

— ячейка управления взводом — 6 чел. (ком. взвода — фельдфебель Бернике, зам. ком. взвода — Денисов, водитель и 3 посыльных);

— 1-е отделение — 9 чел. (ком. отделения, 3 пулеметчика, 5 стрелков);

— 2-е отделение — 8 чел. (ком. отделения, 3 пулеметчика, 4 стрелка);

— 3-е отделение — 9 чел. (ком. отделения, 3 пулеметчика, 5 стрелков);

— гранатометчики — 3 чел.[2].

Основная часть рядового состава батальона была представлена молодыми людьми (в основном 1921—1923 гг. рождения, реже — 1915—1920 гг. рожд.). Таким образом, основная масса бойцов выросла, получила воспитание и образование при советской власти. Что касается социального положения, то большинство солдат батальона в прошлом крестьяне. На втором месте стояли рабочие, представители интеллигенции, люди творческих профессий встречались исключительно редко. По крайней мере в сохранившемся в архиве автора списочном составе батальона, а также списке лиц, отобранных немцами для службы в батальоне, значится лишь один человек, не относящийся к рабоче-крестьянскому сословию, — художник Виктор Козин, уроженец Тамбова, 1921 г. рождения[3].

С июня 1943 г. 619-й восточный батальон был преобразован в кадровый батальон (Stammbataillon), служивший для пополнения личным составом восточных частей 2-й танковой армии. Несмотря на это, он продолжал использоваться в антипартизанских

---

[1] ЛАЕ. Строевая записка 619-го восточного батальона (копия).

[2] Там же.

[3] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 51. Л. 1—3; ЛАЕ. Список личного состава 619-го восточного батальона (копия).

и охранных операциях. К ноябрю 1943 г. понесший большие потери в боях с партизанами и поредевший на 2/3 личного состава батальон был расформирован[1].

Особое место в ряду коллаборационистских формирований занимают те из них, которые были созданы спецслужбами Третьего рейха. Наибольший интерес к использованию граждан СССР проявила военная разведка (абвер), в функции которой входили сбор разведданных на территории СССР, подрывная работа среди населения и партизан[2]. С этой целью с первых месяцев оккупации в каждом из крупных городов были созданы абвергруппы, их отделения действовали во многих районных центрах. Каждая из них придавалась штабу той или иной немецкой армии. В обязанность абвергрупп входила разведывательная и контрразведывательная работа. Борьба с партизанами осуществлялась путем заброски в партизанские отряды агентов с задачей выявлять оперативные планы партизанского командования, парализовывать деятельность партизан на основных коммуникациях к фронту, осуществлять убийства партизанских командиров. С этой целью абвергруппами готовились небольшие агентурные отряды из советских военнопленных или местного населения[3]. В течение первых полутора лет войны деятельность агентурных групп была довольно эффективной, а органы советской контрразведки не имели достаточного опыта для их обезвреживания[4]. Однако бывали случаи, когда агенты абвера либо разоблачались партизанами, либо сами являлись к ним с повинной[5]. Если в течение 1941 г. абвер обходился сетью агентов, мелкими отрядами особого назначения, казачьими сотнями, использовавшимися для борьбы с партизанами, то зимой 1941—1942 гг. положение изменилось. Поражение

---

[1] ЛАЕ. Докладная записка в ЦШПД. Б. д. (копия).

[2] Еще до начала Великой Отечественной войны при участии абвера были сформированы эстонский батальон «Эрна», украинские батальоны «Роланд» и «Нахтигаль». Два последних участвовали в нападении Германии на СССР 22 июня 1941 г. См.: *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 125—127.

[3] В сердце «Виддера». С. 260.

[4] *Кошелев Н.Н., Лебин Б.Д.* Указ. соч. С. 191—192.

[5] В сердце «Виддера». С. 260.

немцев под Москвой, переход войны в затяжную фазу и активизация вследствие этого партизанской борьбы потребовали использования на оккупированных территориях более крупных антипартизанских частей. Инициаторами создания одной из них стали Н.Н. Иванов, С.Н. Иванов, И.К. Сахаров, К.Г. Санин (Кромиади)[1]. Очевидно, основываясь на опыте советско-финляндской войны и будучи убеждены в антисоветских настроениях значительной части населения СССР, эти лица выступили с инициативой создания крупных национальных частей для свержения коммунистического режима СССР[2]. Руководство абвера, заинтересовавшись их предложением, дало согласие на формирование части, выделив для ее развертывания поселок Осинстроя (Осинторф), в 25 км северо-восточнее Орши.

Часть, названная Ивановым, Сахаровым и Кромиади Русской национальной народной армией (РННА), начала формироваться в феврале 1942 г. Ее создатели первым делом занялись подбором командного состава, в результате чего по их приглашению уже в апреле 1942 г. в Осинстрой прибыли граф Пален, капитан, эмигрант, жил в Париже; граф Ламсдорф, капитан, эмигрант, жил в Париже; князь Воронцов-Дашков, лейтенант, сын бывшего наместника Кавказа; Соболевский, ротмистр, жил в Германии; Кулиш, ротмистр, жил в Германии; Рыль (Риль) Владимир Федорович, работник оперотдела 22-й армии, национальность — немец, семья проживала в г. Свердловске; Бочаров Алексей Матвеевич, подполковник, командир саперного батальона, семья проживала в Москве. РННА явилась, таким образом, одним из немногих коллаборационистских формирований, у руля создания которого стояли эмигранты, причем пользовались при этом полной самостоятельностью.

---

[1] Иванов Николай Никитович — один из организаторов армии Н.Н. Юденича, эмигрант, до войны жил в Германии; Иванов Сергей Никитович — брат Н.Н. Иванова, офицер армии Н.Н. Юденича, до войны жил в СССР; Сахаров Игорь Константинович — сын генерала Сахарова, служил в армии А.В. Колчака, эмигрант, в Париже окончил эмигрантское военное училище, где преподавали Н.Н. Юденич и П.Н. Краснов; Санин Константин Григорьевич (настоящая фамилия — Кромиади) — полковник, в РННА был известен как уроженец Грузии, князь.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 853. Л. 87—88.

Сразу же после прибытия этих лиц началась вербовка личного состава РННА. Этим занялись Риль и Бочаров, для чего им были предоставлены лагеря военнопленных в городах Болхове, Орле, Гомеле, Бобруйске, ужасающие условия содержания военнопленных в которых, их высокая смертность от голода способствовали вербовке. Именно по этой причине офицеры-эмигранты вскоре оказались не в состоянии осуществлять строгий отбор военнопленных в РННА, в результате в часть наряду с убежденными противниками советской власти (таковых, по их мнению, было до 40 %), вступили немало тех, кто ставил своей целью любой ценой вырваться из лагеря, чтобы впоследствии перейти на сторону партизан или РККА. Так, перешедший 23 февраля 1943 г. на сторону партизан офицер РННА А.П. Руденко, бывший начальник штаба артиллерии 346-й стрелковой дивизии РККА, рассказал, что, находясь в Бобруйском лагере, первоначально отказался вступать в РННА, но его убедил в необходимости этого член комиссии по отбору военнопленных капитан Вишневский, сказав: «Запишитесь, товарищ майор, здесь умрете с голоду или отправят в Германию, откуда не удастся сбежать, а в “РНА” (так в тексте источника. — *Авт.*) мы еще посмотрим, против кого будем воевать»[1].

Следует заметить, что, в то время, как сами белоэмигранты называли свое детище Русской национальной народной армией и видели ее как основу будущей русской армии, создаваемой для борьбы за освобождение России от большевизма, в немецких документах соединение проходило как «русский батальон специального назначения», «подразделение абвера-203» или соединение «Граукопф»[2].

По замыслу германского командования, на РННА планировалось возложить следующие задачи:

1. Подготовка шпионов и диверсантов для заброски их в советский тыл. Для этого гестапо снабдило С.Н. Иванова и А.М. Бочарова штампами и печатями большинства московских военкоматов и райсоветов, бланками удостоверений личности начсостава РККА, военными билетами и паспортами, бланками партийных

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 13.

[2] *Дробязко С.И.* Русская Освободительная Армия. С. 31.

билетов и печатями ряда политотделов дивизий, различными орденами СССР.

2. Подготовка взводов и рот для посылки их в советский тыл и особенно в окруженные части Красной Армии с целью их разложения и перевода на сторону немцев[1]. С этой целью в мае 1942 г. С.Н. Иванов, И.К. Сахаров и А.М. Бочаров подготовили и перебросили на смоленском направлении в советский тыл группу из девяти человек. К осени в расположение РННА вернулись трое: старший лейтенант Казак, лейтенант Устинов, лейтенант Николаев, рассказав, что побывали в Москве, Челябинске, Свердловске и других городах СССР. Судьба остальных членов группы неизвестна[2].

В марте 1942 г. численность РННА составляла 100—150 человек, в мае — 400, в августе — 1500. Личный состав размещался в Осинстрое, в учебных лагерях «Москва», «Урал» и «Киев». К этому времени удалось создать штаб, пехотный полк трехбатальонного состава, по 200 человек в каждом, курсы усовершенствования командного состава, разведроту, пулеметную и хозяйственную роты, взводы: комендантский, автомобильный, саперный, связи. Кроме того, было сформировано учебно-тренировочное авиазвено, но без самолетов. Один отдельный стрелковый батальон формировался в Шклове, в так называемом лагере «Волга». Кроме того, в г. Бобруйске действовала школа переподготовки офицерского состава на 30—60 человек, которой руководил майор Безродный. Вооружение РННА было советского производства и состояло из винтовок Мосина и СВТ, небольшого количества автоматов, нескольких арторудий, двух бронемашин, 180 ручных и 45 станковых пулеметов, 24 минометов[3].

Важной особенностью РННА стала попытка создания в рамках соединения русских авиационных частей. Ввиду относительной самостоятельности РННА в августе 1942 г. без разрешения группы армий «Центр» из военнопленных были отобраны пилоты, штурманы, радисты и бортовые стрелки. Из них сформировали авиаподразделение под командованием майора Филатова. Под

---

1 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 13 (об.).

2 Там же.

3 *Дробязко С.И.* Русская Освободительная Армия. С. 32.

руководством старших офицеров начали работу курсы переподготовки летного состава, просуществовавшие до февраля 1942 г. Однако ввиду зависимости РННА от материальной базы Германии авиаподразделению не удалось получить ни одной машины, в результате его деятельность ограничивалась теоретической учебой. Тем не менее существование авиакурсов стало, по определению Й. Хоффмана, «началом организационного объединения русского летного персонала на немецкой стороне»[1].

Штаб РННА был организован по принципу штабов Красной Армии, с единственным отличием, что в штабе соединения имелся контрразведывательный отдел, который возглавил подполковник Бочаров, его заместителями стали старшие лейтенанты Шкроботов и Лапшин. Начальником штаба стал полковник Семенов. Обучение личного состава проводилось по уставам и наставлениям РККА, причем основное внимание уделялось тактике ночного боя[2].

Личный состав носил форму РККА с погонами царской армии и трехцветной кокардой царской армии. Кроме того, солдатам и офицерам не запрещалось носить советские награды[3]. Примечательно, что 17 февраля 1943 г. подполковник Бочаров проинформировал Власова, что в районе действий РННА советское командование, очевидно, опасаясь пропагандистского воздействия РННА на красноармейцев, стремилось избежать любого контактирования красноармейцев с этим соединением, для чего отдало советским частям приказы не мешать продвижению войск РННА, не минировать шоссе, не нападать на группы снабжения и вообще не предпринимать ничего, что могло бы привести к боевым столкновениям. В то же время красноармейцам было объявлено, что это «переодетые немецкие войска».

После того как в результате проделанной партизанскими агентами работы с 6 по 15 сентября 1942 г. на сторону партизан с оружием перешли около 200 солдат и офицеров РННА, белоэмигранты были сняты с постов и отозваны в Берлин. Командование РННА приняли полковник Красной Армии В.И. Боярский и бригадный комиссар Г.Н. Жиленков.

---

[1] *Хоффман Й.* Власов против Сталина. С. 125—126.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 14.

[3] Там же; *Дробязко С.И.* Русская Освободительная Армия. С. 32.

После неудачной боевой операции в конце 1942 г. против частей Красной Армии в районе Великих Лук, в результате чего три батальона были почти полностью уничтожены, Жиленков и Боярский были сняты с командных постов. Численность РННА на это время составляла 4000 чел.[1].

Иную версию излагает член НТС А.С. Казанцев, ставший впоследствии редактором центральной власовской газеты «Воля народа». Судя по его мемуарам, Боярский и Жиленков наотрез отказались от боевого использования бригады в составе немецких соединений, заявив, что «бригада является только частью будущей русской армии и будет действовать только в ее составе»[2]. Когда в штаб РННА прибыли офицеры германского штаба с угрозой разоружить бригаду, если она не займет отведенного ей участка на фронте, полковник Боярский нарисовал план расположения немецких воинских частей в этом районе и стрелками показал, в каких направлениях РННА нанесет по ним удары в случае, если конфликт зайдет слишком далеко. Бригаду на время оставили в покое, что, по мнению А.С. Казанцева, объясняется опасением в результате бунта оголить участок фронта, линия которого проходила в 30 км от расположения РННА. После инцидента Боярского и Жиленкова с гарантией неприкосновенности вызвали в Главную ставку для переговоров в противовес мнению фельдмаршала Клюге, требовавшего расстрелять бунтовщиков[3]. Конфликт удалось замять в результате заступничества полковника Генерального штаба Ренне, взявшего Жиленкова и Боярского на поруки[4].

В феврале 1943 г. Боярский убыл в 16-ю армию на должность советника по использованию русских нацформирований. Командование РННА принял бывший майор Красной Армии В.Ф. Рыль (Риль). Германское командование переориентировало РННА исключительно на борьбу с партизанами, придав соединению ста-

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 853. Л. 88.

[2] Именно этой версии Г.Н. Жиленков придерживался на судебном процессе 30 июля — 1 августа 1946 г., всецело приписывая себе срыв планов немцев по боевому использованию РННА. *Коняев Н.М.* Два лица генерала Власова. М.: Вече, 2001. С. 411.

[3] *Казанцев А.С.* Указ. соч. С. 143—145.

[4] *Коняев Н.М.* Указ. соч. С. 411.

тус полка (700-й восточный полк особого назначения). К середине января 1943 г. были вновь укомплектованы два батальона, которые по-прежнему дислоцировались в Осинстрое, а также артдивизион. Батальоны состояли из трех рот каждый, штабной роты, артвзвода с тремя 45-мм противотанковыми пушками на вооружении, взвода минометчиков, пулеметного взвода, взвода управления батальона — всего по штату 1028 человек. Каждый батальон по нормам имел на вооружении 6 станковых и 27 ручных пулеметов, 6 батальонных минометов. Параллельно со штабом соединения был создан немецкий штаб руководства, который возглавил полковник Каретти, в руках которого и сосредоточилось фактическое руководство РННА[1]. По мнению С.И. Дробязко, бойцы и командиры РННА увидели в этом ущемление их национальной гордости, что и стало основной причиной участившихся переходов к партизанам[2]. Так, 23 февраля 1943 г. к партизанам ушли 135 человек во главе с майором А.П. Руденко и главным интендантом Г.А. Соделем. Причины того, что перешли не сразу, а лишь после года службы в РННА, Руденко и Содель объяснили тем, что раньше с партизанами «связь установить не удавалось, так как партизаны вообще не появлялись»[3].

После ухода из РННА группы Руденко и Соделя полковник Риль был отстранен от командования и арестован, был расформирован и русский штаб. Тогда же, в феврале 1943 г., РННА была разделена на отдельные батальоны, которые придали различным тыловым гарнизонам, что означало прекращение существования РННА как целостного русского соединения.

Ненадежность личного состава соединения, обусловившая групповой переход на сторону партизан, по всей вероятности, связана с тем, что немалое количество военнопленных согласились вступить в часть под давлением обстоятельств. Набранный из лагерей военнопленных личный состав в основной своей массе дал вынужденное согласие на вступление в РННА, потому что у военнопленных была ограничена свобода выбора — выбирать приходилось между жизнью и смертью.

---

1 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 14.

2 *Дробязко С.И.* Русская Освободительная Армия. С. 32—33.

3 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 15.

Расформирование РННА на отдельные батальоны связано, по всей видимости, именно с ненадежностью формирования. Близость линии фронта и угроза в случае конфликта нанести удар по немцам лишь ускорили это решение.

Возможность использования коллаборационистов видело и Шестое управление РСХА[1] (Служба внешней разведки СД[2]), возглавляемое бригадефюрером СС В. Шелленбергом. Весной 1942 г. по его инициативе была создана организация «Цепеллин», на которую возлагались агентурная работа в тылу советских войск и борьба с партизанским движением. В апреле 1942 г. в Берлине из числа советских военнопленных был создан «боевой отряд русских националистов» численностью в 100 человек, который возглавил бывший подполковник Красной Армии В.В. Гиль (псевдоним — Родионов). Изначально планировалось использовать создаваемые группы для разведывательно-диверсионной работы в тылу РККА. Однако проблемы с заброской таких групп вынудили немцев объединить их в более крупные подразделения для несения охранной службы и борьбы с партизанами[3]. Офицерский состав отряда Гиль набрал в лагере в Сувалках, причем отобрал своих знакомых по службе в РККА: подполковника Орлова, майоров Шепелева, Петрова, капитанов Малиновского, Тимофеева, Нисова, старшего лейтенанта Илющенко[4]. Сформированная часть, названная «Дружиной 1», убыла в генерал-губернаторство (территория Польши), в местечко Парчев недалеко от города Люблина, для борьбы с партизанами[5]. К середине августа часть выросла до 500 чел. и убыла в г. Слуцк, недалеко от Смоленска, в марте 1943 г. — в г. Лужки Витебской области.

К концу 1942 г. в лагере «Сталаг-319» в Люблине сформировали «2-ю боевую дружину» численностью 135 чел., которую возглавили капитаны Блажевич, Алелеков, Макаренко[6]. В марте 1943 г. все сформированные подразделения стянули в Лужки и объедини-

---

[1] РСХА — Reichssicherheithauptamt — Главное управление имперской безопасности.

[2] СД — SD — Sicherheitdienst — Служба безопасности.

[3] Шелленберг В. Мемуары. С. 217.

[4] *Клименко*. Указ. соч. С. 22.

[5] Архив ФСБ. Справка № 10/А—4630 от 21.10.96. С. 2.

[6] Там же. С. 3.

ли в 1-й русский национальный полк, численность которого составила 1200 чел., в т.ч. 150 офицеров. Вооружение — 60 орудий, 95 пулеметов, 18 минометов, свыше 200 автоматов[1]. Начальником контрразведки стал бывший генерал-майор РККА В.П. Богданов, начальником штаба — Блажевич[2].

К апрелю 1943 г. численность полка составила 3000 чел. (80 % — полицейские и мобилизованное население, 20 % — военнопленные), он был переименован в 1-ю Русскую национальную бригаду СС, именуемую также «Дружиной Боевого Союза Русских Националистов». «Дружина» включала 3 строевых и 1 учебный батальоны, автороту, артминометную батарею, пулеметную и учебную (школа прапорщиков и младших командиров) роты, роту боевого питания, штурмовую роту, роту связи, два взвода кавалерии, комендантский взвод, санчасть, хозчасть, саперный взвод, взвод полевой жандармерии[3].

Командные должности занимали бывшие офицеры РККА и эмигранты[4]. Службу связи с германским командованием, общий контроль и снабжение курировали различные чины СС (10—12 чел.) во главе с оберштурмбанфюрером СС Аппелем. В марте

---

[1] *Калинин П.* Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии. С. 34—37.

[2] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. С. 82.

[3] Архив ФСБ. Справка № 10/А—4630 от 21.10.96. С. 3; *Клименко.* Указ. соч. С. 20.

[4] Из эмигрантов на командных должностях находились: подполковник Орлов, полковник Волков, майор Юхнов, майор Шепелев (командир батальона, впоследствии — полка), майор Андрусенко, майор Томилин (начальник отдела пропаганды), майор Шепетовский, Перегунов (офицер оперотдела), капитан Алферов, старший лейтенант Самутин (помощник начальника отдела пропаганды), капитан Клименко (командир 1-й роты особого мотомехбатальона), капитан Тимофеев (адъютант командира бригады), поручик Насонов (командир пулеметной роты); эмигранты: капитан Дамэ (после развертывания батальонов в полки — начальник штаба 1-го полка), полковник, князь Святополк-Мирский (командир артбатареи), бывший штабс-капитан Добровольческой армии Деникина Шмелев (офицер контрразведки), граф Вырубов.

1943 г. была создана Служба предупреждения (отдел контрразведки) для выявления среди населения лиц, связанных с партизанами, а среди военнослужащих — просоветски настроенных лиц, могущих перейти к партизанам[1].

В июне 1943 г. численность бригады составила от 8000 до 12 000 чел., взводы были развернуты в роты, роты — в батальоны, батальоны — в полки[2].

Падение дисциплины в бригаде, бессмысленные карательные акции против гражданского населения под видом борьбы с партизанами, просоветские настроения личного состава беспокоили руководство СС. Так, в докладе в Главное управление СС от 29 апреля 1943 г. говорилось, что «положение в "Дружине" требует вмешательства со стороны высших инстанций». Тут же отмечалось «возрастающее недовольство, направленное против Германии», и что «такое положение создает опасность для политики империи». Описывая свое впечатление от встреч с Гилем, Шелленберг отмечает, что «не мог отделаться от неприятного чувства, что его антисоветские убеждения пошатнулись. Манера, в которой он критиковал ошибки, совершенные германским руководством в отношении России вообще — делая специальное ударение на изображении немецкой пропагандой русских, как людей низшей расы, — и в отношении населения и военнопленных, в частности, носила оттенок, вызывающий подозрения»[3]. Тот же автор пишет о своих неоднократных предупреждениях руководству о положении дел в «Дружине» и о трудностях, возникших с ее руководством[4].

Пропаганда со стороны партизан также повлияла на разложение личного состава бригады. Так, с осени 1942 г. переписку и переговоры с «дружинниками» вели представители подразделений Полоцко-Лепельского партизанских соединений, с весны 1943 г. — бригады им. К.Е. Ворошилова (командир Д.В. Тябут), Дубова (командир Ф.Ф. Дубровский), имени Чапаева (командир В.В. Мельников), имени ЦК КПБ (командир А.Д. Медведев), с

---

[1] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. С. 82—83.

[2] *Клименко.* Указ. соч. С. 20.

[3] *Шелленберг В.* Мемуары. С. 217.

[4] *Шелленберг В.* Лабиринт. С. 265.

июля 1943 г. — партизанской бригады «Железняк» (командир И.Ф. Титков). Прибывшие в начале августа 1943 г. в расположение бригады 2-й полицейский полк и другие части СС, усиленные артиллерией и бронемашинами, вполне могли создать у личного состава, в частности, у Гиля, впечатление, что немцы намерены разоружить соединение, подвергнув командование, включая самого Гиля, репрессиям. Так или иначе, 14 августа 1943 г. бригада перешла к партизанам, расстреляв накануне весь немецкий персонал и арестовав 26 командиров, в т.ч. генерал-майора Богданова, графа Вырубова, штабс-капитана Шмелева, полковника Святополк-Мирского, которые 20 августа самолетами были доставлены в Москву[1]. Об обстоятельствах этого перехода В. Шелленберг пишет, что «когда “Дружина” конвоировала длинную колонну пленных партизан, полковник Родионов приказал своим людям атаковать отряд СС, сопровождавший конвой. Немцы были застигнуты врасплох, и русские перебили их всех до одного самым зверским образом»[2].

Бригада была переименована в «1-ю антифашистскую партизанскую бригаду», Гиль восстановлен в звании. 17 августа 1943 г. ему присвоили звание полковника и наградили орденом Красной Звезды. После этого в течение 11 месяцев бригада вела боевые действия против немецких войск, однако, находясь по приказу партизанского командования в авангарде наступлений, несла большие потери. Гиль при прорыве блокады немцев в районе Ушачей был тяжело ранен и 14 мая 1944 г. скончался[3]. По утверждению С. Стеенберга, 30 офицеров и 500 солдат вскоре вернулись обратно, вероятно, те, кто относился либо к убежденным противникам советской власти, либо ввиду совершенных преступлений вряд ли мог надеяться на прощение. Зимой 1943—1944 гг. в многочисленных боях, где «Первой антифашистской» пришлось столкнуться и с бывшими товарищами, бригада была разбита наголову. Остаток в 300 человек удалось окружить у станции Зябки и полностью уничтожить. По данным того же ав-

[1] *Решин Л.Е., Степанов В.С.* Указ. соч. // ВИЖ, 1993.— № 3. С. 31.

[2] *Шелленберг В.* Лабиринт. С. 266.

[3] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. С. 84.

тора, Гиль погиб совершенно иначе — его расстреляли его же бывшие офицеры со словами «собаке — собачья смерть»[1].

«Дружина», осуществив переход к партизанам именно в период, совпавший с поражением немцев на Курской дуге и начавшимся отводом войск, в этом не уникальна. В этот период подобные падения настроения отмечены практически во всех коллаборационистских формированиях. Из этого можно сделать вывод, что идейная убежденность не была присуща большинству коллаборационистов, скорее, они руководствовались желанием найти для себя оптимальный способ избежать ответственности, получить прощение.

Несколько иначе можно оценить восстановление Гиля в звании, награждение орденом и оставление на командной должности, что, по сути, представляет собой уникальное явление. С одной стороны, в этой акции просматривается пропагандистский мотив. Однако совершенно иное объяснение как поведения самого Гиля, так и мотивов перехода «Дружины» изложил один из белорусских эмигрантов, Юрий Дувалич. По его мнению, «с самого начала Родионов был советским провокатором». В подтверждение своей версии Дувалич указывает на странную, ничем не оправданную жестокость самого Гиля: «В местечке Зембин им были убиты 3 юноши и 2 девушки только за то, что они пришили к своим рубашкам и блузам белорусский национальный значок... Из 147 деревень Бегомльского района после Родионова осталось только 9». Расправляясь с мирным населением, Гиль «всячески избегал столкновений с большевистскими партизанами, а занимался только почти поголовным уничтожением мирного населения»[2]. По некоторым свидетельствам, еще находясь в лагере в Сувалках, Гиль имел замысел провоцировать ненависть к оккупантам, под их маской расправляясь с мирным населением[3]. Как результат деятельности «Дружины» можно привести уничтожение в одном только

---

[1] *Стеенберг С.* Андрей Андреевич Власов. С. 88.

[2] Цит. по: *Александров К.М.* Восточные войска вермахта и Вооруженные силы Комитета Освобождения Народов России: К истории разведывательных и контрразведывательных служб. С. 101.

[3] *Тхоржевский В.* По дорогам рабства и свободы // Урал. 1994. № 7. С. 145—146.

Бегомльском районе в июле 1943 г. 4000 мирных жителей[1]. Наводит на некоторые размышления и то, что приказ из Белорусского штаба партизанского движения о начале прямых переговоров с «Дружиной» о переходе поступил сразу после завершения карательной экспедиции — 23 июля 1943 г. Любопытно и то, что сразу же после перехода «Дружины» по инициативе Гиля в Ушачах были расстреляны все свидетели его жестокости, в частности, майор Блажевич, поручик Палферов, капитан Москалев и др.[2]. Документальных подтверждений версии о Гиле-провокаторе нам отыскать не удалось, поэтому полностью ей доверять нельзя, однако ее можно принять с большой долей вероятности. По мнению К.М. Александрова, если действия Гиля и «Дружины» действительно замышлялись как провокации, ее переход к партизанам 10—13 августа 1943 г. следует расценивать как блестящую операцию по выводу агентуры[3]. Примечательно и то, что после перехода переименованное в «1-ю антифашистскую бригаду» подразделение Гиля, как уже указывалось выше, ставилось по приказу партизанского командования в авангард боев и на самые опасные участки. Это неизбежно вело к чрезмерным потерям, и, если приведенная выше версия верна, можно предположить, что тем самым партизанское командование проводило планомерную акцию по постепенному уничтожению бригады, уже выполнившей предназначавшуюся ей роль.

В деревне Крыжеве, в 15 км от Пскова, весной 1943 г. начала формироваться 1-я Гвардейская бригада РОА. Прибывший сюда для развертывания в бригаду «батальон РОА» составлял 200—250 чел. Сюда же прибыл С.Н. Иванов. Затем часть перебросили в д. Стремутки, в 15 км от Пскова. Формирующаяся часть была передана в подчинение местному СД через офицера связи штурмбанфюрера Хойнца[4].

---

[1] *Калинин П.* Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии. С. 34—37.

[2] *Клименко.* Указ. соч. С. 24.; *Решин Л.Е.* Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. 1994. № 8. С. 171.

[3] *Александров К.М.* Восточные войска вермахта и Вооруженные силы Комитета Освобождения Народов России: К истории разведывательных и контрразведывательных служб. С. 103.

[4] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. С. 86—87.

Идея создания бригады исходила от Штаба отдела безопасности СД. Организационная группа состояла из командира С.Н. Иванова, помощника командира И.К. Сахарова, начальника штаба К.Г. Кромиади, представителя Русского комитета Г.Н. Жиленкова, командира хозяйственного взвода Г.П. Ламсдорфа, о. Гормогена (Кивачук), В.А. Ресслера.

Первоначально планировалось ввиду неблагонадежности командира «Дружины» Гиль-Родионова сместить его с должности, а личный состав трансформировать в 1-ю Гвардейскую бригаду РОА, формально передав ее в подчинение Русского комитета. Однако ввиду ходатайства высшего командования СД и местных органов СД Гиль был оставлен на своей должности, а из его бригады выделили лишь 300 чел. — учебную и пропагандную группы, а также личный состав Особого русского батальона СС, сформированного в начале 1943 г. в Бреслау и находившегося там до марта 1943 г.[1]. 20 марта личный состав батальона — 120 чел., в том числе 18 сапожников — был переброшен из Бреслау в Глубокое, куда в середине-конце апреля прибыла группа «дружинников» Гиль-Радионова и «добровольцев» из Валавской разведшколы, всего около 100 чел. Прибывшие в мае в Глоубокое Сахаров и Кромиади, чуть позже — Ламсдорф приступили к формированию 1-й Ударной бригады РОА.

Отличительной особенностью бригады явилось то, что все командные должности занимали русские офицеры, причем, ранее служившие в РККА[2]. Тем более что данное формирование было

---

[1] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. С. 85.

[2] Офицерский состав части выглядел следующим образом: начальник штаба батальона — бывший лейтенант РККА Зинченко; командир взвода (одновременно преподаватель тактики и строевой подготовки в унтер-офицерской школе) — бывший лейтенант РККА Зуевич; командир взвода 2-й роты — бывший лейтенант РККА Малявин; командир взвода — бывший лейтенант РККА Машков; начальник унтер-офицерской школы (в Крыжеве) Кошкарев; командир офицерской роты (с июня по август 1943 г.) — бывший капитан РККА Касьянов; преподаватель инженерного и подрывного дела в унтер-офицерской школе — бывший капитан РККА Бекешко; преподаватель военного дела в офицерской и унтер-офицерской

создано до переломного момента в Великой Отечественной войне (июль 1943 г.). Вероятнее всего, это связано с тем, что у руля создания бригады стояли эмигранты, к которым, как к убежденным противникам советской власти, у немецкого командования было больше доверия. В то же время надежность «верхушки» бригады, как показали последующие события, не явилась гарантом такой же надежности всего личного состава формирования.

Часть не была развернута более батальона, а из-за перехода «Дружины» на сторону партизан СД в срочном порядке прекратила ее дальнейшее формирование[1]. В августе 1943 г. старший командный состав батальона отозвали в Берлин, а после передислокации части подразделения в другой район командование оставшимися бойцами было передано капитану Ламсдорфу. После перехода в ноябре 1943 г. значительной части личного состава к партизанам оставшиеся 100 чел. были разоружены и заключены в концлагерь в Пскове[2].

Подробности перехода личного состава батальона к партизанам 2-й бригады, а также предшествовавшая этому подготовительная работа со стороны партизанского руководства подробно описаны Г. Репиным. Через местную учительницу Тину Репину удалось установить связь с командиром одного из взводов бригады, лейтенантом В. Зуевичем, который высказал свои антинемецкие настроения, заявив, что «с радостью ушел бы от немцев, да боится», рассказав при этом, что капитан И. Касьянов настроен так же. Касьянов передал партизанам сведения о вооружении батальона. При встрече с партизанами Зуевич заявил, что ищет случая уйти и увести свой взвод, при этом добавил, что «солдаты ушли бы давно, но побаиваются неизвестности. Офицеры настроены по-разному». Зуевичу было поручено подготовлять солдат к переходу к партизанам. Затем партизанское командование послало письмо графу Ламсдорфу и Жданову, начальнику гарнизона в Назимове, указав на бессмысленность войны между русскими.

школах — бывший полковник РККА Бородин (после отъезда Кромиади короткое время был командиром батальона); адъютант Иванова, по прибытии в Глубокое Сахарова — бывший лейтенант РККА Попов.

[1] *Кромиади К.* Указ. соч. С. 89, 93, 106.

[2] Архив РОА (Москва). Письмо С.В. Садового от 18.10.97.

Вскоре состоялась встреча партизанского командования с графом Ламсдорфом, в ходе которой он будто бы сказал: «Мы охотно перешли бы на сторону Красной Армии, а к партизанам... нет! У вас дикие законы, наши солдаты боятся партизан. Вот мы и решили: переходить к вам не согласны, но трогать вас не будем»[1].

По свидетельству самого графа Г.П. Ламсдорфа, приведенные слова о якобы имевшейся готовности перевести личный состав части к РККА представляются маловероятными. Категорически отрицая это, Ламсдорф в то же время засвидетельствовал об имевшей место договоренности командования с партизанами не трогать друг друга. Каких-либо боевых столкновений батальона с партизанами в этот период действительно не было, из чего можно сделать вывод, что существование договоренности между теми и другими исключить нельзя.

После упомянутого разговора Воробьев сам побывал в гарнизоне, куда его беспрепятственно пропустили, и поговорил с солдатами, согласовав с Зуевичем план перехода части, наметив его на 11 октября 1943 г. Построив в этот день солдат (около 150 чел.) на плацу, Воробьев обратился к ним с речью, после чего колонна двинулась к партизанам, погрузив также на двадцать повозок оружие, включая минометы, пулеметы, а также боеприпасы, медикаменты и продовольствие. Перебежчики были объединены в отдельный отряд под командованием Жданова, обязанности комиссара взял на себя Репин[2]. Вскоре бывшие солдаты РОА Н. Панков, Н. Кучумов, И. Моисеев, С. Люшин, Н. Ковалев и другие составили обращение к своим товарищам, оставшимся в РОА, призывая также перейти к партизанам, последовав их примеру: «Вступив в РОА, мы совершили преступление перед Родиной. Пусть в каждом из вас пробудится совесть русского человека. На взвод солдат РОА приходятся 1—2 немца. Убейте их, переходите к партизанам»[3]. Партизаны доставили письмо в 1-ю гвардейскую бригаду РОА, однако повторного перехода к партизанам не последовало. Некоторое время отряд Жданова входил в состав 2-й бригады,

---

[1] *Репин Г.* Указ. соч. С. 264—267.

[2] Там же. С. 268—269.

[3] Ленинградский партизан. 1943. 24 октября.

однако вскоре бывшие власовцы были рассредоточены, перемещены на Большую землю и репрессированы[1].

Помимо боевых частей и соединений, в тыловых районах на протяжении всего периода оккупации повсеместно создавались рабочие и саперно-строительные батальоны. Необходимость этого рода войск, по-видимому, была вызвана необходимостью проведения ремонта железнодорожных путей, военных и промышленных объектов, разрушаемых партизанами. Привлекать же для этого гражданское население было затруднительно. В рабочие и саперно-строительные части рекрутировались как местные жители, так и военнопленные, в основном, насильно. Каждый батальон состоял из 4 рот, по 150—160 чел. каждая. Солдаты вооружения не имели. Вооружен был лишь немецкий персонал, в среднем 5 чел. на роту, охранявший солдат и надзиравший за ними как в рабочее, так и во внерабочее время[2].

В 1942—1943 гг. германским командованием был закреплен статус военных формирований из советских граждан. 15 декабря 1942 г. при ОКХ был организован штаб генерала восточных войск, а 7 января 1943 г. он был официально утвержден приказом фюрера и верховного главнокомандующего[3]. Должность генерала восточных войск занял генерал-лейтенант Г. Хельмих, в обязанности которого входило решение всего круга вопросов, связанных прежде всего с формированием восточных войск, назначением и пополнением командного состава, обслуживанием этих войск. В армиях Восточного фронта были созданы штабы командующих восточными войсками особого назначения (Osttruppen zur besonderen Verfugung) — всего 11 бригадных штабов с номерами 701—704, 709—712, 721, 741, 6 полковых с номерами 750—755[4]. При штабах работали штаб-офицеры, в обязанности которых входили подготовка и обучение личного состава, ответственность за надежность формирований, пропаганда в частях и подразделениях. На должности штаб-офицеров назначались бывшие командиры РККА[5]. Офи-

---

[1] *Бахвалов А.Л.* Указ. соч. С. 36.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 54. Л. 24.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 945. Л. 24.

[4] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 186.

[5] Там же. С. 187.

церы и унтер-офицеры восточных войск готовились в специальных школах, которые действовали в Витебске, Пскове, Сольцах, Пожаревище и других населенных пунктах. Каждая школа обслуживала части, дислоцировавшиеся в близлежащих к ним районах[1].

Вопрос о численности коллаборационистских формирований, созданных из бывших бойцов и командиров Красной Армии и местного населения, издавна является предметом острых дискуссий. Между зарубежными и отечественными исследователями до сих пор нет единства в вопросе об общей численности коллаборационистов. Так, большинство зарубежных авторов называют численность граждан СССР, воевавших на стороне Германии, около 1 млн чел. Отечественные исследователи называют меньшую цифру, причем их данные разнятся. Так, М.А. Гареев говорит о 200 000 коллаборационистах[2], П.А. Пальчиков — о 40 000[3], Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ сообщила данные о 250 000—300 000 гражданах СССР, служивших в строевых и нестроевых формированиях вермахта и полиции[4]. По данным С.И. Дробязко, проделавшего кропотливую работу по подсчету общего количества коллаборационистов, их численность (не считая полиции и войск СС) составляет от 800 тыс. до 1 млн чел.[5].

Вопрос о численности коллаборационистов, занятых на службе в тыловых районах германских армий, вообще не удостоился внимания исследователей. В то же время имеющиеся данные о коллаборационистских формированиях, несших службу на территории Витебской, Калининской, Орловской и Смоленской областей, позволяют определить примерную численность их личного состава на июнь—июль 1943 г. Так, на это время на территории Витебской области постоянно находились 11 восточных батальонов[6], Кали-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 849. Л. 199; Там же. Д. 850. Л. 22; Там же. Д. 984. Л. 34.

[2] *Гареев М.А.* Указ. соч. С. 49.

[3] *Пальчиков П.А.* Указ. соч. С. 144.

[4] Красная Звезда. 1995. 31 марта; Общая газета. 1996. 25—31 января.

[5] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 196.

[6] 406, 427, 601, 603, 605, 622, 623, 624, 625, 633, 634-й восточные батальоны.

нинской — 11 восточных батальонов[1], Орловской — 13 восточных батальонов и дивизионов[2], Смоленской — 6 восточных батальонов[3]. При средней численности каждого батальона в 600 чел., за вычетом примерно 5 % немецкого персонала, получим 23 940 чел., к которым следует прибавить бригаду Каминского (9828 чел.), РННА (4 000 чел.), 39, 40, 201-й батальоны вспомогательной полиции (около 1700 чел.), отряды ЕКА Калининской области (около 1350 чел.), 1-ю русскую бригаду СС «Дружина» (около 10 000 чел.). В результате получим общую цифру примерно в 50 800 чел. В это число не входят полицейские службы порядка, бойцы отрядов самообороны, «добровольные помощники», несшие службу в батальонах и ротах снабжения, а также личный состав коллаборационистских частей и подразделений, прибывавших с других территорий для разового использования в той или иной антипартизанской операции[4]. Несмотря на то что цифра в 50 800 человек является весьма приблизительной и непостоянной ввиду боевых и небоевых потерь коллаборационистских формирований, их неравномерного пополнения, правомерно утверждать, что граждане СССР, входившие в состав боевых единиц по четырем областям Советского Союза, составили эквивалент пяти полнокровных дивизий вермахта.

§ 2. Практика использования воинских коллаборационистских формирований

Коллаборационистские формирования из граждан СССР на оккупированных территориях использовались германским командованием, в основном, в двух направлениях: для охраны коммуникаций, военных и промышленных объектов, а также для борьбы с партизанским движением, активность которого росла прямо пропорционально жестокостям и насилиям оккупантов. Мероприятия

[1] 1/198, 207, 281, 631, 653, 666, 667, 668, 669, 842, 843-й восточные батальоны.

[2] 1/125, II/9, 82, 613, 615, 616, 617, 618, 619, 621, 628, 629, 630-й восточные батальоны и дивизионы.

[3] 4, 229, 308, 412, 627, 646-й восточные батальоны.

[4] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 598. Л. 1—2, Д. 637. Л. 15, Оп. 2. Д. 899. Л. 31—33.

по принудительной отправке в Германию рабочей силы, в основном, молодежи, увеличивали приток добровольцев в партизанские отряды. Кроме того, формирования в составе германских спецслужб (РННА, «Дружина») использовались для агентурной и разведывательной работы. В редких случаях коллаборационистские части и подразделения имели столкновения с войсками Красной Армии.

Практику использования коллаборационистских формирований на оккупированных территориях СССР нельзя рассматривать в отрыве от характеристики партизанского движения в исследуемых областях, так как именно оно обусловило создание боевых единиц из граждан Советского Союза, определило практику их использования.

Из территорий, входящих в рамки настоящего исследования, Орловская область явилась наиболее значительным очагом партизанского движения, что подтверждает количество действовавших здесь партизанских сил.

На 15 марта 1942 г. на территории Орловщины, согласно докладной записке начальника областного управления НКВД К.Ф. Фирсанова секретарю Орловского обкома ВКП(б), официально действовало 65 партизанских отрядов общей численностью 2959 чел., а также 236 истребительно-диверсионных разведгрупп, общей численностью 731 чел. Согласно этой же записке, количество партизан после пополнения их отрядов за счет населения достигло 5000—5500 чел.[1]. Через два с половиной месяца секретарь обкома Матвеев в своей докладной записке в ЦК ВКП(б) о состоянии партизанского движения и боевых действиях партизан Орловской области на 1 июня 1942 г. писал, что на территории области на указанный период действуют 60 партизанских отрядов общей численностью 25 240 чел.[2].

Первые официальные данные немецкого командования, представленные штабом командующего тыловым районом 2-й германской танковой армии (Корюк-532), определяют численность партизан следующим образом:

---

[1] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 3. Л. 74.

[2] Партизаны Брянщины: сб. документов и материалов БПА. Т. 2. С. 202.

на 31 января 1943 г. — 10—15 тыс.;
на 20 мая 1943 г. — 15—20 тыс.;
на 18 июня 1943 г. — 13—14 тыс.[1].

Не допуская, что за восемь месяцев численность орловских партизан, даже при условии ожесточенной борьбы с ними[2], могла сократиться в 2—2,5 раза, можно предположить, что Матвеев указал численность партизан по всей территории области, тогда как германский тыловой корпус — лишь по ее южным районам.

Количество партизан по другим областям по состоянию на конец 1942 — начало 1943 г. выглядит следующим образом:

— Калининская область — 2383 чел. в составе 24 отрядов, 1 бригады, 2 групп;

— Смоленская область — 3490 чел. в составе 40 отрядов и 1 диверсионной группы;

— Витебская область — 6108 чел. в составе 69 отрядов[3].

Это количество не было постоянным, изменялось в результате потерь, пополнений за счет населения, красноармейцев-окруженцев и перебежчиков-коллаборационистов. Так, по Смоленской области за восемь месяцев 1942 г. оно уменьшилось почти вдвое, с 6500 чел. на начало 1942 г. до 3490 чел. на конец августа 1942 г.[4].

На весну 1944 г. перед Калининским фронтом действовало 9 партизанских бригад общей численностью 3892 чел.[5].

Интересны обобщающие данные германского командования по составу партизанских отрядов на июль 1943 г.:

5 % — руководящее ядро (коммунисты);

15 % — рядовые члены компартии;

15 % — евреи и «прочие помощники партизан» (т.е. лица, лояльные к советской власти);

10 % — мародеры, уголовные элементы, ищущая приключений молодежь;

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 827. Л. 147.

[2] Каких-либо данных о крупномасштабных антипартизанских операциях за период июнь 1942 — январь 1943 г. нигде не содержится.

[3] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 5. Л. 92—96.

[4] СЦДНИ. Ф. 6. Оп. 5. Д. 338. Л. 29.

[5] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 598. Л. 28.

55 % — лица, насильно завербованные или вынужденные присоединиться к партизанам под влиянием разного рода принудительных мер, колеблющиеся двурушники[1].

Согласно приказу № 42 от 18 ноября 1941 г. Главного штаба войск СС за подписью Г. Гиммлера, определяющему методы борьбы против партизан, личный состав партизанских отрядов рекрутировался «из разбитых русских полков, коммунистов и особенно комиссаров и политических работников, а также из гражданских лиц, получавших предварительную подготовку в партизанских школах, которых сбрасывают на парашютах в тылу немецкого фронта»[2]. В этом же приказе говорится, что «носителем партизанского движения является не Красная Армия, а политические и государственные учреждения Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД) и Народного Комиссариата Государственной Безопасности (НКГБ)»[3]. В этой связи необходимо отметить, что составители приказа дают в нем половинчатые сведения о составе партизанских отрядов, а именно, несмотря на обладание обширной информацией о партизанском движении, избегают упоминать о его народном характере, обусловленном притоком гражданского населения, в том числе невоеннообязанного, в ряды партизан. Напротив, как этот, так и ряд других подобных документов, а также агитационная литература почти всегда представляют партизанское движение как борьбу кучки коммунистов и их сторонников, изолированных от основной массы народа[4]. В этом просматривается попытка руководства СС в какой-то мере ретушировать сложившуюся по его же вине ситуацию, ибо по сравнению с вермахтом отряды СС проявляли на оккупированных территориях неслыханные зверства, не оправданные военной обстановкой[5]. Это увеличивало приток обозленного местного населения в партизанские отряды. У западных исследователей, соприкоснувшихся с этой темой, даже «...складывалось впечатление, что немцы ведут кампанию по

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 827. Л. 147.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 5. Л. 15.

[3] Там же.

[4] *Октан М.* Указ. соч. С. 3—14.

[5] *Вакр Н.П.* Указ. соч. С. 197.

призыву добровольцев в ряды советских партизан»[1], и делались выводы, типа «чем жестче германская администрация угнетала население, тем больше становилось партизан»[2].

Росту партизанского движения способствовало наличие определенных географических условий, например, лесистости и заболоченности больших территорий. Непроходимые леса, перемежающиеся с болотами, давали прекрасную возможность для дислокации значительных партизанских сил. Нельзя не учитывать и то, что через леса проходило много километров железнодорожных путей, ввиду чего немцам, и без того вынужденным постоянно латать взрываемые партизанами участки железнодорожного полотна, приходилось изыскивать силы для их надежной охраны.

Для охранной службы и борьбы с партизанским движением в зоне оперативной ответственности 2-й германской танковой армии штаб командующего 532-м тыловым корпусом на 5 сентября 1942 г. располагал следующими силами:

— 707-я пехотная дивизия — 6709 чел.;

— 143-й самокатный охранный батальон — 1241 чел.;

— охранные батальоны 304, 313, 703, 862-й — 2817 чел.;

— бронепоезда № 2 и № 4—334 чел.;

— конное соединение (кавалерийская группа) «Трубчевск» — 1047 чел.;

— добровольческий полк «Вайзе» — 1950 чел.

Всего — 14 143 чел.[3].

Привлекать для борьбы с партизанами регулярные германские части было невыгодно, во-первых, потому, что масштабы партизанского движения потребовали бы значительного распыления сил, во-вторых, из-за больших потерь, которыми неизбежно сопровождались бы боевые действия в не привычных для немцев геоклиматических условиях.

В предыдущих главах мы подробно останавливались на Локотском округе и созданной в его пределах с санкции германского командования Народной милиции, впоследствии — бригады Каминского (РОНА), предназначенной для борьбы с партизанами.

[1] *Munoz A.* Hitler Easter Legions. Vol. II. The Osttruppen. P. 3.

[2] *Редклифф А.* Указ. соч. С. 3.

[3] *Schulte T.* Op. cit. P. 78.

Столкновения между РОНА и партизанами приобрели характер долговременных боевых действий, по своей сути напоминавших гражданскую войну.

В течение октября—декабря 1941 г. не отмечено каких-либо боевых столкновений между партизанами и Народной милицией. В этот период функции Народной милиции ограничивались охраной общественного порядка, тыловых коммуникаций германской армии.

Первое крупное столкновение Народной милиции с партизанами произошло 8 января 1942 г. Это случилось вскоре после выхода приказа Воскобойника, предлагавшего партизанам до 1 января 1942 г. сложить оружие, «прекратить безобразие и приступить к организации мирной трудовой жизни» с одновременным обещанием не подвергать их каким-либо репрессиям[1]. Согласно утверждению А.Н. Колесника, борьба партизан с локотскими вооруженными силами после этого «кончилась очень быстро — большинство партизан с оружием перешли на сторону этих сил»[2]. Однако полностью доверять этому выводу нельзя по той причине, что ни в одном из архивных источников, относящихся к данному периоду, не содержится сведений о переходе «большинства» партизан на сторону локотян, к тому же А.Н. Колесник не ссылается на первоисточник, не приводит точных цифр перебежчиков. В то же время открытое письмо партизан бригады «Смерть немецким оккупантам», появившееся в этот период, подписали всего восемь партизан, перешедших на сторону локотян[3]. Поэтому уместнее было бы говорить о единичных перебежчиках.

В этом и последующих случаях перебежчики из партизанских отрядов называли, как правило, политические мотивы перехода на сторону локотян[4]. Так, бывший партизан Ф.А. Ракитин в своем

---

[1] ЛАЕ. Приказ К.П. Воскобойника. Б. м. Б. д. (типогр. экз., подлинник).

[2] *Колесник А.Н.* Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. С. 96.

[3] Фамилии партизан, подписавших открытое письмо: Смирнов, Береснев, Пахомов, Кузин, Анисимов, Поляков, Баранова, Ермаков. ЛАЕ. Партизаны и партизанки! Открытое письмо Б. м. Б. д. (типогр. экз., подлинник).

[4] Бывший танкист бригады Каминского В.М. Алексашкин в беседе с автором пояснил, что вступил в бригаду, решив избежать угона в Герма-

заявлении от 5 января 1942 г. писал: «Прошу принять во внимание мою просьбу о прощении моего проступка... Мой отец остался инвалидом в Русско-японскую войну, где заслужил награду Георгиевского Кавалера. Также и я по его наследству хочу пойти по примеру отца за освобождение русского народа от большевизма»[1].

Тем не менее, очевидно, именно указанное открытое письмо, оттиражированное в локотской типографии и при помощи германской авиации сброшенное на партизанские позиции, явилось тем тревожным сигналом, который во избежание еще большего резонанса вынудил партизанское командование немедленно принять меры к ликвидации «змеиного гнезда контрреволюции». Было решено совершить налет на Локоть. 8 января 1942 г. значительные силы партизан из нескольких отрядов (их точная цифра нигде не фигурирует), образовав сводный отряд под руководством Д.В. Емлютина, на 120 санных упряжках въехали в Локоть и атаковали превращенное в казарму Народной милиции здание лесохимического техникума. Однако партизаны переоценили свои силы: первую атаку милиционеры отбили, затем к ним на помощь подошли подкрепления. К.П. Воскобойник вышел на крыльцо своего дома (сохранился до настоящего времени, расположен по адресу: пос. Локоть, ул. Лесная, 1) и обратился к партизанам с предложением сдаться, но был смертельно ранен автоматной очередью, скончавшись через несколько часов[2].

нию. При этом он высказал желание бороться против большевиков. По его же свидетельству, бывшие партизаны указывали ту же причину, хотя зачастую, дезертируя из отрядов, не желали подвергать опасности своих родных, которым грозили репрессии за пребывание кого-либо из членов семьи в партизанах.

[1] ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 25. Л. 25.

[2] Большинство исследователей утверждают, что К.П. Воскобойник был смертельно ранен у входа во дворец Великого Князя Романова, который служил резиденцией Воскобойника. Однако такое утверждение является следствием недостатка информации и ошибочного логического заключения: если дворец был резиденцией Каминского, значит, и его предшественника Воскобойника. Однако данные тщательного опроса местных жителей, переживших оккупацию, бывших каминцев, участников партизанского движения, проведенного автором летом 2009 г.,

Советские источники, описывающие этот налет, содержат много противоречий. Так, первоначально, согласно докладной записке начальника Орловского НКВД К.Ф. Фирсанова, принято было считать, что налет совершил партизанский отряд Сабурова, численность которого не превышала 200 чел.[1]. Однако ввиду промелькнувших данных о том, что партизаны въехали в Локоть на 120 санных упряжках, выходила явная нестыковка, пришлось внести коррективы, прибавив к нему также отряд имени Сталина[2]. Лишь после войны в своих мемуарах К.Ф. Фирсанов заявил, что операцию проводил сводный отряд под руководством чекиста Д.В. Емлютина, при этом упомянул все те же 120 санных упряжек[3].

При налете, согласно официальному сообщению Бюллетеня Локотского самоуправления, погибли К.П. Воскобойник и еще 6 чел.[4]. 30 милиционеров, участвовавших в бою, были, согласно приказу Каминского № 21, награждены денежными премиями. Этим же приказом спустя год после этого боя Локотской окружной больнице присваивалось имя «Павших героев 8 января 1942 года», а на могиле Воскобойника было решено воздвигнуть памятник «Битва народов» по образцу такого памятника в Лейбциге с отпуском необходимых средств из фондов самоуправления[5].

Согласно уже цитировавшейся записке К.Ф. Фирсанова, партизаны уничтожили 54 чел.[6]. Данные самоуправления заслуживают в данном случае больше доверия, так как слухи о событиях, происходивших в Локте и окрестностях, распространялись гораздо

дают основания утверждать, что Воскобойник жил и был смертельно ранен в своем одноэтажном бревенчатом доме, расположенном по адресу: пос. Локоть, пер. Воскобойника, 1 (теперь — ул. Лесная).

[1] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 3. Л. 80—81.

[2] *Богатырь З.А.* Указ. соч. С. 44—47; Партизаны Брянщины. Т. 1. С. 420—421.

[3] *Фирсанов К.Ф.* Указ. соч. С. 78.

[4] Фамилии погибших милиционеров: А. Баранов, К. Барыкин, Т. Королев, М. Мазанов, Н. Панов, Н. Шишов. Бюллетень. Орган Локотского окружного самоуправления. 1943. 1 февраля.

[5] Там же.

[6] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 3. Л. 80—81.

быстрее, нежели об этом публиковалось в печати, ввиду чего преуменьшать потери локотян было бессмысленно. Такого же мнения придерживается Б.В. Соколов, указывая, что в Локте «местные жители и так были прекрасно осведомлены о партизанском терроре», ввиду чего самоуправлению оставалось лишь с точностью воспроизводить в печати имевшие место события, придавая им нужную окраску с целью внушить населению страх перед «партизанскими зверствами»[1]. Тот же автор приводит множественные случаи преувеличения партизанами собственных успехов и потерь противника[2].

Объявивший борьбу с партизанами «одной из первоочередных задач новой власти», Каминский предпринял несколько операций против действовавших поблизости партизанских отрядов. Уже в феврале 1942 г. силами 160 бойцов Народной милиции и 60 немецких солдат проведено наступление на действовавший в Комаричском районе партизанский отряд Капралова. Партизаны понесли большие потери. В ходе дальнейших операций Каминскому удалось очистить от партизан внушительную территорию, в ходе чего некоторое количество партизан с оружием в руках перешли на сторону «хозяина брянских лесов». Так, за неделю боев в Суземском районе, с 19 по 27 июня 1942 г., согласно партизанским данным, из отрядов дезертировали 427 партизан, 65 из них вступили в Народную милицию Каминского[3]. По сообщению коллаборационистской печати, переходы партизан на сторону локотян приобрели регулярный характер, и даже в тех районах, вошедших впоследствии в состав Локотского округа, положение которых вследствие налетов партизан считалось нестабильным, такие случаи имели место. Так, в Суземском районе (бургомистр И. Юров) в октябре 1942 г. на сторону противника почти ежедневно переходили 3—5—10 партизан с вооружением[4].

Имели место случаи нападения партизан на гарнизоны РОНА и деревни, где проживали бойцы и командиры бригады. Так, в ночь с 30 апреля на 1 мая 1942 г. партизаны Кокоревско-

---

[1] *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 179.

[2] Там же. С. 99—116.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 750. Л. 103.

[4] Голос народа. 1942. 15 ноября.

го отряда совершили налет на расположенные в километре друг от друга деревни Тарасовка и Шемякино, получив через шемякинского старосту Машурина и командира вооруженного отряда Попова пароль и отзыв. Согласно партизанской сводке, при поддержке с тыла шемякинской подпольной группы партизанам фактически без боя удалось обезоружить и арестовать 142 бойца Народной милиции, из которых 57 чел. были расстреляны, также партизанам удалось взять множество трофеев[1]. В приказе Каминского № 132 от 8 мая 1942 г. упоминается 115 расстрелянных, а также издевательства над ними. С целью освобождения Тарасовки и Шемякина Каминский три раза, 3, 6 и 8 мая, предпринимал безуспешные попытки штурма этих деревень. Лишь 11 мая при поддержке пяти самолетов и двух бронемашин каминцы численностью около 500 чел. изгнали партизан, потеряв при этом 30 чел. убитыми[2]. Как видно, для Локотского самоуправления освобождение указанных деревень имело большое значение, так как они являлись стратегическими пунктами на подступах к Локтю, что позже отметил заместитель комбрига Г. Белай[3]. Если верить Белаю, партизаны спасались, переодевшись в женские платья[4].

Отмечены факты возникновения антипартизанских групп в самих партизанских отрядах. О двух из таких групп сообщал начальнику Штаба партизанского движения при Ставке ВГК Пономаренко начальник Штаба партизанского движения при ВС Брянского фронта Матвеев. По его докладной записке от 8 августа 1942 г., в отряде им. Суворова Суземского района выделились две группы в 9 и 12 человек, возглавили которые В.Е. Данченко и Н.В. Солоников. Их целью было уничтожение партизанского руководства, очевидно, с целью дезорганизации отряда и перевода его на сторону РОНА. Результатом их деятельности стало убийство командира разведки отряда И.А. Бережкова и разоружения 15 бойцов-партизан[5].

---

[1] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 166. Л. 8—10.

[2] Там же.

[3] Голос народа. 1943. 20 июля.

[4] Там же.

[5] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 16—23.

Как бы подводя итог использования коллаборационистов в тыловых районах за этот период, Главное управление полевой полиции (ГФП) в середине 1942 г. констатировало: «Несмотря на отдельные случаи недисциплинированности и вызванные большевистской пропагандой попытки бунтов, можно сказать, что местные жители, использовавшиеся для борьбы с партизанами, оправдали возлагавшиеся на них надежды»[1].

В ночь на 1 января 1943 г. около 700 партизан провели наступление на село Кокушкино, однако, будучи встречены мощным огнем находившегося там гарнизона РОНА, были вынуждены отступить. В следующую ночь партизаны в том же количестве атаковали станцию Дерюгино Дмитриевского района, снова отступив, потеряв несколько человек убитыми, 1 партизан был взят в плен. В этот же период 6 партизан с оружием перешли на сторону РОНА[2]. Село Кокушкино партизаны силами нескольких отрядов общей численностью до 1000 человек вторично атаковали 5 ноября 1942 г., очевидно, с целью уничтожения дислоцировавшегося там 3-го батальона РОНА. В результате шестичасового боя партизаны потеряли более 50 человек убитыми и были вынуждены отступить, оставив на поле боя часть вооружения[3].

О результатах действий РОНА против партизан в период с мая 1942 г. по апрель 1943 г. свидетельствуют данные 532-го тылового корпуса (Корюк-532), согласно которым, с мая по октябрь 1942 г. партизаны провели 561 акцию по повреждению линий связи, военных объектов, железной дороги, из них успехом увенчались 260 акций, безуспешными оказалась 301 акция. В течение этого же периода партизаны 540 раз с переменным успехом атаковали подразделения округа. С ноября 1942 г. по апрель 1943 г. партизаны провели 236 успешных и 222 безуспешных разрушительных акций, 553 атаки подразделений охраны. Выражая удовлетворенность бригадой Каминского, насколько это было возможно обеспечившей немецкий тыл, генерал-полковник Р. Шмидт 20 ноября 1942 г. принял Каминского в своем штабе,

---

[1] Цит. по: *Соколов Б.* Оккупация. С. 83.

[2] Голос народа. 1943. 5 января.

[3] Там же. 1942. 15 ноября.

выразив ему благодарность за участие «в созидательной работе» и успехи в борьбе против «банд»[1].

Кроме борьбы с партизанами, личный состав бригады использовался для репрессий в отношении «противников новой власти». Так, за связь с партизанами каминцы в течение 1941—1943 гг. полностью сожгли деревни Красная Слобода, Требушка, Чернь, Гаврилова Гута, Кокоревка, Кокушкино, Смиличи, Чухра, Игрицкое, Добровольский, Алтухово, Шушуево, переселив жителей в деревни, расположенные вне лесов[2].

Другие воинские формирования коллаборационистов на территории Орловской области использовались следующим образом.

1-й батальон Русского добровольческого полка «Десна» под командованием капитана РККА Кубелько, еще будучи не полностью сформирован, был задействован в охране железнодорожных мостов и складов в районе Брянска. Начиная с 3 мая 1942 г. батальон вел бои против партизан Жирятинского и Дятьковского районов (операция «Антон»), а также в районе Красного Рога, где пробыл до 4 июня 1942 г.[3]. 16 июля 1942 г. 1-й батальон, а также 2-я штабная батарея выгрузились на ст. Почеп (юго-западнее Брянска), а 2-й, 3-й батальоны и 1-я батарея — на станции Красный Рог, откуда начали наступление в юго-восточном направлении на Милечь, Плюсково, Юрово, Манцурово, Яновское, Уты. Наступление прошло успешно, в результате была очищена от партизан значительная территория Почепского, Трубчевского и Выгоничского районов. К середине августа части полка достигли реки Десна и заняли оборону вдоль ее правого берега на фронте протяженностью около 60 км, от Ивановского до Выгоничей (на противоположном, левом берегу реки Десна начиналась территория Локотского автономного округа, контролируемая многочисленными формированиями РОНА). В районе Ивановского были сооружены шесть дзотов, прорыты отдельные траншеи, вокруг четырех дзотов протянуты проволочные заграждения. Вскоре после занятия

---

[1] Голос народа. 1942. 1 декабря.

[2] *Дробязко С.И.* Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия. С. 192.

[3] *Лукашев А., Головачев П.* Указ. соч. // Брянский рабочий. 1993. 16 апреля.

полком позиции вдоль правого берега 1-й батальон начал наступление на партизанские лагеря[1]. Использование батальона в таком качестве было связано, очевидно, с тем, что он вобрал в себя наиболее опытные солдатские и офицерские кадры. Оборону вдоль правого берега Десны основные силы полка держали в течение трех месяцев, имея целью обеспечить уборку крестьянами урожая, при этом не допускать партизан в населенные пункты за продовольствием. Боевое охранение впереди линии не выставлялось. С получением данных о проникновении партизан для ликвидации последних высылались группы солдат по 20—30 чел. В период выполнения как наступательных, так и оборонительных операций действия полка «Десна» поддерживались авиацией.

В сентябре 1942 г. 1-й и 2-й батальоны предприняли несколько рейдов в очищенные незадолго до этого от партизан районы и уничтожили появившиеся здесь партизанские группы и построенные ими лагеря. 16 января 1943 г. 1-й батальон был переброшен в район Мглины, туда же убыли 1-я (без одного орудия) и 2-я батареи, где действовали против партизан совместно с тремя батальонами немцев и французским добровольческим полком[2].

57-й полк «вольного казачества» сражался с партизанами в районе населенных пунктов Васильевка и Белоусовка. Кроме того, на территории Орловщины действовал так называемый конный отряд «Вольное казачество» включавший 500 кавалеристов под командованием немецких офицеров. Его боевое крещение состоялось 28 июля 1942 г., когда отряд занял деревни Солдаты, Толченое, Лужки, Пакино, Берлодное и Опажье, выбив оттуда Михайловский и Троснянский партизанские отряды. Далее казаки пытались блокировать партизан в лесах и уничтожить их штурмовыми атаками, что, по-видимому, выполнить не удалось, так как сведений о полном уничтожении указанных партизанских отрядов не обнаружилось. Напротив, они прожолжили свою деятельность в указанной местности. Отмечены «особое рвение в бою» казаков, а также большие потери — в этот день погибли около 50 казаков. На следующий день казаки пытались атаковать партизан уже в лесу, однако потери отряда превысили

[1] Архив ИВИ МО РФ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 100. Л. 100.

[2] Там же.

половину личного состава. Ввиду этого операция не удалась, отряд был вынужден отойти в Михайлову слободу. Осенью 1942 г. казаки еще дважды принимали участие в карательных экспедициях против курских и орловских партизан 1-й Курской бригады. Отдельные столкновения партизан с этим же отрядом отмечены и зимой 1943 г.[1].

628-й, 629-й и 630-й восточные батальоны, входившие в 709-й восточный полк особого назначения, с осени 1942 г. по июль 1943 г. обеспечивали охрану железнодорожных путей совместно с частями РОНА на участках Суземка — Середина-Буда, Суземка — разъезд Нерусса, а также держали оборону в районе населенных пунктов Старая Погощь, Новая Погощь, Синучры[2].

619-й восточный батальон (Schtammbataillon), несмотря на то что служил для пополнения личным составом восточных частей 2-й танковой армии, одновременно, с декабря 1942 г. по июнь 1943 г., использовался в антипартизанских операциях. В частности, батальон нес охранную службу на рубеже по северному берегу реки Навля на участке Глинское—Салтановка.

Восточная часть брянских лесов в районе Навли, Алтухова, Кокоревки блокировалась 3-м полком РОНА, в районе Красного Колодца, Шемякино, Холмецкого, Крупца — 5-м полком РОНА. 1-й полк РОНА удерживал юго-восточную часть брянских лесов в районе населенных пунктов Мальцевка, Холмечи, Теребушка, Гаврилова Гута, Красная Слобода, Чернь. Район населенных пунктов Тростная, Бобрик, Селечня, Игрицкое, Кокушкино удерживал 2-й полк РОНА. Участок Катляково, Плюсково (юго-западная часть брянских лесов) с мая по август 1943 г. блокировал II/9-й армянский батальон. В Трубчевском районе на весну-лето 1943 г. против партизан действовала кавалерийская группа «Трубчевск». Населенные пункты Любожичи, Переторги и прилегающие территории в это же время контролировали до двух батальонов полка «Десна». В Рамасухинских лесах, в районе Могори, Мосточина, против партизан на август 1943 г. был выставлен 807-й азербайджанский батальон, на участке Красный Рог — Милечь — «части

[1] *Сидоров А.* Указ. соч. С. 11.

[2] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 41—50.

РОА неустановленной нумерации»[1]. Каких-либо подробных данных о боевых действиях этих частей нигде не фигурирует.

В 1942 г. впервые была использована в боевых действиях Русская национальная народная армия (РННА). В мае 1942 г. Иванов, Бочаров, Рыль и Сахаров во главе группы из 300 человек, одетых в форму Красной Армии и снабженных поддельными документами, выехали в Дорогобужский район Смоленской области с целью разложения действовавшего в немецком тылу 1-го кавалерийского корпуса Белова. Операция, согласно партизанскому донесению, закончилась тем, что около 100 бойцов РННА перешли на сторону Белова, около 70 человек погибли (Бочаров был пойман, но бежал), 120 человек вернулись в Осинстрой вместе с небольшим количеством присоединившихся к ним бойцов корпуса Белова[2]. Д-р Й. Хоффман уточняет, что под этим «небольшим количеством» следует понимать присоединившийся к РННА и влившийся в ее ряды разведотдел корпуса под командованием героя Советского Союза старшего лейтенанта Князева. Несмотря на факт явного поражения, командование РННА считало это «моральной победой» и «самым крупным своим достижением»[3].

В течение лета 1942 г. подразделения РННА четырежды участвовали в антипартизанских операциях. Осенью 1942 г. «народникам» удалось столкнуться с регулярными частями Красной Армии. Так, во время наступления РККА на Великие Луки немецкий гарнизон из частей 83-й немецкой пехотной дивизии был окружен в городе. К месту боев немцы стянули 1-й, 2-й и 3-й батальоны РННА в надежде, что красноармейская форма «народников» усыпит бдительность противника и батальонам РННА удастся прорвать кольцо окружения. Однако при попытке прорыва батальоны РННА были почти полностью уничтожены. Из 1028 чел. 1-го батальона обратно вернулись 12 чел., из 2-го — 18 чел., из 3-го — не более 30 чел.[4]. После этого случая немцы отказались от использования РННА против Красной Армии, полностью переориентировав часть на борьбу с партизанами.

---

[1] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 37.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 13 (об.).

[3] *Хоффман Й.* История власовской армии. С. 265.

[4] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 13—14.

14 ноября 1942 г. отряд РННА совершил налет на деревню Куповать. Жертвой «народников» пал знаменитый командир партизанской бригады «Дяди Кости» К.С. Заслонов[1].

Полным поражением окончилась операция РННА против партизан в районе населенного пункта Березино 22 декабря 1942 г. Потери 2-го батальона составили 120 чел. убитыми и 37 чел. ранеными. В довершение ко всему батальон при отходе угодил под огонь 1-го (633-го) батальона, который, как выяснилось позже, принял его за партизан[2].

Достойна упоминания и такая мера по борьбе с партизанами, применявшаяся в 1941—1942 гг., как создание органами фронтовой разведки (абвером) так называемых лжепартизанских отрядов. Для придания этим отрядам авторитета в глазах партизанского командования им на начальном этапе их создания разрешалось иногда совершать налеты на полицейских. После этого лжепартизанский отряд приступал к выполнению своих прямых задач: устанавливал связи с советскими партизанскими отрядами, выясняя их дислокацию, численность, вооружение, о чем информировал немецкие власти. Побочной задачей являлась дискредитация партизанского движения в глазах местного населения, для чего лжепартизаны нападали на населенные пункты, терроризируя население[3].

Представитель ЦШПД на Брянском фронте старший майор госбезопасности Матвеев в докладной записке заместителю начальника ЦШПД Сергиенко от 30.11.42 упоминает еще об одном предназначении лжепартизан — выискивать в лесах группировки выходящих из окружения красноармейцев, после чего передавать их немецким властям[4].

Автору из свидетельств бывших власовцев достоверно известно о действовавшем в Смоленской области лжепартизанском отряде Мартыновского — человека с уголовным прошлым. Сжигая мелкие населенные пункты под предлогом ликвидации немецких форпостов, отряд Мартыновского лишал, таким обра-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 945. Л. 10.

[2] Там же. Д. 853. Л. 93.

[3] *Попов А.* НКВД и партизанское движение. С. 83.

[4] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 14—18.

зом, партизан их опорных пунктов, одновременно избавляя карательные отряды от грязной и дискредитирующей работы. Даже после разоблачения Мартыновского советскими партизанами его отряд продолжал действовать, играя на слабой информированности населения. Один из основателей РННА граф Г.П. Ламсдорф характеризует Мартыновского как «сущего зверя», рассказывая о попытке перехода двух бойцов РННА к партизанам, свидетельствует, что они по пути были пойманы отрядом Мартыновского, который подверг их жестоким пыткам. Ламсдорфу удалось спасти перебежчиков, убедив Мартыновского, что они были посланы к партизанам с заданием. Если верить Ламсдорфу, Мартыновского ликвидировали сами немцы, так как он вел себя слишком жестоко даже с их точки зрения[1].

На оккупированной территории Калининской, Смоленской и Витебской областей на направлении Калининского фронта в течение 1942 г. отмечались лишь незначительные боевые столкновения между партизанами и коллаборационистскими частями. Последние были заняты, в основном, охранной деятельностью[2]. По-видимому, это было связано с тем, что возникшие в начале 1942 г. и просуществовавшие до конца 1942 г. на территории Смоленской области три партизанских края — Дорогобужский, Вадинский и Северо-Западный, располагались вдали от железнодорожных коммуникаций, в связи с чем больших неудобств немцам не доставляли.

Согласно донесению начальника оперативной группы партизанского движения при военном совете 3-й ударной армии подполковника Соколова начальнику 4-го отделения отдела контрразведки Смерш 3-й УА майору Островскому, на 6 июня 1943 г. здесь против партизан действовали следующие коллаборационистские формирования:

443-й кавалерийский батальон РОА трехэскадронного состава в количестве 285 чел. — оборонял от партизан населенные пункты Ежена, Тимонино, Ровница (20—28 км севернее Пустошки), Мельница, Баландино (12—26 км севернее ст. Забелье). С 18 апреля по май 1943 г. батальон совместно с 290-й немецкой пехотной

[1] *Вронская Д.* Указ. соч.

[2] *Шуляков В.А.* Указ. соч. С. 32—33.

дивизией вел бои с партизанскими бригадами Карликова, Бобакова, Шиповалова, Моисеенко, действовавших в Кудеверском и Новоржевском районах. В июне батальон передислоцировался в район деревень Шилово, Юрово, Луни, Денисово, Тимоново, Рамуси (все нас. пункты 14—16 км южнее Пустошки), где продолжил боевые действия против указанных партизанских бригад[1].

198-й армянский полк (входил в состав 281-й охранной дивизии) с 10.05.43 по 11.06.43 вел антипартизанские операции в районе Опочка—Мозули, однако ввиду начавшегося массового перехода личного состава полка на сторону партизан его остатки были разоружены и отведены в г. Остров для расформирования[2]. По другим данным, сообщенным разведгруппой Подгорного[3] 11.06.43, 198-й полк, именовавшийся «запасным полком РОА», выбыл на фронт[4].

Здесь речь, должно быть, идет не о полке, а об армянском батальоне, имевшем номер 1/198, именовавшемся армянским полевым батальоном, выделившемся из Армянского легиона.

2-й батальон 107-го охранного полка той же 281-й охранной дивизии прибыл на смену 198-го полка, продолжив бои с партизанами в том же Опоченском районе.

273-й оборонительный полк РОА с 10.05.43 по июнь 1943 г. дислоцировался и вел борьбу с партизанами в районе Мозули (Красногородский район). Штаб полка находился в населенном пункте Карсава. В июне 1943 г., по данным разведгруппы Подгорного, полк выбыл на фронт[5].

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 899. Л. 31.

[2] Там же.

[3] К сообщениям разведгруппы Подгорного следует относиться с большой долей критичности, т.к., согласно докладной записке представителю ЦШПД, члену Военного совета КФ Рыжикову от 12.09.43, составленной начальником опергруппы партизанского движения при ВС 3-й УА подполковником Соколовым, капитан Подгорный подавал, в основном, непроверенные и надуманные данные. После поступления указанной записки по результатам расследования Подгорный отстранен от командования разведгруппой и репрессирован. ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 899. Л. 157—158.

[4] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 899. Л. 32.

[5] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 899. Л. 31.

623-й и 723-й батальоны РОА в мае и начале июня вели борьбу против партизан в Городецком районе. 623-й батальон (командир — капитан Бернике, немец) входил в состав т.н. Терской казачьей бригады (командир — фон Рейтелн). Бригада состояла из 4 батальонов, в каждом батальоне — 5 рот, по 110 чел. в каждой, была ориентирована исключительно на борьбу с партизанами, отдельные ее части вели бои, в основном, на территории Городецкого района.

Кавалерийский батальон и полицейский батальон (штаб — в населенном пункте Идрица), входившие в состав 281-й немецкой пехотной дивизии, вели постоянные боевые действия против партизан и несли охранную службу в тыловых районах, прилегающих к Идрице[1].

Кроме того, в районе д. Кайки (4 км южнее ст. Езерище) размещался кавалерийский эскадрон РОА, а деревне Пустошка — около 3000 «власовцев», также боровшихся с партизанами в составе различных частей. В д. Заваруи (20 км от совхоза «Невель») размещался действовавший против партизан, набранный из военнопленных восточный батальон, входивший в состав 263-й немецкой пехотной дивизии. Также русские «добровольцы» несли вспомогательную службу в восьми транспортных колоннах 331-й немецкой пехотной дивизии, по 80 чел. в каждой колонне[2].

В течение 1942 г. отмечено появление в тылу группы армий «Центр» казачьих частей. Так, подразделения 102-го (с октября 1942 г. — 600-го) казачьего дивизиона И.Н. Кононова вели борьбу с партизанами в районах Бобруйска, Смоленска, Невеля, Полоцка. Причем иногда в нескольких местах одновременно[3]. Кроме того, на территории Смоленской области, в районе Дорогобужа и Вязьмы, против партизан сражался 750-й казачий полк в составе 624-го и 625-го восточных батальонов под командованием майора фон Ринтельна, прибалтийского немца. В течение зимы 1942—1943 гг. полк провел 17 карательных акций против партизан. Захваченные в ходе их партизаны расстреливались[4].

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 899. Л. 31.

[2] Там же.

[3] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 119.

[4] Каратели. С. 14—15.

Немецкий офицер связи майор Риттберг свидетельствовал, что казаки при этом проявляли неслыханную жестокость: сжигали деревни, расстреливали обнаруженных в лесах местных жителей, как партизан, арестовывали, а то и расстреливали каждого, заподозренного в связях с партизанами[1].

Одно из поступивших в декабре 1942 г. донесений в штаб группы армий «Центр» свидетельствовало об удовлетворенности германского командования результатами использования коллаборационистов: «Во всех... мероприятиях подразделения показали себя с хорошей стороны. Командные инстанции, которым подчинены восточные и казачьи части, особо отмечают, что личный состав подразделений охотно принимает участие в акциях против партизан. Все поставленные перед ними задачи были выполнены»[2].

Несколько крупных антипартизанских операций с участием значительного количества коллаборационистских формирований проведено весной-летом 1943 г. Целью была зачистка тылов немецких армий от партизан для обеспечения нормального функционирования коммуникаций накануне операции «Цитадель».

Самая крупная антипартизанская операция, в которой участвовали части РОНА и другие коллаборационистские формирования Орловской области, получила название «Цыганский барон». Она прошла в мае—июне 1943 г. В ней были задействованы 1-й и 5-й полки РОНА, бронедивизион РОНА, добровольческий полк «Десна» в полном составе (615-й, 616-й, 617-й, 618-й батальоны и 621-й артдивизион), 709-й восточный полк особого назначения (628-й, 629-й, 630-й батальоны, 582-я артбатарея и танковый взвод), кавалерийская группа «Трубчевск» (3 эскадрона), казачьи части, а также несколько отдельных восточных батальонов и вспомогательная полиция. Со стороны немцев в операции участвовали шесть немецких дивизий, в том числе две танковые, а также авиация[3]. В ходе начавшегося 20 мая наступления немцы и коллаборационисты повели одновременное наступление на партизанские лагеря с севера, востока и юга с задачей окружить

---

[1] «Казаки» со свастикой. С. 73.

[2] Цит. по: Война и общество, 1941—1945. Кн. 2. С. 298.

[3] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 2. Д. 1. Л. 310; *Cooper M.* Op. cit. P. 153.

партизан и, прижав их к реке Десне, уничтожить. Наступающим удалось занять ряд населенных пунктов, а также партизанских лагерей, однако партизаны сумели вырваться из окружения и тем самым избежать полного уничтожения. По данным германского командования, результатом операции стали уничтожение 1584 партизан, пленение 1568, ликвидация 207 партизанских лагерей[1]. В число военнопленных включены и 869 партизан, в ходе операции добровольно перешедших на сторону немцев и коллаборационистов[2]. С немецкими данными приблизительно совпадает цифра, приведенная ЦШПД, указывающая на потери партизан в 4700 чел.[3]. Разницу в 699 чел. можно объяснить недоучетом со стороны немцев.

Характеризуя эту операцию, начальник Орловского НКВД К.Ф. Фирсанов назвал ее «широкой карательной экспедицией против народных мстителей» и заключил, что в этот период «в партизанском крае сложилась тяжелая обстановка»[4]. Орловский штаб партизанского движения докладывал 21 июня 1943 г. на пленуме Орловского обкома ВКП(б), что против партизан были выставлены крупные силы противника, в которые кроме немцев входили 2 полка Русской освободительной армии (надо полагать — РОНА), казачьи части и вспомогательная полиция. 18 мая они подошли в район Навли, с хода организовали наступление и «благодаря своему превосходству потеснили партизанские отряды северной группировки», заняв к 20 мая исходное положение на рубеже Алтухово, Кокоревка, Теребушка, Гаврилова Гута. На рубеже Старая Гута, Васильевка, Белоусовка против партизан наряду с 221-й гренадерской дивизией выступил русско-немецкий батальон. В этот же день противник, наступая с севера, востока и юга, стал окружать партизан и, постепенно сжимая кольцо, теснить их к реке Десне. В результате 15-дневных боев группировке партизан были нанесены большие потери, но она избежала полного уничтожения[5]. Партизанский командир В.К. Морозов пишет, что в южных

[1] *Cooper M.* Op. cit. P. 153.

[2] *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 112.

[3] Там же.

[4] *Фирсанов К.Ф.* Указ. соч. С. 79.

[5] ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 2. Д. 1. Л. 303, 310, 313, 315.

районах Орловской области наряду с частями 7-й немецкой армии и Королевской дивизии против партизан действовали «бригады изменника родины Каминского и 18 гарнизонов полиции», что, по его оценке, представляло собой силу, «вдвое превышающую численность партизан»[1].

Если до 1943 г. РОНА вела лишь борьбу с партизанами внутри округа, то во время весенне-летнего наступления Красной Армии бригаде дважды довелось столкнуться с ее регулярными частями. В середине февраля 1943 г. на участке фронта Орел—Курск наступающие войска Центрального фронта под командованием генерала К.К. Рокоссовского прорвали фронт. В начале марта 1943 г. части РККА, соединившись с партизанскими отрядами в районе Михайловки, достигли восточных окраин Локотского округа, временно овладев районным центром Севск. Наступление красноармейских частей и партизан — всего около 3000 чел. — поддерживалось 35 танками и несколькими десятками орудий[2]. Вместе с германскими частями город защищали 4-й (командир — майор Рейтенбах) и 5-й (командир — майор Турлаков) полки РОНА. В отличие от антипартизанских операций, в которых знание местности давало каминцам преимущество по сравнению с немецкими и венгерскими войсками, а выучка и оснащенность противников была примерно равной, столкновение РОНА с регулярными частями Красной Армии не обещало ей ничего хорошего, в результате войска Каминского понесли большие потери[3]. К этому, вероятно, можно добавить и то, что недавнее поражение немцев под Сталинградом сказывалось на морально-психологическом состоянии личного состава бригады: солдаты многих батальонов, не принимая боя, разбегались по своим селам, откуда часть их была впоследствии призвана в Красную Армию. Кроме того, до 700 человек перешли на сторону партизан и влились в партизанские отряды[4]. Потери Красной Армии и партизан составили более 200 чел. убитыми[5],

[1] *Морозов В.К.* Указ. соч. С. 187.

[2] Голос народа. 1943. 20 июля.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 750. Л. 108.

[4] Там же. Д. 913. Л. 59.

[5] Голос народа. 1943. 15 августа.

случаев перехода красноармейцев и партизан на сторону немцев и РОНА не отмечено.

Положение округа в эти дни стало угрожающим. Личный состав бригады и административный аппарат уже были подготовлены к эвакуации. Однако советское наступление не получило дальнейшего развития, и уже в апреле 1943 г. фронт стабилизировался. Благодаря временному затишью РОНА получила возможность восстановить свои силы. Путем мобилизации возрастов 1925—1926 гг. рождения Каминскому удалось довести численность бригады до 12 000 чел.[1].

В июле 1943 г., когда Красная Армия вновь перешла в наступление, 5-й полк РОНА и отдельные роты из других полков были приданы немецким частям и подразделениям и введены в бой в районе Дмитровска-Орловского[2]. Остановить советское наступление на этот раз не удалось, поскольку лучшие немецкие дивизии были обескровлены в ходе Курской битвы, и уже в начале августа после согласования с немецким командованием Каминский отдал приказ об эвакуации бригады и гражданского населения округа в район г. Лепеля Витебской области.

4-й полк под командованием майора Рейтенбаха был выставлен для обеспечения общего отхода и прикрытия севского направления, но попал в окружение в результате отсекающего танкового удара и был уничтожен полностью. Ворвавшиеся 27 августа в Севск советские войска добивали и раненых, над самим же Рейтенбахом учинили расправу, привязав его к танку и протащив по улицам Севска[3].

На территории Витебской области накануне Курской битвы — в мае—июне 1943 г. была проведена крупномасштабная операция против партизан, получившая название Бегомльской операции (по названию одного из районов Минской области). Согласно донесению зам. начальника разведотдела полковника Храпкова, операция проводилась силами как немецких регулярных частей, так и частей РОА, в 8 раз превосходящими силы партизан. Кроме того,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 750. Л. 104.

[2] Там же. Д. 912. Л. 112.

[3] *Солженицын А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 249—250; *Григоров М.С.* Указ. соч. С. 248.

уже в ее ходе со стороны Витебска к 14.06.43 в район юго-западнее Полоцка наряду с немецкими частями прибыли казаки — всего около двух дивизий.

В ходе операции было применено прочесывание лесов, противник овладел населенными пунктами Тумиловичи, Добрунь, но был выбит партизанами обратно. 29 мая партизан удалось вытеснить из Пустолесья, Бегомля. На долгиновском направлении немцы и власовцы заняли Чисти Мильчинские. На зембинском и плещеницком направлениях противник, применив прочесывание лесов, очистил от партизан дороги Зембин—Бегомль и Плещеницы—Бегомль, а 31 мая, вышел на западный берег Березины в район Броды—Маковое—Боровляны. На лепельском направлении немцам и власовцам удалось овладеть лишь дорогой Лепель—Борисов. 3 июня партизан удалось выбить из Пышна, а 16 июня части РОА овладели дорогой Лепель—Бегомль, а к 20 июня были окружены часть бригады «Железняк», бригады Лопатина, им. Кирова, «Смерть фашизму» и «За Родину». Однако к 23 июня партизанам удалось прорвать окружение и, выйдя из Домжерицких болот, рассредоточившись на мелкие группы, продолжить действия в тылах противника.

Согласно донесению заместителя начальника разведотдела ЦШПД полковника Храпкова, противник не выполнил задачи по уничтожению партизан — их удалось лишь оттеснить в другие районы[1].

После провала операции «Цитадель», с лета-осени 1943 г. многие коллаборационистские формирования стали резко терять боеспособность. Начавшийся отвод германских войск внес дополнительную деморализацию в коллаборационистскую среду. Ее объективным результатом явился переход на сторону партизан и Красной Армии от 10 000 до 14 000 бойцов и командиров изменнических формирований[2]. Помимо переходов их личного состава к партизанам, принявших угрожающие масштабы, отмечены случаи, когда коллаборанты вступали в боевые столкновения с германскими войсками. Так, 6 октября 1943 г. возле населенно-

[1] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 857. Л. 71—75.

[2] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 721. Л. 39; *Арзамаскин Ю.Н.* Указ. соч. С. 121.

го пункта Стайки произошло вооруженное столкновение между солдатами 263-го восточного батальона и немецким гарнизоном. Присланное из соседних немецких гарнизонов подкрепление было рассеяно солдатами 263-го батальона. После боя не менее 52 коллаборантов присоединились к партизанам[1]. Примерно в это же время, согласно сводке ЦШПД, в районе Гдова взбунтовались несколько карательных отрядов (вероятно, отрядов самообороны), набранных из советских военнопленных. Вступив в схватку с немцами и перебив их, коллаборанты отошли в леса[2]. Неподалеку от Пскова солдаты коллаборационистских частей, дислоцировавшихся в населенных пунктах Уда, Ашево, Ползово, вступили в бой с немецкими солдатами, и, одержав победу, также отошли в лес[3].

Помимо вооруженных выступлений коллаборантов против немцев, зарегистрированы случаи отказа мобилизованных в коллаборационистские формирования принимать присягу[4].

Этот же период отмечен случаями разоружения немцами изменнических частей, отправки ненадежных в лагеря военнопленных. Так, осенью 1943 г. были разоружены 668-й, 653-й, 669-й восточные батальоны, а их личный состав отправлен в Латвию, в г. Опочке разоружен отряд местной полиции[5]. Тем не менее германскому командованию удавалось восполнять такого рода потери путем организации новых частей и пополнения существующих, в основном, за счет мобилизуемого местного населения[6]. Чтобы остановить их дальнейшее разложение, в октябре 1943 г. было принято решение о переброске значительной части восточных батальонов на Западный фронт для их использования против англо-американских войск.

Передислоцированная в сентябре 1943 г. на территорию Витебской области, бригада Каминского сразу же была привлечена к боевым действиям против белорусских партизан, фактически парализовавших тылы 3-й танковой армии. По замыслу германского

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 648. Л. 140.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 141.

[4] Там же. 128 об.

[5] Там же. Л. 117.

[6] Там же. Л. 118.

командования каминцы должны были локализовать партизанское движение и обезопасить от него еще находившиеся под немецким контролем районы оперативного тыла. Так, в конце января 1944 г. командование группы армий «Центр» разработало план организации своеобразных «военных поселений», с помощью которых предполагалось создать специальные защитные зоны от партизан. Разработанный во всех подробностях проект предусматривал выселение из этих зон всех «ненадежных элементов» и заселение их полицейскими и беженцами из освобожденных Красной Армией областей, включая казаков и кавказцев. В проекте предусматривалось объединение целых групп таких деревень в оборонительные районы, в которых в качестве связующих звеньев, а также средств обеспечения надлежащего порядка должны были служить сильные военные гарнизоны и целая система децентрализованных опорных пунктов.

В течение зимы-весны 1944 г. РОНА находилась в непрерывных боях с партизанами в тыловых районах группы армий «Центр». В декабре командование 3-й танковой армии приказало бригаде во взаимодействии с докшицкой группировкой немецких войск овладеть дорогой Лепель—Докшицы и обеспечить сквозное движение автомобильных колонн. В ходе продолжавшихся до конца декабря боев каминцы и немецкие войска несколько потеснили партизан, однако обеспечить беспрепятственное сообщение между Лепелем и Докшицами так и не удалось. Партизаны продолжали беспрерывно минировать дорогу и обстреливать из засад продвигавшиеся по ней части. В январе 1944 г. бригада Каминского входила в состав группировки, сковывавшей силы партизан в районе Лепеля.

Весной 1944 г. в районе между Минском и Лепелем были предприняты операции против действовавших здесь партизанских бригад. Для наступления на Полоцко-Лепельский партизанский край привлекались 6 дивизий вермахта и большое количество частей и подразделений СС и полиции — всего более 60 000 солдат и офицеров, действия которых поддерживали 137 танков, 235 орудий и авиация[1]. В период с 11 по 17 апреля, во время операции «Регеншауэр» («Ливень»), предполагалось оттеснить партизан в

[1] Война в тылу врага. С. 141.

западную часть лесной зоны. После этого в ходе операции под кодовым наименованием «Фрюлингсфест» («Весенний праздник») не вводимые в действие до особого распоряжения силы должны были завершить окружение партизан и, прижав остатки разгромленных бригад к железнодорожной магистрали на северо-западе зоны, окончательно уничтожить их[1].

В операциях принимала активное участие и «штурмовая бригада РОНА», переданная в непосредственное подчинение начальника СС и полиции в тыловом районе группы армий «Центр» обергруппенфюрера СС К. фон Готтберга. Три полка бригады (1-й, 3-й и 5-й) действовали на южном и юго-западном участках партизанской зоны. В то время как немецкие войска, столкнувшиеся с естественными препятствиями белорусских лесов и болот, а также упорным сопротивлением партизан, продвигались медленно и ценой больших потерь, части Каминского отличались быстрыми темпами продвижения и очевидными успехами. Несмотря на то что главным силам партизан удалось прорвать блокаду и выйти из окружения, безопасность тыловых районов группы армий «Центр» на короткое время была обеспечена. За участие в этих боях Каминский был награжден Железным крестом I класса.

Летом 1944 г. Каминский был вызван в полевую ставку рейхсфюрера СС в Восточной Пруссии, где Гиммлер лично выразил ему свою признательность. «Штурмовая бригада РОНА» по распоряжению Гиммлера была включена в состав войск СС с последующим развертыванием в 29-ю гренадерскую дивизию войск СС (русская №1), а самому комбригу был присвоен чин бригадефюрера СС и генерал-майора войск СС.

На завершающем этапе оккупации, с 16 по 20 апреля 1944 г., германское командование предприняло крупную карательную экспедицию против партизан, действовавших перед Калининским фронтом. Необходимость зачистки оккупированных территорий, сильно урезанных в результате победоносного наступления Красной Армии, диктовалась прежде всего потребностью в бесперебойном функционировании железных дорог. Германское командование, как видно, планировало дальнейший отвод войск, так как окончательное изгнание немцев с территории СССР к тому време-

[1] *Лобанок В.Е.* Партизаны принимают бой. С. 191—192.

ни уже не вызывало сомнения, оставаясь лишь вопросом времени. На апрель 1944 г. перед Калининским фронтом, в основном, на территории Себежского, Красногородского и Опоченского районов Калининской области, действовали партизанские бригады Гаврилова, Карликова, Бойдина, Марго, Халтурина, Вараксова, Бобакова, разведотряды Бобруся и Гришмановского[1].

Наряду с германскими частями против партизан были брошены крупные силы коллаборационистов:

— отдельный латышский батальон (полевая почта 46 449) — наступал со стороны Мозули;

— 13-й литовский батальон — со стороны Мишлева;

— отдельный латышский батальон (полевая почта 58 045) — со стороны Опочки в южном направлении;

— латышский батальон неустановленной нумерации — со стороны Латвии в восточном направлении;

— 325-й латышский батальон — со стороны Себежа в северном направлении;

— 868-й охранный батальон — со стороны Себежа в северном направлении;

— 343-й охранный батальон — со стороны Жевлоков, Томсина, Дубровки в западном направлении.

Общая численность коллаборационистов и немцев составила около 10 000 человек. Их действия поддерживались 28 артиллерийскими орудиями, 20 самолетами-бомбардировщиками и 10 танками[2].

Решение использовать в этой экспедиции большое количество прибалтийских коллаборационистских частей, по всей вероятности, было связано с большей надежностью их личного состава по сравнению с формированиями из русских и белорусов.

Начав наступление рано утром 16 апреля, противник быстро овладел партизанскими лагерями, рассеял партизан, ввиду чего они были вынуждены разбиться на несколько групп. Затем окружил их в районе Матвеево-Городище, Фетьково, Оталкина Гора (26—28 км севернее Себежа)[3].

---

[1] *Слободской Л.* Указ. соч. С. 192.

[2] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 598. Л. 1—2.

[3] Там же.

С целью воспрепятствования выходу партизан из окружения противник взял их в кольцо, а на случай прорыва разместил вдоль латвийской границы от Мозули до Зилупэ в каждом населенном пункте гарнизоны. Гарнизоны были размещены также в каждом населенном пункте, от Тряпичкина до Борисенки. После этого в течение 16, 17 и до 12 часов 18 апреля противник обстреливал окруженных партизан из орудий, производил бомбардировку с воздуха. Всего в окружении оказались около 1400 партизан, по немецким данным[1], 3892 партизана — по данным Штаба партизанского движения Калининского фронта[2].

20 апреля, прорвав кольцо окружения, партизаны форсировали реку Веть и, выйдя в лес, рассредоточились[3].

Упустив партизан, противник занялся ликвидацией их опорных пунктов. В частности, в Себежском районе коллаборационисты сожгли несколько деревень (всего — 41 дом), за связь с партизанами расстреляли 261 местного жителя[4].

По данным Штаба партизанского движения КФ, противник потерял 183 человека убитыми, 200 ранеными, партизаны — 29 человек убитыми, 19 ранеными, 70 пропавшими без вести[5]. Эти данные выглядят неправдоподобно, поскольку партизаны, покинувшие поле боя, вряд ли были способны произвести точный подсчет потерь противника. Сами партизаны не могли иметь столь незначительные потери после орудийного обстрела и бомбардировки с воздуха, тем более что за день до их прорыва из окружения начальник Штаба партизанского движения КФ подполковник Соколов сообщал о большом количестве тяжелораненых в каждой партизанской бригаде[6].

Германское командование сообщило о 186 убитых партизанах, не считая утонувших в реке Вети, 39 пленных и перебежчиках на сторону немцев и коллаборационистов[7]. О количестве раненых партизан и собственных потерях не сообщалось.

---

[1] ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 598. Л. 2.

[2] Там же. Л. 22.

[3] Там же. Л. 2.

[4] Там же. Л. 3.

[5] Там же.

[6] Там же. Л. 22.

[7] Там же. Л. 33.

Даже если согласиться с немецкими данными о потерях партизан, в ходе операции противник не выполнил задачи по их уничтожению — ни одна из бригад не была разгромлена, а количество перебежчиков с учетом сложной боевой обстановки следует признать незначительным.

Таким образом, обзор практики применения коллаборационистских формирований на оккупированных территориях СССР позволяет выделить пять направлений их использования: охранная, антипартизанская деятельность, агентурно-разведывательная работа, репрессии против гражданского населения, боевые действия против Красной Армии.

Что касается последнего, боевые столкновения коллаборантов с частями РККА имели лишь эпизодические, случайные проявления. Коллаборационистские части и соединения, включавшие значительную долю гражданских лиц, проявили полную неспособность противостоять регулярным советским войскам. В ходе боевых действий коллаборационистов против Красной Армии они показали в целом низкие боевые качества. Это стало результатом того, что изменнические формирования, включая крупные соединения, изначально были ориентированы на охранную и антипартизанскую деятельность, к тому же деморализация коллаборационистов в связи с победоносным наступлением Красной Армии не могла не сказаться на ведении ими боевых действий.

Большей эффективностью отличалась борьба коллаборационистов с партизанами, так как контингент партизанских отрядов включал значительное число лиц из гражданского населения, в результате выучка противников была примерно равной. Результаты практического использования коллаборационистских формирований против советских партизан позволяют заключить, что боевые единицы из граждан СССР в целом оправдывали свое назначение. Ни одна антипартизанская операция не проводилась без участия коллаборационистов. Именно благодаря их применению в тылу немецких войск в течение всего периода оккупации обеспечивалось функционирование тыловых коммуникаций германских армий. Можно согласиться с утверждением Б.В. Соколова, что «...в ходе войны ни одна оперативная перевозка вермахта на Востоке не была сорвана и ни одна крупная наступательная опе-

рация германских войск не началась с опозданием из-за действий партизан»[1].

Таким образом, борьба с партизанами явилась наиболее значительным фронтом использования коллаборационистских формирований. Причем практика боевого использования коллаборационистов была различна: в некоторых случаях антипартизанскую деятельность брало на себя само население, выступая против партизан крупными соединениями (РОНА), в других этим занимались оккупационные немецкие власти, используя коллаборационистов как вспомогательные части на уровне рот и батальонов. Коллаборационистские формирования обладали различной степенью надежности в смысле перехода их личного состава на сторону партизан, причем эта надежность резко упала в период начавшегося отступления германской армии после провала операции «Цитадель». В целом же борьба на внутреннем фронте приобрела характер постоянных, не ослабевавших в течение всего периода оккупации боевых действий, по своей сути напоминавших гражданскую войну.

---

[1] *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 104.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История гражданского коллаборационизма периода Великой Отечественной войны долгое время как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке оставалась изученной крайне неполно и односторонне. Отечественная историческая наука на протяжении длительного времени уклонялась от признания масштабности коллаборационизма, в частности, гражданского, стремилась представить его не как явление с социально-политическими корнями, а как банальное предательство, обычное услужение оккупантам немногочисленных одиночек, движимых самыми низменными чувствами. Именно такой подход прочно вошел в отечественную историографию советского периода. Другая крайность, присущая отечественной исторической науке, — недооценка и даже уклонение от признания той роли, которую сыграло в Великой Отечественной войне сотрудничество с врагом части советских граждан в гражданской сфере. В постсоветский период, когда исчезли идеологические запреты освещать вопросы сотрудничества части населения СССР с гитлеровскими оккупантами, а исследователи получили доступ ко многим, ранее закрытым архивным фондам, объективная научная разработка темы советского коллаборационизма продвинулась вперед. Однако, что касается сотрудничества части наших соотечественников с оккупантами в гражданской сфере, включая управление, экономику, инфраструктуру, эти вопросы до сих пор оставались за рамками исторических исследований.

Несмотря на то что отечественная историография в течение постсоветского периода пополнилась довольно содержательными

работами, проблема гражданского коллаборационизма остается крайне недостаточно изученной. Недостаточно исследованы сфера управления и коллаборационистские властные структуры периода оккупации, экономика, инфраструктура, идеологический фактор коллаборационизма. Недостаточно отражены в отечественной историографии масштабность коллаборационизма в том или ином регионе, вопросы отношений коллаборационистов с местным населением, степень влияния тех или иных факторов, в частности, особенностей оккупационной политики на развитие коллаборационистских настроений. Являясь запретной темой для советской историографии, гражданский коллаборационизм в лучшем случае лишь упоминался, его стороны трактовались упрощенно-догматически, так как предписывалось считать, что все население было единодушно в ненависти к оккупантам и предателям.

Тем не менее отечественная историография за послевоенный период проделала путь от замалчивания коллаборационизма до поверхностного упоминания о нем как о единичных проявлениях, до наконец серьезных исследований, представляющих коллаборационизм как явление с социально-политическими корнями.

В то же время отечественные исследователи постсоветского периода должным образом не исследовали всех сторон гражданского коллаборационизма, сосредоточив основное внимание на его военном и политическом аспектах.

Подобная односторонность в освещении проблемы присуща и зарубежным исследователям. Зарубежные авторы представляли в своих работах советский коллаборационизм, в основном, как политический протест против советской власти. Многогранность причин становления советских граждан на путь сотрудничества с врагом они фактически оставили за рамками исследований. Можно выделить ряд вопросов, поднятых зарубежными историками. Это в первую очередь вооруженная борьба граждан СССР на стороне Германии, идеологическая база коллаборационизма, некоторые стороны оккупации, в основном, касающиеся особенностей воплощения оккупационной политики, послуживших катализаторами коллаборационистских настроений.

Таким образом, как отечественная, так и зарубежная историография проблемы коллаборационизма освещают данную тему тенденциозно, многие ее аспекты — лишь эпизодически и

крайне неполно. Само наличие споров о причинах возникновения коллаборационизма, его масштабности, коллаборационистском контингенте говорит о недостаточной изученности этих аспектов гражданского коллаборационизма. Кроме того, указывает на отсутствие четких методологических ориентиров относительно советских граждан, вставших на путь сотрудничества с оккупантами.

Можно выделить разделы гражданского коллаборационизма, фактически не подвергшиеся изучению, изученные лишь в некоторой степени и крайне недостаточно и исследованные удовлетворительно, но не полностью. К первому относятся коллаборационизм в сфере юриспруденции, включающий разработку законодательных актов, участие в работе судов, адвокатуры и прочих юридических структур, коллаборационизм в сферах управления, религии касательно протестантизма, экономики, включая промышленность и сельское хозяйство. К сферам коллаборационизма, изученным недостаточно, относятся деятельность гражданской вспомогательной полиции, коллаборационизм в области народного образования, культуры и искусства. Удовлетворительно разработаны религиозный коллаборационизм, в частности, деятельность Русской православной церкви в годы оккупации, политический коллаборационизм, в частности, агитация и пропаганда, влияние особенностей оккупационной политики на развитие коллаборационистских настроений.

Планы гитлеровского руководства относительно территории РСФСР и населяющих ее народов изначально были направлены на ее колонизацию и фактическое порабощение населения. При таких условиях советские граждане никак не могли рассматриваться Германией как полноправные союзники — им была предназначена не более чем роль пособников. Что касается изменений и послаблений «восточной» политики, таковые, хотя и предпринимались в ходе войны по мере усложнения положения германской армии на восточном фронте, не затрагивали основных постулатов плана «Ост». И явились следствием не улучшения отношения нацистского руководства к русским, а необходимостью максимально обезопасить положение германской армии со стороны набирающего силу партизанского движения и массового сопротивления населения мероприятиям оккупантов.

Тем не менее даже при таких условиях гражданский коллаборационизм на оккупированных территориях РСФСР не был случайным явлением. Он стал вполне закономерной, исторически обоснованной и неизбежной реакцией части населения РСФСР на ряд назревших в советском обществе противоречий экономического, политического, религиозного и национального характера. Массовые политические репрессии, насильственная коллективизация, вызвавшая бедственное положение и в ряде регионов массовую смертность крестьянского населения как следствие изъятия продуктов на нужды индустриализации, неразумная национальная и религиозная политика посеяли у значительной части населения РСФСР недовольство советским режимом. В довоенный период ввиду тотального контроля со стороны советских карательных органов практическая реализация какого-либо протеста была невозможна в принципе. Однако после нападения Германии на СССР, занятия германской армией большой части советской территории с примерно 40 % людских ресурсов население, оказавшееся по ту сторону фронта, на период оккупации освободилось от советского влияния. В такой обстановке создались все необходимые условия для поддержки враждебных советскому режиму сил.

В то же время неправомерно рассматривать гражданский коллаборационизм исключительно как антисталинский протест. Согласно результатам исследования, существовал широкий спектр причин становления граждан СССР на путь коллаборации. Что касается коллаборантов, движимых именно политическими мотивами, точный их процент установить сложно. Так, по мнению А.В. Окорокова, идейных борцов против сталинского режима среди военных коллаборационистов было не более 10—15 %[1]. Однако не ясен механизм такого подсчета. Что касается именно гражданской сферы советского коллаборационизма как в существующих источниках, так и в научной литературе не существовало даже приблизительных данных о так называемых идейных коллаборационистах. В этой связи представляются несостоятельными утверждения некоторых зарубежных исследователей, трак-

[1] *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. С. 166.

тующих советский коллаборационизм почти исключительно как осознанную борьбу населения СССР против советского режима.

Тем не менее многогранность причин становления на путь коллаборации с гитлеровской Германией заложена в самой системе советского общества, сложившейся за годы предвоенного существования СССР. Так, поступление местного населения на предприятия, в созданные оккупантами учреждения, в том числе полицию, в ряде случаев не диктовалось антисоветскими убеждениями, а было вызвано экономическими причинами, желанием найти какой-то источник существования в условиях оккупации. А ряд крупных поражений Красной Армии в течение первых полутора лет войны и оставление ею огромных территорий явились результатом недостаточной подготовленности СССР к войне. Порожденная на этом фоне уверенность части гражданского населения в скором поражении Советского Союза явилась еще одной причиной коллаборации с противником.

В исследовании отмечено, что по сравнению с царским периодом советский режим явно проигрывал в том, что даже при тотальном контроле за настроениями населения большевикам не удалось создать общество, спаянное единой идеей. Иллюзия о морально-политическом единстве советского народа могла держаться лишь под страхом репрессий к инакомыслящим. Освободившееся при оккупации от советского влияния население РСФСР выявило свою разнородность в смысле взглядов и конкретных действий — от осознанной борьбы с врагом в рядах партизан и подполья до всяческой поддержки агрессора, в том числе поступления к нему на службу.

Особым, пожалуй, самым значительным местом в истории советского коллаборационизма является его проявление и развитие на оккупированных территориях РСФСР. Здесь коллаборационистский контингент, в основном, составили местные жители. В отличие от военнопленных, поставленных на грань выживания и вызвавшихся служить врагу в большинстве случаев вынужденно, для местного населения в большей степени присутствовал элемент добровольности. Степень готовности к сотрудничеству с врагом на различных оккупированных территориях РСФСР была неоднородной. Так, на тех территориях, где населению были предоставлены более широкие суверенные права, на путь сотруд-

ничества с врагом становились большая часть местных жителей, нежели там, где оккупанты установили обычный оккупационный режим с его репрессиями, поборами, сохранением колхозной системы. Кроме того, наибольшую склонность к сотрудничеству с немцами проявило население, жизненный уклад которого за годы советской власти в большей степени подвергся ломке в экономической и социально-культурной областях. В этой связи показателен пример Локотского автономного округа, территорий исторического расселения казаков, так как их население не испытывало каких-либо экономических трудностей при царском режиме. Введение системы колхозов, проведение репрессий по отношению к зажиточному слою крестьянства и политически неблагонадежным существенно повлияло на отношение населения к советской власти. Это не могло не вызвать ответную реакцию в период, когда эти территории с приходом немцев освободились от советского контроля.

В частности, уникальность ЛАО заключается в том, что все вопросы, от хозяйственных до военных, здесь находились в руках местного самоуправления, возглавляемого Б.В. Каминским. Достигнутый в сравнительно короткий срок подъем промышленности, сельского хозяйства, культурной и духовной жизни и последовавший за этим рост благосостояния населения явились благодатной почвой для формирования и развития коллаборационистских настроений. В результате ЛАО дал значительную базу для развития коллаборационизма, продемонстрировав его потенциал, который не был в полной мере использован по не зависящим от коллаборационистов причинам.

Следует признать масштабность гражданского коллаборационизма как в количественном, так и в национальном и социальном аспектах. Можно согласиться с современными исследователями, которые сходятся в том, что на путь добровольного сотрудничества с врагом вступали практически все социальные слои советского общества, от рабочих и колхозников до интеллигенции, практически все народы СССР, за исключением разве что народов Крайнего Севера[1]. Коллаборационистский кон-

---

[1] См., напр.: *Хоффман Й.* Интервью // Новый Часовой. 1994. № 1. С. 99; *Александров К.М.* Из истории насильственных репатриаций

тингент вопреки устоявшемуся мнению полностью копировал социальную структуру общества. Что касается руководителей всех уровней, их контингент в большинстве случаев составляли не уголовники и маргиналы, а немало опытных советских и партийных кадров, которых, согласно нашим выводам, было около 30 % от общего количества коллаборационистов. То есть, несмотря на то что коллаборационизм поразил все социальные слои советского общества во всем его вертикальном разрезе, концентрация партийных и советских работников в рядах коллаборационистов оказалась наиболее большой. Уже по этой причине следует поставить под сомнение распространенное мнение о морально-политической крепости коммунистической партии, о том, что ВКП(б) принадлежат исключительно заслуги в борьбе с оккупантами. Напротив, именно ВКП(б) дала значительный процент коллаборационистов, составивших костяк руководящих работников сферы самоуправления. Благодаря этому оккупанты относительно быстро сформировали управленческие структуры, частично, насколько это было возможно в условиях военного времени, наладили экономику, инфраструктуру, социальную сферу.

Результаты исследования, таким образом, дают основание не согласиться с отечественными авторами, видящими причины коллаборации в беспринципности, уголовном прошлом вставших на путь сотрудничества с противником одиночек[1].

Результаты исследования в корне опровергают устоявшееся мнение отечественных историков, упростивших коллаборационизм до банального предательства, услужения немцам, классовых отношений. Напротив, коллаборационизм следует рассматривать как довольно сложное явление с широким спектром его причин.

В то же время результаты исследований не позволяют говорить о советском коллаборационизме лишь как о «третьей силе». Правильнее было бы говорить об использовании германским командованием этого явления в своих целях на протяжении всего периода оккупации.

(1945—1946 гг.). С. 227; *Дробязко С.И.* «Восточные войска» в вермахте 1941—1945 гг. С. 11.

[1] *Шуляков В.А.* Указ. соч. С. 25.

В исследовании нами выделен ряд сфер гражданского коллаборационизма, одной из которых стала сфера управления. В короткий срок оккупантам удалось создать дееспособный многоуровневый аппарат управления оккупированными территориями. Несмотря на типичные для военного времени недостатки, органы самоуправления в лице старост, волостных старшин, бургомистров и обербургомистров, а также управ всех уровней обеспечивали относительно нормальное функционирование подведомственных им институтов: судебно-правоохранительной системы, промышленности, сельского хозяйства, сферы обслуживания, учреждений культуры, здравоохранения, социального обеспечения, народного и профессионального образования. В ходе создания властных структур оккупантам пришлось пойти на компромисс — привлечь к наиболее активному сотрудничеству бывших советских работников, включая членов и кандидатов в члены ВКП(б). Именно благодаря относительно нормальной деятельности управленческого механизма германская армия получила приемлемые условия, в том числе в плане снабжения, в период своего пребывания на территории РСФСР.

Наряду с работой в интересах германской армии коллаборационисты в сфере управления осуществляли хозяйственную деятельность, необходимую для жизнеобеспечения советского населения, оставшегося за линией фронта. Их деятельность не принесла большого вреда интересам СССР, напротив, помогала населению, не по своей воле оказавшемуся под пятой нацистов, перенести тяготы оккупационного режима. Огромное количество наших сограждан, не по своей воле оказавшихся по ту сторону линии фронта, нуждались в элементарных условиях обеспечения жизнедеятельности. А это было невозможно без сотрудничества с германскими властными структурами. Можно согласиться с Б.Н. Ковалевым, что население, попавшее под власть оккупантов, не могло не сотрудничать с ними в каких-либо формах, так как в противном случае выживание в условиях оккупации становилось невозможным[1].

Анализ идейной базы коллаборационистов дает основания говорить о том, что их декларации, лозунги строились на ва-

[1] *Ковалев Б.Н.* Проблемы типологии отечественного коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. С. 51.

рьировании противоречиями, назревшими к тому времени в советском обществе. В первые же месяцы войны выяснилось, что для стимуляции коллаборационистских настроений было недостаточно лишь обещаний сохранить жизнь и взывать к «желудку». Это вызвало необходимость более серьезных политико-пропагандистских разработок. Данная работа почти целиком была передана самим коллаборационистским лидерам, германское руководство лишь контролировало и направляло ее, хотя далеко не всегда в желаемое русло. Следует отметить, что существование идейных разработок опровергает мнение о безыдейности коллаборантов. Сам факт, что пропаганда, направленная на формирование коллаборационистских настроений, эксплуатировала интерес к будущему России, патриотизму, национальным, религиозным чувствам, дальнейшей судьбе народов СССР, показывает, что в коллаборационистской среде был высок интерес именно к такого рода вопросам. Напротив, немецкая пропаганда первых месяцев войны, оперировавшая лишь потребностями в пище, курении, алкоголе, не дала и не могла дать желаемого эффекта. Ход политико-пропагандистских мероприятий, проводимых на оккупированных территориях Советского Союза, позволяет проследить, как изменялись взгляды немцев относительно граждан СССР. Так, если в первые недели и месяцы войны немецкие листовки отличались примитивизмом, то уже в конце 1942-го — начале 1943 г. немцы были вынуждены привлекать к сотрудничеству высших и старших офицеров РККА из числа военнопленных, пропагандировать обещания относительно будущего России, даже объявить о создании фиктивного Русского комитета как альтернативного российского правительства и самостоятельной Русской Освободительной Армии.

Можно утверждать, что идейная база советского коллаборационизма в ходе войны эволюционировала, постепенно приобретая все более стройную форму. Так, если на протяжении 1941—1942 гг. то или иное политико-пропагандистское мероприятие ограничивалось определенной территорией, то уже в 1943 г. была сделана попытка объединить все антисоветские силы под едиными лозунгами. Кроме того, неправомерны утверждения, что идейная база коллаборационистов принесена на советскую терри-

торию извне — русской эмиграцией[1]. Напротив, влияние белой идеи в комплексе политико-пропагандистских мероприятий было довольно низким. Кроме того, коллаборационистские лидеры взяли курс на решительный разрыв с идеями белого движения, удерживая его на протяжении всего периода войны. Эмигрантам довелось принять лишь практическое участие в формировании некоторых коллаборационистских частей, используя свой военный опыт, полученный в годы Первой мировой и Гражданской войн. Таким образом, можно утверждать, что идейная платформа советского коллаборационизма разрабатывалась и формировалась именно в советской среде. Провозглашение Русского комитета, декларирование его принципов, объявление о создании РОА — все это имело целью придать коллаборационизму характер массового антисоветского движения под собирательным названием Русское Освободительное движение. Однако и это не остановило начавшегося разложения коллаборационистских формирований, которое после провала операции «Цитадель» приняло угрожающие размеры. Идея создания массового антисоветского движения, несмотря на имевшийся для этого потенциал, не была реализована, главным образом, из-за нежелания германского правительства коренным образом изменить «восточную политику», дать населению СССР четкие гарантии относительно их будущего.

Вместе с тем объективным следствием политико-пропагандистских мероприятий явилось то, что Сталин и советское руководство были всерьез обеспокоены перспективой второй гражданской войны. В попытке уменьшить влияние политико-пропагандистских мероприятий коллаборационистов Сталин был вынужден отказаться от лозунгов интернационализма, распустить Коминтерн, больше апеллировать к патриотизму, восстановить знаки различия царской армии и даже наладить отношения с Православной и другими церквами. Патриотизм, национальные ценности стали неотъемлемой частью советской пропаганды, направленной на разложение коллаборационистских формирований. В то же время правомерно утверждать о низкой эффективности советской пропаганды. Несмотря на то что она проводи-

[1] *Котов Л.В.* Указ. соч. С. 6; *Шуляков В.А.* Указ. соч. С. 25; *Кравченко И.С., Крючок Р.Р.* Указ. соч. С. 394.

лась постоянно на всем протяжении оккупации, факты массового перехода коллаборантов на сторону партизан отмечены именно в период поражений германской армии и ее отступления с советской территории. Столь низкое влияние советской пропаганды, направленной на обработку коллаборантов, вполне объяснимо в том смысле, что значительная часть населения СССР за годы советской власти перестали верить советской пропаганде в принципе. Низкий жизненный уровень населения, массовые репрессии, уничтожение религии, национальных ценностей в сочетании с утверждениями пропаганды о «счастливой жизни» в СССР — все это вселяло в сознание советских людей некую раздвоенность. И если в период тотального советского контроля недоверие к советским пропагандным штампам было чревато последствиями, то в период оккупации население, оставшееся по ту сторону фронта, было свободно в своем выборе — верить или не верить тому, что исходит от советской стороны. В такой обстановке оставалось руководствоваться реалиями происходивших на фронтах событий, которые и явились определяющими в вопросе устойчивости личного состава коллаборационистских формирований, особенно той их части, которая не была движима идейными мотивами становления на путь коллаборации. Можно говорить лишь о способствующей роли советской пропаганды в деле разложения изменнических формирований, однако нельзя отводить ей решающую роль.

Говоря об устойчивости коллаборационистских формирований, ее нельзя характеризовать обобщающе. Можно выделить три периода, характеризующихся различной устойчивостью коллаборационистских частей и соединений, что дает понять, что она зависела почти исключительно от положения на фронтах.

Первый период (начало оккупации — конец 1942 г.) характеризуется наибольшей устойчивостью коллаборационистских формирований, минимальным количеством случаев перехода их личного состава на сторону партизан. В то же время количество переходов партизан на сторону коллаборационистов, а красноармейцев — на сторону германской армии именно в этот период достигло своего апогея. Это связано с тем, что указанный период отмечен, в основном, победами германской армии, ее продвижением в глубь советской территории. На этом фоне в советской среде были сильны пораженческие настроения, а наибольшее количество военно-

пленных, составивших значительный потенциал коллаборационистских формирований, приходится именно на этот период.

Второй период (зима 1942—1943 гг. — лето 1943 г.) характеризуется снижением устойчивости коллаборационистских формирований, что является следствием остановки продвижения вермахта под Сталинградом, крупным поражением сталинградской группировки противника. В результате этого был развеян миф о непобедимости германской армии, что неизбежно отразилось на настроениях личного состава коллаборационистских частей и их потенциала: советских военнопленных, неустойчивых партизан, местного населения и т.д.

Третий период (лето 1943 г. — лето 1944 г.) характеризуется наименьшей устойчивостью коллаборационистских формирований, что связано с переломным моментом в войне — победой в Курской битве и провалом немецкой операции «Цитадель», после чего последовал отвод германских войск. В этот период, зарегистрировано наибольшее число переходов коллаборационистов на сторону партизан или РККА. В то же время число дезертиров из партизанских отрядов, перешедших на сторону коллаборационистов, значительно снизилось. Повышение неустойчивости коллаборационистских формирований привело к переброске значительной части восточных батальонов на Западный фронт. Это внесло дополнительную деморализацию в среду коллаборационистов, лишило моральной опоры, превратив, по сути, из борцов с большевизмом в немецких наемников, вынужденных воевать против войск демократических государств.

Несмотря на падение надежности изменнических частей, отток их личного состава, дезертировавшего и переходящего к партизанам, компенсировался имевшимся потенциалом. Параллельно с оттоком коллаборантов шел процесс пополнения изменнических воинских единиц. В результате удавалось не только вовремя восполнять потери, но и увеличивать численность коллаборационистских частей. Однако по мере ухудшения положения германской армии на Восточном фронте добровольный набор коллаборантов уступал место принудительной мобилизации. Результатом стало уменьшение процента идейных коллаборационистов и увеличение числа тех, кто встал на путь измены в силу сложившихся обстоятельств.

Роль воинских коллаборационистских формирований в войне, влияние на ее ход и результаты можно оценить следующими цифрами. С учетом общей численности мобилизованных в течение Второй мировой войны в вермахт и войска СС, 17 893 200 чел., советские коллаборационисты ввиду их количества, определяемого в 1—1,5 млн чел., составили 6—8 % от мобилизационного ресурса Германии. Так, в пределах только четырех областей РСФСР — Смоленской, Курской, Орловской и Ленинградской — на боевых должностях на лето 1943 г. сражалось более 50 000 советских коллаборационистов. Такое их количество заменило собой пять дивизий вермахта или войск СС. С учетом коллаборационистов, использовавшихся на вспомогательных должностях, а также добровольцев отрядов самообороны, точное количество которых не известно, приведенную выше цифру следует увеличить как минимум в полтора раза. На основании этого, а также с учетом результатов охранной и антипартизанской деятельности воинских коллаборационистских формирований, снизивших эффективность действий советских партизан, правомерно утверждать, что вооруженное выступление такого количества граждан СССР на стороне противника отсрочило разгром гитлеровской Германии на несколько месяцев.

Из проведенного исследования следует, что нельзя рассматривать всех без исключения лиц, состоявших на административных и хозяйственных должностях, как изменников. В этой связи следует различать коллаборационистов и псевдоколлаборационистов. Так, некоторые из поступивших на службу к врагу сделали это по заданию партизан и советского подполья или же, совершив самостоятельный выбор, стремились улучшить быт населения, оказать посильную помощь партизанам в борьбе с оккупантами, то есть реализовать свое намерение послужить родине в единственно возможных, предопределенных сложившейся обстановкой условиях.

Совокупность сделанных в результате настоящего исследования выводов позволяет судить о нетипичности такого явления, как коллаборационизм, в истории нашего государства, к тому же в условиях, когда на карту было поставлено дальнейшее существование нашей страны. В целом коллаборационизм следует рассматривать как крайне опасное явление. Тот факт, что он в значительной степени проявился в период оккупации, значительно

усугубляло его опасность, так как без помощи населения, знания местности, особенностей уклада жизни в оккупированных областях РСФСР немцы вряд ли смогли бы эффективно управлять захваченными территориями, эксплуатировать их экономический потенциал. Именно благодаря сотрудничеству ощутимой части населения РСФСР с внешним врагом оккупация приняла затяжной характер, продлившись до трех лет — до середины 1944 г. Германская армия, углубившаяся в пределы СССР, нашла вполне приемлемые условия для своего пребывания на советской территории. И это случилось, несмотря на масштабность партизанского движения, усилия подпольщиков и всех тех, кто, пребывая на оккупированной территории, боролся с врагом. Коллаборационизм, таким образом, стал неким противовесом партизанскому движению, поэтому его роль в Великой Отечественной войне, влияние на ее ход и результаты нельзя недооценивать. Можно с уверенностью утверждать, что коллаборационизм, развившийся на оккупированных территориях РСФСР, повлиял на ход войны не меньше, чем партизанское движение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

а) Архивные

I. 1. Архив РОА (Москва). Коллекция писем.

I. 2. Архив ФСБ. Справка № 10/А—4630 от 21.10.96.

I. 3. АУФСБТО.Ф. 1. Оп. 1. Д. 10; Ф. 2.

I. 4. ЦНИБО.Ф. 1650. Оп. 1. Д. 3, 10, 77, 129, 166, 190, 192. Оп. 2. Д. 1.

I. 5. ГАБО.Ф. 2608. Оп. 1. Д. 20, 25, 35, 50, 51. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 2.

I. 6. ГАКО.Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 123, 106.

I. 7. ГАНПИНО.Ф. 260. Оп. 1. Д. 139.

I. 8. ГАРФ.Ф. 5845. Оп. 1. Д. 4.

I. 9. ГАТО.Ф. Р-1925. Оп. 1. Д. 10, 18, 19. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 2, 4, 5, 6, 9. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 14. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 1, 3, 4, 5. Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 1.

I. 10. ИВИ МО РФ.Ф. 191. Оп. 233. Д. 100.

I. 11. ЛАЕ. Материалы уголовного дела кр-ца 31-го ВДО БФ Аленичева Егора Семеновича. Л. д. 3—4 (копия); Материалы уголовного дела Ободова Дмитрия Терентьевича (копия); Манифест НСПР (типогр. экз.); Собрание нормативных документов Локотского окружного самоуправления; Собрание нормативных документов Клинцовского округа.

I. 12. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 15, 22, 648, 709, 710, 739, 748, 750, 818, 827, 849, 850, 853, 857, 864, 903, 909, 912, 913, 914, 927, 945, 948, 984, 1102, 1006, 1027, 1143, 1144.

I. 13. СЦДНИ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 338.

I. 14. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2, 349; Ф. 479. Оп. 1. Д. 5, 13, 240, 279, 284, 285, 598, 637, 639, 648, 663, 827, 899; Оп. 2. Д. 5, 13, 15, 22, 899; Оп. 3. Д. 2, 54.

I. 15. ЦГАОР. Ф. 7030. Оп. 3. Ц. хр. 2389.

б) Опубликованные

I. 16. Боец Красной Армии не сдается: в помощь пропагандисту и агитатору: для служебного пользования / Политуправление Ленингр. воен. округа. — Л., 1940. — 32 с.

I. 17. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма / В.И. Дашичев. — М., 1973. — Из содерж.: [Партизанское движение]. — С. 194.

I. 18. Колесник А.Н. РОА — власовская армия / А.Н. Колесник. — Харьков: Простор, 1990. — 80 с.

I. 19. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.: сб. документов и материалов. Курск, 1960. Т. 1.

I. 20. Лица филологов: из истории кафедры литературы. 1919—1986 \ под ред. М.В. Строганова. Тверь: ТвГУ, 1998.

I. 21. Неизвестная блокада. — М., 2003. — С. 356.

I. 22. Нюрнбергский процесс. — М., 1967. — Из содерж.: [Коллаборационизм]. — С. 234, 238.

I. 23. Октан М. Является ли эта война отечественной для народов России / М. Октан. — Орел, 1942. — 26 с.

I. 24. От ЧК до ФСБ: документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края 1918—1998 [сб / отв. сост. В.А. Смирнов; предисл. Г.П. Виноградова]. — Тверь: Обл. кн.-журн. изд-во, 1998. — Из содерж.: [Докладные записки]. — С. 272—279.

I. 25. Партизаны Брянщины: в 2 т. — Брянск: Брян. рабочий. — 1959 —1962. — 2 т.

Т. 1. Сборник рассказов бывших партизан / лит. обработка Н.М. Мельникова и др. — 1959. — 483 с.

Т. 2. Сборник документов и материалов / сост. Г.М. Шульженко, З.А. Фишман, А.И. Ткаченко, И.И. Фишман. — 1962. — 584 с.

в) Периодические издания

I. 26. Александров Е. Торговцы Родиной / Е. Александров // Ленинградский партизан. — 1943. — 5 апр.

I. 27. Анженкова Е. Ценные люди Третьего рейха // Культура. 2002. 18—24 июля. № 29 (7336).

I. 28. А.П. Русский корпус в Сербии / А.П. // Часовой. — 1971. — Сент. — № 543 (9). — С. 9—10.

I. 29. Бюллетень. Орган Локотского окружного самоуправления (г. Локоть). —1943. — 1 февр. — № 2/3. — Приказ № 21; Временное положение о похозяйственном налоге на 1943 г.

I. 30. Виноградова О. «Новый порядок» в Смоленске // Любимая Россия. 2006. № 2 (3).

I. 31. В нашем городе… // Дмитровская газета (г. Дмитровск). — 1942. — 2 сент.

I. 32. Великая дружба народов СССР // Правда. — 1941. — 29 июля.

I. 33. Власов А. Почему я встал на путь борьбы с большевизмом / А. Власов // Заря. — 1943. — 3 марта; Доброволец. — 1943. — 7 марта; Речь (г. Орел). — 1943. — 21 марта.

I. 34. Власов А. Новые методы учебы / А. Власов // Красное знамя. — 1940. — 3 окт.

I. 35. Возрожденный район // Севский листок (г. Севск). — 1942. — 14 окт.

I. 36. Восстановление народного хозяйства // Голос народа (г. Локоть). — 1942. — 5 нояб.

I. 37. Вронская Д. Похождения графа Ламсдорфа / Д. Вронская // Совершенно секретно. — 2002. — № 12.

I. 38. Домбровская Е.В. На уроке Закона Божиего / Е.В. Домбровская // Новый путь. 1943. 30 мая. № 42 (164).

I. 39. Е.Ш. Опыт формирования русских национальных частей в Финляндии / Е.Ш. // Военный журналист. — 1940. — 1 июня. — № 17. — С. 2—3.

I. 40. Жизнь на сталинской каторге и ожидание немцев-освободителей // Голос народа (г. Локоть). — 1942. — 5 нояб.

I. 41. Иванов В. Измена генерала Власова: [беседа с руководителем коллектива военных историков В. Чернухиным] / В. Иванов // Советская Россия. — 1991. — 5 окт.

I. 42. Кокотов Л. Лжерусский комитет / Л. Кокотов // За советскую Родину. — 1943. — 29 апр.

I. 43. Курская правда. — 1943. — 5 марта. — № 27.

I. 44. Курские известия. — 1942. — Ноябрь. — № 1.

I. 45. Лукашев А. Волки охотятся ночью / А. Лукашев, П. Головачев // Брянский рабочий. — 1993. — 16 апр. — № 73; 21 апр. — № 76; 22 апр. — № 77; 27 апр. — № 80; 7 мая. — № 85.

I. 46. Мангазеев И.А. Тверской коллаборационизм / И.А. Мангазеев // Вечерняя Тверь. — 2001. — 2—8 нояб.

I. 47. Мангазеев И.А. Трудовая жизнь в оккупации / И.А. Мангазеев // Тверские губернские известия. — 1998. — 15—21 июля.

I. 48. На скамье подсудимых // Голос народа (г. Локоть). — 1943. — 30 июня.

I. 49. Новый путь (г. Смоленск). — 1942. — 1 апр. — № 26 (148); 1943. — 7 февр. — № 11(133); 1943. — 24 июня. — № 49 (171); 1943. — 13 июня. — № 46(168); 1943. — 8 июля. — № 53 (175); 1943. — 29 августа. — № 68 (190).

I. 50. О дезертирах и партизанах // Голос народа (г. Локоть). — 1942. — 20 ноября.

I. 51. О Красной армии // За свободу (г. Смоленск). — 1943. — 25 июня.

I. 52. О наборе добровольцев в отряды самообороны // За Родину (г. Псков). — 1942. — 24 дек.

I. 53. Огин П. Командир передовой дивизии / П. Огин, Б. Кроль // Красная звезда. — 1940. — 9 нояб.

I. 54. Освящен «Старый собор» // Дмитровская газета (г. Дмитровск). — 1942. — 12 авг.

I. 55. Осипов Б. Великокняжеская вотчина / Б. Осипов // Брянские известия. — 1998. — 29 мая.

I. 56. От Военной коллегии Верховного суда СССР // Известия. — 1946. — 2 авг.

I. 57. Павлов А. Иудушка Власов / А. Павлов // За советскую Родину. — 1943. — 15 мая.

I. 58. Передовые старосты // Голос народа (г. Локоть). — 1943. — 31 янв.

I. 59. Петрушин А. «Власовцы»: предательство или патриотизм / А. Петрушин // Наше время (Тюмень). — 1992. — 13 нояб.

I. 60. Приказ главнокомандующего 2-й танковой армии генерал-полковника Р. Шмидта от 19.07.42 // Голос народа (г. Локоть). — 1942. — 25 июля.

I. 61. Приказ о налогообложении бойцов Народной милиции и обязательных хлебных поставках // Севский листок (г. Севск). — 1942. — 4 дек.

I. 62. Приказ обер-бургомистра Каминского № 135, 29 августа. № 40, 2 сентября. № 41, № 58 // Дмитровская газета (г. Дмитровск). — 1942. — 31 окт.

I. 63. Протоколы допросов А.А. Калекина и Я.И. Кошелева // Речь (г. Орел). —1943. — 12 марта.

I. 64. Сообщения городской управы // Речь (г. Орел). — 1942. — 27 марта, 25 нояб.; 1943. — 3 февр., 21 марта.

I. 65. Разгром немцев под Москвой // Правда. — 1941. — 13 дек.

I. 66. Савинков В. «Пусть нас на русских березах вешают!» / В. Савинков // Сибирская газета (г. Барнаул). — 1991. — июль. — № 25 (72).

I. 67. Савченко А. Ничего, кроме правды? За что умирали солдаты РОА / А. Савченко // Независимая газета. — 1991. — 23 марта.

I. 68. Самоуправление в Локте // Речь (г. Локоть). — 1942. — 25 нояб.

I. 69. Сахарный завод восстанавливается // Голос народа (г. Локоть). — 1942. — 5 нояб.

I. 70. Сидоров А. Вот такие «казаки» / А. Сидоров // Станица. — 2003. — авг. — № 2 (40). — С. 11.

I. 71. Смерть презренному предателю Власову, подлому шпиону и агенту людоеда Гитлера // За правое дело. — 1943. — 4 июля.

I. 72. Соколов Б.В. Коллаборационисты — «дети советских народов» / Б.В. Соколов // Независимая газета. — 1992. — 20 февр.

I. 73. Судебная хроника // Севский листок (г. Севск). — 1942. — 7 окт.

I. 74. Торговля налаживается // Речь (г. Орел). — 1943. — 3 февр.

I. 75. Фокинский рабочий. Орган Дятьковского районного комитета ВКП(б) и районного Совета. 1942. — 25 апреля. — № 55.

I. 76. Шпачков В. Тайны темных аллей / В. Шпачков // Российские вести. —1995. — 25 мая.

II. Справочная литература

II. 77. Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944—1945 / К.М. Александров. — СПб.: Русско-Балт. информ. центр «Блиц», 2001. — 359 с.

II. 78. Великая Отечественная война 1941—1945: энциклопедия / Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР; гл. ред. М.М. Козлов. — М.: Сов. энцикл., 1985. — 832 с.

II. 79. Война Германии против Советского Союза: документальная экспозиция. — Берлин, 1992. — 287 с.

II. 80. Вторая мировая война: актуальность проблемы: [сб. ст.] / отв. ред. О.А. Ржешевский. — М.: Наука, 1995. — 367 с.

II. 81. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. — 19-е изд. — М.: Рус. яз., 1987. — 848 с.

II. 82. Поздняков В.В. Андрей Андреевич Власов: сб. документов и материалов / В.В. Поздняков. — Сиракузы (США), 1973. — 488 с.

II. 83. Поздняков В.В. Рождение РОА: сб. документов и материалов / В.В. Поздняков. — Сиракузы (США), 1972. — 257 с.

II. 84. Похлебкин В.В. Великая война и несостоявшийся мир (1941—1945—1994): военный и внешнеполитический справочник / В.В. Похлебкин. — М., 1997. — Из содерж.: [Общие сведения о позиции гитлеровского политического и военного руководства по вопросу об использовании бывших советских граждан в вооруженных силах Германии. Масштабы этого использования]. — С. 127—133.

II. 85. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. — М., 1987.

II. 86. Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1945 гг.). — М.: Издательство политической литературы, 1968. — 384 с.

II. 87. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. — М.: Наука, 1996. — Из содерж.: [Имение Великого Князя Романова]. — С. 186—190.

II. 88. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и др. — 4-е изд. — М., 1954. — 854 с.

II. 89. Хранить вечно. Документы 4-го отдела: сб. документов / Под ред. В.П. Лебедева. — Тула: УФСБ России по Тульской области, 2008. — 80 с.

II. 90. Юбилейный сборник РИСО. — Нью-Йорк, 1959.

III. Мемуарная литература

III. 91. Алдан А.Г. Армия обреченных / А.Г. Алдан. — Нью-Йорк, 1969. — 176 с.

III. 92. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина / Б. Бажанов. — М.: СП «Софинта»: Информ.-рекл. центр «Инфодизайн», 1990. — 318 с.

III. 93. Барков Л. В дебрях абвера / Л. Барков. — Таллин: Ээсти раамат, 1971. — 126 с.

III. 94. Богатырчук Ф.П. Мой жизненный путь к генералу Власову и Пражскому манифесту / Ф.П. Богатырчук. — Сан-Франциско, 1978. — 315 с.

III. 95. Богатырь З.А. В тылу врага: боевая деятельность соединения партизанских отрядов под командованием Героя Советского Союза / А.Н. Сабурова / З.А. Богатырь. — М.: Соцэкгиз, 1963. — 334 с.

III. 96. Бутков В.Н. Участие белой эмиграции в борьбе с большевизмом в 1941—1945 годах / В.Н. Бутков // Вестник РОВС. — 2002. — № 5. — С. 8—11.

III. 97. Ващенко Н. За гранью истории РОА / Н. Ващенко. — [Б. м.], 1999. — 112 с.

III. 98. В сердце «Виддера» // Чекисты: сб. статей / сост. Л. Корнешов. — М., 1970. — 396 с.

III. 99. Гелен Р. Влиять на ход истории / Р. Гелен // Слово. — 1990. — № 5. — С. 79—84.

III. 100. Гитлер А. Моя борьба: пер. с нем. / А. Гитлер. — М.: Витязь, 2000. — 598 с.

III. 101. Горчаков О. Дневник офицера РОА / О. Горчаков // Книжное обозрение. — 1989. — 24 февр.

III. 102. Григоров М.С. Грозовые дни / М.С. Григоров // Незримого фронта солдаты: сб. статей / сост. В.Ф. Борисов. — Тула, 1971. — С. 212—258.

III. 103. Дудников В.С. Трагедия казаков Северного Кавказа / В.С. Дудников // Вече. — 1997. — № 59. — С. 159—206.

III. 104. Жилянин Я. Без линии фронта / Я. Жилянин, Н. Поздняков, В. Лузгин. — Минск: Беларусь, 1975. — 318 с.

III. 105. Казанцев А.С. Третья сила: Россия между нацизмом и коммунизмом / А.С. Казанцев. — М.: Посев, 1994. — 344 с.

III. 106. Калинин П.З. Партизанская республика / П.З. Калинин. — М.: Воен. издат., 1964. — 336 с.

III. 107. Клименко. Правда о «Дружине» / Клименко // С народом за народ. — Мюнхен, 1964. — № 3. — С. 22.

III. 108. Козлов. Русский народ и Красная Армия / Козлов // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: сб. статей / под ред. А.В. Окорокова. — М., 1999. — Вып. 4. — С. 210—219.

III. 109. Константинов Д.В. Через туннель двадцатого столетия / Д.В. Константинов. — М.: Изд-во РГГУ, 1997. — 592 с.

III. 110. Котов Л.В. В тылу группы армий «Центр» / Л.В. Котов // Герои подполья: сб. статей / сост. В.Е. Быстров. — М., 1970. — С. 3—55.

III. 111. Кошелев Н.Н. За поединком поединок / Н.Н. Кошелев, Б.Д. Лебин // Военные контрразведчики: сб. статей / сост. Ю.В. Селиванов. — М., 1978. — 422 с.

III. 112. Кравченко И.С. Подполье в западных областях Белоруссии / И.С. Кравченко, Р.Р. Крючок // Герои подполья: сб. статей / сост. В.Е. Быстров. — М., 1970. — С. 360—402.

III. 113. Кромиади К. За землю, за волю… / К. Кромиади. — Сан-Франциско, 1980. — 297 с.

III. 114. Лобанок В.Е. В боях за Родину / В.Е. Лобанок. — 3-е изд., доп. — Минск: Беларусь, 1964. — 411 с.

III. 115. Лобанок В.Е. Партизаны принимают бой / В.Е. Лобанок. — М., 1972. — Из содерж.: [Борьба с карателями]. — С. 191—192.

III. 116. Морозов В.К. Врагу от нас не уйти / В.К. Морозов // Незримого фронта солдаты: сб. статей / сост. В.Ф. Борисов. — Тула, 1971. — С. 173—190.

III. 117. Недосекин С.А. Между фронтами / С.А. Недосекин // Незримого фронта солдаты: сб. статей / сост. В.Ф. Борисов. — Тула, 1971. — С. 296—319.

III. 118. Попель Н.К. Танки повернули на запад / Н.К. Попель. — М., 1960. — Из содерж.: [Вражеская пропаганда]. — С. 91—92.

III. 119. Редлих Р.Н. В бригаде Каминского / Р.Н. Редлих // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: сб. статей и документов / под ред. А.В. Окорокова. — М., 1998. — Вып. 2. — С. 431—440.

III. 120. Репин Г. Будни особого отдела / Г. Репин // Чекисты: сб. статей / сост. А.В. Сапаров. — Л., 1967. — С. 248—270.

III. 121. Слободской Л. Бои с карателями / Л. Слободской // Псковщина партизанская: сб. статей / сост. А.В. Акатов. — Л., 1979. — С. 189—193.

III. 122. Стеенберг С. Власов / С. Стеенберг. — Мельбурн, 1974. — 252 с.

III. 123. Тхоржевский В. По дорогам рабства и свободы / В. Тхоржевский // Урал. — 1994. — № 7.

III. 124. Фирсанов К.Ф. Как ковалась победа / К.Ф. Фирсанов // Незримого фронта солдаты: сб. статей / сост. В.Ф. Борисов. — Тула, 1971. — С. 58—135.

III. 125. Чуйков В.И. Гвардейцы Сталинграда идут на запад / В.И. Чуйков. — М., 1972. — Из содерж.: [Борьба с агентурой противника]. — С. 71.

III. 126. Шелленберг В. Лабиринт: мемуары гитлер. разведчика: [пер. с англ.] / В. Шелленберг. — М.: СП «Дом Бируни», 1991. — 400 с.

III. 127. Шелленберг В. Мемуары: пер. с нем. / В. Шелленберг. — М.: Прометей, 1991. — 352 с.

III. 128. Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера / В.К. Штрик-Штрикфельдт. — М.: Посев, Рос. фил., 1993. — 448 с.

III. 129. Шульгин В.В. Письма к русским эмигрантам / В.В. Шульгин. — М., 1961. — Из содерж.: [Настроения населения Советского Союза]. — С. 14.

IV. Исследовательская литература

IV. 130. Александров К.М. Армия генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944—1945: материалы к истории Вооруженных сил КОНР / К.М. Александров. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. — 256 с.

IV. 131. Александров К.М. Власовцы на одерском фронте в феврале 1945 года / К.М. Александров // Наши вести. — 1999. — № 456 (2757) / 457 (2758). — С. 27—29.

IV. 132. Александров К.М. Из истории насильственных репатриаций (1945—1946 гг.) / К.М. Александров // Россия и Запад: сб. статей. — СПб., 1996. — С. 56—71.

IV. 133. Александров К.М. Офицерский корпус ВС КОНР генерала А.А. Власова / К.М. Александров. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. — 359 с.

IV. 134. Александров К.М. Оккупация отдельно взятого региона / К.М. Александров // Посев. — 2002. — № 5. — С. 42—45.

IV. 135. Александров К.М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне: сб. статей и материалов / К.М. Александров. — СПб.: Ювента, 2003. — 352 с.

IV. 136. Александров К.М. Тайное оружие вермахта / К.М. Александров // Посев. — 2001. — № 6. — С. 14—21.

IV. 137. Андреева Е.А. Генерал Власов и Русское Освободительное движение / Е. Андреева. — М.: Странник, 1993. — 96 с.

IV. 138. Андреев В.А. Русское зарубежье и Вторая мировая война // Материалы по истории Русского Освободительного Движения / под ред. А.В. Окорокова. — М., 1998. — Вып. II. — С. 135—167.

IV. 139. А.П. Русский корпус в Сербии / А.П. // Часовой. — 1971. — Сент. — С. 32.

IV. 140. Арзамаскин Ю.Н. Заложники Второй мировой: репатриация советских граждан в 1944—1953 гг. / Ю.Н. Арзамаскин. — М.: Фокус, 2001. — 144 с.

IV. 141. Армстронг Д. Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941—1944. / Д. Армстронг. — М.: Центрполиграф, 2007. — 493 с.

IV. 142. Ауски С.А. Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии / С.А. Ауски. — Сан-Франциско, 1982. — 408 с.

IV. 143. Бахвалов А.Л. Генерал Власов. Предатель или герой? / А.Л. Бахвалов. — СПб.: СПб. ВШ МВД России, 1994. — 126 с.

IV. 144. Бетелл Н. Последняя тайна / Н. Бетелл. — М.: Новости, 1992. — 256 с.

IV. 145. Вакр Н.П. Белоруссия: формирование нации: исследование / Н.П. Вакр. — Кембридж, 1956. — Из содерж.: [Коллаборационизм]. — С. 197.

IV. 146. Вдовин А. Русские в XX веке / А. Вдовин. — М., 2004. — Из содерж.: [Оккупационная политика]. — С. 143.

IV. 147. Война в тылу врага: о некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны: сб. статей / [сост. В.И. Андрианов и др.]. — М.: Политиздат, 1974. — Вып. 1. — 447 с.

IV. 148. Война и общество, 1941—1945: в 2 кн. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; отв. ред. Г.Н. Севостьянов. — М.: Наука, 2004. — Кн. 2. — С. 293—305.

IV. 149. Волков С.В. Вторая мировая война и русская эмиграция // Материалы по истории Русского Освободительного Движения / под ред. А.В. Окорокова. — М., 1998. — Вып. II. — С. 11—27.

IV. 150. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина / Д.А. Волкогонов. — М.: Новости, 1989. — Т. 2. Ч. 1.

IV. 151. Гареев М.А. О мифах старых и новых / М.А. Гареев // Военно-исторический журнал. — 1991. — № 4. — С. 42—52.

IV. 152. Геллер М.Я. Вызов режиму / М.Я. Геллер, А.М. Некрич // Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. — Лондон, 1986. — С. 57—112.

IV. 153. Гогун А. Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. М.: Центрполиграф, 2008. — 477 с.

IV. 154. Горелов М.И. Станислав Юлианович Жуковский: жизнь и творчество. 1874—1944 / М.И. Горелов. — М., 1982. — Из содерж.: [С.Ю. Жуковский в Локте]. — С. 148—150, 253—254.

IV. 155. Городков В. По старинным аллеям / В. Городков. — Тула, 1983. — Из содерж.: [Усадьба Великого Князя Романова в Локте]. — С. 88—95.

IV. 156. Грибков И.В. Локотская «республика» 1941—1943 / И.В. Грибков // Под оккупацией в 1941—1944 гг.: сб. статей и воспоминаний / под ред. Б.С. Пушкарева. — М.: Посев, 2004. — С. 76—89.

IV. 157. Грибков И.В. Хозяин брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское

окружное самоуправление / И.В. Грибков. — М.: Московский писатель, 2008. — 116 с.

IV. 158. Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны. Курск, 1993.

IV. 159. Двинов Б.Л. Власовское движение в свете документов: сб. документов и материалов / Б.Л. Двинов. — Нью-Йорк, 1950. — 216 с.

IV. 160. Дробязко С.И. «Восточные войска» в вермахте 1941—1945 гг. / С.И. Дробязко // Наши вести. — 1994. — № 437 (2738). — С. 8—11.

IV. 161. Дробязко С.И. Добровольческий полк «Десна» и другие военные формирования из советских граждан на территории Орловской области / С.И. Дробязко, И.Г. Ермолов. — М.: изд. авторов, 2001. — 25 с.

IV. 162. Дробязко С.И. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия / С.И. Дробязко // Материалы по истории Русского Освободительного Движения / под ред. А.В. Окорокова. — М., 1998. — Вып. 2. — С. 168—216.

IV. 163. Дробязко С.И. Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941—1945 / С.И. Дробязко. — М.: Эксмо, 2004. — 606 с.

IV. 164. Дробязко С.И. Русская Освободительная Армия / С.И. Дробязко. — М.: АСТ, 1998. — 63 с.

IV. 165. Дробязко С.И. Казачья эмиграция во Второй мировой войне / С.И. Дробязко // Материалы по истории Русского Освободительного Движения / под ред. А.В. Окорокова. — М., 1999. — Вып. 4. — С. 51—115.

IV. 166. Дробязко С.И. Добровольческий полк «Десна» и другие военные формирования из советских граждан на территории Орловской области / С.И. Дробязко, И.Г. Ермолов. — М., 2000. — 25 с.

IV. 167. Дугас И.А. Вычеркнутые из памяти / И.А. Дугас, Ф.Я. Черон. — Париж, 1994. — 433 с.

IV. 168. Ермолов И.Г. Антипартизанская республика / И.Г. Ермолов, С.И. Дробязко. — М.: Витязь, 2001. — 112 с.

IV. 169. Ермолов И.Г. Локотская республика и бригада Каминского, или «Шумел не просто брянский лес» / И.Г. Ермолов. — Орел—Рига: Атмода, 1999. — 52 с.

IV. 170. Ермолов И.Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области / И.Г. Ермолов. — Орел: Орловский государственный университет, 2008. — 180 с.

IV. 171. Ермолов И.Г. История Локотского округа и Русской Освободительной Народной Армии / И.Г. Ермолов. — Орел: Истории русской провинции, 2008. — 168 с.

IV. 172. Ермолов И.Г. Локотская республика и бригада Каминского, или «Шумел не просто брянский лес» / И.Г. Ермолов. — Орел, 1999. — 52 с.

IV. 173. Ермолов И.Г. Антипартизанская республика / И.Г. Ермолов, С.И. Дробязко. — М., 2001. — 112 с.

IV. 174. Ермолов И.Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области / И.Г. Ермолов. — Орел: Орловский государственный университет, 2008. — 180 с.

IV. 175. Ермолов И.Г. История Локотского округа и Русской Освободительной Народной Армии / И.Г. Ермолов. — Орел: Истории русской провинции, 2008. — 168 с.

IV. 176. Ермолов И.Г. Мероприятия по разложению коллаборационистских формирований в период Второй мировой войны И.Г. Ермолов // Человеческий фактор: общество и власть. — 2004. — № 4. — С. 9—12.

IV. 177. Ермолов И.Г. Антипартизаны / И.Г. Ермолов // Тверца. — 2004. — № 5 (10). — С. 24—25.

IV. 178. Ермолов И.Г. Казаки против Сталина / И.Г. Ермолов // Человеческий фактор: общество и власть. — 2005. — № 3 (7). — С. 58—63.

IV. 179. Ермолов И.Г. Религия и церковь в годы оккупации / И.Г. Ермолов // Рюрик: исторические статьи и публикации. — Вып. 8. — Орел: издатель А.В. Воробьев, 2008. — С. 34—48.

IV. 180. Ермолов И.Г. Коллаборационизм в сфере управления на оккупированных территориях РСФСР / И.Г. Ермолов // Вестник Тверского государственного университета. — 2008. — № 19 (79). — С. 86—95.

IV. 181. Жуков А.Ф. К вопросу о коллаборационистах в Великой Отечественной войне / А.Ф. Жуков, Л.Н. Жукова // Клио. — 1997. — № 2. — С. 173—181.

IV. 182. Жуков Д.А. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский» / Д.А. Жуков, И.И. Ковтун. — М.: Вече, 2009. — 304 с.

IV. 183. Захаров В.В. Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-е—1945 гг.) / В.В. Захаров, С.А. Колунтаев // Материалы по истории Русского Освободительного Движения / под ред. А.В. Окорокова. — М., 1998. — Вып. 2. — С. 28—134.

IV. 184. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945: в 6 т. / под ред. П.Н. Поспелова. — М.: Воениздат, 1961—1965. — 6 т.

IV. 185. История Второй мировой войны, 1939—1945 гг.: в 12 т. / под ред. А.А. Гречко. — М.: Воениздат, 1973—1982. — 12 т.

IV. 186. Карелл П. Операция «Барбаросса». Франкфурт—Берлин: Ульштейн, 1963.

IV. 187. Катусев А.Ф. Иуды (власовцы на службе у фашизма) / А.Ф. Катусев, В.Г. Оппоков // Военно-исторический журнал. — 1990. — № 6. — С. 68—81.

IV. 188. Ковтун И.И. Партизаны Брянщины: мифы и правда / И.И. Ковтун // Эхо войны. Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. 2007. № 1. С. 17—25.

IV. 189. Колесник А.Н. Грехопадение? Генерал Власов и его окружение / А.Н. Колесник. — Харьков: Простор, 1991. — 238 с.

IV. 190. Коняев Н.М. Власов. Два лица генерала / Н.М. Коняев. — М.: Вече, 2003. — 480 с.

IV. 191. Котов-Дарти С.Ф. Казачество против большевизма (причины и условия формирования коллаборационистских настроений в среде граждан СССР) / С.Ф. Котов-Дарти, И.Г. Ермолов // Человеческий фактор: общество и власть. — 2006. — № 1 (9). — С. 41—55.

IV. 192. Котов-Дарти С.Ф. Казаки и русские за линией фронта (влияние особенностей оккупационной политики на возникновение и развитие советского коллаборационизма) / С.Ф. Котов-Дарти, И.Г. Ермолов // Человеческий фактор: общество и власть. — 2006. — № 03 (11). — С. 16—24.

IV. 193. Кринко Е.Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Второй мировой войны: старые и новые подходы / Е.Ф. Кринко // The Soviet and Post-Soviet Review. — 2003. — № 2. — С. 143—170.

IV. 194. Кудряшов С.В. «Предатели», «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941—1942) / С.В. Кудряшов // Свободная мысль. — 1993. — № 14. — С. 89, 91.

IV. 195. Кульков Е.Н. Война 1941—1945: факты и документы / Е.Н. Кульков, М.Ю. Мягков, О.А. Ржешевский; под ред. О.А. Ржешевского. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. — 479 с.

IV. 196. Мартынов М.М. Это было в Орле / М.М. Мартынов. — М., 1985.

IV. 197. Мартынов Н. Правда о власовцах / Н. Мартынов // Голос Родины. — 1965. — № 89. — С. 23—28.

IV. 198. Минасян Н. Международные преступления Третьего рейха / Н. Минасян. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977. — 387 с.

IV. 199. Муноз А. Бригада Каминского: история / А. Муноз. — Нью-Йорк, 1995. — 63 с.

IV. 200. Муноз А. За Царя и Отечество / А. Муноз // Наши вести. — 1999. — № 456 (2757) / № 457 (2758). — С. 22—26.

IV. 201. Мюллер Н. Вермахт и оккупация: пер. с нем. / Н. Мюллер. — М.: Воениздат, 1974. — 387 с.

IV. 202. Неподкосов С. Второе крещение Руси. Деятельность Православной миссии на оккупированной территории северо-запада России (1941—1944 гг.) // Эхо войны. Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. — 2007. — № 1. — С. 33—37.

IV. 203. Николаев С. Предатели и их радетели / С. Николаев // Голос Родины. — 1970. — № 4. — С. 13—17.

IV. 204. Окороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны / А.В. Окороков; Воен. ун-т. — М.: Изд-во Воен. ун-та, 2000. — 173 с.

IV. 205. Окороков А.В. Учебные структуры РОА, казачьих частей и ВС КОНР / А.В. Окороков // Материалы по истории Русского Освободительного Движения (статьи, документы, воспоминания) / под ред. А.В. Окорокова. — М., 1999. — Вып. 4. — С. 152—209.

IV. 206. Они среди вас: сб. статей о предателях и изменниках Родины. — М., 1969. — 242 с.

IV. 207. Павлов В.В. Сталинград: мифы и реальность / В.В. Павлов. — М., 2003. — Из содерж.: [Выступление И.В. Сталина]. — С. 321.

IV. 208. Пальчиков П.А. История генерала Власова / П.А. Пальчиков // Новая и новейшая история. — 1993. — № 2. — С. 123—144.

IV. 209. Полян П.М. Жертвы двух диктатур / П.М. Полян. — М.: Ваш выбор, 1996. — 442 с.

IV. 210. Попов А. НКВД и партизанское движение / А. Попов. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 383 с.

IV. 211. Попов А. Диверсанты Сталина: деятельность органов Госбезопасности на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны / А. Попов. — М.: Яуза, 2004. — 412 с.

IV. 212. Пронин А. Партизанская война на оккупированных немцами советских территориях 1941—1945 гг. / А. Пронин. — Джорджтаун, 1965. — Из содерж.: [Особенности партизанского движения]. — С. 172.

IV. 213. Раманичев Н.М. Власов и другие / Н.М. Раманичев // Вторая мировая война: актуальные проблемы / под ред. О.А. Ржешевского. — М., 1995. — С. 292—312.

IV. 214. Редклифф А. Уроки, извлеченные из партизанской войны в России. МО № РО55С, Управление военной истории / А. Редклифф. — [Б. м.], 1950—1970 гг.

IV. 215. Решин Л.Е. Судьбы генеральские / Л.Е. Решин, В.С. Степанов // Военно-исторический журнал. — 1993. — № 5. — С. 28—37.

IV. 216. Решин Л.Е. Охота на «Ворона» / Л.Е. Решин // Шпион. — 1993. — № 1. — С. 93—100.

IV. 217. Рогачевский А.Л. [Рецензия] / А.Л. Рогачевский // Правоведение. — 2000. 4. — С. 255—259. — Рец. на кн.: Chiari В. Alltag hinter der Front. — Dusseldorf, 1998.

IV. 218. Романовский В.Ф. Преступления германского фашизма в Белоруссии / В.Ф. Романовский // Вторая мировая война: материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине Победы над фашистской Германией. — М., 1966. — Кн. 1. Общие проблемы. — С. 332.

IV. 219. Самойлов А. Власов и власовцы / А.Самойлов // Новое время. — 1991. — № 15. — С. 38—39.

IV. 220. Самсонов А.М. Вторая мировая война / А.М. Самсонов. — М., 1990. — Из содерж.: [Коллаборационисты]. — С. 237.

IV. 221. Саран А. Аграрная политика оккупационных властей на Орловщине // Краеведческие записки. Орел: Областной краеведческий музей, 1999. Вып. 3.

IV. 222. Семенов К.К. Войска СС / К.К. Семенов. — М.: Яуза, 2004. — 383 с.

IV. 223. Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах / М.И. Семиряга. — М.: Юридическая литература, 1991. — 384 с.

IV. 224. Семиряга М.И. Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов / М.И. Семиряга // Другая война: 1939—1945 / под ред. Ю.Н. Афанасьева. — М., 1996. — С. 313—339.

IV. 225. Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных / М.И. Семиряга // Вопросы истории. — 1995. — № 4. — С. 19—33.

IV. 226. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М.И. Семиряга. — М.: РОССПЭН, 2000. — 863 с.

IV. 227. Смирнов А. Атаман Краснов / А. Смирнов. — М.: АСТ, 2003. — 366 с.

IV. 228. Соколов Б.В. Оккупация / Б.В. Соколов. — М.: Аст-Пресс, 2002. — 349 с.

IV. 229. Соколов Б.В. Тайны Второй мировой / Б.В. Соколов. — М.: Вече, 2000. — 479 с.

IV. 230. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ / А.И. Солженицын. — Париж, 1989. — Т. 5. — Из содерж.: [Андрей Андреевич Власов]. — С. 224—225.

IV. 231. Типпельскирх К. История Второй мировой войны 1939—1945: пер. с нем. / К. Типпельскирх. — М.: Издатинплит, 1956. — 608 с.

IV. 232. Титов Ф. Клятвопреступники / Ф. Титов // Неотвратимое возмездие: сб. статей / под ред. Н.Ф. Чистякова, М.Е. Карышева. — М., 1974. — С. 214—234.

IV. 233. Тишков А.В. Предатель перед советским судом / А.В. Тишков // Советское государство и право. — 1973. — № 2. — С. 89—98.

IV. 234. Толстой Н.Д. Жертвы Ялты: пер. с англ. / Н.Д. Толстой. — М.: Рус. путь, 1996. — 480 с.

IV. 235. Томашевский М.В. Очерки истории Освободительного Движения Народов России / М.В. Томашевский. — Лондон (Канада), 1965. — 315 с.

IV. 236. Торвальд Ю. Иллюзия: советские солдаты в гитлеровской армии / Ю. Торвальд. — Нью-Йорк, 1974. — 341 с.

IV. 237. Тхоржевский В. По дорогам рабства и свободы / В. Тхоржевский // Урал. — 1994. — № 7. — С. 145—146.

IV. 238. Уильямсон Г. СС — инструмент террора: пер. с англ. / Г. Уильямсон. — Смоленск: Русич, 1999. — 369 с.

IV. 239. Уиндроу М. Охранные отряды НСДАП. Войска СС / М. Уиндроу. — М.: АСТ, 2004. — 64 с.

IV. 240. Умбрайт X. Непреодоленная проблема. Партизанская война в тылу Восточного фронта / X. Умбрайт // Сталинград: Событие. Воздействие. Символ. — М., 1995. — С. 149—150.

IV. 241. Уорвол Н. Войска СС. Кровавый след / Н. Уорвол. — Ростов н/Д., 2000. — Из содерж.: [Бригада Каминского]. — С. 204—206.

IV. 242. Фефелов В.И. Подвигу жить вечно. Тула: Приокское книжное издательство, 1983.

IV. 243. Хоффман Й. Власов против Сталина / Й. Хоффман. — М.: АСТ, 2005. — 539 с.

IV. 244. Хоффман Й. История власовской армии / Й. Хоффман. — Париж, 1990. — 382 с.

IV. 245. Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш: белая эмиграция во Второй мировой войне / Ю.С. Цурганов. — М.: Интрада, 2001. — 288 с.

IV. 246. Чубарьян О.А. Дискуссионные вопросы истории войны / О.А. Чубарьян // Вторая мировая война: актуальные проблемы. — М., 1995. — Из содерж.: [Коллаборационизм как научная проблема]. — С. 11.

IV. 247. Чуев С. Проклятые солдаты / С. Чуев. — М.: Яуза, 2004. — 575 с.

IV. 248. Штрайт К. Солдатами их не считать. Вермахт и советские военнопленные в 1941—1945 годах / К. Штрайт. — М.: Прогресс, 1979. — 447 с.

IV. 249. Эренбург И. Нет тыла / И. Эренбург // Война: сб. статей. — М., 2004. — С. 131.

V. Исследовательская литература на иностранных языках

V. 250. Buchbender O. Die Waffe, die auf die Seite zielt: Psychologische Kriegsführung, 1939—1945 / O. Buchbender, N. Schuh. — Stuttgart: Motorbuch Verlag, 1983. — 199 s.

V. 251. Cooper M. Nazi war against sowiet partisans / M. Cooper. — New York, 1979. — 216 p.

V. 252. Dallin A. D. German Rule in Russia 1941—1945: A study in occupation policies / A.D. Dallin. — London — New York, 1957. — 696 p.

V. 253. Dallin A.D. The Kaminski Brigade: A Case Study in Soviet disaffection // In Revolution and Politics in Russia. — Indiana, 1972. — 116 p.

V. 254. Fischer G. Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II / G. Fischer. — Cambridge: Harward University Press, 1952. — 230 p.

V. 255. Haupt W. Heersgruppe Nord 1941—1945. Bad Neuheim, 1966.

V. 256. Haupt W.R. Rückzug im Westen 1944: von der Invasion zur Ardennen-Offensive / W. Haupt. — Stuttgart: Motorbuch Verlag, 1978. — 351 s.

V. 257. Hoffmann J. Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion / J. Hoffmann. — Freiburg, 1991. — 530 s.

V. 258. Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941—1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinner im deutschen Heer / J. Hoffmann. — Freiburg, 1982. — 197 s.

V. 259. Kern E. General von Pannwitz und seine Kosaken / E. Kern. — Stuttgart: Motorbuch Verlag, 1963. — 208 s.

V. 260. Klink E. Das Gesetz des Handels: Die Operation «Zitadelle» 1943 / E. Klink. — Stuttgart: Motorbuch Verlag, 1957. — 356 s.

V. 261. Mackiewicz J. Kontra / J. Mackiewicz. — Paris, 1957. — 152 p.

V. 262. Müller-Hillebrand B. Das Heer 1933—1945 / B. Müller-Hillebrand. — Frankfurt am Mein, 1969. — Bd. 3.

V. 263. Munoz A. Hitler Easter Legions. Vol. II. The Osttruppen / A. Munoz. — New York, 1997. — 96 p.

V. 264. Neulen H.W. An deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS / H.W. Neulen. — München, 1985. — 168 s.

V. 265. Rapport du Comite International de la Croix-Rouge. — Geneve, 1948. — Vom Inhalt: [Sowjetische Kriegsgefangenen]. — S. 425.

V. 266. Reitlinger G. The House Built on Sand; The Conflicts of German Policy in Russia, 1939—1945 / G. Reitlinger. — London, 1960.

V. 267. Schulte T. The German army and nazi policies in occupied Russia / T. Schulte. — Oxford; New York; Munich: Berg, 1980. — 390 p.

V. 268. Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945 / C. Streit. — Bonn, 1991. — 445 s.

V. 269. Thowald J. Wenn sie verderben wollen / J. Thowald. — Stuttgart, 1952.

V. 270. Thowald J. The Illusion: Sowiet Soldiers in Hitlers armies / J. Thowald. — Б. м., 1975. — 342 p.

V. 271. Wurmbrand R. Der unbekannte Karl Marx. Seewis, 1983. — 112 s.

VI. Диссертации

VI. 272. Александров К.М. Вооруженные формирования Комитета освобождения народов России: дис. канд. ист. наук / Санкт-Петербургский институт Российской истории РАН. — СПб., 2002. — 215 с.

VI. 273. Дробязко С.И. Восточные формирования в составе германского вермахта (1941—1945 гг.): дис. канд. ист. наук / Московский государственный историко-архивный институт. — М., 1997. — 196 с.

VI. 274. Ермолов И.Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941—1944 гг.: дис. канд. ист. наук / Тверской государственный университет. — Тверь, 2005. — 279 с.

VI. 275. Журба Н.С. Идейно-политическая работа партии среди изменнических антисоветских формирований на оккупированной территории СССР (1941—1944 гг.): дис. канд. ист. наук. — М., 1990. — 181 с.

VI. 276. Ирлицин В.И. Деятельность органов НКВД в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г. (на

материалах Калининской области): дис. канд. ист. наук / Тверской государственный университет. — Тверь, 1998. — С. 141—154.

VI. 277. Ковалев Б.Н. Антифашистская борьба: анализ пропагандистского противостояния (1941—1944 гг.): дис. канд. ист. наук. — СПб., 1993. — 196 с.

VI. 278. Посадский А.В. Военно-политическая самоорганизация российского крестьянства в 1905—1945 годах: дис. докт. ист. наук. — Саратов, 2004.

VI. 279. Шуляков В.А. Деятельность местных органов советской власти на освобожденной от немецко-фашистской оккупации территории в годы Великой Отечественной войны (1942—1945 гг.): дис. канд. ист. наук / Смоленский государственный педагогический институт. — Смоленск, 1978. — С. 32—33.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.

ГАБО — Государственный архив Брянской области.

ГАНПИНО — Государственный архив новейшей политической истории Новгородской области.

ГАОО — Государственный архив Орловской области.

ГАПО — Государственный архив Псковской области.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГАСО — Государственный архив Смоленской области.

ГАТО — Государственный архив Тверской области.

КФ — Калининский фронт.

ЛАЕ — личный архив Ермолова И.Г.

ЛАО — Локотской автономный округ.

МТС — машинно-тракторная станция.

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел.

OD — (Ordnungsdienst) Служба порядка.

ОКВ — (Oberkomando der Wehrmacht) Верховное командование вермахта.

ОКХ — (Oberkomando des Heeres) Верховное командование сухопутных сил.

ПГА — Пятигорский государственный архив.

РАЙЗО — районный земельный отдел.

РАЙФО — районный финансовый отдел.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

РОНА — Русская освободительная народная армия.

РОА — Русская освободительная армия.

РО — районное отделение.

РОНО — Районный отдел народного образования.

РПЦ — Русская православная церковь.

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

СС (Streifstaffel) — охранные отряды.

с\с — сельский совет.

ТвГУ — Тверской государственный университет.

ТФ ГАРО — Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области.

ТЦДНИ — Тверской центр документации новейшей истории.

ЦАГ — Центральная административная группа.

ЦНИБО — Центр новейшей истории Брянской области.

ЦШПД — Центральный штаб партизанского движения.

ШПД — Штаб партизанского движения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1 (таблицы)

Таблица 1. Данные Почепского РО НКВД (Брянская область) о советских руководителях, сотрудничавших с оккупантами на 10 августа 1944 г.

№ п\п	Ф. И. О.	Должность до оккупации	Должность во время оккупации	Должность после оккупации	Иные сведения
1.	Полесскова М.И.	Учитель	Начальник паспортного стола Хомутовской районной полиции	Заведующий Почепским РОНО	Родной брат служил в полиции, активно боролся с партизанами, был ими расстрелян, хозяйство отца полностью уничтожено партизанами
2.	Сидоренко М.Я.	Агроном	Инспектор просвещения Почепской горуправы	Инспектор Почепского РОНО	
3.	Малюго Г.С.	Учитель	Заведующий методическим кабинетом Отдела просвещения	Заведующий методическим кабинетом Почепского РОНО	Активный участник немецких реформ в системе просвещения
4.	Трощановский И.Е.		Нотариус при мировом суде, личный секретарь зам. бургомистра Почепского р-на	Секретарь Почепского РОНО	

№ п\п	Ф. И. О.	Должность до оккупации	Должность во время оккупации	Должность после оккупации	Иные сведения
5.	Грабар Н.П.		Техник-строитель при Почепской горуправе	Техник-строитель по школам Почепского РОНО	Настроен антисоветски, до войны состоял на формулярном учете в РО НКВД
6.	Зыков Т.Т.	Техник-строитель	Техник-строитель Почепской горуправы	Техник-строитель стройконторы Почепского райисполкома	Настроен антисоветски
7.	? С.Н.		Помощник старосты	Мастер в Почепском горсовете	
8.	Паренко И.В.	Бухгалтер Почепского ТОРГа	Зам. мирового судьи Почепской горуправы	Главный бухгалтер Почепского ТОРГа	
9.	Цибульский Ф.В.		Главный садовник немецкого кладбища	Главный бухгалтер Почепской конторы связи	
10.	Венгер М.М.		Заведующий Торговым отделом Почепской горуправы	Заведующий производством Почепского райпотребсоюза	Организатор немецкого Центрального торгового общества «Восток»

№ п\п	Ф. И. О.	Должность до оккупации	Должность во время оккупации	Должность после оккупации	Иные сведения
11.	Сапунов Т.И.	Врач-уролог Почепской больницы	Начальник Отдела здравоохранения Почепской горуправы	Врач-уролог Почепской больницы	В 1934 г. судим за соучастие в убийстве Кирова, проживал в одной квартире с его убийцей Николаевым.
12.	Васьков А.П.		Писарь волостного старшины	Агротехник-табаковод Почепского райпотребсоюза	
13.	Фещенко П.И.			Председатель Тубольского сельсовета	Член ВКП(б), в 1941 г. дезертировал из РККА, с группой бойцов перешел на сторону немцев
14.	Ситникова О.Н.		Староста в г. Почепе	Председатель колхоза «Красный летчик»	В 1944 г. исключена из ВКП(б)
15.	Галко И.Г.	Счетовод	Писарь старосты	Счетовод	
16.	Гресюкович А.А.	Агроном Почепского райзо	Агроном Почепского райзо	Агроном-плановик Почепского райзо	Активно проводила «новый порядок» землепользования
17.	Гресюкович А.И.		Зам. начальника Почепского райзо, гл. агроном	Агроном-плановик Почепского райзо	

№ п\п	Ф. И. О.	Должность до оккупации	Должность во время оккупации	Должность после оккупации	Иные сведения
18.	Потапенко М.Е.		Землемер Титовской волости	Председатель Титовского колхоза	Участвовал в разделе колхозных земель и ликвидации колхозов, настроен антисоветски
19.	Бовтушный М.Р.		Писарь старосты	Председатель колхоза в дер. Сивуха	
20.	Сердоцкий М.А.	Секретарь Подбеловского сельсовета		Председатель Подбеловского сельсовета	Как член ВКП(б) прошел регистрацию, добровольно сдал становому приставу оружие, помогал изымать скот для немцев, в 1944 г. исключен из ВКП(б)
21.	Шумейко И.И.			Председатель колхоза дер. Бумажная Фабрика	Выдал немцам 12 разведчиков РККА, заброшенных в немецкий тыл
22.	Грудина И.Д.	Председатель колхоза дер. Березовка	Староста общины дер. Березовка	Председатель колхоза Ворминского с\с	
23.	Синявский А.С.	Счетовод колхоза «Ратный Ров»	Помощник старосты пос. Ратный Ров	Счетовод колхоза «Ратный Ров»	

№ п\п	Ф. И. О.	Должность до оккупации	Должность во время оккупации	Должность после оккупации	Иные сведения
24.	Пирогов Д.И.		Писарь старосты	Секретарь Ворминского сельсовета	
25.	Морозов Н.К.	Счетовод колхоза дер. Глазово	Помощник старосты дер. Глазово	Счетовод колхоза дер. Глазово	
26.	Пугачевский И.К.		Писарь старосты	Секретарь Чоповского сельсовета	
27.	Стафеев А.Е.	Секретарь Первомайского сельсовета	Писарь старосты с. Пьяный Рог	Секретарь Первомайского сельсовета	
28.	Ивченко В.А.		Полицейский	Счетовод колхоза дер. Пашково	Активно участвовал в борьбе с партизанами
29.	Животовский Ф.А.		Начальник биржи труда	Агент конторы связи	
30.	Фисютина И.В.	Учительница	Зав. отделом биржи труда	Учительница	
31.	Попова А.В.	Учительница	Переводчица биржи труда	Учительница начальной школы	
32.	Гузеев В.А.	Учитель	Инспектор просвещения Почепского р-на	Учитель математики Почепской ср. школы	
33.	Михеенко И.М.	Бухгалтер	Дежурный полицейский	Бухгалтер кирпичного завода	

№ п\п	Ф. И. О.	Должность до оккупации	Должность во время оккупации	Должность после оккупации	Иные сведения
34.	Голеницкая З.А.		Переводчица и карточница биржи труда	Счетовод районной конторы связи	
35.	Мосина В.Н.		Машинистка Почепской полиции	Счетовод пищекомбината	
36.	Ольховый И.И.	Мастер пищекомбината	Староста по земельному вопросу	Заведующий колбасной мастерской пищекомбината	
37.	Стафеев А.Е.	Секретарь Первомайского сельсовета	Писарь при старшине волости	Секретарь Первомайского сельсовета	
38.	Кулагин Е.М.	Учитель	Староста с. Первомайское	Директор Первомайской неполной средней школы	
39.	Грищенко А.А.		Участковый надзиратель горполиции	Музыкант в клубе	
40.	Кибальчич Е.Г.	Учитель	Староста пос. Память Ленина	Учитель Первомайской неполной средней школы	
41.	Коношенко Т.Е.		Полицейский	Председатель колхоза	
42.	Ловяго М.С.		Староста	Председатель колхоза «Дружный»	
43.	Фитьков А.А.	Председатель колхоза «Зеленый Гай»	Староста пос. Зеленый Гай	Председатель колхоза «Зеленый Гай»	

№ п\п	Ф. И. О.	Должность до оккупации	Должность во время оккупации	Должность после оккупации	Иные сведения
44.	Стадчев А.Е.	Секретарь сельсовета	Писарь волостного старшины	Секретарь сельсовета	
45.	Шатая Е.С.	Учительница нач. школы	Переводчица комендатуры	Учительница нач. школы	
46.	Паренко Л.И.		Переводчица	Счетовод комбината	
47.	Свистовцев И.С.	Учитель нач. школы	Полицейский	Учитель нач. школы	
48.	Бацилев Д.М.		Финансовый агент	Председатель колхоза «Заполье»	Активно участвовал в сборе с населения платежей для немцев
49.	Ситникова О.А.	Председатель колхоза	Староста	Председатель козхоза	
50.	Писаренко Е.М.	Учительница	Переводчица	Учительница нач. школы с. Чепово	

ИСТОЧНИК: ГАБО. Ф. 2609. Оп. 1. Д. 21. Л. 74—75 об.; 76—81.

Таблица 2. Данные о коллаборационистах в сфере управления по Усвятскому району Смоленской области

№ п\п	Ф. И. О.	Должность до оккупации	Должность в период оккупации	Иные сведения
1.	Буков В.Д.	Председатель козхоза «Красный путиловец»	Староста деревни, старшина волости	Кандидат в члены ВКП(б), дезертировал из РККА будучи старостой, оказывал активную помощь оккупантам в вылавливании партизан
2.	Миронов М.И.	Зав. учебной частью Церковищенской средней школы	Волостной писарь	Член ВКП(б) с 1940 г. Предавал партизан и граждан, связанных с партизанами
3.	Прошин П.П.	Старший механик Усвятской МТС	Директор мастерской сельхозмашин	Член ВКП(б) с 1940 г. Вместе с карательным отрядом неоднократно выезжал в места расположения партизан
4.	Шандаевский Р.Л.	Заведующий РАЙФО Усвятского района	Тайный агент полиции	Член ВКП(б) с 1932 г. Выявил и предал партизанский отряд т. Зверева
5.	Шитиков А.Л.	Бригадир к-за «Пруд»	Полицейский	Кандидат в члены ВКП(б) с 1940 г. (к/к 2898864). Активно участвовал в вылавливании партизан
6.	Шутров П.Ф.	Бригадир полеводческой бригады к-за «Боевик»	Староста деревни	Кандидат в члены ВКП(б) с 1939 г. (к/к 1922836). Оказывал немцам активную помощь в вылавливании партизан

ИСТОЧНИК: ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 157. Л. 2—46.

Таблица 3. Количество учебных часов по предметам, преподававшимся в начальных школах на территории Калининской области

Предметы	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс
Немецкий язык	-	-	4	6
Русский язык (сюда же включены пение, рисование, чистописание)	9	9	6	6
Арифметика	6	6	4	4
География	-	-	2	2
Естествознание	-	-	2	2
Рукоделие	-	3	3	3
Физкультура	3	3	3	3
Всего уроков в неделю	18	21	24	26

ИСТОЧНИК: ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 60 об.

Таблица 4. Должностные оклады коллаборационистов в сфере управления

№ п\п	Наименование должности	Месячная ставка (в рублях)
1.	Бургомистр города (района)	800
2.	Секретарь городской (районной) управы	650
3.	Заведующий отделом городской (районной) управы	650
4.	Заместитель заведующего отделом городской (районной) управы	515
5.	Бухгалтер отдела городской (районной) управы	400
6.	Кассир-счетовод финансового отдела городской (районной) управы	400

№ п\п	Наименование должности	Месячная ставка (в рублях)
7.	Переводчик городской (районной) управы	400
8.	Волостной старшина	600
9.	Помощник волостного старшины, секретарь волостной управы	400
10.	Машинистка городской (районной) управы	300
11.	Староста сельской общины	300—450
12.	Заместитель старосты	200—250
13.	Писарь сельского старосты	200—300

ИСТОЧНИКИ: ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—3; Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 3. Л. 40; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151—152.

Таблица 5. Должностные оклады коллаборационистов в сфере здравоохранения

№ п\п	Наименование должности	Месячная ставка (в рублях)
1.	Главный врач больницы	500
2.	Врач-ординатор	450
3.	Врач-стоматолог	400
4.	Санитарный врач	300
5.	Фельдшер	350
6.	Сестра милосердия	250—275
7.	Фармацевт	250
8.	Санитарка	150—175

№ п\п	Наименование должности	Месячная ставка (в рублях)
9.	Заведующий фельдшерским пунктом	350
10.	Заведующий аптекой при горбольнице	300
11.	Фельдшер-фармацевт	250

ИСТОЧНИК: ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 1об., 3, 9—10, 21, 32 об.

Таблица 6. Должностные оклады прочих категорий коллаборационистов

№ п\п	Наименование должности	Месячная ставка (в рублях)
1.	Заведующий мастерской среднего предприятия	400
2.	Начальник цеха среднего предприятия	375
3.	Начальник районного отделения полиции	650
4.	Заместитель начальника районного отделения полиции	300
5.	Начальник волостного отделения полиции	300
6.	Заведующий магазином, продавец	250
7.	Заведующий детдомом	250
8.	Помощник заведующего детдомом	200
9.	Заведующий складом	400
10.	Заведующий столовой	200
11.	Учитель	250—500
12.	Полицейский (при волостной управе, сельской общине)	240—250

№ п\п	Наименование должности	Месячная ставка (в рублях)
13.	Пропагандист отдела агитации и пропаганды	750
14.	Делопроизводитель полиции	300

ИСТОЧНИКИ: ГАТО. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 3. Л. 44—45; Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.—3, 16; ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 15. Л. 223; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151—152; ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 42. Л. 155, 161.

Таблица 7. Цены на товары первой необходимости (до и в период оккупации)

№ п\п	Наименование товара	Цена до оккупации	Цена в период оккупации
1.	Хлеб (85% муки)	1 р. 70 коп./кг	
2.	Мука ржаная	1 р. 60 коп./кг	2*—375**р./кг; 771 р./пуд***
3.	Хлеб ржаной	85 коп./кг	40 р./кг***
4.	Мясо	8—16 р./кг	412 р./кг***
5.	Молоко	2 р./литр	100—200 р./литр**; 41 р./литр***
6.	Картофель	37 коп./кг	62 р. 50 коп./кг**; 106 р./пуд***
7.	Сметана	2 р./стакан	
8.	Яйца	5—6 р./десяток	700 р./десяток**; 204 р./десяток***
9.	Сахар	5 р. 70 коп./кг	
10.	Песок сахарный	5 р. 10 коп./кг	413 р./кг***
11.	Масло растительное	13 р. 50 коп./л	10 р./литр*

№ п\п	Наименование товара	Цена до оккупации	Цена в период оккупации
12.	Масло сливочное	55 р. 28 коп./кг****	20 р./кг*
13.	Барсучье сало		15 р./кг*
14.	Крупа просо	2 р. 10 коп./кг	
15.	Крупа манная	4 р. 50 коп./кг	
16.	Крупа гречневая	4 р. 30 коп./кг	
17.	Горох	2 р./кг	
18.	Макароны	5 р./кг	
19.	Вермишель	4 р. 30 коп./кг	
20.	Керосин	60 коп./литр	
21.	Соль	15 коп./кг	110 р./кг***

* По данным торговых организаций и органов местного самоуправления.

** По данным советских партизан (Калининская область).

*** По данным советских партизан (Орловская область).

**** Так в тексте источника. Вероятно, 5 р. 28 коп. /кг.

ИСТОЧНИКИ: ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 5—5 об.; ТЦДНИ.Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 60; ГАТО.Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 4. Л. 12—18, 22, 23, 25, 26—30, 63—80, 98; *Черняков Д.И.* Состояние школьного образования в оккупированном Брянске (октябрь 1941 — сентябрь 1943 г.) // Наш край в судьбе отечества: Материалы научно-практической конференции / Сост.: Управление по делам архивов Брянской области; Государственный архив Брянской области. Брянск, 2008. С. 83.

Таблица 8. Численность подразделений бригады Каминского по состоянию на 16.01.1943

Подразделение	Старший командный состав	Средний командный состав	Младший командный состав	Рядовой состав	Всего
Штаб бригады	5	19	16	12	52
Автогараж	1	2	5	44	50
Бронетанковый дивизион	1	1	2	48	52
Зенитная батарея		2	4	26	34
Комендантский взвод		1	3	23	27
Истребительная рота		7	10	112	129
Специальная часть	2	1		28	31
Столовая				20	20
1-й батальон	2	55	62	637	756
2-й батальон		8	70	716	794
3-й батальон	4	19	44	833	900
4-й батальон	1	5	51	374	431
5-й батальон	2	36	84	878	1000
6-й батальон		21	49	578	648
7-й батальон		26	50	645	721
8-й батальон	7	15	60	636	718
9-й батальон	1	18	43	444	506
10-й батальон		28	61	597	686

Подразделение	Старший командный состав	Средний командный состав	Младший командный состав	Рядовой состав	Всего
11-й батальон	2	30	52	710	794
12-й батальон	3	16	33	698	767
13-й батальон	1	12	14	343	370
14-й батальон		19	30	293	342
Итого	32	343	761	8692	9828

ИСТОЧНИК: РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 33.

Таблица 9. Организация бригады Каминского (РОНА) на июль 1943 г.

Воинские части	Входящие в них подразделения	Командиры воинских частей	Численный состав
1. Первый пехотный полк РОНА	1-й, 2-й, 11-й батальоны. Каждый батальон состоял из трех стрелковых и одной пулеметной роты	Майор Галкин	1300—1500 человек
2. Второй пехотный полк РОНА	4-й, 5-й, 6-й батальоны	Майор Тарасов	1300—1500 человек
3. Третий пехотный полк РОНА	3-й, 13-й, 15-й батальоны	Майор Прошин	1300—1500 человек
4. Четвертый пехотный полк РОНА	10-й, 12-й, 14-й батальоны	Майор Рейтенбах	500—600 человек
5. Пятый пехотный полк РОНА	7-й, 8-й, 9-й батальоны	Майор Турлаков	1300—1500 человек
6. Зенитный дивизион		Лейтенант Плохих	100—150 человек
7. Гвардейский батальон	Две стрелковые роты, одна учебная рота	Майор Фролов	670 человек

Воинские части	Входящие в них подразделения	Командиры воинских частей	Численный состав
8. Автобронетанковый дивизион	БМ-10, КВ-2, четыре Т-34, БТ-3—37, одна Т-37, две танкетки, 30 автомашин	Капитан Самсонов	200 человек

ИСТОЧНИК: ЛАЕ. Справка начальника разведотдела Орловского штаба партизанского движения полковника Зюряева о численности, организации и вооружении бригады Каминского.

Таблица 10. Организация Русской Национальной Народной Армии (РННА) на декабрь 1942 г.

№ п\п	Структурная единица	Немецкая номенклатура	Численность
1.	1-й батальон	633-й вост. батальон	1028 человек
2.	2-й батальон	634-й вост. батальон	750—800 человек
3.	3-й батальон	635-й вост. батальон	750—800 человек
4.	4-й батальон	636-й вост. батальон	150—200 человек
5.	5-й батальон	637-й вост. батальон	150—200 человек
6.	Штабной батальон		600 человек
7.	Технический батальон		600—650 человек

ИСТОЧНИКИ: ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 14; *Дробязко С.И.* Русская Освободительная Армия. М., 1998. С. 23; *Кромиади К.Г.* За землю, за волю… Сан-Франциско, 1980. С. 58—60.

Таблица 11. Организация русского добровольческого полка «Десна» на июнь 1942 г.

№ п\п	Структурная единица	Командир	Состав подразделения	Численность
1.	1-й батальон	Капитан Купелько	3 стрелковые роты, 1 пулеметная рота, 1 минометная рота	350—400 чел.
2.	2-й батальон (железнодорожный)	Лейтенант Муншайд	3 стрелковые роты, 1 пулеметная рота	300 чел.
3.	3-й батальон (учебный)	Майор Ламберг	1 пулеметная рота	100—150 чел.
4.	Артиллерийский дивизион	Майор фон Вайс	4 артбатареи, штабная батарея, противотанковая батарея	
5.	Кавалерийский эскадрон			150 всадников

ИСТОЧНИКИ: ЦНИБО.Ф. 1650. Оп. 1. Д. 19С. Л. 22, 37; Брянский рабочий. 1993. 21, 22, 27 апреля.

Таблица 12. Организация русского добровольческого полка «Десна» на ноябрь 1942 г.

№ п\п	Структурная единица	Состав подразделений
1.	615-й восточный батальон	3 стрелковые роты, 1 пулеметная рота, 1 минометная рота
2.	616-й восточный батальон	3 стрелковые роты, 1 пулеметная рота
3.	617-й восточный батальон	1 пулеметная рота
4.	621-й восточный артиллерийский дивизион	2 артбатареи, 1 противотанковая батарея
5.	Кавалерийский эскадрон	
6.	Отряд особого назначения	2 стрелковых взвода, школа шпионов и диверсантов (разведвзвод), артиллерийский взвод, взвод связи, хозвзвод

ИСТОЧНИКИ: ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 22, 25; Брянский рабочий. 1993. 7 мая.

Таблица 13. Восточные батальоны, дислоцировавшиеся на территории Орловской области на май—июнь 1943 г.

№ п\п	Нумерация батальона	Характеристика батальона
1.	I/25	Сформирован в феврале 1943 г. на Украине. С мая 1943 г. — в составе 2-й танковой армии группы армий «Центр», затем — 9-й армии. В конце 1943 г. переброшен в Албанию. С апреля 1944 г. — III/523-й батальон 297-й пехотной дивизии
2.	II/9	Сформирован осенью 1942 г. на Украине. С мая 1943 г. — в составе 2-й танковой армии группы «Центр», затем — 9-й армии. В начале 1944 г. переброшен во Францию в состав 19-й армии. С апреля 1944 г. — IV/917-й армянский батальон. В июле 1944 г. в результате слияния с I/198-м армянским батальоном образовал 198-й армянский полк
3.	82	Сформирован в январе 1943 г. путем слияния антипартизанской группы «Циммек» и двух рот 446-го восточного батальона в составе группы «Центр». В мае 1944 г. расформирован
4.	615	Сформирован в январе—феврале 1942 г. в гор. Орджоникидзеграде Орловской области (тыловой р-н 2-й танковой армии группы «Центр») как украинский добровольческий батальон. В мае 1942 г. переименован в 1-й батальон полка «Десна». В ноябре 1942 г. переименован в 615-й восточный батальон. В ноябре 1943 г. переброшен на Западный фронт во Францию. В сентябре 1944 г. вошел в боевую группу «Краппманн»
5.	616	Сформирован в феврале 1942 г. в гор. Орле как полицейский отряд Сахарова. В мае 1942 г. вошел в полк «Десна» как 2-й батальон. В ноябре 1943 г. переброшен на Западный фронт в Италию как III/194-й батальон в составе 71-й пехотной дивизии. С января 1945 г. — в составе 14-й армии как отдельный батальон, затем передан в 10-ю армию

№ п\п	Нумерация батальона	Характеристика батальона
6.	617	Сформирован в апреле 1942 г. в Почепском р-не Орловской области (тыловой р-н группы «Центр») штабом 47-го танкового корпуса как 3-й (учебный) б-н полка «Десна». В ноябре 1942 г. переименован в 617-й восточный батальон. В ноябре 1943 г. находился в Италии в составе армии «Лигурия»
7.	618	Сформирован летом — осенью 1942 г. в гор. Трубчевске Орловской области как батальон «Народной стражи» под руководством ротмистра Вуппермана. В ноябре 1942 г. переименован в 618-й восточный батальон, передан в полк «Десна». В ноябре 1943 г. переброшен на Западный фронт во Францию, где передан 15-й армии как отдельный моторизованный батальон. В декабре 1944 г. остатки батальона переданы на формирование 1-й (600-й) дивизии ВС КОНР
8.	619	Сформирован в декабре 1942 г. в селе Одрино Карачевского р-на Орловской области как охранный батальон. В конце 1943 г. переименован в учебный батальон. В ноябре 1943 г. расформирован
9.	630	Сформирован в сентябре 1942 г. 582-м тыловым корпусом. В ноябре 1942 г. переименован в 630-й восточный батальон, передан в состав 709-го восточного полка особого назначения. В ноябре 1943 г. переброшен на Западный фронт во Францию в подчинение 7-й армии. В августе 1944 г. в связи со значительными потерями выведен с фронта. В декабре 1944 г. передан на формирование 1-й (600-й) дивизии ВС КОНР
10.	628	Сформирован в сентябре 1942 г. как 1-й батальон 582-го тылового корпуса 9-й армии. В ноябре 1942 г. переименован в 628-й восточный батальон. Входил в состав 709-го восточного полка особого назначения. В ноябре 1943 г. переброшен на Западный фронт в Бельгию
11.	629	Сформирован в сентябре 1942 г. как 2-й добровольческий батальон 582-го тылового корпуса 9-й армии. В ноябре 1942 г. переименован в 629-й восточный батальон. Входил в состав 709-го восточного полка особого назначения. В ноябре 1943 г. переброшен на Западный фронт во Францию, где вошел в подчинение 7-й армии

№ п\п	Нумерация батальона	Характеристика батальона
12.	621	Сформирован в июле 1942 г. тыловым корпусом 2-й танковой армии как восточный артдивизион «Шредер». В ноябре 1942 г. переименован в 621-й восточный артдивизион. Вошел в состав 702-го восточного полка (добровольческий полк «Десна»). В декабре 1943 г. переброшен на Западный фронт во Францию, где был придан 7-й армии

Таблица 14. Восточные батальоны, дислоцировавшиеся на территории Смоленской области на май—июнь 1943 г.

№ п\п	Нумерация батальона	Характеристика батальона
1.	4	Сформирован в декабре 1942 г. в составе 4-й армии группы армий «Центр» как 4-й запасной батальон. Использовался для охраны лагерей военнопленных и подготовки пополнений полевых батальонов. В конце 1943 г. расформирован
2.	229	Сформирован осенью 1942 г. в составе 197-й пехотной дивизии 6-го корпуса 9-й армии группы «Центр» как 197-й восточный батальон. Весной 1943 г. переименован в 229-й восточный батальон. В июле 1944 г. уничтожен в Белоруссии
3.	308	Сформирован в мае 1943 г. в группе «Центр». В феврале 1945 г. вошел в состав 1-й (600-й) пехотной дивизии ВС КОНР
4.	412	Сформирован в ноябре 1942 г. в составе 12-го армейского корпуса группы «Центр» как батальон самообороны. В январе 1943 г. получил статус 412-го восточного батальона. В августе 1943 г. переброшен на Западный фронт в Италию, где переименован в III/578-й батальон

№ п\п	Нумерация батальона	Характеристика батальона
5.	627	Сформирован в ноябре 1942 г. в тыловом р-не группы «Центр». В ноябре 1943 г. переброшен на Западный фронт во Францию в состав 7-й армии
6.	646	Сформирован в июне 1943 г. в группе «Центр» путем слияния 3-х восточных рот. В феврале 1944 г. расформирован

Таблица 15. Восточные батальоны, дислоцировавшиеся на территории Калининской области на май—июнь 1943 г.

№ п\п	Нумерация батальона	Характеристика батальона
1.	I/198	Сформирован в сентябре 1942 г. на Украине из лиц армянской национальности. С мая 1943 г. находился в северной части Калининской обл. В начале 1944 г. переброшен во Францию
2.	207	Сформирован в апреле 1942 г. в группе «Север» как 207-й конный дивизион. В декабре 1943 г. расформирован, вероятно, ввиду больших потерь
3.	281	Сформирован в апреле 1942 г. в группе «Север» как 281-й конный дивизион. В октябре 1942 г. переименован в 281-й украинский конный дивизион. В ноябре 1943 г. переброшен во Францию
4.	631	Сформирован в сентябре 1942 г. в группе «Центр». В августе—сентябре 1944 г. появился в Западной Европе
5.	653	Сформирован в июне 1942 г. в тыловом р-не 16-й армии группы «Север» как 410-й охранный б-н. В октябре 1942 г. переименован в 653-й восточный б-н. В декабре 1943 г. переброшен в Данию

№ п\п	Нумерация батальона	Характеристика батальона
6.	666	Сформирован в июне 1942 г. в тыловом р-не 18-й армии группы «Север» как 189-й охранный б-н. В октябре 1942 г. переименован в 666-й саперный б-н. В ноябре 1943 г. переброшен во Францию
7.	667	Сформирован в октябре 1942 г. как 1-й б-н 16-го егерского добровольческого полка в районе 16-й армии группы «Север». В январе 1943 г. переименован в 667-й восточный б-н. В декабре 1943 г. переброшен в Данию
8.	668	Сформирован в октябре 1942 г. как 2-й б-н 16-го егерского добровольческого полка в районе 16-й армии группы «Север». В январе 1943 г. переименован в 668-й восточный б-н. Разгромлен в декабре 1943 г.
9.	669	Сформирован в октябре 1942 г. как 3-й б-н 16-го егерского добровольческого полка в районе 16-й армии группы «Север». В январе 1943 г. переименован в 669-й восточный б-н. В ноябре 1943 г. переброшен во Францию
10.	842	Сформирован весной 1943 г. на Украине из лиц северокавказских национальностей как полубатальон двухротного состава. С мая 1943 г. находился на севере Калининской области. В октябре объединен с 843-м полубатальоном. В декабре 1943 г. переброшен на Балканы
11.	843	Сформирован весной 1943 г. на Украине из лиц северокавказских национальностей как полубатальон двухротного состава. С мая 1943 г. находился на севере Калининской области. В октябре объединен с 842-м полубатальоном. В декабре 1943 г. переброшен на Балканы

Приложение 2 (нормативные документы, межведомственная и внутриведомственная переписка)

Документ 1

Порядок мирового посредничества в общинах

...

§ 2

В каждой городской и отдельной общине основывается посредничественное мировое место.

§ 3

Посредничественное мировое место состоит из городского головы как председателя, из заместителя и двух заседателей.

§ 4

На место заместителя городской голова назначает благонадежных лиц, которые по образованию могут это выполнить, в возрасте не моложе 30 лет и которые проживают 2 года в общине.

§ 5

Место заместителя и заседателей есть почетное.

...

§ 8

Посредничественное мировое место имеет право рассматривать имущественные дела, возникающие из договоров всякого рода, как то: купля-продажа, наем, аренда займа, из имущественных и семейных отношений.

Посредничественное мировое место должно по свободному усмотрению под взглядом здравого народного ощущения рассматривать и судить.

Разбор дела производится по месту жительства ответчика.

...

§ 12

Перед вынесением решения выступают обе стороны. Если одна из сторон не является или же явившийся отказывается дать объяснение, то правило производства считается выполненным.

...

§ 15

Решение в порядке обжалования неоспоримо.

§ 16

В случае несогласия с постановленным решением последнее подлежит проверке в ревизионном порядке. Просьба о таком просмотре подается недовольной стороной районному голове.

В делах, касающихся существенных вопросов правосудия, а также в случае, если предмет спора превышает 2000 рублей, городской голова передает делопроизводство в полевую комендатуру (группе Военной управы) для подтверждения.

...

§ 21

Председатель может за объявление решения... взыскать судебную пошлину.

Размер пошлины не должен превышать 50 рублей, принимая во внимание материальное положение стороны и цену иска.

Гл. кварт.

19 ноября 1941 г.

Командующий области.

ИСТОЧНИК: ГАБО.Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 207—210.

Документ 2

Судопроизводство в русских органах управления

Судопроизводство над гражданским населением возлагается в определенном объеме на русские органы управления.

§ 1

1. Выпустить распоряжение тиражом, достаточным для распределения его вплоть до старост уезда, с тем чтобы довести о порядке судопроизводства до сведения широчайших масс населения.

2. Потом надо доложить сюда, в каких общинах (сюда относится также г. Карачев) уездного управления должны быть учреждены мировой суд общины и для каких волостей целесообразно учредить совместно один общий мировой суд. При этом для утверждения представителей в должности надо доложить сюда их фамилии с короткой, но исчерпывающей, достаточной для обсуждения их характеристикой. Для каждого мирового суда общины назначить не более 4 заседателей. Принципиально надо организовать миро-

вой суд общины только там, где есть гарантия, что назначены будут лица надежные и соответствующие требованиям должности. Начальники районов ответственны за это.

3. Выбирать мировых судей, особенно председателей, надо особенно тщательно. Надо наметить заработную плату, которая была бы не ниже заработной платы начальника района

I. Основной принцип судопроизводства

§ 2

Русские органы управления должны разбирать гражданские конфликты населения и мелкие проступки жителей, которые не затрагивают интересы Германской Армии. Для этого создаются следующие судебные учреждения (мировые суды):

а) волостные мировые суды в каждой волости;

б) районные мировые суды в каждом районе и каждом городе не районного подчинения.

II. Волостные мировые суды

§ 3

В каждой волости (городской и сельской общине) учреждается волостной мировой суд. Он действует в пределах общины.

Если за недостатком подходящих лиц или иным причинам невозможна или нецелесообразна организация волостных мировых судов в какой-либо общине (волости), то по распоряжению командующего Административным Округом возможна организация одного волостного мирового суда для нескольких рядом лежащих волостей.

§ 4

Волостной мировой суд состоит из председателя, обязанности которого выполняет старшина, заместителя председателя и заседателей. Он функционирует с председателем и 2 заседателями.

§ 5

1. На должности заместителя председателя и заседателей назначаются только надежные мужчины и женщины, которые по степени своего образования и по возрасту удовлетворяют требованиям к должности и являются коренными жителями общины.

2. Председатель, заместитель председателя и заседатели не должны быть между собой в родстве или в свойстве.

3. Заместителя председателя и заседателей назначает начальник района, однако назначение должно быть утверждено командиром соответствующего Административного Округа. При назначении мировых судей Районный начальник рукопожатием обязывает их сознательно и беспристрастно исполнять свои обязанности.

4. Начальник района может уволить от должности мировых судей при нарушении ими служебных обязанностей или при несоответствии их своему назначению. Начальник района должен донести об этом командующему Административным Округом, сообщив ему причину.

§ 6

Должности заместителя председателя и заседателей — почетные должности. Не получая заработной платы, лица, занимающие эти должности, могут получать соответствующее вознаграждение от волостного управления.

§ 7

Волостные мировые суды вправе присуждать наказания за следующие уголовные проступки:

а) простое воровство, совершенное без насилия, при котором стоимость ущерба не превышает 100 рублей, особенно при краже дров;

б) обыкновенные оскорбления — не направленные против должностных лиц;

в) все другие проступки общественного порядка, подсудные волостному мировому суду, если таковые не требуют большей меры наказания.

§ 8

Право наказывать ограничивается назначением:

а) денежных штрафов до 1000 рублей;

б) арестом до 10 дней;

в) принудительной работой до 14 дней.

§ 9

Волостным мировым судам подсудны, кроме того, гражданские дела:

а) споры об имуществе по договорам всякого рода, если цена не превышает суммы 500 рублей;

б) споры о жилищах и квартирах;

в) споры при распределении работ между членами семьи — одного двора.

III. Районные мировые суды

§ 10

В каждом районе и каждом городе не районного подчинения организуется районный мировой суд. Он функционирует в пределах района.

§ 11

Районный мировой суд состоит из председателя, одного или нескольких заместителей председателя и заседателей. Он функционирует в составе одного председателя или заместителя председателя и двух заседателей. При необходимости можно организовать несколько отделений районного мирового суда (по гражданским и уголовным делам).

§ 12

Председатель и заместители председателя должны по возможности иметь юридическое образование. Они назначаются начальниками районов или городов. В маленьких районах начальник района может быть одновременно председателем районного мирового суда.

§ 13

Заседателями надо назначать надежных мужчин и женщин, которые по степени образования и по возрасту удовлетворяют требованиям своей должности. По возможности это должны быть служащие, при которых исключена возможность подкупа, не должны быть между собой в родстве или в свойстве. Нельзя назначать судьями бывших членов коммунистической партии.

§ 14

1. Председатель, заместители председателя и заседатели районного мирового суда утверждаются командующим соответствующим Административным Округом, который торжественно обязует назначенных добросовестно и беспристрастно исполнять свою власть.

2. Командующий соответствующим Административным Округом может отстранить от должности мировых судей, если они не соответствуют своему назначению или нарушают свои служебные обязанности.

§ 15

1. Районные мировые суды расследуют и наказывают все уголовные преступления гражданского населения, которые не направлены против немецкой армии и либо неподсудны волостным мировым судам, либо настолько тяжелы, что они должны быть наказаны Германскими военными служебными инстанциями.

2. Наказываются все проступки, нарушающие законность, которые, по общему мнению, заслуживают наказания.

3. Районным мировым судам подсудны особенно:

а) проступки против личности;

б) проступки, направленные против имущества, за исключением тяжелых случаев грабежа, разбоя, преднамеренного поджога;

в) злоупотребление должностной властью, за исключением воровства и растрат свыше 5000 рублей;

г) нарушение приказов, изданных русскими органами управления;

д) вздутие цен, контрабанда, накопление жизненных припасов, если степень указанных преступлений в рамках подсудности районного мирового суда.

§ 16

Если районный мировой суд сомневается в своем праве наказывать, то председатель представляет акты для решения командующему Административным Округом.

§ 17

Районный мировой суд вправе налагать следующие наказания:

а) денежные штрафы до 10 000 рублей, за вздутие цен, контрабанду, накопление жизненных припасов, убой скота без разрешения — штрафы неограниченной суммы;

б) заключение в тюрьме или принудительные работы до одного года.

Можно одновременно присудить к тюрьме и денежному штрафу. При этом предметы, примененные при совершении проступка, могут быть объявлены конфискованными.

Если одним проступком причинен вред третьему лицу или его имуществу, то по просьбе потерпевшего может быть одновременно наложен соответствующий штраф до 5000 рублей для возмещения всех убытков.

§ 18

Если денежный штраф не уплачивается сейчас же или установленными частями, то денежный штраф заменяется тюремным заключением. Срок заключения устанавливается одновременно при вынесении приговора.

§ 19

Далее районные мировые суды рассматривают все гражданские споры, в особенности имущественные споры по договорам всякого рода (по купле, найму, аренде или ссуде): собственности, имущественные споры, вытекающие из семейных и наследственных отношений, трудовые конфликты, споры о возмещении убытков и выдаче пособий, если по степени сложности таких споров они не подсудны волостному мировому суду, согласно § 9.

§ 20

Продажа и прочие отчуждения земельных участков и строений разрешается только с письменного позволения командующего Административным Округом.

На такие договоры делаются нотариусом, начальником района или старшиной в присутствии обеих сторон нотариальные над (?) и подаются затем соответствующему командующему Административным Округом для разрешения. Районный начальник ходатайствует об отчуждении.

Такие договоры могут быть признаны мировыми судами тогда, когда они составлены согласно предписанию и если разрешены.

Волостные и районные мировые суды не имеют права выносить решения о возвращении земли, двора или строений возвратившимся эмигрантам. Если крестьяне, изгнанные большевиками, обращаются к мировым судам за возвращением отнятой у них земли, их надо направлять с их требованиями к соответствующей немецкой хозяйственной инспекции или к соответствующему Начальнику Окружной комендатуры.

§ 21

Разводы, в общем, не производятся. Только в исключительных случаях может быть расторгнут брак, совершенный по закону:

а) при постоянном половом бессилии одного из супругов, установленном врачом, состоящим на службе;

б) при заразительных или возбуждающих отвращение болезнях одного из супругов;

в) при изменах;

г) при покушении на жизнь одного из супругов;

д) если не еврей хочет развестись с евреем;

е) если развод в Германских военных интересах.

IV. Предписания по судопроизводству

§ 22

Председатель, заместитель председателя и заседатели мировых судов не могут выносить постановление в собственных делах, в споре, касающемся лиц, состоящих с ними в родстве или свойстве. В сомнительных случаях решает соответствующий командующий Административным Округом о назначении состава суда.

§ 23

На заседателей, которые без уважительных причин не являются своевременно на заседания или каким-либо другим способом уклоняются от исполнения своих обязанностей, председатель налагает дисциплинарное наказание (денежный штраф).

§ 24

Во всех уголовных делах, подлежащих ведению и обслуживанию мировых судов, председатели их должны выяснять обстоятельства дела, производя необходимое дознание, в особенности допрашивать свидетелей, экспертов и т.д. Для этой цели они могут привлекать местную полицию. По окончании судебного (предварительного) следствия на заседании суда произносится приговор суда. Обвиняемый должен лично явиться на заседание суда.

Он должен быть своевременно оповещен и в случае неявки без уважительной причины приводится на заседание принудительным порядком.

§ 25

По гражданским делам заявления и споры одной из сторон могут быть приняты к судебному рассмотрению одним лишь председателем или заместителем председателя мирового суда. Судопроизводство должно проводиться публично и гласно.

§ 26

По местности судебные дела подсудны мировому суду той общины, в пределах которой обвиняемый имеет свое местожительство или местопребывание.

§ 27

Председатель назначает срок судопроизводства и извещает о нем тяжущиеся стороны устно или письменно.

Тяжущиеся должны явиться на заседание суда лично или письменно уполномочивают на это своего заместителя. Кто не является без уважительной причины, может быть приведен принудительно.

§ 28

В начале заседания председатель пытается примирить стороны. На примирение сторон составляется протокол за подписью председателя и сторон. Протокол есть обязательство обеих сторон.

§ 29

Перед решением надо выслушать стороны. Если одна сторона не является на заседание без уважительных причин и не высказывается, несмотря на предложение, то достаточно выслушать одну сторону.

§ 30

Мировые суды обязаны производить все дознания, которые нужны или целесообразны для выяснения обстоятельств дела. Они могут допрашивать свидетелей или экспертов. Перед допросом свидетелей их обязывают говорить правду и предупреждают, что за ложное показание они могут быть строго наказаны.

§ 31

Мировые суды выносят свои решения по большинству голосов, кроме приговора мирового суда, который произносится после (?)нного[1] обсуждения всего положения дела по общим принципам справедливости. Приговор суда с коротким обоснованием зачитывается и подписывается членами мирового суда.

V. Контроль приговоров мирового суда

§ 32

Приговор мирового суда может быть опротестован и обжалован всеми причастными к делу лицами в течение одной недели после объявления его.

---

[1] Так в тексте документа.

Если в течение недели не последует обжалования, приговор входит в силу.

Если последует обжалование, то волостной мировой суд направляет судебное дело районному мировому суду своего района. На основании содержания дела суд может сделать постановление или вновь разобрать дело.

§ 33

Постановление районного мирового суда не подлежит обжалованию.

§ 34

Приговор районного мирового суда по гражданским и уголовным делам вместе с судебным делом вскоре после вынесения постановления представляется командующему Административным Округом. Командующий Административным Округом проверяет постановление суда. Он может отменить или изменить постановление, если оно не соответствует закону или грубо несправедливо.

Командующий Административным Округом может приглашать экспертов, принимавших участие в процессе, для экспертизы.

Если командующий Административным Округом не видит повода для изменения или отмены постановления, то на подлиннике приговора мирового суда он делает надпись [просмотрено! С числом, подписью и штемпелем] и возвращает приговор вместе с делом районному мировому суду. После того как сделана отметка о предъявлении, приговор мирового суда входит в силу. То же самое относится к полюбовным сделкам, заключенным районным мировым судом.

§ 35

Вошедший в силу приговор по гражданским делам сообщается тяжущимся председателем мирового суда первой инстанции.

§ 36

Взимаются следующие судебные пошлины:

в волостном мировом суде за приговор — 20 рублей, за полюбовную сделку — 2 % с суммы полюбовной сделки, однако не больше 20 рублей.

В районном мировом суде:

за приговор при имущественных спорах до 1000 рублей — 20 рублей, свыше 1000 рублей — 2 % стоимости имущества, но не

больше 500 рублей, при полюбовной сделке — 1½ % стоимости имущества, но не более 300 рублей.

За развод — в зависимости от имущественного положения сторон, но не свыше 300 рублей.

§ 37

Расходы по судебному производству в гражданских делах несет при полюбовной сделке та сторона, которая взяла их на себя; если спор разрешается приговором суда — расходы несет виновная сторона.

Если обвиняемая сторона виновата только отчасти, то расходы делятся, соответственно, между обеими сторонами.

§ 38

Мировые суды должны вести списки судебных процессов отдельно по уголовным и гражданским делам по следующему образцу:

Список процессов мирового суда:

№ п/п	Число поступления	Имя и фамилия тяжущихся	Предмет спора	Содержание полюбовной сделки или приговора суда	Число заключенной полюбовной сделки или приговора суда

§ 39

Списки процессов мировых судов, согласно § 38, передаются один раз в месяц [к 5 каждого месяца] на просмотр командующему Административным Округом, который возможно скорей возвращает с отметкой о просмотре.

VI. Исполнение

§ 40

1. Исполнение о взимании денежных штрафов и о присуждении к краткосрочному лишению свободы проводится председателем мировых судов.

2. Осужденные к лишению свободы на более долгий срок могут быть переданы для отбытия наказания в рабочий лагерь.

Засвидетельствованная копия приговора с отметкой командующего Административным Округом о просмотре должна быть переслана начальнику лагеря.

§ 41

Приведение в исполнение приговора мирового суда или полюбовной сделки в гражданских делах происходит только в слу-

чае выдачи исполнительного листа. Для выдачи исполнительного листа выигравшая сторона должна удостоверить, что противная сторона не выполнила приговора мирового суда и не согласна на полюбовную сделку.

Приведение приговора в исполнение производится председателем мирового суда или органами, назначенными им.

VII. Предписание об окончании

§ 42

Районные мировые суды организуются при Районной Управе.

Соответствующий надзор лежит на начальнике района даже и тогда, когда он является одновременно председателем районного мирового суда.

§ 43

Вместе с правом мирового суда остается в силе право дисциплинарного взыскания начальников района и старшин, установленное Административным распоряжением № 5/42, цифры VI и VII, однако за один и тот же проступок виновный может быть наказан только один раз. В остальном право начальников районов и старшин налагать дисциплинарные наказания заменяется вышеуказанными предписаниями.

§ 44

1. Лица с юридическим образованием и лично благонадежные могут быть допущены волостными и районными судами в качестве представителей тяжущихся сторон или защитников обвиняемых.

2. Допускаются они после проверки личности их командующим Административным Округом. Разрешение о допущении их может быть отменено.

3. По своей профессии допущенный носит звание «Адвокат». Для него должны быть назначены часы приема населения, он должен вести безупречную жизнь и в одном деле имеет право давать советы и быть представителем только одной стороны.

4. Свои сборы за спорные и уголовные дела адвокат согласует с тяжущимися сторонами. По просьбе адвоката или тяжущейся стороны размер сборов утверждает председатель районного мирового суда, также и тогда, когда решение вынесено волостным судом. Заключение председателя районного суда должно быть

утверждено командующим Административным Округом, и только тогда оно может быть приведено в исполнение.

§ 45

1. По мере надобности могут быть открыты нотариальные конторы для заключения всякого рода договоров и составления всякого рода документов.

2. Нотариус должен иметь юридическое образование и быть благонадежным.

3. Назначение на должность нотариуса производится после проверки личности командующим Административным Округом; оно может быть отменено.

4. Нотариус должен заботливо хранить полученные документы, составлять на них списки и каждый год сдавать их районному мировому суду.

5. Вопрос о пошлинах нотариус согласует с тяжущимися сторонами, смотря по важности предмета. По просьбе заинтересованных сторон о них решает председатель районного мирового суда. Решение это должно быть утверждено Командующим Административным Округом и может тогда исполняться.

6. Относительно размера пошлин можно руководствоваться общими судебными ставками.

§ 46

За деятельностью адвокатов и нотариусов следит председатель районного мирового суда; в нужных случаях он извещает о них командующему Административным Округом.

§ 47

Лица, признанные немецкого происхождения, неподсудны мировым судам русских органов управления. Они подсудны исключительно немецким учреждениям, но они могут пользоваться услугами адвокатов и нотариусов.

§ 48

Военнопленные, а также все жители страны, борющиеся с оружием против советского строя [вооруженная служба порядка, милиция, отряды добровольцев], неподсудны судебным учреждениям русских органов управления, они подчиняются дисциплинарному уставу Германской армии, а если дисциплинарные взыскания недостаточны, то привлекаются к Германскому военному суду. Для этого остаются в силе особые руководящие указания.

§ 49

Распоряжение о судопроизводстве вступает в силу с 1 января 1943 г. Если до этого судопроизводство производилось по другим постановлениям, то оно остается в силе.

Главнокомандующий

2-й бронетанковой армией.

ИСТОЧНИК: ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 200—205 об.

Документ 3

Предписание для упорядочения проституции в г. Курске

19 сентября 1942 г.

§ 1

Список проституток

Проституцией могут заниматься только женщины, состоящие в списках проституток, имеющие контрольную карточку и регулярно проходящие осмотр у специального врача на венерические болезни.

Лица, предполагающие заниматься проституцией, должны регистрироваться для занесения в список проституток в Отделе Службы Порядка г. Курска. Занесение в список проституток может произойти лишь после того, как соответствующий военный врач (санитарный офицер), к которому проститутка должна быть направлена, дает на это разрешение. Вычеркивание из списка также может произойти только с разрешения соответствующего врача.

После занесения в список проституток последняя получает через Отдел Службы Порядка контрольную карточку.

§ 2

Проститутка должна при выполнении своего промысла придерживаться следующих предписаний:

а) заниматься своим промыслом только в своей квартире, которая должна быть зарегистрирована ею в Жилищной конторе и в Отделе Службы Порядка;

б) прибить вывеску к своей квартире по указанию соответствующего врача на видном месте;

в) не имеет права покидать свой район города;

г) всякое привлечение и вербовка на улицах и в общественных местах запрещена;

д) проститутка должна неукоснительно выполнять указания соответствующего врача, в особенности регулярно и точно являться в указанные сроки на обследования;

е) половые сношения без резиновых предохранителей запрещены;

ж) у проституток, которым соответствующий врач запретил половые сношения, должны быть прибиты на их квартирах особые объявления Отдела Службы Порядка с указанием на этот запрет.

§ 3

Наказания

1. Смертью караются:

Женщины, заражающие немцев или лиц союзных наций венерической болезнью, несмотря на то что они перед половым сношением знали о своей венерической болезни.

Тому же наказанию подвергается проститутка, которая имеет сношения с немцем или лицом союзной нации без резинового предохранителя и заражает его.

Венерическая болезнь подразумевается и тогда, когда этой женщине запрещены половые сношения соответствующим врачом.

2. Принудительными работами в лагере сроком до 4 лет караются:

женщины, имеющие половые сношения с немцами или лицами союзных наций, хотя они сами знают или предполагают, что они больны венерической болезнью.

3. Принудительными работами в лагере сроком не менее 6 месяцев караются:

а) женщины, занимающиеся проституцией, не будучи занесенными в список проституток;

б) лица, предоставляющие помещение для занятия проституцией вне собственной квартиры проститутки.

4. Принудительными работами в лагере сроком не менее 1 месяца караются:

проститутки, не выполнившие данное предписание, разработанное для их промысла.

§ 4

Вступление в силу

Это предписание должно быть опубликовано Городским Головой г. Курска и вступит в силу с момента опубликования.

Комендант г. Курска
генерал-майор Марсель.

ИСТОЧНИК: Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-Пресс-Книга, 2002. С. 324—327.

Документ 4

Приказ главнокомандующего 2-й танковой армии генерал-полковника Р. Шмидта от 19.07.42

Главнокомандующий Армией________________
№ 1023—42
Ставка, 19.7.42
Бургомистру Локотского уезда —
Господину Инженеру Б. Каминскому.

Настоящим я поручаю Вам организацию самоуправления в администр. Округе Локоть и назначаю Вас командующим созданной в пределах этого округа милицией, на правах командира бригады войск милиции.

Ваш адм. округ охватывает, кроме района Локоть, районы Дмитриев, Дмитровск, Севск, Комаричи, Навля и Суземка.

Для решения вопросов военной подготовки, в качестве совещательного органа, Вам придается штаб инструкторов под руководством майора фон Вельтгейм. Майор фон Вельтгейм является одновременно офицером связи к главному административному округу Брянск и к штабу Армии. Для координации вопросов управления в соответствии с данными германским Главным командованием установками ему приданы административный чиновник, а для решения вопросов сельского хозяйства — руководитель по сельскому хозяйству.

Германским учреждениям, которые равным образом будут организованы в районах, приказано не вмешиваться непосредственно в дела управления. Они подчиняются исключительно майору фон Вельтгейму, и им надлежит ограничивать свою деятельность

на помощи и совете. Я надеюсь, что таким образом в короткое время удастся дать стране самоуправление, охраняющее интересы крестьян и промыслов.

Что касается условий подчинения милиции Штабу фон Гильза для совместной борьбы против партизан в лесах восточнее реки Десна, положение этим не изменяется.

Германский подлинник имеет подпись: Шмидт, Генерал-Полковник и Главнокомандующий.

Точность перевода удостоверяется: Зондерфюрер (К) — подпись.

ИСТОЧНИК: Голос народа. 1942. 25 июля.

Документ 5

Господину старшине города и уезда
Заведующего Финансовым Отделом
и Секретаря Городского Управления

Докладная записка

По смете города Вами предусмотрены средства для выдачи пособий нуждающимся гражданам, престарелым одиночкам и бывшим пенсионерам.

По Вашему поручению я просил Начальника Полиции через его аппарат зарегистрировать престарелых одиночков, но таковых оказалось всего 2—3 чел., все остальные устроены при близких или дальних родственниках, но все же в пособии они нуждаются, как нуждаются и многие пенсионеры, особенно из числа лишившихся способности передвижения и находящиеся при них близкие родственники (жены, сестры, матери, братья и др.) также не могут выходить на работу, как необходимые своим больным для ухода за ними, и потому нужда у них еще больше обостряется.

Организация дома-приюта для таких людей была бы самым лучшим видом пособия, но осуществить это дело при настоящих условиях жизненно трудно да и рискованно — нет никакой гарантии регулярного обслуживания их питанием.

Но помочь им как-то необходимо; я полагал бы возможным и полезным осуществить дело этой помощи следующим порядком:

по мере выявления в первую очередь лиц остро нуждающихся, престарелых, больных, не способных двигаться, выдавать им пособия в размере от 50 до 100 руб. в месяц и одновременно за деньги отпускать им 2—3 килограмма муки и столько же сбоев и доставить им на дом хотя бы по 1 кубометру дров за наличные деньги.

Пусть эти люди в конце своей жизни почувствуют эту заботу о всех Городского Управления, а получив это хотя маленькое пособие, увидят, что вспомнили о них, в труде отдавших свои силы Государству.

Если Вы согласны с этим, просим Вас разрешить провести в... (документ обрывается).

ИСТОЧНИК: ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 101.

Документ 6

Торопецкое самоуправление города и района

12/XII—42

Заведующему Промкомбинатом

Для большего охвата населения г. Торопец работой при Комбинате должно быть открыто отделение для переработки на дому шерсти и льняного волокна на нитки и всякого рода изделия из них.

Предлагается Вам организовать такое отделение при Вашем Комбинате.

Составьте правила и порядок выдачи сырья на дом для переработки и правила оплаты и сроки выполнения работ и представьте в Городскую Управу на утверждение к 15/XII.

Все изделия должны поступать в магазин Городской Управы для продажи населению.

Шерсть... получить от Льнозавода.

Первым днем начала работ назначено 17 декабря с/г.

К этому числу Вам надо быть готовым к приему посетителей.

Старшина города Николаев.

ИСТОЧНИК: ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

Приложение 3 (документы и агитационные материалы идеологического характера)

Документ 1

Манифест Народной социалистической партии России

Сего числа приступила к работе Народная социалистическая партия России.

Народная социалистическая партия была создана в подполье в сибирских концлагерях. Краткое название Народной социалистической партии — «ВИКИНГ» (Витязь).

Народная социалистическая партия берет на себя ответственность за судьбы России. Она берет на себя обязательство создать правительство, которое обеспечит спокойствие, порядок и все условия, необходимые для процветания мирного труда в России, для поддержания ее чести и достоинства.

В своей деятельности Народная социалистическая партия будет руководствоваться следующей программой:

1) Полное уничтожение в России коммунистического и колхозного строя.

2) Бесплатная передача крестьянству в вечное, наследственное пользование всей пахотной земли с правом аренды и обмена участков, но без права их продажи. (В руках одного гражданина может быть только один участок.) Размер участка около 10 гкт. в средней полосе России.

3) Бесплатное наделение в вечное, наследственное пользование каждого гражданина России усадебным участком с правом обмена, но без права продажи. Размер участка в средней полосе России определяется приблизительно в 1 гектар.

4) Свободное развертывание частной инициативы, в соответствии с чем разрешается частным лицам свободное занятие всеми ремеслами, промыслами, постройка фабрик и заводов. Размер капитала в частном владении ограничивается пятью миллионами золотых рублей на каждого совершеннолетнего гражданина.

5) Установление на всех видах производств 2-месячного годового отпуска в целях использования его для работы на собственных усадебных участках.

ПРИМЕЧАНИЕ: На вредных производствах продолжительность отпуска увеличивается до 4 месяцев.

6) Наделение всех граждан бесплатно лесом из государственных дач для постройки жилищ.

7) Закрепление в собственность Государства лесов, железных дорог, содержимого недр земли и всех основных фабрик и заводов.

8) Амнистия всех комсомольцев.

9) Амнистия рядовых членов партии, не запятнавших себя издевательством над народом.

10) Амнистия всех коммунистов, с оружием в руках участвовавших в свержении сталинского режима.

11) Амнистия Героев Советского Союза.

12) Беспощадное уничтожение евреев, бывших комиссарами.

Свободный труд, частная собственность в пределах, установленных законом, государственный капитализм, дополненный и исправленный частной инициативой, и гражданская доблесть явятся основой построения нового государственного порядка в России.

Настоящая программа будет осуществлена после окончания войны и после прихода Народной социалистической партии к власти.

В первую очередь все льготы получат граждане, с оружием в руках, не щадя жизни, участвовавшие в построении и укреплении нового строя.

Всякому паразитизму и воровству объявляется смертельная борьба.

Наша партия — партия национальная. Она помнит и ценит лучшие традиции русского народа. Она знает, что викинги — витязи, опираясь на русский народ, создали в седой древности Русское государство.

Наша страна разрушена и разорена под властью большевиков. Бессмысленная и позорная война, вызванная большевиками, превратила в развалины многие тысячи городов и заводов нашей страны.

Но партия «ВИКИНГ» верит в могущество и гражданскую доблесть русского народа и дает клятву возродить русское государство из большевистских развалин.

С образом Георгия Победоносца сражалась и победила русская армия в старину, так будет и впредь, а потому наше национальное знамя — белое полотнище с образом Георгия Победоносца и с Георгиевским крестом в верхнем углу знамени.

Каждый гражданин, разделяющий программу нашей партии, должен вести запись граждан, желающих в нее вступить.

По всем областным и районным центрам необходимо организовать комитеты партии «ВИКИНГ».

Народная социалистическая партия шлет привет мужественному германскому народу, уничтожившему в России сталинское крепостное право.

Руководитель Народной социалистической партии
ИНЖЕНЕР ЗЕМЛЯ (КПВ).

ИСТОЧНИК: ЛАЕ. Манифест НСПР (типогр. экз.).

Документ 2

Резолюция, принятая на 1-й антибольшевистской конференции бывших командиров и бойцов Красной Армии, ставших в ряды Русского освободительного движения

Мы, бывшие бойцы Красной Армии, оказавшиеся в плену и сейчас вступающие в ряды Освободительного движения, в этом документе хотим выразить свое отношение к большевизму, вот уже четверть века угнетающему нашу Родину. Большинство из нас выросло и сформировалось в условиях советской власти, возмужало и прожило свою сознательную жизнь под властью большевиков. Мы учились в советских школах и высших учебных заведениях, служили и работали в советских предприятиях и учреждениях, честно выполняли свой долг солдат и офицеров в рядах Красной Армии. И вот теперь, став под знамена борьбы против большевизма, мы должны дать правдивый ответ на вопрос — почему мы это сделали? Почему мы встали на этот путь?

Не только под влиянием личной обиды, не только в силу личных чувств, борьбу против большевиков мы признаем своим святым долгом. Не личная ненависть руководит нашими сердцами.

Нет! Каждый из нас, плоть от плоти и кровь от крови Русского народа, сын своей страны, хорошо знает, каким мучением, какой пыткой для нашей Родины была власть большевиков, власть Сталина и его клики. Мы хорошо видели, какие неисчислимые бедствия принес большевизм Русскому народу и другим народам нашей страны. Подневольный труд в городе, рабское состояние в коллективизированной деревне, жизнь под управлением пробравшихся к власти евреев, пытки и муки в застенках и концентрационных лагерях, все бедствия нищеты и бесправия увенчались для Русского народа последним величайшим бедствием — вовлечением в войну за чужие интересы. Реки и моря русской крови уже пролиты в этой ненавистной войне. За что? За то, чтобы Сталин и его клика продолжали угнетать Русский народ? За то, чтобы английские и американские капиталисты могли и дальше спокойно эксплуатировать свои колонии? За власть большевиков и капиталистов над миром?! Ведь за это сейчас вынужден проливать кровь и отдавать жизнь лучших своих сыновей Русский народ! И не долг ли каждого честного русского человека, видящего это, грудью стать на борьбу за освобождение нашей Родины от большевистского ига, за прекращение кровопролитной войны, за создание Новой России, в которой мог бы построить свое счастливое будущее наш народ.

Большевизм — враг Русского народа и других народов нашей страны. Разумом и сердцем, всем своим существом мы ненавидим большевизм, как ненавидит его весь наш народ. 25 лет длилась власть большевиков, и 25 лет шла кровавая, жестокая, непрекращающаяся борьба между народом и узурпаторской властью. Ни расстрелы, ни тюрьмы, ни концентрационные лагери не могли заставить Русский народ склонить голову перед большевизмом, как ни пропаганда, ни насильственно прививаемая идеология не могли русских людей сделать большевиками. Мы были и остались Русскими! Но в условиях чудовищной системы террора, шпионажа самим, без помощи извне, нам не удавалось объединить свои усилия для свержения ненавистной антинародной власти. Только теперь, опираясь на помощь Германского народа, поднявшего знамя борьбы против большевизма как мирового зла, русские люди получили наконец возможность осуществить свою мечту.

Наши стремления, наши думы и мысли о борьбе против большевизма, о прекращении войны и заключении почетного мира с Германией, о строительстве Новой России без большевиков и капиталистов — мы нашли выраженными в открытом письме генерал-лейтенанта А.А. Власова. Он является выразителем наших чаяний, выразителем дум и чаяний всего Русского народа. Именно в этом, в глубокой народности, — значение его идей, их сила. Письмо генерала Власова зовет нас не назад, не к отжившим формам свергнутого революцией старого мира, а вперед, к завершению национальной народной революции и строительству будущего нашего Государства.

Мы знаем генерала Власова, мы верим ему! Мы свято верим в идеи великой освободительной борьбы Русского народа! Мы знаем, что только на путях освободительной борьбы Русский народ может создавать свое счастливое будущее. Это светлое будущее нашего великого народа будет построено нами, русскими людьми, под водительством и руководством лучших людей Русского народа во главе с генералом Власовым, в частности, взаимно выгодном и исторически обоснованном союзе с Германией, в равноправной семье свободолюбивых народов Европы.

Мы знаем, что от нас самих, от русских людей, зависит счастье нашего народа. Оно не дается легко, оно завоевывается в жестокой борьбе. Но мы верим и знаем, что эта борьба будет поддержана всем народом, ибо это борьба за правое, святое дело. Мы знаем, что от исхода нашей борьбы зависит жизнь и счастье матерей и жен, наших отцов и братьев, зависит счастье всего нашего народа. А за это не жалко отдать свою кровь, свою жизнь!

Нас не страшат трудности, не страшат жертвы, которые от нас потребует борьба против большевизма, смертельного врага Русского народа. Нами руководит великая идея строительства Новой России, нами руководит стремление к свободе и счастью, к справедливости и миру. Нам указывает путь великое прошлое нашего народа. Нас ведет на борьбу испытанный в боях наш русский человек. И мы победим!

Мы призываем всех русских людей становиться под знамена Освободительного движения. Русские люди! Друзья и братья! Вставайте на борьбу против большевизма!

ИСТОЧНИК: Речь. 1943. 11 июня.

Документ 3

Открытое письмо красноармейцам и командирам от добровольцев Русской Освободительной Армии

Здорово, ребята!

Читали мы сброшенные к нам советские листовки. Спасибо за память! Мы очень рады! Если Сталин приказал над германскими окопами разбрасывать листовки на русском языке, значит, мы уже стали опасной для него силой. Значит, шила в мешке не утаишь! Значит, беспокойно становится в партийных верхах, значит, стало известно там, что Русская Освободительная Армия, состоящая из русских людей, под русским командованием, борющаяся за свою родину против большевизма рука об руку с дружественной Германией, — это совершившийся факт!

Листовки мы подобрали и прочли. Нас за это не расстреливают, потому что знают, что нас Сталину сагитировать трудно!

В них нас жалеют: «...Вам насильно дали оружие и насильно ведут в бой...»

Заряженное оружие в руки многотысячной армии насильно не дашь!

Там пишется: «...Вы идете в бой против своих отцов и братьев...»

Ложь! Всех, кроме жидов и наркомвнудельцев, мы зовем к себе. Беспартийный, коммунист, комсомолец, рабочий, крестьянин — все мы прежде всего русские, и жизнь показала, что если поскрести любого честного коммуниста, то сразу выступает наружу его русская душа.

И если на твоей совести нет русской крови, если ты не служил в карательных и заградительных отрядах и не забегал вечерами с доносами на товарищей в Особый отдел — у нас с тобой одна дорога и одна цель. Вместе за народ, за Россию, в которой не будет помещиков и капиталистов, но не будет и большевиков.

Правда на нашей стороне!

Листовки стыдят нас: «...Вы изменили родине и помогаете Гитлеру закабалить русский народ...»

Ложь! На другой же день после уничтожения сталинского режима будет заключен почетный мир между великими и равноправными народами Германии и России.

Германия не обманет, тут у власти нет ни одного жида!

Крепко смеялись наши добровольцы над словами: «...Красная Армия защищает счастливую жизнь народов СССР от нападения гитлеровских бандитов...»

Ну уж нас на «счастливую» жизнь не поймать! 25 лет сами жили под советской звездой!

Мы видели жизнь германского народа. Нам не показывают ее, здесь показывать не принято, а просто говорят, смотрите сами.

Нет, не спровоцируют нашу дружбу с Германией листовки ваших «Окружкомов ВКП(б)». Этот номер у них не пройдет!

Листовка предлагает: «Воткните штык в спину ненавистным фашистам...»

Нас зовут: «Возвращайтесь обратно, еще не поздно...»

Хитры кремлевские заправилы, да раскусили мы их. Кое-кто из нас сам в НКВД сидел, а вообще-то нет советской семьи, которой не коснулись бы ежовские ежовые рукавицы.

А скажи откровенно, в твоей личной семье, разве никого нет раскулаченных, сосланных, расстрелянных? Кто будет мстить за них?! Хорошо поет Сталин, да скоро сядет, близок конец его власти!

Ну, до свидания, ребята! Спасибо Окружкому партии за развлечение. Верим в то, что скоро встретимся с вами, но не как враги. Кровь у нас одна, одна должна быть и цель. А вот у власти, у советской, процент жидовской крови уж очень велик.

С товарищеским приветом

Добровольцы Русской Освободительной Армии.

ИСТОЧНИК: ЛАЕ. Открытое письмо красноармейцам и командирам... (типогр. экз., серия 227/II—43).

Документ 4

Открытое письмо штабам бандитских бригад и отрядов (начало 1944 г.)

Вы, сталинские опричники, никак не можете успокоиться от пребывания РОНЫ в Лепельском округе. Нам известно, почему, да и вы тоже об этом знаете. Мы народ не гордый, и говорим прямо, что нам дает право сделать выводы относительно ваших листовок.

Мы будем говорить фактами, против которых, как вы говорите, не попрешь. Вот вам первый факт. Когда еще бригады РОНА здесь не было, то вы, брехуны, говорили населению, что бригада Каминского, мол, перейдет в партизаны и т.д. Более того, вы посылали несколько предложений командиру бригады за подписями представителей сталинского правительства с целью переименовать славную бригаду РОНА во 2-ю антифашистскую армию и предлагали перейти на вашу сторону, обещая ему за это ордена и похвалы вашего кровавого правительства. Помимо того, вы не раз обращались со специальными листовками к офицерам бригады сделать то же самое, обещая им за это сохранение званий и зарплаты.

Это могут предлагать только бандиты, не имеющие понятия об идейности борьбы и ни гроша в кармане.

И что из этого получилось? В ответ на эти предложения бригада пошла в большой поход против вас.

Вы пытались этим воспользоваться и ударами на Лепель и Чашники думали сокрушить мощь бригады.

Но, как выяснилось, вы — хорошие бандиты, но не стратеги и вояки. Вы вместе с вашими большими силами вынуждены были бежать, как зайцы. Сколько погибло при этом невинных людей, которых вы держите под страхом приближения фронта, под строгим глазом НКВД, но которые готовы сейчас бросить вас и это скоро сделают, как только узнают правду о наших идеях. Так вот, горе-вояки, вы пытались командира бригады и всю бригаду перетянуть к себе — это ведь факт. Ваши гнустные предложения находятся как документ в штабе бригады. Против этого факта не попрешь. Тогда Каминский и мы не были сворой бандитов, тогда Каминский не был «тушинским вором». Но после того, как бригада начала вас бить и изгонять из пределов округа, то наш комбриг и мы стали «народными палачами» и всем, чем угодно.

Кто же теперь из нас в истерике, кто в бессильной злобе — мы или вы, — представляем после этого судить только вам. Нам же важно отметить здесь, что ваша оценка льстит нам, ибо она ярко выражает наши удары по вам, бандитам.

А теперь посмотрим, кто же все-таки бандиты. Вы приводите пример с Поддуевым. Хороший пример, только не в вашу пользу.

Обратимся к фактам. Поддуев, Гладков и Масленников повешены по приговору военно-полевого суда Локотского округа, утвержденному комбригом Каминским, как агенты бандитов и бывшие сотрудники НКВД.

Эти люди могли творить бесчинства, убийства со свойственной вам жестокостью. Но как только Комарический район был включен в состав Локотского округа, песенка ваших братьев была спета. Кстати сказать, при отступлении большевиков Гладков взорвал Лопандинский завод. Факты! Против этих фактов никуда не попрешь. Вот вам другой факт, характеризующий лик «народных мстителей». В деревне Осеннице Бегомльского района вами была издевательски избита шомполами пожилая женщина Новицкая, которая, кроме своей печки, ничего не знала и не видела. Этот факт подтвержден медицинским освидетельствованием, и о нем очень «мило» отзываются мирные жители не только у вас, но и здесь. Акт помещен в печати, где вы можете узнать подробности. Подтвердить его может выродок рода человеческого, махровый бандит, находящийся у вас в большом почете, командир бригады «Железняк», производивший экзекуцию собственноручно.

Мы можем привести много таких фактов, но считаем лишним, ибо кому из людей бывшего СССР не известны утонченные методы пыток НКВД.

Из вышеприведенных фактов можно судить, кто же является бандитами и зверями, вы, грабящие население и избивающие его, или же мы — спасающие население от ваших грабежей и насилий. Мы не вдаемся в дискуссию, а представляем судить об этом мирному населению.

А теперь несколько слов об идее.

Кстати сказать, наши идеи вы упорно замалчиваете, даже не пытаясь их дискутировать, отделываетесь только фразой «у бандитов, выродков идей нет и не может быть». А так как вышеприведенные факты ярко говорят, кто бандиты и выродки, то и понятно, что ваши «идеи» — грабеж, издевательства, насилия и т.д. С такими идеями далеко не уедешь и не победишь. И на самом деле, что вы можете противопоставить нашим лозунгам борьбы:

1. Земля должна быть бесплатно передана в частное пользование крестьянству.

2. Рабочий из крепостного пролетария должен стать свободным тружеником, участником создаваемых им прибылей.

3. Интеллигенция в своем творчестве должна быть свободна.

Впрочем, прочтите наш Манифест и вы увидите, что день рождения Манифеста есть день начала гибели Сталина и всех его приспешников.

Смерть кровавому большевизму, обрекающему народы России на голод, нищету и ввергнувшему их в эту кровавую бойню!

Да живут и здравствуют патриоты России, кующие счастливое будущее нашей родине без большевиков и капиталистов!

Смерть бандитам!

Бойцы и командиры бригады РОНА.

ИСТОЧНИК: Дробязко С.И. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия. С. 201—203.

Документ 5

Обращение командования партизанского отряда им. Щорса к полицейским с призывом переходить к партизанам с оружием для совместной борьбы с фашистскими оккупантами

30 июня 1942 г.

Направляем Вам радостную весть — сообщение Советского Правительства о политических и военных итогах года войны. Читайте и думайте, достойны ли вы нашего героического народа. Надо ли вам еще разъяснять к тому, что написано. Мы думаем, что нет. Теперь все ясно. Наша родная Красная Армия идет к нам! Слушайте своими ушами, как лупит фашистов наша «катюша». Раскаты фронтовой артиллерии еще больше окрылили наших бойцов, которые рвутся сейчас в бой на славные подвиги. Партизаны сейчас представляют собой огромную силу, вооруженную первоклассной советской техникой. Настал час расплаты с врагами нашей Родины — немецкими фашистами и всеми, кто им помогает. Мы вам говорим, пока не поздно, действуйте по примеру своих товарищей — переходите к нам с оружием. В этом случае мы сохраним вам жизнь. Ваших товарищей у нас уже много. Больше того, на нашу сторону переходят немцы, ма-

дьяры, закарпатские украинцы, которые видят крах фашистской Германии. Не верьте всякой чепухе, которую вам рассказывают о нас. Подумайте о себе и пожалейте свои семьи, ибо советский народ жестоко расправится с теми, кто стал на сторону врага. Итак, подумайте и решайте. Мы вас ждем, чтобы совместно бить ненавистного врага.

Да здравствует наша Великая Родина — СССР!

Командование партизанского отряда им. Щорса.

ИСТОЧНИК: ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 237. Л. 28—29.

Документ 6

Обращение Брасовского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся к населению района с призывом помогать Красной Армии и партизанам громить немецких оккупантов

5 мая 1943 г.

Смерть немецким оккупантам!

Прочитай и передай товарищу!

Дорогие товарищи, братья и сестры!

19 месяцев вы испытываете на себе страшное, кровавое иго фашистской оккупации. Коварный и жестокий враг, вероломно напавший на нашу счастливую и дорогую Родину, принес вам, советским гражданам, неисчислимые страдания и унижения.

Произвол и насилие, бесчисленные казни, мучительные пытки, непосильное бремя налогов, тифозные и венерические заболевания, беспощадное истребление всего передового и здравомыслящего населения — вот что дали вам, советским гражданам, проклятые фашистские звери.

Прекрасный и цветущий поселок Локоть с его учебными заведениями, где учились ваши же дети, ныне осквернен и загажен вшивыми фрицами и их наемными собаками вроде Каминского, Мосина, Васюкова, Вашило[1], Працук и др.

Гитлеровские палачи превратили Локоть в место пыток и издевательства над русским народом, что ни дом, то тюрьма, засте-

[1] Так в тексте. Правильно — Вощило.

нок; что ни аллея, то виселица. Ежедневно из застенков Локотской тюрьмы доносятся до вас стоны и ужасные крики умирающих от рук палачей ваших родных и знакомых. Они зовут вас к мести, к беспощадной мести фашистским мерзавцам.

Чувствуя свою гибель, враг все более и более звереет. В смертельной злобе он стремится нанести больше горя и несчастья нашему народу.

Не от больших успехов немцы состряпали из отбросов — уголовников и изменников — так называемый русский комитет и от его имени стали фабриковать лживые листовки, обращения к народам нашей страны. Не от успехов гитлеровцы проводят мобилизацию всего мужского населения и насильно гонят его на фронт для борьбы с Красной Армией и нашими союзниками — Англией и Америкой, обрекая все это население на верную и неминуемую гибель. Разве мало убито полицейских и солдат «народной армии» под Комаричами и Севском, их немцы заставили воевать с Красной Армией и трупы не убирают, говорят — это убиты партизаны.

Не от хорошей жизни гитлеровское командование за последнее время все чаще стало прибегать к распространению лживых сообщений о положении дел на советско-германском фронте.

Не верьте гитлеровской брехне! В их газетах и листовках нет ни одного слова правды…

С каждым днем все шире разгорается пламя партизанской борьбы в тылу противника. Враг уже не раз изведал силу ударов партизан. Народные мстители — партизаны и партизанки не дают врагу покоя ни днем ни ночью.

Дорогие братья и сестры! Близок час освобождения нашего района. Так помогайте же Красной Армии. Смелее крушите врага. Ускоряйте приближение славной победы! Помогайте славным партизанам бить фашистское зверье с тыла, бросайте службу в полиции и переходите к партизанам для борьбы с нашим общим врагом — немецкими захватчиками. Всеми средствами уничтожайте немецких палачей, рвите телефонную и телеграфную связь противника, жгите мосты на большаках, уничтожайте немецкие обозы, устраивайте крушения поездов, не давайте подвозить им к фронту боеприпасы и вывозить в Германию награбленное добро. Взрывайте и сжигайте склады боеприпасов и горючего. Собирай-

те и передавайте партизанам сведения о противнике. Прячьте от фашистских собак хлеб, скот, не платите налогов, беспощадно уничтожайте изменников и предателей Родины, ставших на службу к фашистам.

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствуют свобода и независимость нашей славной Советской Родины!

Да здравствуют Героическая Красная Армия и славные партизаны и партизанки!

Брасовский РК ВКП(б) и исполком райсовета депутатов трудящихся.

ИСТОЧНИК: Партизаны Брянщины. Брянск, 1962. С. 391—393.

Документ 7

Листовка ГлавПУРа «Смерть презренному предателю» (июль 1943 г.)

Смерть презренному предателю!

Бывший советский генерал Власов оказался холуем и шпионом немцев. Немецко-фашистские жулики трубят на весь мир о том, что у них подвизается генерал А. Власов, который якобы создает русскую армию на территории, оккупированной немцами.

Кто такой Власов?

Власов — подлец и предатель, продавшийся немцам. В 1937—1938 годах Власов участвовал в троцкистском заговоре против народа и вместе с другими врагами народа пытался загубить нашу Родину. Власов является активным участником контрреволюционной троцкистской организации, которая вела тайные переговоры с немцами и японцами о продаже им советских земель: Советского Приморья и Сибири — японцам, Советской Украины и Белоруссии — немцам. Когда советским органам стало известно о заговорщической деятельности Власова, он был привлечен к ответу. К этому времени контрреволюционная банда троцкистов была раздавлена и уничтожена. Привлеченный к ответу Власов делал вид, будто он раскаялся, и вымаливал прощение. Советское правосудие простило Власову его преступления и дало возможность

искупить свою вину работой в рядах Красной Армии против немецких захватчиков.

Летом 1941 года обманщик Власов нарушил военную присягу, сдался под Киевом в плен немцам, пошел в услужение к немецким фашистам, завербовался как шпион и провокатор.

Это было второе тягчайшее преступление Власова перед своей отчизной. Его раскаяние оказалось фальшивым. Двурушник Власов обманул советский народ. Власов был и остался презренным изменщиком.

Возвратясь по заданию немецкой разведки из-под Киева, шпион Власов объявил, будто бы вышел из окружения. Ему дали возможность доказать свою невиновность в боях против немцев на Западном фронте. Боясь, что его уличат как клятвопреступника и предателя, изменник Власов не решался здесь некоторое время вести свою преступную деятельность провокатора и шпиона. Попав позже на Волховский фронт, гитлеровский шпион Власов завел по заданию немцев части нашей 2-й ударной армии в немецкое окружение; погубил много советских людей, а сам перебежал к своим хозяевам — к немцам. С этого времени Власов полностью разоблачил себя как гитлеровский шпион, предатель и убийца советских людей.

Злодей Власов продал все: и Родину, и честь.

Немцы тысячами и тысячами убивают советских людей, а иуда Власов выдает немецко-фашистских захватчиков за благодетелей.

Немцы уводят тысячами и тысячами наших братьев и сестер на гитлеровскую каторгу, в немецкое рабство, а предатель Власов называет немцев освободителями.

Немцы заливают кровью и пытаются навечно закабалить Украину, Белоруссию, Молдавию, Литву, Латвию, Эстонию, русские земли. Они разрушают культуру наших народов, порабощают советских людей, а негодяй Власов считает немцев друзьями.

Вот почему немцы поднимают на щит Власова и помогают ему сколотить несколько отрядов из таких же негодяев, как он сам, чтобы бросить их против Красной Армии! Вот почему немцы помогают предателю Власову насильно, обманным путем загонять в его отряды граждан оккупированных фашистами советских райо-

нов и кое-кого из военнопленных, которые не будут воевать против своих братьев и при первом же случае перейдут на сторону Красной Армии.

Как бы ни орали гитлеровцы о своем холуе Власове, как бы ни тужился немецкий шпион Власов, но армии никакой у него нет и не будет. А созданные при помощи немцев банды Власова рассыплются при первом же столкновении с нашими войсками.

Отъявленный негодяй и предатель, продажный изменник, немецкий шпион — вот кто такой Власов.

Смерть презренному предателю Власову, подлому шпиону и людоеду Гитлера!

ИСТОЧНИК: Соколов Б.В. Оккупация. С. 187—189.

Приложение 4 (документы советских партизан)

Документ 1

Секретарю Калининского обкома ВКП(б)
тов. Воронцову
от секретаря Себежского РК ВКП(б)
комиссара п/бригады № 5 Кулеша А.С.

Докладная

Считаю необходимым доложить Вам о делах 10-й (Красногородской) партизанской бригады, хочу указать лишь на то, что в течение полугода я установил личным наблюдением.

1. Судя объективно, по действиям, бригада проявляет паническую трусость перед врагом: только этим можно объяснить такие факты, как оставление без боя д. Горюшино, Брашкин Бор и др. Себежского р-на, которые были сожжены 14 полицейскими, как отказ от боевой поддержки соседей (26 мая в д. Козаково) и отсиживание, когда другие бригады вели бои с противником до последнего патрона (18 июня в Аф. Слободе) и т.д.

2. Бригада не оправдывает своего назначения, как бригада Красногородского р-на она все время околачивается в пределах

Себежского р-на и БССР, причем продолжительное время было так, что отряды находились в сев. части Себежского р-на, а командование бригады сидело в Белоруссии, за 100 км от отрядов.

3. Неизвестно, по каким причинам (желая иметь большую бригаду или создать основания для отсиживания и жалоб) командование провело широкомасштабную и бестолковую мобилизацию, собрало несколько сот безоружных людей, а потом встал вопрос: что делать? Вооружить на месте или вывести за линию фронта невозможно, распустить по домам — значит поставить под верный удар врага, содержать в бригаде трудно материально, да к тому же это связывает и людей вооруженных.

Все-таки часть распустили по домам, а около 400 человек и сейчас болтается без дела. Можно представить их настроение!

4. Но наиболее безобразно бригада ведет себя по отношению к населению. «Политику» в области заготовок вершит некто Миронов, которого они подхватили и посулили ему пост председателя райсовета Д.Т. Обыски и обирание населения стали массовым явлением. Больше того, в мае м-це (число не помню) бригада сожгла дер. Столбово и еще одну (название не помню) под тем предлогом, что немцы хотели якобы поставить в этих деревнях свои гарнизоны. Но сделано это было ночью и без предупреждения населения. Этой «Операцией» возмущены не только население, но и партизаны.

В результате всех этих дел бригада сыскала себе дурную славу, слово «Десятка» (как ее именуют все) стало синонимом самого плохого.

Неудивительно, что честные командиры и бойцы бригады чувствуют себя очень неудобно и готовы сбежать из бригады.

Необходимо отметить, что все дела в бригаде вершит Вараксов, по какому-то недоразумению ставший комбригом.

Секретарь РК и комиссар бригады т. Козлов занимает неизвестно по каким причинам политику невмешательства, ведет себя по-обломовски — невозмутимо и спокойно.

Немедленно необходимо оздоровить бригаду. И для этого необходимо назначить новое командование, ибо Вараксов и Козлов не могут выправить положения.

ИСТОЧНИК: ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 240. Л. 16—17.

Документ 2

Политдонесение комиссара партизанской бригады № 5 (Себежской) за июнь 1943 г.

Обстановка исключительно тяжелая, и она порождает у населения большие колебания и беспрерывную борьбу настроений. Касаясь этого вопроса, необходимо отметить, что настроение населения значительно портят неправильные, по существу антипартизанские отношения к населению других бригад, особенно 3-й и 10-й. Имея др. районы действия (Опочецкий и Красногородский), эти бригады с декабря 1942 г. полностью живут за счет нашего р-на. Да частично урывают и белорусские бригады, спецгруппы, это кроме нашей и 4-й, которые закреплены за районом. Пока брали общественный скот, вторых коров, пока был молодняк и мелкий скот (овцы, свиньи), крестьянин мирился. Но за последнюю корову он держится всеми силами как единственный источник питания семьи. Но разве будут с этим считаться бригады, не отвечающие за район? Конечно нет! Им надо мясо, и они берут, и без всякого разбора берут не только у населения, живущего под гарнизонами, но и у того, которое ушло от немцев в лес под нашу защиту. Многие такие деревни (Белогурово, Черново и др.) остались без скота. Эти неправильные действия сопровождаются, кроме того, другими безобразными поступками и даже избиением населения. Так, например, в ночь на 12 июня партизаны 4-й белорусской бригады забрали скот у населения д. Бологиники, издевались над населением и избили гр. Муханова А.И. В ночь на 18 июня партизаны 3-й Калининской бригады забрали скот у населения д. Анинск, а чтоб население не узнало, куда идти искать его, обстреляли, а назавтра, когда население все-таки узнало и пришли просить возвратить скот, то его посадили в баню (в д. Черенской). И такие факты не единичны. Кроме того, обыски, под предлогом поисков оружия и военного имущества, и обирание населения стало обычным явлением. Все это очень вредно отражается на настроении населения, вызывает законное недовольство его.

5—10 июля 1943 г.

Комиссар Себежской п/бригады № 5 /Кулеш/.

ИСТОЧНИК: ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 25—26.

Документ 3

Представителю ЦШПД на Калининском фронте
т. Рыжикову
от капитана тов. Дорош Захара Л.

РАПОРТ

Доношу до Вашего сведения о том, что 18.6.43 г. я был снят из должности нач. штаба бригады № 10 ком. бригады тов. Вараксовым за то, что я ему не помогал заниматься очковтирательством о проделанной работе бригады. За то, что я 18.6.43 г. не дал его жене свою верховую лошадь, за то, что я ему сказал, что я все доложу в штаб тов. Рыжикову.

Кратко доложу о тов. Вараксове. Во-первых, т. Вараксов систематически занимается ложными данными о проделанной работе бригады. Тов. Вараксов в каждом своем донесении Вам писал все ложные данные о боевой и политработе. Тов. Вараксов давал Вам неправильные радиограммы о спущенных воинских эшелонах, о взятых трофеях, количестве убитых, пленных, разбитых гарнизонах, о месте нахождения своего штаба и много другого. Тов. Вараксов скрывал о количестве боеприпасов и вооружения (где давал Вам неправильные Р.С.). Тов. Вараксов плохо занимался теми партизанами, которые занимались мародерством. Тов. Вараксов сидел около 5 месяцев в Белоруссии и только упаивал представителей, т.е. держал около себя двоих старшин специально для того, чтобы гнать самогон. Тов. Вараксов держит у себя 4 лошади, которую одну из них кормит только одной мукой и хлебом. Тов. Вараксов расформировал 3-й отряд и почти всех командиров снимал из должности и потом через 1—2 месяца назначал обратно. Тов. Вараксов грубо относится к личному составу бригады, командный состав не хочет с ним работать. Тов. Вараксов сжег 3 деревни, около 70 домов, которые были ни в чем не винные, из этих горевших деревень 20 человек пошли в полицию в гарнизон Мозули.

Тов. Вараксов заставил бригадного врача сделать себе аборт, где сейчас лежит больная.

А поэтому прошу Вашего разрешения о вылете меня к Вам лично для доклада о безобразиях тов. Вараксова, о его очковти-

рательстве и ложных данных. Я жду Вашего ответа в 3-й бригаде тов. Ковальчука.

Капитан Дорош.
29.3.43 г.

ИСТОЧНИК: ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 583. Л. 14—15.

Документ 4

Уполномоченному от ЦШПД на Калининском фронте
тов. Ковальчуку
от капитана Дорош З.Л.

РАПОРТ

Тов. Вараксов сжег 3 деревни — Луги, Столбово и Козлово, общее число 70 домов. Деревню сжигали, не предупредили никого из населения, а уже когда дома горели, бегают бойцы и кричат, поднимайтеся, вы горите, население не успело вынести своих вещей, даже некоторые обгоревшие выскакивали из домов. Люди разошлись по селам и стали рассказывать, что делают партизаны 10-й Калининской бригады, что не только сжигают немцы, а даже и партизаны. Из этих деревень 20 мужчин пошли в гарнизон Мозули и поступили в полицию, получили оружие и ходят, делают засады на партизан, вот какая политическая воспитательная работа тов. Вараксова среди мирного населения. Тов. Вараксов не принимает никаких мер к мародерам, некоторые партизаны ломают пчел, раскапывают ямы с вещами крестьян, берут лошадей и пропивают, берут у кого попало скот или ломают в ночное время замки и забирают коров и этим делают недовольствия между крестьянами и партизанами.

Тов. Вараксов занялся лично своим хозяйством, а не партизанской борьбой, у него в деревне Мылинки имеется лично для него 25 коров, только по его указанию делают для него масло, сыр, сметану, у него имеется 4 патефона, одна веломашина, 4 лошади, из них на одну лошадь специально держит одного человека и только кормит одной мукой.

ИСТОЧНИК: ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 583. Л. 19 об.—20 об.

Приложение 5 (образцы поэтических произведений периода оккупации)

Стихотворение 1

СССР

Земля многострадальная,
Распутья сел, полей...
Над ними безначальная
Тоска глухих ночей.
Темница вековечная,
Где тешится палач,
Где радость — скоротечная
И не смолкает плач.
Земля долготерпения,
Невыплаканных слез,
Кто счел твои мучения?
Кто бремя твое снес?
Какую душу чуткую
Твой мрак не удручал?
Кто, повесть твою жуткую
Читая, не стонал?
Но пробил час решительный
И над тобой взошел
День счастья упоительный
И рухнул произвол.
Развейтесь, тучи черные!
Пройдите, злые сны!
Отходят дни позорные
Загубленной страны.

Стихотворение 2

НКВД

Проклятый зверь — НКВД,
Питомец Сталина-злодея.
Как злой вампир, ты пил везде
Людскую кровь, отродье змея.

Наемник, раб, ты, стыд поправ,
И честь, и совесть, смотришь гордо,
И всем грозит, как злой удав,
Твоя оскаленная морда.
Мильонами невинных жертв
Твоя усеяна дорога,
И в день, когда ты будешь мертв,
С молитвой все прославят Бога.

Стихотворение 3

Прощание с матерью
В. Шамров
Тишина. От тлеющей лучины
Томный свет по горнице идет.
Мать, не плачь, расправь на лбу морщины,
Ухожу я, долг меня зовет.
Мать, не плачь, утри косынкой слезы,
Погляди на сына веселей.
Очень скоро отгрохочут грозы
Над любимой Родиной моей.
Не один я взял винтовку в руки —
Много добровольческих полков
Ринулось спасать страну от муки,
От ярма жидов большевиков.
Я один из тех, кто любит землю,
Вольный труд и желтый шелест нив.
Русь зовет, ее призыву внемля,
Отпусти меня, благословив.

ИСТОЧНИК: За свободу (г. Смоленск). — 1942. — 25 июня.

Стихотворение 4

Иосиф-Мороз
Вглядись, молодица, смелее,
Каков я, Иосиф-Мороз!
Навряд тебе парня страшнее

И злее видать привелось!
Богат я, казны не считаю,
Народ же не видит добра.
Я царство мое обираю,
Кричать заставляю «ура!».
Задумаю я, непокорных
Надолго упрячу под гнет,
Построил я цепи стальные,
И ими скрутил я народ.
Люблю я в глухих казематах
Людей и душить и давить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.
А честному люду на горе
И всем непокорным на страх
Гоню я людей без разбору
На муки и смерть в лагерях.

ИСТОЧНИК: Голос народа. — 1942. — 15 ноября.

Стихотворение 5

Под свободные знамена
Добровольческих полков
От Кубани и до Дона
Шли отряды казаков.
Не за власть кремлевской клики —
Тунеядцев и жидов, —
За народ казачьи пики
Будут бить большевиков.
За поруганную церковь,
За расстрелянных отцов.
За погибших в тридцать третьем
Всех кубанцев и донцов.
За спаленный край казачий,
За станицы, хутора.
За детей и женщин плачи
Отомстить пришла пора.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Вся правда о войне

Ермолов Игорь Геннадьевич

ПОД ЗНАМЕНАМИ ГИТЛЕРА
Советские граждане в союзе с нацистами на оккупированных территориях РСФСР в 1941—1944 гг.

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*
Корректор *С.В. Цыганова*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 12.07.2013. Формат 84×108 $^1/_{32}$.
Гарнитура «KudrashovC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 14,5. Тираж 3000 экз. Заказ С-2033.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

ВСЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ

Тема коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны является одной из самых острых и злободневных. Сотрудничество с врагом считается самым тяжким преступлением во всем мире. Потому так важен точный ответ на вопрос о численности предателей, ведь и по сей день не утихают споры о количестве советских граждан, сотрудничавших с врагом в годы войны.

Каковы были мотивы этих людей, были ли они предателями и есть ли им оправдание? Новая книга И.Г. Ермолова даст мотивированный ответ на эти вопросы и расскажет о судьбах российских коллаборационистов.

ISBN 978-5-4444-1195-7

